И. Г. КОНОВАЛОВА
В. Б. ПЕРХАВКО

Древняя Русь и Нижнее Подунавье

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF WORLD HISTORY INSTITUTE OF RUSSIAN HISTORY

I.G. Konovalova, V.E. Petrukhovo

OLD RUS' AND THE LOWER DANUBE REGION

•MOSCOW•
•PAMYATNIKY ISTORICHESKOY MYSLI•
•2000•

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

И.Г. Коновалова, В.Б. Перхавко

ДРЕВНЯЯ РУСЬ И НИЖНЕЕ ПОДУНАВЬЕ

•МОСКВА•
•ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ•
•2000•

ББК 63.3(0)
К64

Издание осуществлено при содействии
Российского гуманитарного научного фонда
Код проекта 99-01-16225д

Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.

К64 Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 272 с., илл.

ISBN 5-88451-084-5

В монографии впервые в отечественной и зарубежной историографии на основе комплексного анализа письменных, археологических и картографических материалов реконструированы политические, торговые и этнокультурные контакты Руси с нижнедунайским регионом в X–XII вв. Значительное внимание авторы уделили истории и локализации дунайских градов, упомянутых в древнерусских летописях и находящихся на территории Болгарии и Румынии. В приложении даны комментированные переводы ряда средневековых источников.

ББК 63.3(0)

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08 07.99

Подписано в печать 10.03.2000. Формат $60\times90^{1}/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 19,5. Усл. печ. л. 17,5

Тираж 1000 экз Заказ 1814

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер , 6

ISBN 5-88451-084-5

© И Г Коновалова, В.Б Перхавко, 2000
© В Ю. Яковлев. Оформление, 2000
© Институт росссийской истории РАН 2000.
© Институт Всеобщей истории РАН, 2000

Введение

Дунай (Ἴστρος, Истр) – вторая по протяженности (2580 км) река в Европе – издавна использовался как важнейшая транспортная артерия не только населением Дунайского бассейна, но и народами, проживавшими на некотором удалении от него, в том числе и восточными славянами. В IX–XIV вв. Древняя Русь поддерживала самые разнообразные контакты – политические, экономические, этнокультурные – практически со всеми регионами Подунавья. Однако в связи с тем, что в эпоху средневековья сквозная навигация по всему течению реки не осуществлялась, рассмотрение связей Древней Руси с Подунавьем целесообразно вести по отдельным историко-географическим регионам. Традиционно выделяются три участка Дунайского бассейна: 1) Верхний Дунай, протяженностью 970 км (от истоков на восточных склонах гор Шварцвальда в Западной Германии и до г. Вены); 2) Средний Дунай – 949 км (от Вены до Железных Ворот на стыке границ Сербии с Болгарией и Румынией); 3) Нижний Дунай – 931 км (от румынского г. Дробета-Турну-Северин и до впадения реки тремя рукавами в Черное море)[1].

Географические рамки настоящей работы охватывают все нижнее течение Дуная – важный в военно-стратегическом, политическом и экономическом отношении регион, тесно связанный с Древней Русью. В ряде случаев в целях сопоставления привлекаются также материалы, которые относятся к районам, прилегающим с севера и юга к Нижнему Подунавью: центральной части Болгарии, Добруджи, бассейна р. Прут.

Нижнее Подунавье в IX–XIII вв. непосредственно примыкало к юго-западным пределам Руси. Находясь на перекрестке крупных международных торговых коммуникаций и на пути из Восточной Европы к Византийской империи и ее столице Константинополю, район Нижнего Подунавья неизменно привлекал внимание великих киевских князей, а затем, в эпоху феодальной раздробленности, и правителей отдельных древнерусских княжеств и земель.

Хорошо известно, что району Нижнего Дуная принадлежало особое место в истории Древней Руси, а также в исторической традиции и эпосе восточных славян. Достаточно вспомнить о неоднократных походах русов на Константинополь в IX–X вв., маршрут которых пролегал через болгарские земли; о настойчивом желании киевского князя Святослава Игоревича перенести центр своей державы на Нижний Дунай; о попытках закрепиться в этом районе, предпринимавшихся в начале XII в. Владимиром Мономахом, а в середине того же столетия – галицким князем

Ярославом Осмомыслом; о деятельности в Нижнем Подунавье князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника в 40–50-х гг. XII в.; наконец, о включении наименований целого ряда нижнедунайских городов в летописный "Список русских городов дальних и ближних" конца XIV в. В последнем, в частности, перечислены города: "А по Дунаю: Дрествинъ, Дичинъ, Килиа"[2]. Разносторонние контакты древнерусских земель с нижнедунайскими областями способствовали тому, что существенный пласт информации о связях Руси и Подунавья отложился именно в древнерусских источниках – летописях (прежде всего, в Повести временных лет и Ипатьевской летописи), "Слове о полку Игореве", эпических произведениях и фольклоре. У восточных славян Дунай стал мифологизированным образом главной реки, с которой были связаны реки Восточно-Европейской равнины[3]. Гидроним "Дунай" использовался в русском эпосе и для наименования самих восточноевропейских рек (Днепра, Дона, Москвы-реки). Подунавье воспринималось древнерусским летописцем как прародина славян, откуда славянские племена расселились в другие районы Европы[4].

Нижнее Подунавье в эпоху средневековья представляло собой одну из характерных контактных зон[5], в ареале которой происходили оживленные межэтнические контакты, сопровождавшиеся взаимодействием элементов разных культур (византийской, восточно- и южнославянской, восточнороманской и кочевнической). Важность района Нижнего Подунавья в военно-стратегическом, политическом и экономическом отношении сделала его ареной столкновения интересов многих средневековых держав IX–XIV вв. – Древней Руси, Византии, Болгарии, Золотой Орды, Венгрии, итальянских республик, прежде всего, Генуи, а также – в конце этого периода – Валахии и Молдовы. Заметное участие в политических событиях, разворачивавшихся в Нижнем Подунавье, играли кочевые народы Восточной Европы – печенеги, половцы, монголы. Прохождение через территорию Нижнего Подунавья трансконтинентальных торговых путей привлекало туда купцов не только из соседних государств, но и из далеких мусульманских стран.

Неудивительно поэтому, что сообщения о тех или иных населенных пунктах Нижнего Подунавья можно найти в источниках самого разного происхождения – не только в уже упомянутых древнерусских, но и в греческих, латинских, итальянских, арабских.

С длительным политическим господством Византийской империи в Нижнем Подунавье связано обилие информации об этом регионе, содержащейся в византийских источниках (Константин Багрянородный, Лев Диакон, Иоанн Скилица, Анна Комнина, Иоанн Цец, Иоанн Зонара, Иоанн Киннам, Никита Хониат, Георгий Пахимер и др.; документы Константинопольской патриархии; лоции Черного моря). Благодаря настойчивым попыткам католической церкви распространить свое влияние на земли Нижнего Подунавья в источниках XIV в. на латинском языке (прежде всего, в документах монашеских орденов) сохранились

ценные сведения о религиозном облике населения этих мест. Участие городских центров Нижнего Подунавья в международной торговле сделало их известными и в странах Арабского халифата, о чем свидетельствуют сообщения арабских ученых и путешественников X–XIV вв. (ал-Мас'уди, ал-Идриси, Абу-л-Фида, Ибн Баттута). Наиболее ценную информацию об исторической географии Нижнего Подунавья первой половины XII в. можно почерпнуть из сочинения географа ал-Идриси "Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям"), созданного около 1154 г. в Палермо (Сицилия). В более позднее время политические контакты золотоордынских правителей с мамлюкскими султанами Египта способствовали тому, что многие арабские историки-энциклопедисты XIV–XV вв. оставили ценные сведения о политических событиях, происходивших на западных границах Золотой Орды (Рукн ад-дин Бейбарс, ан-Нувайри, ал-'Умари, ал-Калкашанди, Ибн Халдун). Развертывание коммерческой деятельности итальянцев в бассейне Черного моря и, в частности, на Нижнем Дунае в XIII–XV вв. вызвало к жизни появление таких видов источников о нашем регионе как морские навигационные пособия (портоланы и карты), книги о ведении торговли, а также приходно-расходные книги (массарии) и нотариальные акты, составленные в различных причерноморских городах – Килие, Ликостомо, Пере, Каффе.

Подробная характеристика тех или иных источников будет дана по мере изложения в соответствующих главах. Здесь же отметим только, что применительно к изучению истории Древней Руси и ее внешних связей перечисленные выше группы источников разработаны весьма неравномерно[6]. Исследование в этом плане византийских и арабских источников ведется на протяжении длительного времени, благодаря чему имеются публикации и комментированные переводы многих из них на русский язык[7] или специальные источниковедческие работы[8]. Среди латиноязычных источников по нашей теме лучше других исследованы немецкие[9]. Неоднократно издавались переводы на русский язык сочинений западноевропейских путешественников XIII в. Плано Карпини и Гильома Рубрука[10], однако научную ценность этих изданий сильно снижает отсутствие параллельной публикации оригинального текста и развернутого историко-филологического комментария к нему. Практически совершенно неразработанным с точки зрения истории средневековой Руси является такой вид источников, как навигационные пособия, хотя на целесообразность его исследования обратил внимание еще в прошлом веке крупный знаток исторической географии Северного Причерноморья Ф.К. Брун[11]. К счастью, для района Северо-Западного Причерноморья материал средневековых морских лоций и карт обстоятельно изучен болгарскими и румынскими учеными[12], а источниковедческие проблемы средневековой морской картографии рассмотрены в недавно вышедшем обобщающем труде[13]. Вне поля зрения специалистов по отечественной истории все еще остается такой ценный источник,

как оформленные в причерноморских городах итальянские нотариальные акты XIII–XV вв., несмотря на то, что этот материал давно и плодотворно исследуется медиевистами и византинистами как в источниковедческом, так и в конкретно-историческом плане[14], в том числе и по району Нижнего Подунавья[15]. Значение этого вида источников для разработки нашей темы особенно велико, поскольку некоторые нотариальные акты либо были составлены непосредственно в нижнедунайских городах – Килие (в 1360–1361 гг.) и Ликостомо (в 1373, 1383–1384 гг.), либо содержат богатые данные о подунайских центрах, как, например, акты Перы 1281 г., в которых многократно упоминается Вичина.

Первые исследования по истории связей Руси с Нижним Подунавьем были предприняты отечественными учеными еще в XIX в. Известный византинист и славист В.Г. Васильевский в своей работе "Византия и печенеги" поместил небольшой раздел "Русские на Дунае в XI веке", где были рассмотрены сведения об участии Древней Руси в политических событиях на Нижнем Дунае. В другой статье "Древняя торговля Киева с Регенсбургом" он впервые привлек отрывок из переписки византийского ученого и литератора Иоанна Цеца и другие свидетельства источников о дунайской торговле Руси[16].

В большинстве работ, увидевших свет в прошлом веке, рассматривались преимущественно политические события, связанные с контактами Руси с Нижнедунайским регионом, в то время как торгово-экономический аспект отношений Древней Руси и Нижнего Подунавья оставался в тени. Как на свидетельство торговых связей Руси с Подунавьем ученые ограничивались лишь ссылкой на намерение Святослава перенести столицу Руси в Переяславец на Дунае[17]. Попытку Н.П. Дашкевича привлечь в качестве дополнительного источника данные опубликованной в XIX в. грамоты князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. нельзя признать успешной, поскольку по поводу ее достоверности уже тогда высказывались серьезные сомнения[18].

Впоследствии вопрос о нижнедунайских связях Древней Руси привлекал внимание многих отечественных исследователей, однако ни разу не становился предметом специального монографического рассмотрения. В работах Ю.В. Готье, В.В. Мавродина и Н.Ф. Котляра, составивших достаточно полную сводку древнерусских письменных известий о связях Руси с Подунавьем, большое внимание уделено роли восточнославянских элементов (летописных берладников и бродников) в жизни Нижнего Подунавья, но почти не затрагиваются вопросы развития торговых отношений Руси с этими землями[19]. Некоторые данные письменных источников о торговле с Нижним Подунавьем приводятся в обзоре истории внешнеторговых связей Древней Руси А.П. Новосельцева и В.Т. Пашуто[20], а также на более широком фоне в фундаментальном труде В.Т. Пашуто по истории внешней политики Древней Руси. Торгово-экономическое значение дунайских походов киевского князя Святослава 967–971 гг. было рассмотрено А.Н. Сахаровым в рамках исследо-

вания по истории дипломатии Древней Руси[21]. Ряд наблюдений, касающихся торговой деятельности русских купцов на Дунае, был сделан Б.А. Рыбаковым, который впервые в отечественной историографии привлек к рассмотрению сведения арабского географа ал-Идриси о русско-болгарских торговых связях[22]. Данные древнерусских и византийских источников о взаимоотношениях Руси с южнославянскими землями, особенно с Болгарией, проанализированы в работах Н.С. Державина[23], М.Н. Тихомирова[24], Г.Г. Литаврина и М.В. Бибикова[25].

На базе письменных источников вопрос о связях Древней Руси с городами и в целом районом Нижнего Подунавья рассматривался в болгарской (И. Сакызовым[26], В. Хаджиниколовым[27], В. Тыпковой-Заимовой[28], Е. Тодоровой[29], П. Павловым[30]) и румынской (Г. Безвикони[31], Е. Франчес[32], П. Дьякону[33]) исторической литературе.

Очевидно, что ввиду ограниченной источниковой базы с помощью одних лишь отрывочных письменных свидетельств всесторонне и полно исследовать все аспекты отношений Руси с Нижним Подунавьем практически невозможно. Развернувшиеся в послевоенные годы широкие раскопки средневековых дунайских центров на территории Болгарии и Румынии позволили привлечь для изучения данной проблемы массовый археологический материал. О находках на Нижнем Дунае отдельных вещей древнерусского происхождения упоминается в нумизматическом исследовании В.М. Потина[34]. Более полно они рассмотрены в обобщающем труде Г.Б. Федорова и Л.Л. Полевого по археологии Румынии[35]. В работе молдавских археологов говорится о некоторых археологических находках, свидетельствующих о торговле древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья с нижнедунайскими центрами[36]. Но специального исследования по этой теме в отечественной историко-археологической литературе пока нет.

Интерес к изучению истории взаимоотношений Руси с Подунавьем проявили румынские археологи. Еще в середине 50-х гг. И. Барня опубликовал две статьи о связях Руси с Нижним Подунавьем, основанные главным образом на материалах раскопок одного из средневековых дунайских центров – Гарвэн-Диногеции[37]. В работах В. Спинея рассматриваются археологические свидетельства о торговых контактах Руси с Молдовой, непосредственно примыкавшей к Нижнему Подунавью[38]. Находки древнерусских вещей перечисляются и в монографических публикациях материалов раскопок важнейших дунайских торговых центров – Диногеции и острова Пэкуюл-луй-Соаре[39], а также в публикациях, посвященных истории других нижнедунайских городов[40]. Сводку находок древнерусских ремесленных изделий с территории Румынии опубликовала М. Комша[41].

Несмотря на наметившийся в последние годы определенный сдвиг в изучении интересующего нас вопроса – прежде всего благодаря усилиям археологов – в историографии до сих пор нет достаточно полной картины истории зарождения и дальнейшего развития вплоть до XIV в. тор-

гово-экономических, политических и этнокультурных связей Руси с Нижним Подунавьем.

При написании данной монографии были использованы наблюдения и выводы, имеющиеся в предыдущих публикациях авторов: это исследования И.Г. Коноваловой, посвященные арабским и итальянским источникам XII–XIV вв. по истории Днестровско-Дунайских земель, ранней истории Килии, городам Нижнего Подунавья в золотоордынский период[42]; работы В.Б. Перхавко по исторической географии Нижнего Подунавья, по проблеме формирования древнерусского купечества, а также различным аспектам торгово-экономических связей Древней Руси с балканскими странами[43].

Настоящее исследование не претендует на охват всего комплекса проблем, связанных с многоплановыми отношениями Древней Руси с регионом Нижнего Подунавья. Предлагаемая вниманию читателя книга является по преимуществу историко-географическим исследованием. Внимание авторов будет сконцентрировано на истории политических, торгово-экономических и этнокультурных связей Руси с теми нижнедунайскими центрами, которые упоминаются в древнерусских летописных источниках (Повести временных лет, Новгородской Первой летописи старшего извода, Лаврентьевской летописи, Ипатьевской летописи, "Списке русских городов дальних и ближних" в летописях и рукописных сборниках XV–XVII вв.), – Киевцем, Переяславцем, Дерестром, Берладью, Дичином, Килией.

Реконструкция картины взаимоотношений Руси с городами Нижнего Подунавья основывается на комплексном изучении сведений, извлекаемых из всех видов источников – письменных (нарративных, актовых, картографических[44]), археологических[45], нумизматических, сфрагистических, фольклорных и эпических (исторические предания и легенды, былины), лингвистических (топонимический материал). Письменные источники использованы авторами, за редким исключением, в оригинале (с привлечением их переводов на русский и другие европейские языки), а также – по возможности – в новейших изданиях.

Историко-географический характер исследования предопределил большое внимание, которое авторы уделили спорным вопросам локализации ряда нижнедунайских городов – Киевца, Переяславца, Дичина. Примененная в этих целях методика включает, во-первых, сопоставление данных о том или ином пункте, почерпнутых из письменных, археологических, нумизматических, фольклорных, лингвистических источников; во-вторых, вычленение разновременных пластов информации в отдельных видах источников, например, летописных и картографических; в-третьих, выявление исторической основы легендарных сведений.

Хронологические рамки исследования по преимуществу ограничены X–XIV вв. В то же время при разработке ряда вопросов (например, при анализе спорных проблем локализации отдельных нижнедунайских городов или при рассмотрении летописной легенды об основании Киев-

ца на Дунае полянским князем Кием) использованы и более ранние материалы, восходящие к эпохе античности, а также данные западноевропейских карт XV–XVIII вв.

Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность всем, кто советами, замечаниями и просто дружеским участием помогал им в работе – коллегам из Института российской истории РАН, Института всеобщей истории РАН, Института археологии РАН, Института славяноведения РАН, Ивановского госуниверситета, особенно М.В. Бибикову, А.А. Горскому, Н.В. Кузьменко, Г.Г. Литаврину, А.В. Назаренко, А.В. Подосинову, Д.И. Полывянному, Я.Н. Щапову. Мы также сердечно благодарим наших коллег из Болгарии, Молдовы и Румынии за консультации и содействие в получении новейшей литературы и информации – Й. Алексиева, С. Ангелову, Г. Атанасова, Л. Дончеву-Петкову, И. Барню, П. Дьякону, И. Йорданова, А. Кузева, Г. Мэнуку-Адамештяну, П. Павлова, Н.Д. Руссева, В. Спинея. В работе с археологическими материалами из Венгрии и Сербии ценную помощь нам оказали Ст. Душанич, Ж. Ловаг, Г. Марьянович-Вуйович, Е. Симонова, И. Эрдели, Дж. Янкович.

Работа над настоящим исследованием осуществлялась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 96-01-00049).

Введение и заключение к книге написаны И.Г. Коноваловой и В.Б. Перхавко, главы 1–4, 9 – В.Б. Перхавко, главы 5–8 – И.Г. Коноваловой. Приложение, содержащее комментированные переводы арабских и итальянских источников, подготовлено И.Г. Коноваловой.

Примечания

[1] О Дунае в целом, а также о дунайской торговле и навигации в эпоху средневековья см.: *Loehr A.R.* Beiträge zur Yeschichte des mittelalterlichen Donauhandels // Oberbayerisches Atchiv Für vaterländische Geschichte. 1916. Bd. 60; *Fluss M.* Donaufahrten und Donauhandel im Mittelalter und in neueren Zeiten. Leipzig; Prag, 1920; *Hajnal H.* The Danube. Its historical, political and economic importance. Hague, 1920; *Bastian F.* Die Legende vom Donauhandel im Frühmittelalter // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1929. Bd. 22. H. 3/4. S. 289–332; *Brandl L.* Die Entwicklung der Schiffahrtstrasse der Donau. Hamburg, 1940; *Kowalenko W.* Dunaj // SSS. T. I. Cz. 2. S. 404–406; *Максаковский В.П.* Большой Дунай. М., 1963. С. 3–4; Пловидба на Дунаву и његовим притокам кроз векове. Београд, 1983; *Сергеева Н.А., Насековский Р.Л.* Дунай – река дружбы. Изд. 5-е. Одесса, 1983; *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 17–55, 134–136.

[2] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 29, 65, 67, 69–70, 72, 291; М., 1998. Т. 2. Стб. 8, 20, 53, 55, 57, 59–60, 283–284, 505, 573; НПЛ. С. 475. О датировке "Списка" см.: *Наумов Е.П.* К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближ-

них" // ЛХ, 1973 г. М., 1974; *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // ИЗ. 1952. Т. 40 (=*Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979); *Янин В.Л.* К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русским, далним и ближним" // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 125–134.

[3] О дунайских элементах в восточнославянском фольклоре и эпосе подробнее см.: *Jagič V.* Dunav – Dunaj in der slavischen Volkspoesie // Archiv für slavische Philologie. 1876. Bd. 1. S. 289 – 333; *Балашов Д.М.* Дунай // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 95–114; *Мачинский Д.А.* "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 110–171; *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дунай // Мифологический словарь. М., 1990. С. 197–198.

[4] О "дунайской прародине" славян см.: *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М., 1973; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян. М., 1991. С. 34–41; *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994. С. 8–14; *Петрухин В.Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995. С. 7–40 (здесь же историография вопроса); *Он же.* Дунайская предыстория славян и начальная Русь // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997. С. 139–144; *Ведюшкина И.В.* "Нарцы еже суть словене" // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. Материалы к конференции. М., 1998. С. 13–16.

[5] О терминологическом значении понятия "контактная зона" см.: *Королюк В.Д.* Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе // *Королюк В.Д.* Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985. С. 46–69; *Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994; *Она же.* К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995. С. 42–61; *Она же.* Контактные зоны и зоны контакта: Сходство и различия // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 1999 г. Материалы к конференции. М., 1999. О контактных зонах Восточной Европы, помимо двух указанных выше сборников, см. проблемную статью С.Г. Агаджанова (*Агаджанов С.Г.* Контактные зоны Восточной Европы: Узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996. М., 1997. С. 5–36).

[6] Общий очерк изучения иностранных источников по истории Древней Руси см.: Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.

[7] Анна Комнина; Книга Эпарха; Константин Багрянородный; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980 ("Древнейшие источники по истории народов СССР"); *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1988; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997 ("Древнейшие источники по истории Восточной Европы"); *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских; *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых

Арабского халифата. М., 1988 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").

[8] *Поляк А Н* Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Вып. I. С. 29–66; *Бибиков М В* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ, 1980 г М., 1982. С. 5–151. *Он же.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999; *Коновалова И Г* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991. С 5–115; *Она же* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.

[9] Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в. / Сост., пер., коммент. М.Б. Свердлова. М ; Л , 1989; *Назаренко А В* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 ("Древнейшие источники по истории Восточной Европы").

[10] Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957 и др. издания.

[11] *Брун Ф К* Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879–1880. Т. I–II С тех пор в отечественной историографии появилась лишь одна работа, специально посвященная источниковедческому аспекту изучения сведений, которые содержатся в навигационных пособиях о районе Нижнего Подунавья. *Коновалова И Г* Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 35–50. В средневековых западноевропейских и византийских картах мира (*mappae mundi*) информация о Дунае очень скудна и имеет слишком общий характер (см.: *Чекин Л С* Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999).

[12] *Grămadă N* La Scizia Minore nelle carte nautiche del medio ev o: Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea // Ephemeris Dacoromana. 1930 T 4, *Popescu-Spineni M.* România în istoria cartografiei pînă la 1600. Buc., 1938 V 1–2, *Idem* România în izvoare geografice şi cartografice: Din antichitate pînă în pragul veacului nostru. Buc., 1978, *Năsturel P. Şt.* Aşezarea oraşului Vicina şi ţărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec // SCIV. 1957 T. VIII. N 1–4, *Cihodaru C.* Litoralul de apus al Mării Negre şi cursul inferior al Dunării în cartografia medievală (sec XII-XIV) // Studii 1968 N 2, *Koledarov P* West Black Sea Coast Ports in the Late Middle Ages (14–16 Centuries) listed on nautical Charts // EH 1970. T. V; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и Секретния архив на Ватикана (IX–XVII в.) / Съст А Джурова и Б. Димитров. София, 1978; *Todorova E* More about Vicina and the West Black Sea Coast // EB. 1978. T XIV. N 2, *Eadem* Medieval Genoese nautical cartography on the West Black Sea Coast // EB. 1981. N 2; *Eadem* Au sujet de la géographie historique du delta danubien // EB 1986. N 1; *Она же* Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // ИСССР. 1989 № 1. С 170–184; *Димитров Б* Българските пристанища в XIII и XIV в. според два средновековни портолана // Археология. София, 1979. Кн. 1; *Он же* България в средновековната морска картография. XIV–XVII век. София,

1984; *Dumitriu-Snagov I.* Borgiana V şi Borgiana VIII: două hărţi italiene din Renaştere şi localizarea Vicinei pe Dunăre // RI. 1979. T. 32. N 10; *Лаков Л.* Учебен факсимиле-атлас картографиране на Българските земи през вековете (до XVIII век). София, 1984. Ч. I. N 2 и др.

[13] *Campbell T.* Portolan Charts // The History of Cartography. Chicago – London, 1987. Vol. 1: Cartography in prehistoric, ancient and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward См. также: *Гусарова Т.П.* Картография // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 230–275.

[14] Среди работ отечественных исследователей следует выделить, прежде всего статьи и монографии С.П. Карпова, из которых здесь назовем лишь наиболее существенные для нашей темы: *Карпов С.П.* Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38. С. 38–47; *Он же.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990; *Он же.* Путями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М., 1994 (в обеих монографиях см. также источниковедческие обзоры и богатую историографию вопроса); *Он же.* Источники по истории Причерноморья и Древней Руси в итальянских архивах // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1994. № 1. С. 3–16.

[15] *Brătianu G.I.* Vicina, I // Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumain. 1923. V. X; *Idem.* Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). Buc., 1927; *Câmpina B.T.* Despre rolul genoveziłor la gurile Dunării în secolele XIII–XIV // Studii. 1953. N 1; *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). Genova, 1971 (Collana storica di fonti e studi diretta da G. Pistarino, 12); *Airaldi G.* I Genovezi a Licostomo nel sec. XIV // Studi medievali. 1972. T. XIII; *Raiteri S.* Atti rogati a Licostomo da Domenico da Carignano (1373) e Oberto Grassi da Voltri (1383–1384) // *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973 (Collana storica di fonti e studi diretta da G. Pistarino, 14); *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Buc., 1975. T. II; *Idem.* Notes sur les ports du Bas-Danube au XIVe siècle // Südost-Forschungen. 1979. Bd. XXXVIII; *Idem.* Gênes et l'Outre-Mer. T. 2: Les Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. Paris, 1980; *Giurescu C.C.* The Genoese and the Lower Danube in the XIIIth and XIVth Centuries // JEEH. 1976. N 3; *Iliescu O.* Nouvelles éditions d'actes notariés instrumentés au XIVe siècle dans les colonies génoises des bouches du Danube: Actes de Kilia et de Licostomo // RESEE. 1977. T. XV. N 1; *Baraschi S.* Tatars and Turks in Genoese Deeds from Kilia (1360–1361) // RESEE. 1987. N 1; *Gjuzelev V.* Medieval Bulgaria. Byzantine Empire. Black Sea – Venice – Genoa. Villach, 1988; *Коновалова И.Г.* Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГ. 1987 г. М., 1989. С. 301–309; *Она же.* Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360–1361 гг.) // Известия АН МССР. Сер. общ. наук. 1989. № 1. С. 14–21.

[16] *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги // ЖМНП. 1972. Ч. 164 (декабрь). С. 122–134; *Он же.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // Там же. 1888. Ч. 257 (июль). С. 121–150.

[17] См., например: *Кулаковский Ю.А.* Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата? // ВВ. 1897. Т. 4. Вып. 3–4. С. 315–336.

[18] *Дашкевич Н П* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 369–381.

[19] *Готье Ю В* Русские на Балканском полуострове в XI–XIV вв. // Ученые записки МГПИ им. К. Либкнехта. Сер истор. 1939. Т. 4. Вып. 2. С. 3–9; *Мавродин В В* Русские на Дунае // Ученые записки ЛГУ. Сер. гуманит. наук. Саратов, 1943. № 87. С. 3–18; *Котляр М Ф* Русь на Дунаі // УІЖ. 1966. № 9. С. 19–22; *Он же* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985; *Князький И О* Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатскихземель (конец IX– сер. XIII в.) Коломна, 1997.

[20] *Новосельцев А П , Пашуто В Т* Внешняя торговля Древней Руси (до сер XIII в.) // ИССР. 1967. № 3. С. 83–86; *Пашуто В Т* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950; *Он же* Внешняя политика Древней Руси. М , 1968.

[21] *Сахаров А Н* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980; *Он же* Дипломатия Святослава. М., 1982 (2-е изд · М., 1991).

[22] *Рыбаков Б А* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 339–358.

[23] *Державин Н С* Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М., 1944.

[24] *Тихомиров М Н* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

[25] *Литаврин Г Г* Болгария и Византия. М., 1960; *Он же* Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С 36–52; *Он же* Византия и славяне. СПб., 1999. С. 421–452.

[26] *Сакъзов И* Българската търговия през XII–XIV век // СБИД. 1922. Год XXI. Кн. 1–2. С. 59–60.

[27] *Хаджиниколов В* Българо-руски стопански отношения и връзки до освобождението ни от турско иго // Трудове на Висшия икономически институт "Карл Маркс". София, 1957 Кн 1. С 33–35. См. также историографический обзор: *Михайлов Е* Българо-руските културни взаимоотношения от края на X до 30-те години на XIII в. в руската и българската историография // ГСУ ФИФ. 1966 Т. LIX (Кн. III. История. Год. 1965); 1967. Т. LX (Кн. III. Год. 1966).

[28] *Тъпкова-Заимова В* Долни Дунав – гранична зона на византийския запад: Към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. София, 1976.

[29] *Todorova E* River Trade in the Balcans during the Middle Ages // EB 1984 N 4. P. 38–50.

[30] *Павлов П* Древнеруските бродници в българската история (XII–XIII в.) // Българо-украински връзки през вековете София, 1983; *Он же* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // Добруджа. 1986. Сб. 3. С. 11–20.

[31] *Bezviconi G* Contribuţii la istoria relaţiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). Buc., 1962.

[32] *Frances E.* Slavii pe pămîntul patriei noastre în veacul al XII-lea // Studii. 1955. T. VIII. N 3; *Idem* Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube // BSl 1959. T. XX. N 1.

[33] *Diaconu P.* Despre situaţia politică la Dunărea de Jos în secolul al XII-lea // SCIVA. 1976. T 27. N 3. P. 293–307.

[34] *Потин В М* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 222–229.

[35] *Федоров Г.Б., Полевой Л.Л.* Археология Румынии. М., 1973. С. 332, 338, 366–367. На более раннем археологическом материале пытался обосновать восточнославянское происхождение населения Нижнего Подунавья – летописных "дунайцев" П.Н. Третьяков (*Третьяков П.Н.* Восточнославянские черты в быту придунайских болгар // СЭ. 1948. № 2. С. 170–183).

[36] Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974. С. 139.

[37] *Barnea I.* Elemente de cultura materială veche ruseasсă şi orientală în aşezărea feudală (secolele X–XII) de Dinogeţia (Regiunea Galaţi) // Studii şi referate privind istoria României. Buc., 1954. T. I. P. 195–227; *Idem.* Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècle // Nouvelles Ètudes d'histoire. Buc., 1955. P. 169–180.

[38] *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia. N.S. 1975. T. XIX. P. 235–242; *Idem.* Moldova în secolele XI–XIV. Buc., 1982. P. 100–111.

[39] *Диакону П.* Крепость X–XV вв. в Пэкуюл-луй-Соаре в свете археологических исследований // Dacia. N.S. 1961. T. V. P. 497; *Diaconu P., Vîlceanu D.* Păcuiul lui Soare. Buc., 1972. T. 1. P. 170–173; *Diaconu P., Baraschi S.* Păcuiul lui Soare. Buc., 1977. T. 2. P. 44; Dinogetia. Buc., 1967. T. 1. P. 100–103.

[40] *Baraschi S.* Despre civilizaţia urbană din Dobrogea în secolele XI–XIV // SCIVA. 1991. T. XLII. N 3–4. P. 133–152; *Mănucu-Adameşteanu Ch.* Noi descoperiri archeologice la Isaccea // Ibid. 1987. T. XXXVIII. N 3. P. 285– 292.

[41] *Комша М.* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V МКСА. М., 1987. Т. III. Вып. 1а. С. 100–110.

[42] *Коновалова И.Г.* Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в.; *Она же.* Торговая фактория в Килие; *Она же.* Сведения о связях Древней Руси и Болгарии в сочинении ал-Идриси (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990. С. 62–64; *Она же.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель; *Она же.* К вопросу о ранней истории Белгорода и Килии // ДГ, 1991 г. М., 1994. С. 224–231; *Она же.* Вывоз зерна из портов Северо-Западного Причерноморья и его значение для экономического развития региона // Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994. С. 108–125; *Она же.* О южных пределах древнерусских княжеств в первой половине XII в. // Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рожд. акад. Д.И. Багалея. Тезисы докл. науч. конфер. 16–18 апреля 1997 г. Харьков, 1997. С. 77; *Она же.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси; *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988. С. 33–45; *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // Evul mediu timpuriu on Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994. С. 70–107.

[43] *Перхавко В.Б.* О торговых контактах Киева с Болгарией в IX–XII вв. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 92–99; *Он же.* Находки энколпионов на территории Югославии // СА. 1987. № 4. С. 206–219; *Он же.* Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987; *Он же.* Переяславец "Повесть временных лет" // Векове. 1988. № 4. С. 20–24; *Он же.* Где же находился дунайский град Переяславец? // BSl. 1994.

T. LV. Fasc. 2. С. 278–290; *Он же.* Летописный Переяславец на Дунае // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 168–182; *Он же.* Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996. С. 70–75; *Он же.* Несколько комментариев к русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 1997 г. М., 1997. С. 57–65; *Он же.* Древнерусские купцы в Подунавье (по археологическим данным) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 209–219; *Perkhavko V.* Russia's Trade with Byzantium's Danubian Provinces in the Eleventh – Twelfth Centuries // Acts of the XVIIIth International Congress of Byzantine Studies. Selected Papers. Shepherdstown, 1996. T. II. P. 13–18.

[44] Помимо материалов, указанных в сноске 12, авторами монографии были изучены карты, хранящиеся в отделах картографии и рукописей Российской государственной библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург), Британской библиотеки (Лондон), Бодлианской библиотеки (Оксфорд).

[45] Археологические находки, свидетельствующие о контактах Древней Руси с Нижним Подунавьем в XI–XIII вв., изучались как по публикациям, так и путем осмотра экспозиций и фондов целого ряда музеев Болгарии и Венгрии. К сожалению, в процессе работы над темой авторам по независящим от них причинам не удалось совершить научные поездки в Румынию и Сербию, с материалами из которых мы ознакомились в основном по литературе, а также благодаря любезной информации наших коллег-историков и археологов из этих стран.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЛЕТОПИСНЫЕ ДУНАЙСКИЕ ГРАДЫ

Глава I

Легендарный град Киевец

В предании об основании Киева и легендарном князе Кие (Кые), помещенном в недатированной части Повести временных лет, его деятельность связывается не только с полянским племенным центром на Среднем Днепре, но и с далеким Подунавьем, где он, возвратившись из Царьграда, также якобы построил небольшую крепость Киевец. Вот как описываются эти события глубокой древности древнерусским летописцем начала XII века: "...Аще бо бы перевозникъ Кии, то не бы ходилъ Ц(а)рюгороду, но се Кии княжаше в роде своемь (и) приходившю ему ко ц(а)рю, якоже сказають, яко велику честь приял (есть) от ц(а)ря, при котором приходивъ ц(а)ри, идущю же ему опять приде къ Дунаеви (и) възлюби место и сруби градокъ мал (и) хотяше сести с родомъ своимъ и не даша ему ту близ живущии, еже и доныне наречють Ду(на)ици городище Киевець" (Лаврентьевская летопись)[1]. В почти идентичной версии легенды в Ипатьевской летописи киевский книжник лишь дополнительно дважды подчеркивает неосведомленность в том, при каком византийском императоре полянский князь путешествовал в столицу империи и Подунавье: "... Сии Кии княжаше в роду своем и приходившю ему къ ц(а)рю, не свемы токмо о семъ, вемы, якоже сказають, яко велику честь приялъ есть от ц(а)ря, которою не вемъ и при котором приходи ц(а)ри..."[2]. В остальном же свидетельство Ипатьевской летописи идентично рассказу Лаврентьевской летописи об основании князем Кием Киевца в Подунавье: "...Идущю же ему опять приде къ Дунаеви и възлюби место и сруби городокъ малъ и хотяше сести с родомъ своимъ и не даша ему близъ живущии еже и дон(ы)не наречють Дунаици городище Киевець"[4].

Проведенная выше вторая часть предания о Кие, повествующая о его путешествии в Константинополь (Царьград), отсутствует под 854 (6362) г. в списках Новгородской первой летописи младшего извода. А в ней, как было доказано А.А. Шахматовым, сохранился Начальный свод 1093–1095 гг., более древний, чем Повесть временных лет[5]. Отсюда следует, что ее составитель Нестор, заимствовав предание о князе Кие из Начальной Русской летописи, в первые полтора десятилетия XII в. дополнил его для подкрепления довода о княжеском происхождении легендарного основателя Киева византийско-дунайским пассажем[6]. Но является ли он, как и весь летописный рассказ о деятельности полянского князя Кия, отражением реальных событий прошлого, отстоящего на много столетий назад от эпохи создания Повести временных лет?

Происхождение Киева давно уже широко и углубленно изучается на базе письменных и археологических источников. Слабее исследована проблема существования его "младшего брата" Киевца. Она неразрывно связана с дискуссионным вопросом об историчности самого основателя Киева, по мнению ряда ученых, личности скорее легендарной, чем реальной[7]. Вот что писал, например, о Кие Б.Д. Греков: "Более чем вероятно, что никто этого героя никогда и не видал, но он стал совершенно необходимым, когда понадобилось дать ответ на вопрос, кто же первый начал в Киеве княжить"[8]. Другие же историки считают, что полянский князь Кий это не плод выдумки древнерусских книжников XI – начала XII в., а реально существовавший персонаж нашей истории, и пытаются даже датировать связанные с ним события V, VI, VII или VIII в.[9]

Не углубляясь здесь в суть споров, догадок и гипотез о Кие и тем более об истоках Киева, сосредоточимся прежде всего на гораздо хуже изученной проблеме происхождения его "младшего брата" Киевца. Попытаемся поточнее локализовать его на карте Подунавья и разобраться в вопросе, мог ли он быть основан легендарным князем Кием.

Уточнить положение Киевца пытались уже в XVII в. составители поздних летописных сводов, предположившие, что он находился рядом или даже на месте самого Киева на Днепре, а не на далеком Дунае. Деятельность его основателя легендарного князя Кия приурочивается сочинителями этих новых версий старого предания к эпохе вещего Олега. По Мазуринскому летописцу конца XVII в., уже после гибели Игоря Старого, при князе Олеге в Новгороде Великом в 955 (6463) г. бесчинствовали три брата-разбойника "Кий, Щок, Хорив", имевшие сестру Лыбедь, и осужденные за провинности к повешению новгородцами. Отпущенные после поимки и помилованные князем Олегом, они за два месяца дошли до реки Днепр, где "вселися Кий на той горе, яже и ныне зоветца Киевец", а Щек и Хорив на двух других горах по названию, соответственно, Щековица и Хоривица[10]. А далее повествует летописец: "И потом Кий созда мал градец и нарекоша его Кисвец. И прииде на них князь Ольг и поби Кия и з братиею его и заложи град великий Киев"[11].

Согласно другому варианту этой книжной легенды, отраженному в еще одном летописце XVII в., рукопись которого поступила в Публичную библиотеку в Петербурге из собрания графа Ф.А. Толстого, Кия с братье разгромили Олеговы мужи – Аскольд и Дир, а не сам Олег, пославший их к византийскому императору Михаилу[12]. Приведем интересующий нас фрагмент из этого летописного источника, озаглавленного "Начало руских князей, отчево зачалось Руское княжение", опустив описание пребывания Кия в Новгороде, откуда он через дебри лесные два месяца добирался до Днепра: "И полюби Кий место сие и вселися на горе, иже есть и доныне Кивица, а брат его Щек вселися близ его на второй горе, иже есьть Щековица, а Хорив вселися на третьей горе, иже есть Хоривица. А Лыбедь, сестра их, тоже вселися со всеми роды свои-

ми. И по сем Кий и весь род его нача делати землю руками своима, и нача славно жыти. И прихожаху к ним многие люди со всех стран и велеляхуся ту с Кием, и распространися место сие. И людей много множество в нем. И тогда наченше Кия и дружину ево наймовати древляне. И в то время Кий з дружыною своею сотьвори себе градец мал Киевец и нача слыти первой Киев по всем странам, и болши того множесътво множашеся людей к месту тому прихождаху. И по сем князь Олг посла из Новагорода послы своя ко Царюграду к греческому царю Михаилу с великою честию и со множеством царскими драгими дары. И послаша к нему два мужа чесные, единому имя Осколд, а второму имя Идир. Они же, пасланнии с мужы Олговы, приидоша до Кия до гор тех и дивитися ж наченъше, зряще красоты места того. И пустиша посланьнии мужы на Кия и побиша они Кия и всю братию ево, и весь род его, а сами не поидоша ко Царюграду посольством и веселишася ту, и создаша градец боле перваго, и жывяше во славе велицей многи дни"[13]. Узнав об этом, новгородский князь Олег, возмутился и отправился с княжичем Игорем в поход на юг. Приплыв в ладьях с малой дружиной "под Киевец и призва к себе мужей тех, Осколда и Идира", Олег уничтожил их, "а сам ту нача и со Игорем княжыти", повелев "заложыти великой град Киев"[14].

Как обоснованно пишет Е.К. Ромодановская, "вся эта история выдумана скорее всего в Новгороде – постоянном сопернике Киева"[15]. Кто-то из новгородских книжников создал на основе преданий Начальной Русской летописи и "Повести временных лет", народного эпоса, а также собственных измышлений новую летописную легенду, принизив Кия до уровня лютого разбойника и синхронизировав время его деятельности с эпохой Аскольда, Дира, Вещего Олега и византийского императора Михаила III (842–867). По этой версии Киевец находился не на Дунае, а на Среднем Днепре.

Представления же о соседстве Киева с Киевцем составителями поздних летописей XVII в. явно заимствованы из русского былинного эпоса, в котором иногда можно также встретить интересный мотив о том, что Дунай, отождествляемый с Днепром протекает рядом с Киевом[16]. Согласно нескольким вариантам былины "О Чуриле Пленковиче", ее герой обитал не в самом Киеве, а недалеко от него на р. Почайне (Пучайне) "пониже малого Киевца", куда князь Владимир Красное Солнышко с дружиной добирался на лошадях[17]. По поводу происхождения былины о Чуриле существуют несколько разноречивых суждений: одни полагают, что она возникла еще в эпоху Киевской Руси, другие связывают ее создание с Галицко-Волынской Русью, третьи – с Новгородской землей[18]. Согласно одной из ее версий, Киевец располагался не на р. Почайне, а на р. Сороге (Сароге), чье название порой ассоциируется с именем отца былинного Чурилы Пленковича – Пленки Сороженина (Сурожанина): "А жил то Чурилушка во Киевце, а жил он на матушке на Сороге на реке со своею со дружиною хороброю"[19]. В этой связи приведу наблюдения И.Я. Фроянова и Ю.И. Юдина, проанализировав-

ших исторические черты в былинах о Чуриле Плехановиче. "Противостоящий Киеву и конфликтующий с ним "двор-посельице" Чурилы или его Киевец приобретает в былине черты иного мира, т.е. некиевского, нерусского, но в то же время и родственного и в какой-то мере и русского же по тяготению к Киеву. Реально речь идет об иноплеменном по отношению к Киеву поселении"[20]. Основываясь на созвучии прозвища Пленки Сурожанина и летописного Сурожа (совр. Судака), А.Н. Веселовский писал о происхождении исторического Чурилы Пленковича из этого когда-то широко известного торгового центра Крыма, но сей вопрос уже явно не имеет отношения к проблеме местонахождения легендарного Киевца[21].

С XIX в. появились и научные гипотезы относительно местонахождения Киевца Повести временных лет. Самую первую из них выдвинул в 1831 г. полковник, а затем генерал, русский военный разведчик И.П. Липранди, один из кишиневских знакомых А.С. Пушкина, изучавший историческую географию Подунавья в практических целях и предположивший, что название летописного Киевца связано со средневековым дунайским городом Кеве[22]. Такую же догадку, не ссылаясь на статью И.П. Липранди, опубликованную в 1831 г. в журнале "Свет отечества и северный архив", высказал гораздо позже В.Т. Пашуто, очевидно, самостоятельно пришедший в публикациях 1967 и 1976 гг. к аналогичной мысли, не приведя, однако, хорошо обоснованных аргументов в ее пользу[23]. Тем не менее остановимся на этой версии более подробно, чтобы определить степень ее достоверности.

Средневековый центр Кеве надежно отождествляется с современным сербским селением Ковином, расположенным к востоку от Белграда, на левом берегу Дуная, выше по течению Железных Ворот. Ковин упоминается как "Кеве" ("castrum Keve", "urbs Keue", "Ku", "Keu", "Kevee", "Kuhet") в латиноязычных источниках ("Истории венгров" Анонима и др.)[24]. Он был известен и крупнейшему арабскому географу XII в. ал-Идриси, который писал в сочинении "Развлечение истомленного в странствии по областям" (1154 г.) о городах Венгрии, входивших в секцию 3 климата VI его карты мира: "...От города Бакасин до города Ковин (Govin, Kovin) 60 миль на восток. Город Ковин большая и цветущая местность на реке Дунай, в нем торги и ремесленные мастерские... От Ковина до Белграда 70 миль. Это можно пройти за 2 дня, а рекой еще меньше"[25].

По свидетельству анонимного автора "Истории венгров" (XIII в.), в конце IX в. этот регион находился под управлением болгарского воеводы Глада, оказавшего упорное сопротивление пришедшим с востока мадьярам, которые осаждали его укрепленный город Кеве. Болгары называли крепость, существовавшую на месте современного с. Ковина (Сербия), Кубином, венгры – Küvi[26]. Она охраняла хорошо известный по источникам XIV–XV вв. брод через Дунай на пути из Венгрии в Болгарию. У Ковинского брода располагались склады соли[27]. Напротив со-

временного Ковина, на противоположном берегу Дуная, на его рукаве, обнаружены остатки средневековых земляных укреплений и каменных фундаментов с археологическими находками X–XII вв. В 1150 г. хорватский бан Белуш построил здесь монастырь бенедиктинцев[28]. Но вряд ли о средневековом Кеве (Ковине) в эпоху создания Повести временных лет могло быть известно Нестору-летописцу, ведь его информаторы – древнерусские воины и купцы начала XII в., как и в более ранний период X–XI вв., плавали лишь по Нижнему Дунаю, не забираясь выше по течению Железных Ворот. В Восточной Сербии вообще пока не выявлены археологические материалы X – начала XII в., свидетельствующие о каких-либо связях с Русью[29]. Топонимы "Keve" ("Ковин") и "Киев" (и производный от него диминутив "Киевец") отличаются по корневой основе. Все изложенные выше контраргументы заставляют отвергнуть гипотезу И.П. Липранди и В.Т. Пашуто, попытавшихся отождествить летописный Киевец с Кеве (Ковином).

Ошибочно посчитав, что древний Кеве позже был переименован в Гладово (Кладово) И.П. Липранди сослался на названия болгарских селений Ковинов и Киево, располагавшихся недалеко от г. Видина, ниже по течению Дуная Железных Ворот, и размышлял в этой связи: "... Если самые нынешние Киово и Ковилово и не были древним Киевцем, то не могли ли они быть перенесены на недальнее расстояние жителями разоренного Кеве, Киевца или Гладово"[30]. Как видим, в его построениях, отражающих уровень исторической географии в России первой трети XIX в., немало противоречий и натяжек. Наряду с погрешностями лингвистического характера главная их слабость заключается в недоучете реальных исторических свидетельств о контактах Древней Руси с Подунавьем, особенно в XI – начале XII в., когда составитель Повести временных лет получил информацию о существовании на Дунае городка Киевца, созвучного по наименованию с Киевом.

Со временем появились новые научные гипотезы о локализации летописного Киевца. Основатель отечественной византистики В.Г. Васильевский предположительно писал о возможном его отождествлении с Килией, упомянутой в "Списке русских городов дальних и ближних" конце XIV в. и находящейся на самом северном рукаве Дуная, недалеко от его впадения в Черное море[31]. Далее в этой же работе "Византия и печенеги" (1872 г.) В.Г. Васильевский, допустив, что летописное предание о деятельности Кия составлено в начале XII в., указал на сходное с Киевом и Киевцем название "Киос" (Kios) двух одноименных городов в древней Мезии (Болгарии) и Малой Азии, о которых упоминается в одном греческом географическом словаре XII в.[32] Приняв во внимание последнее наблюдение В.Г. Васильевского, Н.П. Барсов привел еще ряд нижнедунайских топонимов, близких по звучанию Киеву и Киевцу: Киара (напротив Гиргова); Киатра (ниже по течению Силистры); Кынени (около Браилова)[33]. Однако, они ровным счетом ничего не значат и без привлечения исторических материалов не могут использоваться в каче-

стве каких-либо доказательств знакомства с ними составителя "Повести временных лет". Топонимы, производные от личного имени "Кий" (Кыи), широко встречаются и у западных, и у восточных, и у южных славян: Киев, Киево, Кийовец, Киевец, Кийевичи, Киевцы и др.[34] Например, села с названием Киевец известны на территории современной Москвы (с XI в.), недалеко от Минска в центральной части Беларуси (с XVI в.), Киевцы – близ Алексина (Тульская обл.). Их наименования, видимо, произошли от днепровского Киева и связаны, скорее всего с более поздними миграциями восточнославянского населения на южных областей Руси в более северные после середины XIII в.

Но искать местонахождение летописного Киевца нужно все же в той части Подунавья, которая была тесно связана с домонгольской Русью, в тех дунайских областях, куда совершали походы в X – начале XII в. киевские князья. По весьма произвольному допущению украинского историка-археолога М.Ю. Брайчевского, в византийских источниках летописный "Кий выступает под именем Кувер", которого иногда путают с болгарским ханом VII в. Кувратом[35] Далее автор, не доказав предыдущий тезис, смело отождествляет летописный Киевец с Керамисиевым лагерем, который, согласно "Чудесам Димитрия Солунского", был построен Кувером "в районе Верхнего Дуная, к тому времени заселенному главным образом славянами"[36]. Эту область Кувер получил от византийского императора Ираклия (610–641) около 634 г., когда, восстав против авар, вынужден был остановить Срем (античный Сирмий, совр. Сремска Митровица), на р. Саве, на пограничье Сербии и Хорватии. Затем, по ничем необоснованной гипотезе М.Ю. Брайчевского, Кувер-Кий "переселился в Среднее Поднепровье, где и основал новую резиденцию – Киев"[37]. Обратимся же к тексту второго собрания "Чудес Димитрия Солунского" (конец VII в.), в котором повествуется об архонте Кувере, выступившим против аварского хагана и переместившимся вместе со своим народом через Дунай в пределы Византии, где им было захвачено "Керамисийское поле". Оно локализуется в Македонии, в районе г. Прилеп, т.е. далеко на юг от Подунавья. Став лагерем на Керамисийском поле, Кувер пытался закрепиться в Македонии и осаждал Фессалоники, но часть союзников покинули его. Хотя большинство исследователей считают Кувера болгарином и даже связывают порой с родом хана Аспаруха, его происхождение, как и дальнейшая судьба, остаются неясными[38]. Нет никаких объективных данных для отождествления Кувера с легендарным Кием, а лагеря на Керамисиевом поле в Македонии – с дунайским городком Киевцем Повести временных лет.

Еще два предположения вообще нельзя отнести к разряду научных гипотез. Речь идет прежде всего о документально неподтвержденном народном предании об основании Кием на Дунае, недалеко от впадения в него р. Тисы града Киевца, называвшегося также Дунайцем[39]. Приведенные сведения не внушают доверия, их нельзя принимать всерьез. Без какой-либо аргументации в статье, опубликованной в популярном жур-

нале "Вокруг света", еще один автор локализовал "город Кия" – древнейший Киев на Дунае у современного болгарского г. Русе – "города русов"[40]. С таким же успехом его можно было бы разместить в любом другом месте Подунавья.

Проделанный выше обзор предположений о локализации летописного Киевца позволяет отвергнуть все из них, за исключением идеи В.Г. Васильевского о возможном его отождествлении с дунайским г. Киосом. Где же он находился, когда и кем был основан? Изучение археологических данных, латинских источников римского времени (Notitia dignitatum, Tabula Imperii Romani, Itinerarii Antonini и др.), а также западноевропейских картографических материалов эпохи средневековья и нового времени вплоть до XVIII в. позволило точно локализовать древний Киос на карте Нижнего Подунавья и установить основные вехи его истории. Она начинается с основания в I тысячелетии до н.э. гето-фракийскими племенами небольшого поселения на берегу небольшой одноименной речки – правого притока Дуная, в районе современной коммуны Гырличиу (уезд Констанца, Румыния). Его остатки археологически прослеживаются на правом берегу старого русла Дуная, к северо-востоку от г. Хырсова, между селами Дэни и Чобану, в местности, именовавшейся Эски-Сарай и Хисарлык[41]. Римляне, захватившие Нижний Дунай, создали здесь в течение II–III вв. н.э. на месте гето-фракийского поселения свой укрепленный лагерь, название которого Киос или Киус (Kios, Cius) вскоре появляется в письменных источниках[42].

Древнейшее упоминание о нем содержится в римском итинерарии Антонина Августа (около 300 г. н.э.), где на расстоянии 18 миль от Карсиума (Carso) и 10 миль от Бирое (Biroe) указан Киос (Cio)[43]. Согласно еще одному источнику "Notitia dignitatum" – "Списку всех почетных должностей как гражданских, так и военных", созданному около 400 г. н.э., в небольшой крепости Киус (Cii) недалеко от Бирео (Берое) имелся римский гарнизон, состоявший из особого кавалерийского подразделения – "клина стаблезианских всадников"[44]. На это свидетельство сослался в 1963 г. в одной из своих книг Б.А. Рыбаков, отметивший, что "византийские источники IV в. называют в низовьях Дуная город Cius, который может быть сопоставлен с этим эпическим Киевцом", но далее добавивший: "Не думаю, что нужно обязательно отождествлять Киус с Киевцом, так как первый упоминается в таких ранних источниках, когда о славянах на Дунае мы знаем очень мало"[45]. В более поздних трудах ученый не стал упоминать о нижнедунайском Киусе, поскольку это противоречило его идеи об основании полянским князем Кием Киевца на Дунае в конце V–VI вв.

В Певтингеровых таблицах III–V вв. в отличие от других нижнедунайских центров (в том числе соседних – Берое, Трезмиса) Киус (Киос) почему-то не указан, хотя мимо него и проходила одна из римских дорог[46]. На его месте, недалеко от каменных остатков древнего поселения

в румынской коммуне Гырличиу, обнаружена мраморная погребальная стела одного из римских ветеранов[47].

Небольшая крепость Киус (Киос) была включена в систему Limes Romanus, защищавшую рубежи Римской империи от набегов варварских племен с севера и востока от Дуная. На ее судьбе сказались нашествия и вестготов (378 г.), и гуннов (447 г.), и авар (VI в.), переселения в Нижнее Подунавье славян и тюркоболгар (VI–VII вв.). До конца VII в. с перерывами пограничный Киос входил в число владений Византийской империи, позже оказался под властью тюркоболгар. В эпоху Первого Болгарского царства (конец VII – начало XI в.) он утратил прежнюю оборонительную роль. Но жизнь на поселении Киос, судя по археологическим данным, продолжалась и в VIII–XI вв.[48]

С начала XI в., после окончательного падения Первого Болгарского царства, в Нижнем Подунавье вновь установилась власть Византии, которая распространялась и на Киос, хотя временами она была непрочной из-за нашествий кочевников – печенегов и половцев, восстаний местного населения – болгар и влахов. В конце XII в. византийское господство на Нижнем Дунае было ликвидировано в результате очередного восстания и создания Второго Болгарского царства. Поскольку военное значение Киоса в эпоху средневековья заметно упало, он не упоминается ни в византийских, ни в болгарских, ни в прочих письменных источниках (за исключением единственной ссылки на него под названием Киевец в "Повести временных лет" начала XII в.). Информацией о нем не обладал и арабский географ XII в. ал-Идриси, описывавший в сочинении "Развлечение истомленного в странствии по областям" немало других более важных нижнедунайских центров. Нет его имени и в составленном на Руси в конце XIV в. (по последним данным – между 1375 и 1388 гг.) "Списке русских городов дальних и ближних".

Дополнительным источником для изучения истории нижнедунайского Киоса (Киуса) являются картографические материалы эпохи позднего средневековья и раннего нового времени. С XVI в. и до XVIII в. в качестве реминисценции его название в разных формах "Кио, Киум, Киус, Циус (Cio, Cium, Cius, Zius) фигурировало на картах Юго-Восточной Европы и Дунайского бассейна: Джакомо Гасталди (1546 г.), А. Ортелиуса (XVI в.), Г. Меркатора (1589), Н. Вишера (1640), Я. Сандрарта (1684 г.), М. Сеуттери (1740) и других картографов. На картах Киус (Киос) обычно размещали между античными центрами Берое (Beroe) и Карсум (Carsum), на правом берегу Дуная у впадения в него небольшого притока с одноименным названием – "Киус", "Киум" (Cius, Cium)[49]. Их составители использовали более ранние данные.

Нижнедунайское поселение Киос было основано местными гето-фракийскими племенами, а не пришедшими сюда позже римлянами и славянами. Название Киос – Киевец явно не имеет болгарское происхождение (вопреки утверждению Пл. Павлова); оно не могло быть перенесено и от антского наименования Киева на Днепре, как пишет

Н.Ф. Котляр[50]. Согласно лингвистическим данным, название Киос и его жителей (Κιανοι) имеет фракийскую "подкладку" – ηνοι[51]. А это еще раз свидетельствует в пользу гето-фракийцев как основателей нижнедунайского поселка Киос.

Таково же происхождение города Киос (совр. Гемлик, Турция), хорошо известного с античной эпохи в Вифинии на северо-западе Малой Азии, куда переселилась около VII в. до н.э. часть фракийских племен. Он принадлежал затем грекам, позже перейдя и в руки римлян. В нем велась чеканка монет, и в христианскую эпоху (кажется, с 458 г. н.э.) находилась резиденция епископов[52]. Упоминания о малозийском Киосе можно встретить в сочинениях византийских авторов – Георгия Пахимера, Анны Комнины и других[53]. В этом городе был написан в конце IX в. славянский глаголический манускрипт из Вифинии, в которой еще в конце VII в. византийский император Юстиниан II поселил пленников-славян[54].

Но в отличие от византийских писателей составитель Повести временных лет явно не знал о существовании города Киос в Малой Азии. Зато ему было известно об одноименном населенном пункте на Нижнем Дунае, где в X – начале XII в. не раз бывали древнерусские воины и купцы. Здесь можно вспомнить и о балканских походах великого киевского князя Святослава Игоревича и о попытках Владимира Мономаха в 1116 г. закрепиться в Доростоле и других центрах Нижнего Подунавья[55]. Созвучие в названиях днепровского Киева (Кыева) и дунайского поселения Киос (Киус), а также их жителей ("кияне") в первую очередь и натолкнуло Нестора-летописца на мысль о возможности их основания одним и тем же человеком – легендарным полянским князем Кием. Летописные свидетельства о происхождении Киева основаны на народных преданиях, включенных в Начальную Русскую летопись еще в XI в. и дополненных в самом начале XII в. составителем Повести временных лет, сочинившим рассказ о путешествии Кия в Царьград, его встрече с византийским императором и основании им Киевца на Дунае. При этом он руководствовался полулегендарными и реальными свидетельствами о походах киевских князей в IX–X вв. на Византию и в Нижнее Подунавье, знаниями нижнедунайской топонимии и собственными представлениями о деятельности первых русских князей, строивших города.

В этой связи целесообразно привести летописные свидетельства о строительной деятельности легендарных Рюрика и Вещего Олега, Игоря. Согласно Повести временных лет третьей редакции, дошедшей в составе Ипатьевской летописи, в 862 г. "изъбрашася трие брата с роды своими и пояша по собе всю Русь и придоша къ Словеномъ первее и срубиша город Ладогу и седе стареишии в Ладозе Рюрик..."[56] Два года спустя скончались Рюриковы братья Синеус и Трувор, "и прия Рюрикъ власть всю одинъ, и пришед къ Ильмерю, и сруби город надъ Волховом и прозваша и Новгород и седе ту княжа и раздая мужемъ своимъ волости и городы рубити, овому Полътескъ, овому Ростовъ, другому Бело-

озеро..."[57] По Лаврентьевской и Ипатьевской летописям, захватив в 882 г. Киев, "Олег нача городы ставити"[58]. В Новгородской первой летописи младшею извода (по Комиссионному списку) эти действия приписываются Игорю Рюриковичу: "Сеи же Игорь нача грады ставити..."[59]. Закладывали и ставили не раз города на Руси Владимир Святославич и Ярослав Мудрый[60]. Как видно, реалии конца X – первой половины XI в. переносились летописцами и в более ранние времена, превращаясь в один из летописных стереотипов описания строительства князьями новых градов-крепостей.

Дополняя предание о Кие рассказом его деятельности в Подунавье, составитель Повести временных лет совершенно не к месту использовал при этом глагол "рубить" ("сруби градокъ малъ"), хотя в отличие от лесных областей Восточной Европы на Дунае крепости не рубили из дерева, а строили из камня[61]. Остатки каменных сооружений, о чем упоминалось уже выше, обнаружены и в районе Гырличиу, где локализуется древний Киос, основанный в действительности не пришлым полянским вождем Кием, а гораздо раньше местными племенами гето-фракийцев. За сравнительно короткий период господства римлян на Нижнем Дунае старые фракийские названия не были в народной среде вытеснены латинскими, поэтому их в местной форме восприняли и пришедшие сюда позже славяне. Так, например, рядом с поселением Киос сохранился гето-фракийский топоним "Берое"[62].

Примечательно, что для большего правдоподобия составитель Повести временных лет трансформировал неславянское название "Киос" (Киус) в восточнославянский хороним "Киевец" – диминутив от наименования Киева. В древнерусской топонимии часто встречаются такого рода пары: Киев – Киевец, Преслав (Переяславль) – Переяславец, Дмитров – Дмитровец, Мстиславль – Мстиславец, Юрьев – Юрьевец, Ярославль – Ярославец, Владимир (Володимер) – Володимерец, Волок – Волочек и другие[63]. Многие из городов получили названия по именам князей-основателей: Владимир-Волынский, Владимир-на-Клязьме, Василев, Юрьев, Изяславль, Ярославль и т.д. А это дало древнерусскому книжнику начала XII в. еще один довод в пользу его вымышленной версии при сочинении рассказа об основании князем Кием Киевца на Дунае. Подобные ему топонимы-диминутивы образованы от наименований более крупных городов с помощью уменьшительного суффикса – ецъ. И здесь все вполне логично, так как дунайский "градок мал" Киевец (Киос) в эпоху создания Повести временных лет (начало XII в.) намного уступал по размерам днепровскому граду Киеву. По отношению к Киевцу летописец употребил крайне редкий для того времени термин "городище", означающий место, где раньше был город[64].

Рассказ о мирном путешествии Кия вместе с его родом в Царьград и встрече полянского князя с византийским императором (царем) навеян скорее поездкой княгини Ольги в столицу Византии, чем походами против нее князей Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава Игоревича.

По более поздней Никоновской летописи начала XVI в. Кий якобы "ходилъ къ Царюграду съ силою ратью", а возвращаясь из Константинополя, "идущу же ему и з вон, на Болъгары ходивъ, и прииде къ Дунаю"[65]. Нельзя не согласиться с мнением Б.М. Клосса, согласно которому эти дополнительные известия Никоновской летописи "носят отчетливо легендарный характер или основаны на домыслах составителя"[66]. Эти же слова в полной мере можно отнести и к свидетельству Летописца Переяславля Суздальского (Летописца русских царей), датируемого не ранее XI в., о том, что Кий, прийдя в Царьград не только "чьсть приимъ от ц(а)реи", но "и миръ сътворшу"[67]. Как видим, процесс летописного мифотворчества, продолжившийся через несколько столетий после создания Повести временных лет, характеризует один из приемов литературной работы летописцев.

В предании Повести временных лет о Кие, кажется, нарушена последовательность событий в жизни и деятельности полянского вождя. Рассказу об основании им Киева предшествует информация о расселении славян из Подунавья по всем направлениям, в том числе и в Среднее Поднепровье: "Во мнозехъ же времянехъ сели суть Словени по Дунаеви, где есть Угорьска земля и Болгарьска, (и) от техъ Словенъ разидошася по земле и презвашася имены своими, где седше на которомъ месте... такоже и ти Словене пришедше и седоша по Днепру и нарекошася Поляне"[68]. Значит и полянский род Кия до прихода на Средний Днепр проживал в одной из дунайских областей, где Кий по версии летописца позже основал "градок мал". Но летописец, нарушая логическую связь (очевидную для историка, но не для мифотворца) повествует вначале о создании днепровского Киева, а затем о постройке дунайского Киевца. В противном случае они должны были поменяться названиями, что уж совсем противоречило реалиям и замыслу древнерусского книжника, стремившегося подтвердить предание об основании Киева не перевозником через Днепр, а полянским князем Кием.

Вот еще одна нестыковка в рассказе Повести временных лет. В ней почему-то не объясняются причины ухода Кия с родом из Среднего Поднепровья на Балканы. Неясно, зачем же ему понадобилось покидать Киев и отправляться в далекое путешествие в Царьград, зачем он "хотяше сести с родом своимъ" на Дунае, что "не даша ему ту близь живущии"[69]. Для обозначения местного смешанного населения, состоявшего в начале XII в. из болгар, восточных романцев, греков, тюркоязычных печенегов, составитель Повести временных лет использовал термин "дунайцы". Если свой домысел о путешествии легендарного Кия в Царьград древнерусский книжник мог "оправдать" поездкой туда княгини Ольги, то его рассказ о попытке полянского князя закрепиться на Дунае, скорее всего, навеян дунайскими походами Святослава Игоревича.

В качестве доказательства реальности деятельности Кия в Царьграде и в Подунавье некоторые историки вслед за Б.А. Рыбаковым при-

влекают любопытный рассказ византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского о похождениях ромейского военачальника (стратига) Хильбудия (Хилбуда, Хилвуда, Хиливудиса) и юноши-анта, носившего такое же имя[70]. Информация о двух этих личностях, содержащаяся в сочинении Прокопия Кесарийского "Готская война" (40-е гг. VI в.), которое входит в более крупное произведение "Книга о войнах", выглядит весьма запутанной и противоречивой.

Около 530–531 г. император Византии Юстиниан I известного полководца Хилвудия, "провозгласив военачальником над Фракией, поставил для охраны реки Истр, приказав следить, чтобы для тамошних варваров река была более непереходима, потому что уже часто, совершив там переправу, гунны и анты и склавины творили ромеям ужасное дело"[71]. В течение трех лет он вел успешную борьбу с набегами варварских племен, а затем, перейдя на северный берег Дуная, погиб в одном из сражений от рук склавинов. Спустя некоторое время в плену у склавинов оказался некий юноша-ант Хилвудий, которого выдавали за ромейского военачальника, с таким же именем, погибшего ранее. Интригующая история с лже-Хилвудием впоследствии продолжилась в антской среде. Племена антов не только совершали набеги на северные пределы Византийской империи, но и вступали порой в договорные отношения. "...Император Юстиниан (как далее повествует Прокопий Кесарийский, – *В.П.*), направив каких-то послов к этим именно варварам, стал предлагать (им) поселиться всем вместе в древнем городе Туррис (локализуется в районе Дунайской дельты либо к северу от левого берега Нижнего Дуная, где-то в Молдове – *В.П.*), который лежит за рекой Истр... Вот этим (городом) и землей вокруг него, как принадлежащей изначально ромеям, император Юстиниан обещал их одарить и помочь им в заселении, насколько в его силах, а также выплатить им много денег, с тем, чтобы они, будучи впредь ему союзниками, всегда являлись препятствием гуннам, желающим совершить набеги на державу ромеев. Когда варвары услышали это, они одобрили (намерения императора) и пообещали все сделать, если только он, вновь поставив Хилвудия ромейским полководцем, даст (его) им в качестве сооснователя, они в соответствии со своим желанием утверждали, что вот он и есть тот самый Хилвудий"[72]. Впоследствии лже-Хилвудий, отправившийся в Константинополь был по пути схвачен, изобличен в обмане и посажен в тюрьму.

Неясно, он ли упомянут в надписи на одном мраморном надгробном кресте VI в. из Константинополя: "Хиливудис, сын Санватия. Умер 28 ноября 7-го индикта. Жена Хиливудиса"[73]. Она может датироваться 543, 558, 523 или 588 г. В труде Прокопия Кесарийского нет никаких упоминаний о славянском происхождении византийского полководца Хилвудия, не исключена германская этимология его имени[75]. В любом случае крайне опасно для научного выявления истины привлекать материалы о Хилвудии и лже-Хилвудии в качестве каких-то параллелей византийско-дунайской части предания Повести временных лет о Кие.

Столь же контрпродуктивны попытки датировать деятельность этого легендарного персонажа русской истории годами правления византийских императоров Юстиниана I (527–565) либо даже Анастасия I Дикора (491–518)[75].

Возникнув в полянской племенной среде, народная легенда об "основателе" Киева передавалась из поколения в поколение, очевидно, языческими волхвами – хранителями родовых традиций, а затем в начале XII в. приобрела законченный вид под пером составителя Повести временных лет, который ее дополнил и литературно оформил. В ней нашли отражение как глухие отголоски прошлого, так и представления древнерусского книжника, стремившегося всячески подтвердить историчность фигуры Кия как родоначальника династии киевских князей.

В историографии уже не раз отмечалось влияние свидетельств о походах Святослава Игоревича на Балканы и его планах закрепиться в Нижнем Подунавье на создание дунайской части предания о Кие[76]. Подобно ему князь-воитель Святослав пытался сделать своей резиденцией летописный Переяславец на Дунае[77]. Как верно подчеркивали С.М. Соловьев и Х. Ловмяньский, дунайский элемент летописного предания о Кие и рассказ о его путешествии в Византию возникли на основе информации о существовании городка Киевца на Нижнем Дунае[78]. О позднем составлении этой легенды справедливо писал в свое время Н.И. Костомаров: "Само предание (о полянском родоначальнике Кие – *В.П*), вероятно, составилось сравнительно позже, когда в Руси развились и достигли своей высшей силы сношения с Византией. Тогда естественно было перенести на отца признаки своего века"[79]. В Начальном летописном своде, сохранившемся в Новгородской первой летописи младшего извода, деятельность Кия на Днепре привязана даже к конкретной дате – к 854 (6362) г. ("В лето 6362. Начало земли Русской. Живаху кождо с родом. И быша три братия..."), от чего чуть позже отказался составитель Повести временных лет, в которой семантически соотнесены два важнейших события – княжение Кия и знакомство полян с Византией[80]. Для древнерусских книжников XI – начала XII в. очень важно было установить точку отсчета в истории Руси.

Их литературное творчество продолжили более поздние летописцы. Как повествуется в пропавшей Иоакимовской летописи, составленной в Новгороде в XVII в., мифический родоначальник новгородской княжеской династии Славен с братом Скифом покорил земли по Дунаю и Черному морю, где оставил своего сына Бастарна, а затем, уйдя на север, создал город Славенск[81]. Таковы специфические приемы работы средневековых русских летописцев, с которыми обязательно следует считаться, относясь критически к их информации о древнейших веках русской истории.

Нельзя "историографические" представления, выраженные древнерусскими книжниками, которые жили гораздо позже описывавшихся

ими событий, выдавать за исторические реалии. Сказанное в полной мере относится и к преданиям Повести временных лет.

Итак, в результате проведенных исследований выяснилось, что летописный Киевец (Киос, Киус, Циус) возник не в районе сербского селения Ковина или болгарского города Русе (как полагают некоторые исследователи), а на месте современной коммуны Гырличиу в Румынии как фракийский поселок еще в I тысячелетии до н.э., не позднее III в. н.э. был превращен римлянами в укрепленный лагерь, а в эпоху средневековья представлял собой рядовое поселение на территории Нижнего Подунавья. Созвучие топонима "Киос" с названием днепровского Киева побудило древнерусского летописца рассматривать этот нижнедунайский центр в контексте своих представлений о дунайской прародине славян, а также сведений о дунайских походах Святослава в X в., что и привело к формированию летописного предания об основании Киевца легендарным полянским вождем Кием, хотя в действительности он возник задолго до появления славян на Нижнем Дунае. А, значит, дунайская часть предания Повести временных лет о деятельности князя Кия является вымыслом ее составителя. За исключением этого легендарного рассказа нет никаких документальных свидетельств о пребывании полянского князя в Византии, его встрече с византийским императором и создании им городка-крепости Киевца на Нижнем Дунае. Предание о Кие как основателе Киева, возникшее в народной среде, было переработано, литературно оформлено и дополнено древнерусскими книжниками XI – начала XII в. Посему его нельзя воспринимать как совокупность реальных исторических фактов, которым можно доверять[82]. Ведь даже они нуждаются в строгом критическом анализе и перепроверке по другим археологическим, письменным, фольклорным материалам и лингвистическим данным. Включенная в "Повесть временных лет" в начале XII в., легенда о создании Кием малого градка Киевца на Дунае научное тестирование на подлинность явно не выдерживает. Этот частный сюжет еще раз подтверждает одну простую аксиому: представления древнерусских книжников, живших гораздо позже описываемых ими событий, порой весьма далеки от исторических реалий.

Примечания

[1] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 10.
[2] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 8.
[3] Там же.
[4] НПЛ. С. 104–105, 432.
[5] См.: *Шахматов А А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908; *Он же.* Киевский Начальный свод 1095 г. // Академик А.А. Шахматов. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 127–128; см. также: *Насонов А Н* История русского летописания XI – начала XVIII века. М., 1969.

С. 13–15; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 85–110.

[6] См.: *Зиборов В.К.* О летописании Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995; *Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. Подготовлено к печати В.Г. Вовиной. СПб., 1996. С. 71–76; Начальная летопись. Перевод с древнерусского языка и научный комментарий *С В. Алексеева.* М., 1999. С. 12; см. для сравнения: *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 8–9; Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии *Д.С. Лихачева.* Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Второе издание подготовил М.Б. Свердлов. СПб., 1996. С. 9, 145.

[7] См., например: *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 439; *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 143, прим. 1; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 88; *Новосельцев А.П.* "Мир истории" или миф истории? // ВИ. 1993. № 1. С. 24, 28; *Скрынников Р.Г.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 101.

[8] *Греков Б.Д.* Указ. соч. С. 439.

[9] См., например: *Лесной С.* История "руссов" в неизвращенном виде. Париж, 1954. Вып. 2. С. 147; *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963. С. 28–36; *Он же* Город Кия // ВИ. 1980. № 5. С. 31–41; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 92–94; *Брайчевский М Ю.* Когда и как возник Киев. Киев, 1964. С. 82; *Он же.* Утверждение христианства на Руси. Киев. 1989. С. 33–37; *Сахаров А.Н.* Кий: легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10. С. 133–141; *Он же.* Дипломатия Древней Руси: IX – первая половина X в. М., 1980. С. 24–25; История Киева. В 3-х т.. Киев, 1982. Т. I. С. 47–51; *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев. 1983. С. 16–22; *Он же.* Древняя Русь. Киев, 1987. С. 14–17; *Котляр Н.Ф., Смолий В.А.* История в жизнеописаниях. Киев, 1990. С. 9–13; *Шайкин А.А.* "Се повести временных лет": От Кия до Мономаха. М., 1989. С. 18–19.

[10] ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 39.

[11] Там же.

[12] Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге // Q. XVII. № 72 (из библиотеки графа Ф.А. Толстого, отдел II, № 282). Л. 265–267. Недавно она полностью опубликована (См.: *Ромодановская Е.К.* Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994. С. 209–215); см. также: *Халанский М.Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902, ч. 342. № 8. С. 294–296; *Он же.* Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий // Труды Харьковского предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Харьков, 1902. Т. I. С. 412–413; *Пархоменко В.А.* У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924. С. 45; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 21–24.

[13] *Ромодановская Е.К.* Указ. соч. С. 210.

[14] Там же. С. 210–211.

[15] Там же. С. 74.

[16] См.: *Мачинский Д.А.* "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981 С. 151.

[17] Русские народные былины. М., 1958. С. 215–216; Сборник Кирши Данилова. М., 1977. С. 88, 271; *Пропп В.Я.* Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958. С. 484–486; ср. также: варианты этой былины, согласно которым дворец Чурилы Пленковича располагался не в районе Малого Киевца: Былины. Л., 1986. С.305; Впервые на параллели в свидетельствахлетописца XVII в. и былины о Чуриле, касающихся Киевца, обратил внимание М.Г. Халанский (см.: *Халанский М.Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем. С. 294).

[18] *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Былинная история. СПб., 1997. С. 396–410.

[19] *Рыбников П.Н.* Песни, собранные П.Н. Рыбниковым. Петрозаводск, 1989. Т. I. С. 168.

[20] *Фроянов И.Я., Юдин Ю.И.* Указ. соч. С. 409.

[21] *Веселовский А.Н.* Южнорусские былины. В 11 т. СПб., 1884. Т. 5. С. 79–124.

[22] *Липранди И.П.* Рассуждение о древних городах Киеве и Киевце // Свет отечества и северный архив. СПб., 1831. Т. 21. № 30. С. 228–240; см. о нем: *Ишутин В.В. Иван Петрович Липранди* (1790–1880) // СС. 1989. № 2. С. 85–94.

[23] *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 83; *Пашуто В.Т.* Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung in Österreich. Festschrift für Eduard Winter zum 80. Geburtstag. Wien; Köln; Graz, 1976. S. 2357

[24] См.: SRH. 1937. Vol. I. P. 91, 377; *Дероко А.* Средневековые крепости на Дунае. Београд. 1964. С. 30–31; *Ћирковић С.* Прилошци за истори у Ковина у средњем веку // Зборник за историју Матице српске. Нови Сад, 1970. Кн. I; *Јанковић М. и Ђ.* Подунавски градове поменути као пострадали 1072 године // Годишњак града Београда. 1978. Кн. 6. XXV. С. 42, 54.

[25] *Lewicki T.* Polska i kraje sąsiednie w swietle "Księgi Rogera". Kraków, 1945. T. I. S. 126, 131, 136; *Шкриванић Г.А.* Идрисиеви подаци о југословенским земљами (1154 г.) // Monumenta cartographica Jugoslaviae. Beograd, 1979. Vol. II. P. 11–23.

[26] *Коледаров П.* Политическая география на средновековна Българска държава. София, 1989. Т. 2. С. 43, 137.

[27] *Рокаи П.* Бродови на Дунаву и притокама на подручју јужне Угарске у средњем веку // Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове. Београд, 1983. С. 141, 160.

[28] *Duro Sz.* Iz Srijema Banoštor // Starohrvatska prosvjeta. N.S. II. 1928. N 1–2. S. 116–118.

[29] См.: *Мавродин В.В.* Русские на Дунае // Ученые записки Ленинградского университета. Сер. гуманитарных наук. Саратов, 1943. № 87. С. 13–18; *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаі // УІЖ. 1966. № 9. С. 19–22; *Павлов П.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки прз XI–XII в. // Добружа. Варна, 1986. № 3. С. 11–20; *Перхавко В.Б.* Находки энколпионов на территории Югославии // СА. 1987. № 4. С. 206–219; *Он же.* Древнерусские купцы в Подунавье (по археологическим данным) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 213–218.

[30] *Липранди И.П.* Указ. соч. С. 238–241.

[31] *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги // ЖМНП. 1872. Ч. 164. Декабрь. С. 299.

[32] Там же. С. 304.

[33] *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Изд. 2-е. Варшава, 1885. С. 250–251.

[34] См.: Белоруссия в эпоху феодализма. Минск, 19959. Т. I. С. 159–I 1д60. № 69; *Никонов В.А.* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 189–190; *Ковачев Н П.* Средневековното селище Киево, антропонимът Кий и отражението му в българската и славянската топонимия // Известия на Института за български език. 1968. Кн. XVI. С. 123–134; *Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974. С. 158; *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991. С. 135–136; *Он же.* В поисках единства. Изд. 2-е, дополн. М., 1997. С. 51–69; *Trunte H.* Kyj – ein altrussischer Strädtegründer? // Die Welt der Slaven. München, 1988. Jhg. XXXIII. H.1. (N.F.XII,I) S. 4–5; Russisches Geographisches Namenbuch. Wiesbaden, 1968.

[35] *Брайчевский М.Ю.*: Утверждение христианства на Руси. С. 34–36.

[36] Там же. С. 36.

[37] Там же.

[38] См.: Чудеса св. Димитрия Солунского (*О.В. Иванова*) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Составители С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995. Т. II: VII–IX вв. С. 171–179, 206–210.

[39] *Миролюбов Ю.* Образование Киевской Руси и ее государственности (времена до князя Кия и после него) // *Миролюбов Ю.* Собрание сочинений. Аахен, 1988. Т. 13. С. 22–23.

[40] *Никитин А.* Ошибка древнего географа? // Вокруг света. 1986. № 12. С. 51.

[41] *Scorban C.* Aspecte ale continuităriі şi romanizarii băstinaşilor din Dobrogea, în lumina recentelor cercetări // Pontica. 1970. N 3. P. 171. Fig. 18; *Parvăn V.* Inceputurile vietii romane la gurile Dunării. Ed. II a. Buc., 1974. P. 57, 101, 151, 175, 229; Enciclopedia arheologiei şi istoriei vechi a Romăniei. Buc., 1994. P. 258, 308.

[42] *Weiss J.* Die Dobrudscha in Altertum. Sarajewo, 1911. S. 48; *Vulpe R., Barnea I.* Din istoria Dobrogei. Vol. II. Romanii la Dunarea de jos. Buc., 1968. P. III, 205, 372, 422; Dictionar de istorie veche a Romaniei (Paleolitic – sec. X). Buc., 1976. P. 166.

[43] Itineraria Romana. Vol. I. Itineraria Antonini Augusti et Burdigalense. Ed. O. Cuntz. Leipzig, 1929. P. 32–33: Izvoare privind istoria Rominiei. Buc., 1964. N. I. P. 746–747.

[44] *Seeck O.* Notitia Dignitatum. Berolini, 1876. P. 86–87.

[45] См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины, Летописи, С. 30.

[46] См.: Певтингерова карта (*А.В. Подосинов*) // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.) / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М. 1994. С. 63–66, карта в приложении.

[47] *Florescu Gr.* Un nou document epigrafic referitor la teritorial dela Nordul Dunării Moesice // SCIV. 1951. N. II. N 2. P. 125.

[48] См.: *Рашев Р.* Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982. С. 203. № 830; *Olteanu Şt.* Societatea românească la cumpănă de milenii (secolele VIII–XI). Buc., 1983. P. 224. N 209.

[49] См.: История на Добруджа. София, 1984. Т. I. С. 73, 86–87 (карты Н. Фишера, Г. Делиля); *Лаков Л.* Учебен факсимиле-атлас картографиране на Българските земи пред вековето (до XVII век). София, 1984. Част първа. Табл. 16 (карта А.Ортелиуса); 17 (карта Г. Меркатора); 20 (анонимная карта "Путь по Дунаю", около 1660 г.); 24 (карта "Венгрия и соседние страны" Ф. де Вита, 1688 г.); 25 (карта Дж. Кантели, изданная в Модене в конце XVIIв.); 26 (карта Дж. Кантели, 1689 г.); 27 (карта Г. и Л. Волк, 1700 г.); 38 (карта Дунайского бассейна Н. Вишера, 1741 г.); 39 (карта "Европейская Турция" Й.Х. Хорен-

берга, 1741 г.). С остальными картами позднего средневековья и нового времени, содержащими название Киос (Киус, Циус) автор ознакомился в Отделах картографии и рукописей Британской библиотеки в Лондоне: карта Д. Гасталди (шифр – MAPS. 144. d. 39); карта Ж. Хейдена, 1627 г. (шифр – 27000); карта Н.Вишера, 1640 г. (шифр – K.88.5); карта К. Данкертса, 1647 г. (шифр – 27000.15); атлас Я. Сандрарта, 1684 г. (шифр – 10210 aaa 21); атлас И. Хоффмана, 1688 г. (шифр – 10235 a. II); карта Дуная С. Сансона, 1700 г. (шифр – 150 c. I); карта И.Б. Нолина, 1716 г. (шифр – 27000ю14); карта Дуная, изданная в Вене в 1720 г. (шифр – 27000.18); карта "Река Дунай" И.Б. Хоманна, 1730 г. (шифр – K.88.7); карта М. Сенттери, 1740 г. (шифр – 27000.13); карта Н. Виссенера, 1740 г. (шифр – K.88.8); карта бассейна Дуная, изданная в Париже в 1750 г. (шифр – 27000.26). Карта француза д'Аквилля, изданная в 1764 г., хранится в Бодлианской библиотеке в Оксфорде (шифр – 2025 J3).

[50] *Павлов П.* За русското присъствие на Долни Дунав С. 10; Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. С. 23.

[51] См.: *Гълъбов И.* Тракийските имена на – ηνος, – ανος и техните проблеми // Известия на Института за български език. София. 1964. Т. 10. С. 43. Примечателен факт созвучия в названиях жителей нижнедунайского Киоса и днепровского Киева ("кияне").

[52] *Ramsay W.M.* The historical geography of Asia Minor // Royal Geographical Society's supplementary papers. London, 1890. Vol. IV. P. 180, 212, 427–428; *Tomaschek W.* Zur historischen Topographie von Kleinasien im Mittelalter // Sitzungsberichte der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Jhg. 1891. Wien, 1891. Bd. CXXIV. H. VIII. S. 10.

[53] См.: *Анна Комнина.* Алексиада (Перевод с греческого Я.Н. Любарского). СПб., 1996. С. 193, 246, 402; *Georgius Pachymeris.* Andronicus Palaelogus sive Historia Rerum ab Andronici seniore. Venetiis, 1729. P. 246; Eiusdem. Volumen Alterum. Bonnae. 1835. P. 413.

[54] *Sevcenko I.* Byzantium and the Slavs. Cambridge, Massachusetts; Napoli, 1991. P. 642; Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.). С. 218–220.

[55] См. более подробно об этих событиях в главах 2 и 3 нашей монографии.

[56] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Эта же редакция отражена в Радзивиловской летописи. См.: ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. С. 16.

[57] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 14; Т. 38. С. 16.

[58] ПСРЛ. Т. I. Стб. 23; Т. 2. Стб. 17.

[59] НПЛ. С. 107.

[60] См.: ПСРЛ. Т. I. Стб. 121–123, 149–150.

[61] Там же. Стб. 10.

[62] См.: *Гиндин Л.А.* К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным) // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 69.

[63] См.: *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 45–48, 63, 66, 87, 195.

[64] Он всего один раз упоминается в Повести временных лет именно в легенде о Кие. См.: *Творогов О.В.* Лексический состав "Повести временных лет". Киев, 1984. С. 47; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). В 10-ти т. М., 1989. Т. II. С. 357.

[65] ПСРЛ. СПб., 1862. Т. 9. С. 4.

[66] *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 187.
[67] ПСРЛ. М., 1995. Т. 41. С. 4.
[68] ПСРЛ. Т. I. Стб. 5–6.
[69] Там же. Стб. 10.
[70] См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. С. 31–35; *Он же.* Город Кия С. 33; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 51; *Он же.* Город Кия. С. 33; *Толочко П.П.* Древний Киев. С. 20–21; *Он же.* Древняя Русь. С. 14–17; История Киева. Т. I. С. 51; *Котляр Н.Ф., Смолий В.А.* История в жизнеописаниях. С. 12.
[71] Прокопий из Кесарий. Война с готами. Перевод С.П. Кондратьева. М., 1950. С. 295–297; Свод древнейших письменных известий о славянах // Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М., 1994. Т. 1 (I–VI вв.). С. 179–181.
[72] Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 183, 185.
[73] *Иванов Й.* Надгробният надпис на Хилвуда // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. София. 1902. Кн. 62. С. 64.
[74] *Брайчевский М.Ю.* К истории расселения славян на византийских землях // ВВ. 1969. Т. 19. С. 129; *Литаврин Г.Г.* О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // ВВ. 1986. Т. 47. С. 28 (автор не сомневается в славянском, а точнее, антском происхождении имперского стратига Хилбуда); Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. С. 214–215, 231–232.
[75] См.: *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь... С. 35; *Он же.* Город Кия. С. 33; *Он же.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. С. 51.
[76] См., например: *Мавродин В.В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949. С. 17; *Скрынников Р Г.* История Российская. С. 101.
[77] Но, в отличие от Кия, Святослав, по летописным свидетельствам, не являлся основателем Переяславца на Дунае. Ср.: *Мельникова Е.А.* Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической перспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 158; см. более подробно о Переяславце: *Перхавко В.Б.* Переяславец "Повесть временных лет" // Векове. София. 1988. № 4. С. 20–24; *Он же* Летописный Переяславец на Дунае // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 168–182; *Он же.* Где же находился дунайский град Переяславец? // BSl. Praha, 1994, R.LV. № 2. С. 278–290; см. также главу 3 данной монографии.
[78] *Ловмяньский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 145, прим. I; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 88.
[79] *Костомаров Н.И.* Собрание сочинений: Исторические монографии и исследования. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 13. С. 307–308.
[80] НПЛ. С. 104; *Ранчин А.М.* Представления об истории в "Повести временных лет" // Вехи русской истории в памятниках культуры. Можайск, 1998. Вып. V. С. 482–483.
[81] См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. В 8 т. М., 1994. Т. I. С. 108. В Отделе рукописей ГИМ хранится летописный сборник XVII в. с легендами о Славене и Русе. См.: *Тихомиров М.Н.* Летописные памятники. б. Синодального (патриаршего) собрания // ИЗ. М.; Л., 1942. № 13. С. 256–283.
[82] См.: *Соколова В.К.* Русские исторические предания. М., 1970. С. 10-11.

Глава 2

Средневековый Доростол и Русь

Истоки современного болгарского г. Силистры на правом берегу Дуная, у границы с Румынией, начинаются с древнего фракийского поселения и возникшего здесь позже, в I в. н.э., римского укрепленного лагеря. На его месте в IV в. была построена каменная крепость и сформировался город, ставший со временем важным политическим, военно-административным, торговым и церковным центром Нижнего Подунавья. С античной эпохи он назывался Доростол (латинск. Durostrum, греч. Δορὺστολον). Славяне же восприняли его местное фракийское наименование "Драстра", лишь слегка видоизменив топоним: "Дерестър, Деръстеръ" – Повести временных лиц; "Дръстр" – среднеболгарских переводов XIV в. Хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии. В начале X в. он приобрел у византийцев еще одну форму "Дристра" (Δρίστρα)[1].

Византия придавала большое значение Доростолу, крепость которого защищала ее северные рубежи от набегов славян и вар. Еще при императоре Юстиниане (525–567) в нем появились новые укрепления, но они не смогли, однако, спасти его от временного захвата аварами в 586 г. Восемью годами позднее византийский полководец Приск использовал Доростольскую крепость как базу для ведения военных действий против славянских племен за Дунаем.

С приходом на Нижний Дунай Аспаруха (681 г.) город на три столетия перешел во владение болгар. В.Н. Татищев даже ошибочно считал "Дестр" столицей Болгарии. Во всяком случае он имел тогда первостепенное значение и как крепость, и как дунайский порт, и как политический, и как церковный центр, являясь, по мнению П. Мутафчиева и Г.А. Атанасова, в 927–971 гг. резиденцией болгарского патриарха[2].

Победив в 971 г. великого киевского князя Святослава и захватив Болгарию, византийский император Иоанн Цимиский дал городу в память святого мученика Феодора Стратилата (по другой версии – в честь своей жены Феодоры) новое имя "Феодорополь", которое, однако, надолго не прижилось. В 976–1000 гг. Доростол вновь отошел к Болгарии до вторичного завоевания Византией. В XI–XII вв. он был центром пограничной византийской фемы Паристрион, сохранились печати его стратигов, в частности, Леона Саракинопула, императорского протоспафария и стратига Иоаннополя (Великого Преслава) и Доростола конца X в. В городе находился и византийский епископ, а с XII в. – митрополит. О богатом торговом значении города в тот период свидетельствуют

свинцовые печати его коммеркиариев (таможенных чиновников). Как предположил В. Бешевлиев, с Доростолом можно также отождествлять крепость Мундрагу, упомянутую в византийских источниках X в. Спорным остается вопрос о соотношении Доростола и хорошо укрепленного средневекового центра X–XIV вв., расположенного на дунайском острове Пэкуюл-луй-Соаре, в 18–20 км ниже по течению Дуная, и скорее всего выполнявшего функции крепости, защищавшей его от неожиданных нападений неприятеля. После восстания болгар 1185 г. и последовавшей ликвидации византийского господства в Нижнем Подунавье Доростол на протяжении двух столетий входил в состав Второго Болгарского царства. В конце XIV в., покорив Болгарию, турки-османы переименовали город в Силистру и сделали его центром Силистринского санджака[3].

С 1969 г. на территории современной Силистры начались археологические раскопки. Их результаты позволили значительно расширить представление о средневековом этапе развития этого древнего города. В истории его крепостного строительства болгарские археологи выделяют три основных периода. После разрушения позднеримской стены (IV в.) в V–VI вв. была возведена из больших каменных блоков новая ранневизантийская крепость с угловыми башнями и двумя воротами, пришедшая в упадок с приходом тюрко-болгар и возникновением Первого Болгарского царства. Очевидно, в первой половине IX в. ее вновь перестроили для защиты со стороны Дуная подходов к тогдашней болгарской столице – Плиске. Во время военных действий князя Святослава Игоревича против болгар и византийцев в 967–971 гг. крепостные сооружения Доростола подверглись значительным разрушениям, но в XI в. были вновь восстановлены. Доростольская крепость имела предградье с торгово-ремесленными кварталами. В процессе ее раскопок открыты остатки средневековых каменных стен, башен и домов, византийские и болгарские монеты, столовая посуда и другие разнообразные ремесленные изделия[4].

В эпоху средневековья Доростол, дважды входивший в состав Византийской империи, а также Первого и Второго Болгарских царств, был хорошо известен на Руси, где прекрасно сознавали его военно-стратегическое, политическое и торгово-экономическое значение. Впервые летописный Дерестр упомянут в Повести временных лет под 902 г., когда после поражения болгар от венгров, нанятых византийским императором Львом VI, болгарский царь "Семеонъ въ Деръстеръ убежа"[5]. И позднее крепость в Доростоле не утратила свою важную военно-стратегическую роль. Через нее осуществлялись связи болгарских столиц – Плиски и Преслава Великого с Задунайской Болгарией, она охраняла подступы к столицам со стороны Дуная будучи связанной с ними сухопутными дорогами[6].

Возможно, еще до балканских походов великого киевского князя Святослава 967–971 гг. русам был известен путь вверх по Дунаю, от его

устья к Доростолу. Но даже, если это было так, вряд ли купцы из Руси совершали туда в X в. регулярные поездки, как в столицу Византии, привлекавшую их изысканными товарами, чего нельзя сказать о более бедных рынках Первого Болгарского царства. Безусловно, походы Святослава на Балканы было бы упрощенно объяснять лишь торговыми интересами молодого древнерусского государства; помимо них, существовали не менее важные причины политического и военно-стратегического характера.

Из летописного описания военных действий 967 г. и последующих лет, когда Святослав Игоревич "взя город 80 по Дунаеви, и седе княжя ту в Переяславцы", видно, что древние русы и ранее плавали не только вдоль Черноморского побережья, но иногда и вверх по Дунаю, важной международной торговой артерии, сквозная навигация по которой осуществлялась от Черного моря и до Железных Ворот[7].

Вопреки мнению П. Мутафчиева, Доростол подобно летописному Переяславцу (Малому Преславу), скорее всего, был взят русами уже на первом этапе балканской кампании Святослава (хотя как Начальный летописный свод конца XI в., так и Повесть временных лет об этом умалчивают, и входил в число 80 (цифра явно завышена) захваченных дунайских "градов"[8]. По свидетельству Льва Диакона (Книга V), после первого поражения от русов в районе Дунайской дельты "мисяне" (болгары) "обратились в бегство и постыдным образом заперлись в безопасной крепости своей Дористоле"[9]. Остается лишь гадать, пришлось ли его (как и летописный Переяславец) брать штурмом вторично после ухода в Киев в 969–970 гг., а затем возвращения на Дунай большей части дружины Святослава. Во всяком случае, вряд ли киевский князь мог двигаться в 967 г. от Дуная к Преславу Великому и дальше на юг, оставив у себя в тылу Доростол с укрывшимся за его стенами болгарским войском.

Именно у Доростола в июле 971 г. произошла последняя и, как оказалось, решающая битва воинов Святослава с византийским войском во главе с императором Иоанном Цимисхием, а также был подписан мирный договор Руси с Византией. Впервые в практике двусторонних отношений его подписание состоялось на поле брани, далеко от столиц обоих государств. К тому же это единственное из русско-византийских соглашений X в., чье содержание известно не только по Повести временных лет, но и по византийским источникам (хроникам Льва Диакона конца X в., Иоанна Зонары и Иоанна Скилицы XI в.). Доростольскому договору 971 г. посвящена довольно обширная литература, его анализом занимались многие отечественные и зарубежные ученые (А. Чертков, Е. Белов, Д. Багалей, А.В. Лонгинов, П.О. Карышковский, С.М. Каштанов, А.Н. Сахаров, Р.Л. Хачатуров, А. Стоунс, Я. Малингудис и др.), но ряд весьма существенных моментов остаются по-прежнему дискуссионными, нуждаясь в дальнейшей разработке[10]. Одна из связанных с ним проблем, подлежащих выяснению, – причина расхождений

информации составителей Повести временных лет и византийских хроник о содержании договора. Во-первых, в отличие от последних древнерусский летописец, основываясь главным образом на устных дружинных преданиях о походах Святослава, ошибочно полагал, что в момент проведения предварительных переговоров о мире великий киевский князь "посла слы ко цареви в Деревьстръ, бо бе ту царь" (Лаврентьевская летопись) или "послаша лъпьишии мужи къ цареви; и придоша в Дерьстеръ и повъдаша цареви" (Ипатьевская летопись)[11]. В действительности же, Доростол в тот момент был в руках не византийцев, а Святослава, направившего послов оттуда в расположенный рядом укрепленный лагерь Иоанна Цимисхия, как свидетельствует современник событий Лев Диакон[12].

Во-вторых, в Повести временных лет при изложении сути договора 971 г. упоминается лишь о клятвенном обещании русов не совершать больше нападений на Болгарию, Византию и ее владения в Крыму ("на власть Коръсуньскую"), но нет ни слова об обязательствах византийской стороны, отраженных в хрониках Диакона, Зонары и Скилицы[13]. Одно из них касалось свободного пропуска русского войска на родину, и его толкование не вызывает споров, второе – возобновления нормальных торговых отношений между Византией и Русью. В трудах некоторых историков явно по недоразумению ошибочно утверждается о поставках хлеба из Руси в Византийскую империю[14]. Очевидно, их ввел в заблуждение неверный перевод Д. Попова (1820 г.) с греческого на русский язык хроники Льва Диакона, который будто бы упомянул в числе предложений киевского князя Святослава по заключению мирного договора с Иоанном Цимисхием под Доростолом в 971 г. и такое условие, как "позволить привозить к себе хлеб и посланных для торговли в Византию считать по прежнему обычаю друзьями"[15]. на самом деле по тексту, русские, не добившись победы на Дунае, просили византийцев беспрепятственно пропустить их на родину и обеспечить съестными припасами на обратную дорогу ("снабдят их продовольствием"). Приняв условия мира, византийский император "дал им хлеба – по два медимна (около 20 кг – *В.П.*) на каждого" (в отличие от русов византийцы перед походом хорошо запаслись зерном)[16]. Точно также по ранее заключавшимся соглашениям 907 и 944 гг. древнерусские купцы получали от византийцев хлеб и другие продукты во время их шестимесячного пребывания в Константинополе и на обратную дорогу на родину. Русское же зерно не поступало не только в удаленную столицу Византийской империи, но и в находившиеся поблизости ее владения в Крыму[17]. По информации Константина VII Багрянородного (середина X в.), хлеботорговля в крупнейшем крымском центре – Херсонесе зависела от поставок с южного побережья Черного моря, из Малой Азии[18].

Еще одно положение договора 971 г. о том, что "византийцы будут считать своими друзьями тех, которые будут посылаемы по торговым делам в Византий, как было установлено прежде" (Лев Диакон), "а ски-

фам (т.е. русам – *В.П.*), если пожелают, – безопасно приходить по торговым делам" (Иоанн Скилица), вызвало почему-то сомнение у А.Н. Сахарова и у Р.Г. Скрынникова, хотя здесь нет ничего удивительного[19]. В нем проявилась заинтересованность прежде всего Руси в возобновлении торговли с империей, приносившей значительные доходы древнерусской княжеско-дружинной верхушке, тем самым воинам-купцам, которые участвовали в традиционных торговых экспедициях в Константинополь. М.С. Грушевский даже полагал, что в 971 г. "торговые отношения были подтверждены особым трактатом", дополнившим мирное соглашение[20].

Даже часть отмеченных выше несоответствий (в действительности их гораздо больше) между информацией Повести временных лет и византийских хроник о балканских походах князя Святослава и договоре 971 г. свидетельствует против гипотезы А.А. Шахматова об использовании древнерусским книжником греческого или болгарского источника, на что уже не раз обращалось внимание в литературе[21].

Поскольку даже в кратком виде содержание договора 971 г. не излагается в Новгородской первой летописи младшего извода, его текста явно не было в распоряжении составителей древнейших летописных сводов XI в. Составитель же Повести временных лет в начале XII в. при описании действий князя Святослава в Нижнем Подунавье и на Балканах вынужден был опираться преимущественно на дружинные предания. Вероятнее всего, ему пришлось довольствоваться ознакомлением лишь с каким-то фрагментом текста русско-византийского соглашения, заключенного у Доростола. Во всяком случае он не имел возможности полностью передать содержание этого документа.

Но одно из свидетельств Повести временных лет все же было ранее документировано. Впервые в процедурной практике оформления русско-византийских соглашений текст договора 971 г. на пергаменте был скреплен с обеих сторон печатями: "написан на харатьи сеи и своими печатьми запечатахомъ"[22]. Это известие подтверждается находкой (увы, пока единственного экземпляра, да и то позже утраченного) свинцовой печати князя Святослава Игоревича с изображением родовой тамги Рюриковичей – двузубца[23]. Аналогичные схематичные знаки-граффити известны на арабских дирхемах X в. из нескольких монетных кладов (Погорельщинского на северо-западе России; в Эстонии и Швеции), а также на костяном кистене из Саркела-Белой Вежи, посуде из Белгородки, Изяславля, Родни, свинцовых пломбах из Дрогичина[24]. Появление у князя Святослава своей печати свидетельствует о понимании русами престижности буллы как определенного символа власти, что ставило правителя Руси как бы на один уровень с византийскими императорами и высшими должностными лицами. И в этом плане в 971 г. даже в военно-полевых условиях подписания договора русы поднялись на новый, более высокий уровень в сравнении с соглашением 944 г., когда свинцовые вислые печати еще не использовались в Киеве. После за-

ключения Доростольского мира часть дружины во главе с великим князем Святославом отправилась на ладьях в Киев, но в начале 972 г. была разбита ордой печенежского хана Кури в районе Днепровских порогов.

Связи с Доростолом и другими нижнедунайскими центрами в более поздний период в XI–XII вв., безусловно, нельзя рассматривать вне контексте ее отношений с Византией и с половецкими ордами, не раз вторгавшимися в Нижнее Подунавье. Проникновение печенегов, а затем и половцев не могло не осложнить торговые и этнокультурные контакты с ним древнерусских земель[25]. Распространению там русского влияния явно препятствовали и византийские власти, хотя из-за неустойчивой ситуации, осложненной напором кочевников и восстаниями болгар, империя временами на протяжении XI–XII вв. теряла контроль над своей фемой Паристрион.

После неудачной попытки князя Святослава включить Нижнее Подунавье в состав своего огромного государства Русь по-прежнему сохраняла тесные связи с этим важным регионом, поддерживая в XI–XII вв. с ним и экономические, и политические, и этнокультурные отношения. С покорением Болгарии и установлением там господства Византии провинциальные византийские рынки еще больше приблизились к восточнославянским землям. Сознавая значение Нижнего Подунавья, великий киевский князь Владимир Мономах попытался продолжить политику своего прапрадеда Святослава Игоревича в данном направлении, для чего использовал самозванца Леона (Льва) "Диогеновича", выдававшего себя за сына императора Романа IV Диогена (1068–1071) и женившегося на дочери Мономаха Марице. От брака с ней этот авантюрист имел сына Василия, который в Лаврентьевский и Ипатьевской летописях фигурирует как "внукъ Володимерь", "царевич", "Василко Леоновичь", "Маричичь"[26]. Еще в 1095 г., по свидетельству Повести временных лет, "идоша половци на грькы с Девгеневичемъ воеваша по Гречьстеи земли; и цесарь я Девгенича, и повеле и слепити"[27]. Неясно, однако, был ли ослепленный в 1095 г. самозванец Диогенович и Лжедиоген, зять Владимира Мономаха одним лицом?

О попытке Льва (Леона) Диогеновича захватить византийский престол или хотя бы установить свою власть на части территории Византии сообщается и в "Алексиаде" Анны Комнины. По ее свидетельству, Лже-Диоген ходил в поход на Византию в конце XI в. вместе с половецким ханом Тугорканом (Тогортаком), но был схвачен и ослеплен[28]. Под 1116 г. в Ипатьевской летописи сообщается об авантюре, очевидно, второго Лжедиогена: "Иде Леонь царевичь, зять Володимерь, на куръ от Олексия царя, и вдася го(ро)довъ ему Дунайскихъ неколко и в Дельстре городе лестию убиста и два Сорочинина посланая царем месяца августа в 15 день"[29]. Не разобравшись полностью в сути летописного известия, В.Н. Татищев писал о том, как во время похода Лжедиогена в Нижнее Подунавье византийский император "Алексий же, не хотя со Владимиром воеваться, послав послов и встретя на Днестре, мир учи-

нил, дав Леону во владение по Дунаю несколько городов"[30]. Самозванец, отправляясь в поход на Нижний Дунай мог рассчитывать главным образом на поддержку местного болгарского населения и великого киевского князя Владимира Мономаха, но не на компромисс с византийским императором Алексеем I Комнином.

Владимир Мономах, скорее всего, еще до гибели Лжедиогеновича направил в помощь ему летом 1116 г. свои отряды: "В се ж е лето князь великыи Володимеръ посла Ивана Воитишича и посажа посадники по Дунаю"[31]. Но направленных в Нижнее Подунавье сил оказалось явно недостаточно, и после гибели самозванца Доростол вновь перешел в руки византийцев. Весть об этом достигла Киев не ранее сентября и сразу же вызвала ответную реакцию Владимира Мономаха, решившего послать в нижнедунайские земли одного из своих сыновей – Вячеслава с дружиной и опытным воеводой, однако и эта последняя попытка закрепиться там не увенчалась успехом: "Тоъ же лете ходи Вячеславъ на Дунаи с Фомою Ратиборичемъ и, пришедъ къ Дьрьсту, и въспевше ничто же, воротишася"[32].

Как справедливо указал Г.Г. Литаврин события 1116 г. на Нижнем Дунае далеко выходят за рамки обычного пограничного конфликта между Русью и Византией, однако, вопреки выдвигавшейся ученым ранее гипотезе они не связаны непосредственно с захватом византийцами Тмутаракани, о чем писал также В.Т. Пашуто[33].

Подоплека русско-византийских столкновений в Нижнем Подунавье в 1116 г., когда Киев сделал первоначально ставку на Леона Диогеновича, заключалась в ином. Первая жена будущего императора Романа IV Диогена (1068–1071), являвшегося одно время наместником Сердики (Софии), принадлежала к болгарскому царскому роду. Данное обстоятельство позволяло самозванцу, выдававшему себя за сына Романа IV Диогена, претендовать не только на византийский престол, но и на Болгарию. Во всяком случае, выступая против Византии, Лжедиоген явно рассчитывал на поддержку болгарского населения Нижнего Подунавья, надеялся на то, что оно поднимется на восстание против византийского господства[34]. Надеждам этим, однако, не суждено было в полной мере осуществиться, хотя несколько болгарских городов Нижнего Подунавья (в том числе, очевидно, и Доростол) перешли в 1116 г. на сторону Леона Диогеновича.

В.Н. Татищев привел под 1119 г. еще одно свидетельство, касающееся русско-византийских отношений в районе Нижнего Подунавья: "Владимир, хотя отмстить греком смерть зятя своего Леона и удел его удержать оставшему младенцу, сыну его Василию, велел всем своим войскам готовиться, також звал всех протчих князей в помочь. Наперед же к Дунаю послал воеводу Яна Вишатича, а сам хотел со всеми князи весною идти. Алексий же император, уведав о том, прислал ко Владимиру великое посольство, митрополита, епископов и вельмож знатных со многими дарами... и нарекши себе братом и царем, а при том просил о

мире"[35]. Далее историком описываются переговоры посольства из Византии в Киеве, а также условия договора, заключенного позже в Константинополе: Владимир Мономах выдавал замуж за наследника византийского престола Иоанна II Комнина внучку, дочь Мстислава Владимировича, а из нижнедунайского "удела" своего внука Василия Леоновича "городы уступил Иоанну, нареченному зятю сына его"[36]. В числе этих городов должен был непременно фигурировать и Доростол, но ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской, ни в Радзивиловской летописях нет никаких даже косвенных подтверждений информации В.Н. Татищева. В ряде же поздних летописных источников XVI–XVII вв. (Никоновской и Холмогорской летописях, Степенной книге, Мазуринском летописце и др.) приводится легендарное известие о получении Владимиром Мономахом "царских даров" от императоров Константина IX Мономаха либо (по другой версии от Алексея I Комнина)[37]. Последний, правда, скончался в 1118 г., то есть за год до датированного В.Н. Татищевым эпизода в русско-византийских отношениях. Еще раньше, в 1106 г., умер киевский воевода Ян Вышатич. Все это в комплексе заставило П.Н. Жданова усомниться в реальности татищевского известия 1119 года[38]. У ряда же других ученых (Б.А. Рыбакова, А.Г. Кузьмина, А.А. Горского) оно с корректировкой даты на 1118 г. вызывает доверие, хотя, скорее всего, является амплификацией (дополнением) историка XVIII в.[39] Более подробный разбор этого сюжета увел бы слишком далеко в сторону от нашей основной темы, поэтому вернемся все же к подлинным данным по истории средневекового Доростола и его связей с Русью. В отличие от Новгородской первой летописи, в которой отражен Начальный летописный свод конца XI в., он четырежды упоминается в "Повести временных лет", чей составитель хорошо представлял первостепенное значение этого нижнедунайского центра[40]. По справедливому утверждению Анны Комнины, Дристра – "это самый знаменитый среди приистрийских городов"[41].

В первой четверти XII в., при Владимире Мономахе византийцы дважды сумели противостоять древнерусским дружинам и удержать в своих руках нижнедунайские центры. Но власть там порой переходила к вождям вторгавшихся не раз кочевников – печенегов и половцев (куманов). Один из них, Татуш, по прозвищу Хали, как свидетельствует Анна Комнина, какое-то время являлся правителем Доростола[42].

После очередной стабилизации обстановка на Нижнем Дунае на протяжении второй четверти XII в. и укрепления там власти Византии в 1148 г. вновь вспыхнула византийско-половецкая война. Именно в это время живший в столице империи византийский ученый и литератор Иоанн Цец (1110–1180) получил в подарок от своего близкого друга Леона Харспириата, митрополита Доростола, мальчика-слугу "Севальда, переименованного им в Феодора, и вырезанную таврами, то есть росами чернильницу из рыбьей кости, покрытой затейливой резьбой, превосходящей по красоте известные творения Дедала"[43]. Письмо Цеца

митрополиту по последним данным датируется 1148 г., когда происходило вторжение половцев в нижнедунайские владения Византии[44]. Под чернильным прибором из "рыбьей кости" в нем явно подразумевается древнерусское изделие из моржового клыка, поступавшего в Византию из Северной Руси через Новгород и Киев. Правда, мы не знаем, где же был изготовлен русским ремесленником этот прекрасный образец мелкой пластики: в самой ли Руси либо в одном из нижнедунайских центров, где жило немало выходцев из восточнославянских земель. Но в том или ином случае перед нами прямое указание на продолжившиеся в XII в. экономические и этнокультурные контакты Руси с Нижним Подунавьем. Присланный из Доростола в качестве слуги мальчик носил славянское имя Севальд (Всеволод?), но по своему происхождению был "не русским, а мизийцем", то есть болгарином. Впрочем, познания Иоанна Цеца в русском языке, кажется, ограничивались несколькими несложными русскими приветствиями типа "здравствуйте, брате, сестрица; добрый день"; о его же знакомстве с болгарским языком вовсе ничего неизвестно, однако, он четко представлял расположение Мезии[45]. Возможно, называя мальчика "мизийцем", Цец подразумевал лишь его место рождения в Болгарии (скорее всего, в Нижнем Подунавье). Среди этнически пестрого населения нижнедунайских земель, включавшего и болгар, и греков, и восточных романцев, и русских, вполне могли распространиться (особенно в смешанных семьях) восточнославянские имена; Анна Комнина упоминает среди варварских правителей нижнедунайских городов в конце XI в. некого Сеслава (Всеслава)[46]. Возможно, из такой смешанной семьи происходил и мальчик Всеволод (Севальд), оставшийся без родителей и попавший через митрополита Доростола в услужение к Иоанну Цецу, у которого он вызывал раздражение своим неумением и болезненностью поэтому было бы ошибочно полагать, что он и является тем самым русским ремесленником, занесенным судьбой в пограничную византийскую фему "Паристрион" и изготовившим чудесную чернильницу из моржовой кости[47]. Ссылаясь на письмо Иоанна Цеца, нет оснований также заявлять о поступлении рабов из Руси в Нижнее Подунавье в XII в., как об этом, например, пишет Б.А. Рыбаков[48]. В тексте письма мальчик Севальд прямо не назван рабом. Присланный из Доростола в Константинополь, по словам Иоанна Цеца, он скорее раболепствовал, чем прислуживал, поражая своей неуклюжестью столичного византийского литератора[49].

В XI–XII вв. еще больше возросло торговое значение Доростола, стоявшего на оживленном речном пути и связанного сухопутными дорогами с другими нижнедунайскими центрами – с Великим Преславом, Шуменом. Как свидетельствует арабский географ ал-Идриси (около 1154 г.), "От Дириcтра (т.е. Доростола – *В.П.*) через степь до города Барасклафиса (Малого Преслава – Переяславца – *В.П.*) на восток четыре дня (пути)"[50]. И киевские, и галицкие купцы, видимо, не раз посещали Доростол, привозя меха, кожи, моржовую кость в обмен на вина,

южные фрукты, специи, изделия провинциального византийского ремесла. Подтверждением таких торговых поездок являются древнерусские вещи, найденные при раскопках в Силистре: около 30 экземпляров пряслиц (дисков для прядения), изготовленных из розового и фиолетового пирофиллитового сланца (шифера), добывавшегося в окрестностях Овруча, к западу от Киева; три бронзовых креста-складня (энколпиона)[51]. Говоря о связях средневекового Доростола с Русью нужно учитывать, что через него часть изделий древнерусских ремесленников с купцами либо прочими их владельцами проникали дальше на запад и на юг Болгарии, где они известны и в Ветрене (два креста-энколпиона и одно овручское пряслице), и в Видине (энколпион), и Преславе (энколпион), и в Шумене (энколпион и дверной замок трубчатой формы), и в Велико-Тырнове (дверной замок и энколпион)[52]. Древнерусские пряслица для прядения, дверные замки и кресты-энколпионы обнаружены также при раскопках укрепленного центра на близлежащем дунайском острове Пэкуюл-луй-Соаре, в эпоху средневековья тесно связанном с Доростолом[53]. Несомненно, какая-то часть упомянутых выше предметов (например, кресты-складни), поступила в XI–XIII вв. не в качестве мелких сопутствовавших товаров древнерусского экспорта в Нижнее Подунавье, а как личные вещи выходцев из Руси (купцов, путешественников, воинов, переселенцев и др.).

На Руси знали о Доростоле и после монгольского нашествия. В "Списке русских городов дальних и ближних", помещенном в Воскресенской летописи и Новгородской первой летописи младшего извода, а составленном в 90-х гг. XIV в., упоминается и ряд болгарских городов в Подунавье и на Черноморском побережье, в том числе "по Дунаю: Дрествин"[54]. Это последнее упоминание средневекового Доростола в русских летописных источниках. Других письменных свидетельств его контактов с Русью для этого периода не имеется.

Примечания

[1] См.: *Тодоров Я* Durostrum. Принос към античната история на Силистра // Добруджа и Силистра. София. 1927. С. 3–58; *Романски С* Имената на два крайдунавски града: 1. Видин. 2. Силистра // Сборник в чест на проф. Л. Милетич. София, 1933. С. 257–258; Кузев А. Приноси към историята на средновековните крепости на Долния Дунав. IV. Силистра и Хърсово // ИНМВ. 1969. Год V (XX). С. 138–143; Дуросторум-Дръстър-Силистра (Сборник с изследвания). Съставители: С. Христов, Р. Линчев, Г. Атанасов. Силистра, 1988; В "Апокрифической болгарской летописи" (XI – начало XII в.) повествуется, как Испор-царь (хан Аспарук) воздвиг в числе прочих городов "на Дунае Дристру-град" (См.: *Иванов Й* Богомилски книги и легенди. София, 1925. С. 280–286). В действительности это древнее поселение было основано фракийцами и укреплено римлянами гораздо раньше прихода в Нижнее Подунавье тюрко-болгар. Столь же ошибочно мнение о том, что "широкая русская колонизация

прибрежных рек Днестра, Прута и Серета (с выходом к устью Дуная и в Черное море) создала тут многие русские города: Дрествин, Черн, Белгород, Романов торг и др." (См.: *Житецкий Н.* Смена народностей в южной России // Киевская старина. 1883. Т. VI. Июль. С. 433; *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 168).

[2] См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1994. Т. I. С. 206, прим. 48; *Мутафчиев П.* Добруджа. Сочинения. София, 1947. Т. IV. С. 295–305; *Атанасов Г.* Дръстър и патриаршията на Първото българско царство // Дуросторум— Дръстър—Силистра. Силистра, 1988.

[3] Название Дуросторум или Силистра показано на многих западноевропейских картах XVI–XVIII вв. См.: *Мутафчиев П.* Добруджа. Т. IV. С. 275–360; *Кузев А.* За имената на средновековната крепости на Дунавския остров Пъкуюл луи Соаре // ИНМВ. 1977. Кн. XIII (XX VIII) С. 57–69; *Он же.* Дръстър // Градове. С. 177–195; Дуросторум—Дръстър—Силистра. Силистра, 1988; *Baraschi S* Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha in dem schriftlichen Quellen des XI. bis XV. Jahrhunderts // Dacoromania. Freiburg; München, 1977–1978. Bd. 4. S. 29–32, 35–37, 43–47.

[4] См.: *Кузев А.* Дръстър. С. 177–186; *Ангелова С.* Средневековый Дрыстр (Силистра) // Тр. V МКСА. М., 1987. Т. III. Вып. Ia. С. 5–11; *Она же.* Археологическото проучване на средновековния Дръстър (резултати и перспективы) // Дуросторум – Дръстър – Силистра. Силистра, 1988.

[5] ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 29; М., 1998. Т. 2. Стб. 20.

[6] *Кузев А.* Дръстър. С. 182.

[7] ПСРЛ. Т. I. Стб. 65; Т. 2. Стб. 53; Пловидба на Дунаву и његовим притоками кроз векове. Београд, 1983. С. 30–36; *Перхавко В.Б.* О торговых контактах Киева с Болгарией в IX–XII вв. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 93–95; *Todorova E.* River trade in the Balkans during the Middle Ages // EB. 1984. N 4. P. 42–44.

[8] *Мутафчиев П.* Добруджа. Т. IV. С. 306–308.

[9] *Лев Диакон.* История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1988. С. 44; *Leonis Diaconi.* Caloensis Historiae libti decem. Rec. C.B.Hasii. Bonnae, 1828.

[10] Наиболее полный и подробный историографический разбор литературы, касающейся русско-византийского договора 971 г., сделан А.Н. Сахаровым. См.: *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 53–92 (Изд. 2-е, дополн. М., 1991. С. 49–90). См. также новейшие публикации, которые не могли быть учтены в монографии А.Н. Сахарова: *Хачатуров Р.Л.* Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988. С. 87, 97; *Соболева Н.А.* Русские печати. М., 1991. С. 90–93; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. с. 14–57; *Malingoudi J.* Die russisch-byzantinischen Verträge des 10 Jh. aus diplomatischer Sicht. Thessaloniki, 1994. S. 51–54, 107.

[11] ПСРЛ. Т. I. Стб. 72; Т. 2. Стб. 60.

[12] *Лев Диакон.* История. С. 81.

[13] ПСРЛ. Т. I. Стб. 73; Т. 2. Стб. 61; *Лев Диакон.* История. С. 81, 132; ГИБИ. София, 1965. Т. VI. С. 266–274; *Leonis Diaconi.* Op. cit. P. 155–158; Georgius Cedrenus Ioannis Scylicae Compendiam historiarum. Bonnae, 1839. Vol. 2. P. 397–400; Ioannis Zonarae Epitome historiarum. Lipsiae, 1871. Vol. IV. P. 101.

[14] *Козловский И.* Краткий очерк истории русской торговли. Киев, 1898. Вып. I. С. 6; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 193 (М., 1991. С. 188–189).

[15] История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. Д. Попова. СПб., 1820. С. 97.

[16] *Лев Диакон.* С. 81.

[17] ПСРЛ. Т. I. Стб. 31, 48–49; Т. 2. Стб. 22, 37; *Перхавко В.Б.* Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4. С. 17.

[18] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. (Текст, перевод, комментарии). М., 1989. С. 274, 275; см. также: *Кропоткин В.В.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967. С. 20–23; *Богданова Н.М.* Херсон в X–XV вв. проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М., 1991. С. 55, 58, 59.

[19] *Лев Диакон.* С. 81, 132; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 193–194 (М., 1991. С. 188–189); *Скрынников Р.Г.* Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11–12. С. 37; *Он же.* История Российская. IX–XVII вв. М., 1997. С. 44; ср. с мнением ученых, которые не сомневаются в наличии такого положения в русско-византийском соглашении 971 г.: *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 287; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 72; *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 31–32.

[20] *Грушевський М.С.* Історія України – Руси: В11 т., 12 кн. Київ, 1991. Т. I. С. 475.

[21] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 122–124; *Он же.* Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 128; см. противоположную точку зрения: *Карышковский П.О.* Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 947–971 гг.: Автореф. дисс. ... кан. ист. наук. М., 1951. С. 1–14; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 341–345; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 208; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 28–32 (М., 1991. С. 25–27); *Перхавко В.Б.* Летописный Переяславец на Дунае // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 176.

[22] ПСРЛ. Т. I. Стб. 73; Т. 2. Стб. 61.

[23] См. о ней *Янин В.Л.* Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1970. Т. I. С. 40.

[24] См.: *Болсуновский К.В.* Дрогичинские пломбы. Киев, 1894. Ч. I. Табл. I: 31.34; *Добровольский И.Г., Дубов И.В., Кузьменко Ю.К.* Граффити на восточных монетах: Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 69–71. Рис. 2: 42–46; *Мельникова Е.А.* Граффити на восточных монетах из собраний Украины // ДГ, 1994 г. М., 1996. С. 278–279.

[25] См.: *Тъпкова-Заимова В.* Долни Дунав – гранична зона на Византийския Запад. София, 1976. С. 116–132; *Павлов Пл.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII вв. // Добруджа. Варна. 1986. Кн. 3. С. 11–12; *Атанасов Г.* Етнодемографски промени в Добруджа (X–XVI в.) // ИП. 1991. № 2. С. 79–81.

[26] ПСРЛ. Т. I. Стб. 306; Т. 2. Стб. 283, 298. См. также: *Васильевский В.Г.* Труды. СПб., 1909. Т. II. Вып. I. С. 37–39; *Горский А.А.* Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание. // ИЗ. М., 1987. Т. 115. С. 308–309.

[27] ПСРЛ. Т. I. Стб. 226–227; Т. II. Стб. 217.

[28] *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. СПб., 1996. С. 266–272. По сообщению автора, настоящий сын Романа Диогена Лев погиб в битве с турками под Антиохией (1073 г.), хотя Никифор Вриенний утверждает, что там пал не Лев, а его брат Константин (См.: *Анна Комнина.* С. 210, 553. прим. 931–932; *Васильевский В.Г.* Труды. Т. II. Вып. I. С. 39). Путаница, скорее всего, связана с появлением двух Псевдодиогеновичей: один, очевидно, выдавал себя за Константина, а второй – за Льва.

[29] ПСРЛ. Т. II. Стб. 283.

[30] *Татищев В.Н.* Собрание сочинений: в 8 т. М., 1995. Т. II–III. С. 131; см. также критический разбор этого татищевского известия: *Горский А.А.* Указ. соч. С. 314.

[31] ПСРЛ. Т. II. Стб. 283–284.

[32] Там же. Стб. 284.

[33] "Это отнюдь не простой пограничный конфликт. Брак Лжедиогена с дочерью Мономаха свидетельствует об отказе киевского князя признать законными права Алексея I – узурпатора византийского престола. Для подобного отношения полугрека Мономаха к византийскому двору нужно было иметь весьма веские политические основания". (См.: *Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII веке // ВИ. 1972. № 7. С. 43; см. также: История Византии. В 3-х т. М., 1967. Т. 2. С. 352; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика... С. 87–88, 186.

[34] См.: *Васильевский В.Г.* Труды. Т. II. Вып. I. С. 40–43; *Горский А.А.* Указ. соч. С. 310.

[35] *Татищев В.Н.* Собр. соч. Т. II-III. С. 133 (т. II).

[36] Там же.

[37] См. ПСРЛ. СПб., 1857. Т. 7, С. 23; СПб., 1908. Т. 21. Вып. I. С. 88; М., 1965. Т. 9. С. 144; М., 1968. Т. 31. С. 56–57; Л., 1977. Т. 33. С. 41; М., 1978. Т. 34, С. 72–73 и др.

[38] См.: *Жданов И.Н.* Русский былевой эпос. СПб., 1895. С. 75–76.

[39] Б.А. Рыбаков даже включил этот легендарный рассказ в перечень ретроспективных известий "летописи Изяслава Мстиславича 1146–1154 гг." (См.: *Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор "Слова о полку Игореве". М., 1972. С. 228); А.А. Горский провел детальное сравнение татищевской информации о событиях 1119 г. по первой и второй редакциям "Истории Российской" В.Н. Татищева и обосновал ошибочное упоминание историком XVIII в. Яна Вышатича вместо действовавшего в реальности на Нижнем Дунае Ивана Войтишича, а также сослался на отражение легенды о византийских императорских дарах Владимиру Мономаху в "Слове о погибели Русской земли" (См.: *Горский А.А.* Указ. соч. С. 315–318; БЛДР. СПб., 1997. Т. 5, XIII век. С. 90); см. также: *Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 82–83.

[40] *Кузьмин А.Г.* Указ. соч. С. 288.

[41] *Анна Комнина.* С. 208.

[42] Там же. С. 201.

[43] Ioannis Tzetzae Epistulae. Ed. Leone P.A.M. Lopsiae, 1972. P. 93–96, N 66; *Shepard J.* Tzetzes' Letters to Leo at Dristra // Byzantinische Forschungen 1979. Bd. 6. P. 191–239. Впервые в отечественной историографии это письмо использовал в качестве источника по истории связей Руси с Нижним Подунавьем В.Г. Васильевский (См.: *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 257. С. 149).

[44] *Каждан А.П.* Рецензия на книгу "Ioannis Tzetzae Epistulae // ВВ. 1973. Т. 34. С. 289; *Бибиков М.В.* Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // ЕВ. 1976. № 4. С. 116–120; *Он же.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы (Тексты, перевод, комментарий) М., 1997. С. 108–109. Прим. 67; см. о прежней датировке письма 1147 г.: *Leone P.A.M.*Op. cit. P. XIX; *Hart G* De Tzetzarum nomine, vitis, skriptis // Jahrbuch für classische Philologie. Supplementband 12. Lipsiae, 1880. S. 1 ff.

[45] См.: *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ, 1980 г. М., 1981. С. 64, 67; *Он же.* Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. Спб., 1999. С. 128; История Византии. Т. 2. С. 361; Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 210–212 и др.; *Hunger H.* Zum Epilog des Johannes Tzetzes // BZ. 1934. N 46. S. 305.

[46] См.: *Тъпкова-Заимова В.* Указ. соч. С. 42–44; 57–69, 114–132; *Бибиков М.В.* Этнический облик Северного Причерноморья... С. 116–120; *Он же.* Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 1999. С. 152–154; *Анна Комнина.* С. 201; Некоторые исследователи, впрочем, считают Сеслава (Всеслава) болгарином (См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. София, 1972. Т. II. С. 189; *Павлов Пл.* За руското присъствие на Долни Дунав... С. 120.

[47] *Каждан А.А.* К характеристике русско-византийских отношений в современной буржуазной историографии // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 17–18.

[48] *Рыбаков Б.А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 474; *Он же.* Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 326.

[49] Выражаю признательность М.В. Бибикову за уточнение перевода данного отрывка из переписки Иоанна Цеца. См. также издания: ГИБИ. Т. X. С. 106–107. (Перевод и комментарий письма Иоанна Цеца митрополиту Дристры-Доростола Л. Йончева); Ioannes Tzetzes. P. 120.

[50] *Недков Б.* България и съседните и земи през XII в. според "Географията на Идриси". София, 1960. С. 79.

[51] Археологические находки ремесленных изделий древнерусского производства из Силистры хранятся в Окружном историческом музее в Силистре и на кафедре археологии Софийского университета. Пользуясь случаем приношу благодарность С. Ангеловой (София) и Г. Атанасову (Силистра), любезно ознакомившими автора с древнерусскими вещами, открытыми в Силистре; см. также: *Атанасов Г.* Средновековни кръстове-енколпиони от Дръстър // ИНМВ. 1992. Кн. 28 (43). Обр. 4: 39, табл. 1, 39.

[52] См.: Царевград Търнов. София, 1973. Т. I; *Дончева-Петкова Л.* Древноруски кръстове-енколпиони от България // Археология. 1985. Кн. I. С. 48. Обр. 2; Комша М. Изделия древнерусских гороов на территории к юго-западу от Киевской Руси // Труды МКСА. М., 1987. Т. III. Вып. Ia. С. 100–103; *Атанасов Г., Йорданов И.* Средневековният Ветрен на Дунав. Шумен, 1994. С. 30, 59. Табл. IX, 87.

[53] См.: *Диакону П.* Крепость X–XV вв. в Пэкуюл луй Соаре в свете археологических исследований // Dacia. N.S. 1961. T.V. P. 497; *Diaconu P., Barashi S.* Păcuiul lui Soare. Buc., 1977. Vol. 2. P. 44, 131–133. Fig. 30, 102:3.

[54] ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 240; НПЛ. С. 475.

Глава 3

"Хочю жити в Переяславци на Дунаи"

Часть широко известных в эпоху средневековья городов впоследствии пришли в упадок, превратившись в местечки и даже села, сохранив при этом свои древние исторические названия. В меньшей степени повезло другим, позднее переименованным центрам, в истории которых имеются многочисленные лакуны, с трудом заполняемые современными исследователями. Одним из таких легендарных средневековых городов Нижнего Подунавья является болгарский Преславец (Малый Преслав), известный в древнерусских летописях как "Переяславец на Дунае".

Вокруг его локализации давно уже ведутся споры, как и по поводу роли Переяславца, куда великий киевский князь Святослав Игоревич, согласно летописному свидетельству, намеревался перенести с берегов Днепра свою резиденцию. Порой можно даже встретиться в исторической литературе с мнениями об основании Святославом этого нижнедунайского центра. Информация Повести временных лет о нем нуждается в критическом анализе.

Судьба летописного Переяславца тесно связана с историей русско-болгарских и русско-византийских отношений X–XII вв. Без точной идентификации и локализации Переяславца Повести временных лет нельзя составить полное представление о действиях Святослава во время дунайских походов 967–971 гг. и его внешнеполитических планах на Балканах. Наконец, не решив данную проблему, невозможно дать объективную оценку торгово-экономического значения этого средневекового центра Первого Болгарского царства, а затем, в XI–XII вв., Византийской империи.

Всего шесть раз упоминается он как Переяславец в древнерусской Повести временных лет (а ее составитель заимствовал информацию о нем из Начального летописного свода конца XI в.) при описании событий 967–971 гг. на Дунае во времена великого киевского князя Святослава и единожды по ошибке под 1000 г. в поздней Никоновской летописи, после чего навсегда исчезает со страниц летописей. Но уже не одно столетие он привлекает к себе внимание историков. В литературе дискутируются прежде всего проблема точной локализации Переяславца, его роль во время балканских походов Святослава и торгово-экономическое значение в X–XII вв.

Если бы сведения о Переяславце на Дунае сохранились лишь в Повести временных лет, то вряд ли современным исследователям удалось бы аргументированно ответить на эти вопросы. Но, к счастью, дунайский город Переяславец известен под разными названиями и по другим средневековым источникам: μικρά Περσυλβα византийских хроник XI–XII вв. (Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары), "Малый Преслав" среднеболгарских переводов хроник Зонары и Константина Манассии, Πρεσθλαβίτζα (Преславитца) византийских печатей XI–XII вв., "Барасклафиса" арабского географа ал-Идриси (около 1154 г.), "Прославица" европейских карт XV–XVII вв.[1]

Остановимся прежде всего на проблеме локализации летописного Переяславца на Дунае. Ни Повесть временных лет, ни византийские хроники XI–XII вв. не позволяют более точно определить его местонахождение. Лишь в труде арабского географа ал-Идриси "Развлечение истомленного в странствии по областям", завершенном около 1154 г. в г. Палермо на Сицилии, уточняется положение Переяславца (Преславца) по отношению к другим нижнедунайским центрам. Сам ал-Идриси не был на Нижнем Дунае, но использовал, очевидно, информацию приезжавших туда итальянских купцов, со слов которых писал: "От Дористра (Силистры) через степь до города Барасклафиса (Преславца) на восток четыре дня (пути). Последний город находится на одной реке рядом с болотом. От Барасклафиса до города Дисины (Вичины) на восток четыре дня (пути)"[2].

К сожалению, в отличие от Силистры для самой Вичины трудно точно отыскать место в Нижнем Подунавье, где исследователи пытаются локализовать ее в различных пунктах Добруджи (на острове Пэкуюллуй-Соаре восточнее Силистры, в Мэчине, в районе с. Никулицел у Тулчи, в Измаиле, Исакче), но лишь последняя из выдвинутых гипотез подкреплена достаточно надежными доказательствами[3]. Поэтому вторая часть определения Идриси только отчасти может быть использована для локализации Переяславца. Не исключено, что арабский географ допустил здесь какую-то ошибку, ибо его сведения о нахождении Вичины в четырех днях пути к востоку от Переяславца противоречат более поздним (в основном итальянским) картографическим материалам XV–XVII вв., к которым мы сейчас и обратимся.

На средневековых морских картах XV–XVII вв. (Андреа Бианко 1436 г., Грациозо Бенинказа 1471 г., Николо Паскуалини XV в., Батисто Аньезе 1540–1545 гг., Джорджо Сидери Калапода 1552 г., Диего Гомеша 1570 г., Джовани Касталди 1584 г., Себастиана Кондина 1615 г., "Большом атласе" XVII в. Жоана Блау из Амстердама и других анонимных атласах) в районе дельты Дуная, на самом южном его рукаве, недалеко от впадения в Черное море помещена Прославица (Proslavica, Proslaviza, Proslauiza, Proslaisa), которая правомерно отождествляется с болгарским Преславцем – Малым Преславом[4]. На более поздних картах конца XVII – первой половины XVIII в. (Ю. Жайо 1688, 1692, 1708 гг.,

Дж. Кантели 1689 г., Г. и Л. Волк 1700 г., Н. Вишера 1741 г., Т. Лотера 1750 г.) в низовьях Дуная или рядом на фоне Черного моря имеется надпись "Кюстенже как Прославица" (Chiustenge als Proslaviza), которая, возможно, объясняется ошибкой их составителей, использовавших недостоверный источник информации[5]. Более точно можно определить расположение Переяславца на карте Герарда Меркатора (1589 г.), на которой выше него по течению Дуная показан город Тулча, и на карте Средиземного моря Андреа Бенинказа (начало XVI в.), где топоним "Прославица" помещен намного ниже Вичины[6].

Нас не должно смущать отличие в написании в именительном падеже между летописным Переяславцем мужского рода и картографической Прославицей женского рода. Ведь близкое по звучанию название второй столицы Первого Болгарского царства в византийских и южнославянских источниках X–XII вв. писалось и как Преслав, и как Преслава[7]. На более ранних итальянских картах XIV в. (Пьетро Весконте, Марино Санудо, Анжелино Дульчерта и др.) Прославицы нет, исключение составляет лишь одна карта, хранящаяся в Государственном архиве Хорватии в Загребе и датирующаяся то ли 1320–1330, то ли (более вероятно) XV в. На ней имеется надпись: *Proslauisa*. Высказанные в литературе предположения о возможности отождествления с ней картографических названий XIV в. "Стравико" (один из существовавших в эпоху средневековья дунайских рукавов) или "Вица", "Лавица" (пристань на Черном море) принять нельзя[8]. Ведь на некоторых картах XV в. (Грациозо Бенинказа, Фра-Мауро) они даны наряду с Прославицей[9].

Безусловно, картографы XV–XVII вв. использовали для составления карт и атласов не только информацию своих современников, но и более древних предшественников. На них встречаются иногда даже названия давно исчезнувших античных центров Нижнего Подунавья. Но существование Переяславца в конце XVI в. подтверждается и по другим данным, в частности описанию одного путешествия. В 1582 г. через Варну, Мангалию, Констанцу и Прославицу (Proslavizza) добирался в Молдавию (Яссы) итальянский священник Джулио Манчинелли[10].

Таким образом, по данным средневековых письменных и картографических источников Переяславец находился на правом берегу южного рукава Дуная, ниже по течению Тулчи, Вичины и Силистры, в четырех днях пути на восток от последней и по дороге из Констанцы в Молдавию.

Какой же современный населенный пункт в Нижнем Подунавье соответствует перечисленным выше условиям? Ученые XIX–XX вв. пытались локализовать Переяславец в самых разных местах на территории Болгарии и Румынии[11]. В литературе выдвинуты предположения о его размещении у болгарского села Малый Преславец (бывшее с. Кадыкьой) между Тутраканом и Силистрой или в районе румынского села Никулицел у Тулчи (К. Шкорпил); на дунайском острове Балта между Черна водой и Хырсовом (В.Н. Златарский, М.В. Левченко и др.); в

Брэиле (В.Н. Татищев), у с. Гарвэн на месте античной Диногеции (А. Стоукс); в Девне (К. Брэтеску); Исакче (Ш. Паску, Л. Брейе); у с. Бунэря, на месте античной Капидавы (В. Томашек); у с. Гырличи, раньше называвшемся Эски-Сарай (Б. Недков, Б.А. Рыбаков и др.); в Русе (А.Ф. Гильфердинг); на дунайском острове Пэкуюл-луй-Соаре к востоку от Силистры (В. Гюзелев, П. Нэстурел); у с. Цар Крум недалеко от Преслава Великого и Плиски (П. Диакону)[12]. Но все перечисленные выше гипотезы, авторы которых (например, К. Шкорпил) иногда не раз меняли свои взгляды, противоречат историческим данным о расположении Переяславца и не могут быть подтверждены топонимическими материалами. Село Кадыкьой, например, только в 1942 г. было переименовано в Малый Преславец, раскопки земляных городищ в окрестностях которого не привели к открытию здесь крупного средневекового торгового центра[13]. В отличие от Прославицы все упомянутые пункты находятся выше по течению Дуная г. Тулчи и не могут претендовать на роль Переяславца. Наиболее обоснованным на сегодняшний день является мнение тех исследователей (К. Иречек, П. Мутафчиев, Н. Грэмадэ, К. Чиходару, Н. Икономидес, Е. Тодорова и др.), которые располагают его у села Нуфэру (бывшее с. Прислава) на правом берегу Георгиевского рукава Дуная, в 8–10 км к юго-востоку от румынского г. Тулчи[14].

Село Прислава (переименованное в XX в. в Нуфэру) впервые упоминается в источниках последней трети XVIII в. С этого времени его название появляется на европейских картах Дунайского бассейна, иногда в искаженном виде ("Крислав" – на карте Молдавии и Валахии, составленной в 1774 г. Я.Ф. Шмидом; "Присла" – на более поздней русской карте 1793–1794 гг.)[15]. О с. Прислава (Преслов) сообщается и в топографических описаниях Нижнего Дуная 70–80-х годов XVIII в. (капитана австрийской армии Г. Лаутерера, лейтенанта У. Михановича и др.)[16]. Пытаясь опровергнуть возможность локализации здесь Переяславца, П. Диакону предположил, что Прислава наряду с другими дунайскими селами (Журиловка, Периправа, Запорожени) основана в нач. XVIII в. переселившимися сюда русскими старообрядцами[17]. Но Прислава не была русской деревней, в 1826 г. в ней насчитывалось "около 100 дворов молдаван"[18]. Ее расположение приблизительно совпадает с уже не раз упомянутой Прославицей, которая на анонимном итальянском атласе XVI в. из Бодлианской библиотеки и карте М. Квада, напечатанной в Аугсбурге в 1602 г., обозначена как "Proslauia", "Preslaui"[19]. На мой взгляд, вполне возможна трансформация к XVIII в. названия "Прославица" (Преславец) в "Прислава" (Прислав, Преслов). Ведь к этому времени Преслав Великий уже давно был переименован турками в Эски-Стамбул, и в Нижнем Подунавье сохранился лишь один топоним с таким корнем, который нельзя было перепутать.

Перед нами редчайший случай сохранения корневой основы топонима ("Преслав") в Добрудже с X по XIX в., на протяжении которых здесь

не раз происходила смена политической власти. В пользу отождествления Переяславца Повести временных лет, "Прославицы" европейских карт XV–XVII вв. с селом Прислава (Нуфэру) свидетельствуют обнаруженные в его окрестностях на площади нескольких гектаров остатки средневекового города с каменными укреплениями и археологическими материалами X–XIV вв.[20] Ранее на этом месте находилось античное поселение Ада Маринеску, а в эпоху средневековья здесь возник не позже середины X в. болгарский речной порт и торговый центр Преславец (летописный Переяславец).

Какую же роль сыграл он в дунайских войнах великого киевского князя Святослава? Принимая на веру все известия Повести временных лет под 967–971 гг., часть ученых (А. Чертков, М.С. Грушевский, Б.Д. Греков, М.Н. Тихомиров, Х. Коларов, Б.А. Рыбаков, А.Н. Сахаров и др.) полагает, что они относятся именно к Переяславцу, дважды взятому русскими войсками во время первого и второго походов Святослава, хотя и противоречат показаниям византийских хроник X–XII вв.[21] Согласно другой точке зрения, при описании первого похода Святослава на Дунай в летописи в самом деле речь идет о Переяславце – Малом Преславе, а события, связанные с ним в рассказе о втором походе, относятся к Преславу Великому (В.Т. Пашуто, В.Н. Златарский, А.Г. Кузьмин)[22]. Наконец, третье мнение высказано еще в трудах ряда русских и зарубежных ученых XVIII–XIX вв. (В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, М.П. Погодина, И.П. Липранди, П.И. Шафарика, Е.Е. Голубинского и др.), отождествлявших (правда, без достаточной аргументации) летописный Переяславец с Великим Преславом[23]. Оно получило распространение в современной болгарской и румынской историографии и подкреплено критическим разбором сообщений Повести временных лет, проделанным в наиболее развернутой форме П. Диакону[24]. Сторонники данной гипотезы доказывают, что летописный Переяславец – это в действительности Великий Преслав, столица Болгарии, название которой из-за давности лет и отсутствия точной информации перепутал древнерусский летописец XI в. Вместе с тем явно по недоразумению М. Постан утверждает, что князь Святослав по летописи предпочел Киеву Переяславль на Днепре, который захотел сделать своим торговым эмпорием[25].

В каком же болгарском городе (Великом или Малом Преславе) в действительности происходили в 967–971 гг. события, связываемые древнерусским летописцем с Переяславцем на Дунае? Анализ летописных известий о Переяславце и сопоставление их с данными других источников убеждают в том, что древнерусский летописец, пользуясь главным образом устными преданиями, ошибочно отнес к одному Переяславцу действия, происходившие как в нем, так и в Преславе Великом.

Так, например, слова Повести временных лет под 967 г. о том, что Святослав после захвата дунайских центров "седе княжа ту в Перея-

славци, емля дань на грецех"[26], в большей степени подходят к столичному болгарскому городу Великому Преславу, чем к периферийному Переяславцу – Малому Преславу. Планы князя Святослава уже на первом этапе кампании, очевидно, не ограничивались установлением контроля лишь над одной Доброжей.

После вторичного захвата Переяславца в 971 г. Святослав, по словам летописца, заявил грекам: "Хочю на вы ити и взяти град ваш, яко и сей"[27]. Из дальнейшего изложения выясняется, что речь идет о столице Византии – Царьграде. Несомненно, киевский князь мог сравнивать Царьград лишь со столицей Болгарии Преславом Великим, но не с дунайский торговым портом Малым Преславом. После похода к Царьграду Святослав, по летописи, вернулся с заметно поредевшей дружиной в Переяславец, откуда направил послов в Доростол для заключения мира с византийским императором Иоанном Цимисхием. И в данном случае явно подразумевается Преслав Великий, а не Малый Преслав, из которого можно было на ладьях отправиться на Русь за новым войском для продолжения войны с византийцами.

Очевидно, к тому времени византийский флот, направляясь к Доростолу, уже захватил Переяславец – Малый Преслав. Ведь из хроники Льва Диакона известно, что в самом начале кампании Иоанн Цимисхий "наградил гребцов и воинов деньгами и послал их на Истр (Дунай) для охраны ручного пути, – чтобы скифы (т.е. русы) не могли уплыть на родину"[28]. По Устюжской летописи, подписав мир с греками в 971 г. в Доростоле, Святослав сразу же отправился на Русь, а к "Переславцу не пошел"[29]. И здесь речь идет, скорее всего, о Преславе Великом, так как, спускаясь от Доростола (летописного Дерестра) вниз по Дунаюна ладьях, нельзя миновать подлинного Переяславца – Малого Преслава, который большинством исследователей локализуется в его нижнем течении.

Летописные сведения о Переяславце противоречат данным византийских источников X–XII вв., в которых при описании военных действий 967–971 гг. на Дунае он вовсе не упоминается. С другой стороны. странным представляется и то, что составитель Повести временных лет ни разу не называет Великий Преслав, игравший значительную роль в событиях 967–971 гг., о чем свидетельствуют византийские авторы X–XII вв. (Лев Диакон, Иоанн Скилица, Иоанн Зонара), в хрониках которых повествуется о кровопролитном сражении русов с византийцами у стен болгарской столицы[30]. Здесь мы должны подчеркнуть, что в отличие от Льва Диакона Иоанн Зонара и Иоанн Скилица знали о существовании Переяславца, упомянув под 1000 годом о захвате византийскими войсками Великого и Малого Преслава и Плиски; об овладении византийцами двумя Преславами писал также в более поздней "Стихотворной хронике" (середина XIV в.) греческий монах Ефрем[31]. Аналогичная по содержанию запись содержится и в среднеболгарских переводах XIV в. хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии[32]. Однако сей факт остался неизвестным составителю Начального летописного

свода, писавшему в XI в. только о дунайском Переяславце и отнесшему к нему большинство событий 967–971 гг. Почему же он ничего не знал о Великом Преславе – крупнейшем центре Первого Болгарского царства?

Причина столь парадоксальной ситуации заключается, на наш взгляд, в созвучии названий Преслава Великого, Переяславца – Малого Преслава и древнерусского города Переяславля, известного по летописи с X в. Впервые Переяславль Южнорусский на р. Трубеж (ныне Переяслав Хмельницкий) упоминается в тексте русско-византийского соглашения 907 г. и договора Руси с Византией 944 г., а затем уже под 992 г. летописец пересказывает легенду об его основании при великом киевском князе Владимире Святославиче[33]. Вопрос о времени его возникновения пока окончательно не решен, но в XI в., т.е. в эпоху создания Повести временных лет, Переяславль уже стал значительным политическим, церковным и культурным центром Руси[34].

Еще В.Н. Татищев обращал внимание на то, что летописцы путали его с болгарским Преславом, а также с Переяславцем[35]. Французский лингвист А. Вайян даже гипотетически выводил происхождение названия древнерусского Переяславля от болгарского Преслава, а Н.Ф. Котляр, наоборот, предположил, что наименование последнего происходит от первого, более раннего восточнославянского топонима[36]. Одинаково звучали названия двух этих центров, написание которых на греческом языке практически не отличалось, и для византийцев, и для славян[37].

Неудивительно, что, описывая много позднее походов Святослава события на Балканах, составитель Повести временных лет опасался перепутать южнославянские Великий Преслав и Малый Преслав (Переяславец) с восточнославянским Переяславлем. Жителей Переяславля Южнорусского и Переяславля Залесского, как и Переяславца на Дунае, древнерусские книжники XI–XII вв. именовали одинаково – "переяславци"[38]. Точно таким же образом звучало наименование населения Преслава Великого и Малого Преслава в устах дружинников Святослава, вернувшихся в Киев и вспоминавших о дунайских походах. Возникшее еще в XI в. смешение этих близких по звучанию топонимов (Преслава, Переяславца и Переяславля) характерно и в последующем для русского летописания. Согласно Ермолинской летописи (Уваровский список) и летописным сводам 1497 и 1518 гг., в 967 г. князь Святослав "седе княжа в Переславце", а в 969 г. он заявил в Киеве: "Хощу в Переславли жити в Дунаи"[39]. В Никоновской летописи XVI в. и Мазуринском летописце конца XVII в. при описании дунайских походов Святослава также упоминается то Переславец, то Переслав (Переславль)[40]. В "Записке о московитских делах" С. Герберштейна (1549 г.), сочинении польского историка XVI в. М. Стрыйковского и в поздних русских летописях XVII в. говорится о резиденции киевского князя Святослава в болгарском городе Переяславле (т.е. Преславе Великом)[41]. Чтобы отличить его от Переяславля Южнорусского, в составленной на Украине

Густынской летописи (XVII в.) Переяславец называется Болгарским или Дунайским, а в Устюжской летописи – Волынским[42].

Сопоставляя эти факты, следует учитывать, что уже после создания Повести временных лет в Северо-Восточной Руси около середины XII в. на небольших реках по имени Трубеж возникли еще два города с аналогичным названием: Переяславль Залесский (впервые упоминается в летописи под 1152 г.) и Переяславль Рязанский (с 1300 г.)[43]. Это создавало возможность еще большей путаницы для более поздних летописцев, которым приходилось теперь писать о трех древнерусских центрах, именовавшихся одинаково. Чтобы как-то отличить самый древний из них, с конца XII в. его стали называть Переяславлем Русским[44]. Примечательно, что ни Преслав Великий, ни Преслав Малый (Переяславец) не фигурируют в "Списке русских городов дальних и ближних" конца XIV в.

Гораздо позднее лишь из составленного в XV в. первого русского Хронографа летописцы могли, наконец, узнать о Преславе Великом как о столице Болгарии. В дошедшем до нас Хронографе редакции 1512 г. механически объединены сведения как древнерусских летописей, так и переводов византийских хроник Иоанна Зонары и Константина Манассии, поэтому в нем в рассказе о событиях 967–971 гг. упоминается и Переяславец, и Преслав (Переяславль в Хронографе западнорусской редакции), а далее говорится о захвате Василием II Болгаробойцей Великого и Малого Преслава[45]. Путаницу в сведениях летописцев, имевших смутное представление об исторической географии Нижнего Подунавья X в., порождало прежде всего одинаковое наименование жителей этих разных населенных пунктов – "переяславцы".

Такое смещение названий двух этих болгарских городов характерно не только для древнерусских книжников. Показательно, что византийская писательница Анна Комнина в "Алексиаде" (первая половина XII в.) также путает, описывая события конца XI ст. в Нижнем Подунавье, Великий Преслав с Малым, ошибочно расположив бывшую болгарскую столицу прямо на Истре (Дунае)[46].

Когда же возник в дунайской дельте болгарский город Преславец – Малый Преслав и каково было его военное, политическое и экономическое значение в X в. и последующих столетиях? Конечно, он не был заложен киевским князем Святославом, как безосновательно утверждает Г.Г. Прошин, а появился на Нижнем Дунае, очевидно, в первой половине X в., вскоре после переноса болгарской столицы царем Симеоном (893–927 гг.) в Преслав Великий[47]. Вероятно, у стен этой болгарской пограничной крепости и произошло в 967 г. описанное Львом Диаконом первое сражение русов с болгарами[48]. В дальнейшем Переяславец стал опорной базой для войск и флота Святослава, поэтому хорошо запомнился возвратившимся на Русь в 972 г. воинам, не раз побывавшим и в Преславе Великом. В возникших на основе их рассказов в Киеве устных преданиях название болгарской столицы из-за созвучия трансформиро-

валось и ассоциировалось с Переяславцем – Малым Преславом, который часто посещали в XI–XII вв. древнерусские купцы, являвшиеся информаторами летописцев. В том, что последние при составлении записей о древних событиях пользовались наряду со старыми сведениями и современной информацией, сомневаться не приходится. Дорогу на Нижний Дунай хорошо знали не только восточнославянские купцы. В начале XII ст. (точнее, в 1116 г.) великий киевский князь Владимир Мономах посылал свои войска для установления контроля над Доростолом и другими нижнедунайскими центрами. От купцов, воинов, путешественников древнерусские книжники XI–XII вв. знали о дунайском городище Киевец, о находящихся после походов Святослава в запустении балканских градах[49]. Им было хорошо известно о торговом значении Переяславца – Малого Преслава, с которым в XI–XII вв. Русь поддерживала более тесные связи, чем с потерявшим прежнее значение Великим Преславом.

Эпическое происхождение части летописных свидетельств о дунайских походах Святослава подтверждается сохранившимися в русском фольклоре отголосками воспоминаний о дунайском Преславе. В записанной на русском Севере в XIX в. былине действует богатырь Дунай Переславьев, чаще называемый Дунаем Ивановичем, которого, по предположению фольклориста М.Г. Халанского, можно отождествить с легендарным киевским князем Святославом[50]. Менее вероятно гипотеза Б.А. Рыбакова о том, что в былинном Дунае Переславьеве отразился образ одного из жителей Переяславца на Дунае, принимавшего участие в сватовстве киевского князя Владимира[51].

Устные предания о деятельности Святослава и известные летописцам XI – начала XII в. современные им реалии использованы также при составлении речи киевского князя перед матерью и боярами в 969 г., когда он заявил: "Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь"[52]. Когда же и каким образом была составлена эта летописная речь? Явно не во времена Святослава, а гораздо позднее, в XI в., и на основе преданий. Устная традиция донесла, по-видимому, лишь объяснение Святославом его намерения перенести резиденцию из Киева торгово-экономическим значением Переяславца на Дунае, под которым подразумевался Преслав Великий – крупнейший торговый центр Болгарии IX–X вв. Гипотеза А.А. Шахматова о заимствовании торговой характеристики Нижнего Подунавья и других летописных сведений о дунайских походах Святослава составителем Древнейшего свода 1039 г. из несохранившегося болгарского исторического сочинения не подтверждается при детальном анализе, что уже не раз отмечалось в литературе[53].

Действительно, если упомянутый в речи 969 г. перечень византийских и древнерусских экспортных товаров (золото, дорогие ткани, вино,

южные фрукты – из Византии; меха, воск, мед рабы – из Руси) соответствует торговому обмену между двумя странами и в X, и в XI–XII вв., то серебро и лошади вряд ли вывозились в X ст. из Чехии и Венгрии в Нижнее Подунавье и на Русь. Во всяком случае, других непосредственных указаний на этот счет в письменных источниках X ст. нет. Из Раффельштеттенского таможенного устава 903–906 гг. известно лишь о продаже лошадей из Чехии на Верхнем Дунае[54]. Сведения об их ввозе из Венгрии в древнерусские земли относятся к XII в.: в Слове о полку Игореве князь Святополк доставляет своего отца с Каялы в Киев "Междю угорьскими иноходьцы"[55]. Что же касается серебра, то ни по письменным, ни по археологическим, ни по нумизматическим данным нельзя проследить его массовое поступление в нижнедунайские центры ни в X, ни в XI–XII вв. Серебро в виде венгерских (более 30 экз.) и чешских (более 200 экз.) монет-денариев ввозилось в XI в. (а не во времена князя Святослава) на Русь, но не на Нижний Дунай[56].

Таким образом, летописец XI в. дополнил торгово-экономическую характеристику Переяславца на Дунае (т.е. Преслава Великого, а в более широком смысле всего Нижнего Подунавья) второй половины X столетия современными ему сведениями о торговых связях Руси[57]. Подобные приемы работы практиковались и более поздними летописцами. Так, в XVI в. в Тверской летописи книжник записал под 969 г. о поступлении серебра и коней не только из Венгрии и Чехии, но также из Польши ("из Чахов же и Ляхов, из Угрь сребро и кони"), а составитель Устюжской летописи, подразумевая под Угрой не Венгрию, а уральскую Югру, внес свои дополнения в статью 969 г.: "злато, сребро, и жемчюг, и камени из Угры"[58].

Некоторые историки даже сомневаются в правдоподобии намерений князя Святослава перенести столицу Древнерусского государства в летописный Переяславец на Дунае, полагая без особых оснований, что под словами "яко то есть середа земли моей" подразумевается не Русь, а лишь Болгария (С.М. Соловьев) либо только Добруджа, где будто бы располагался легендарный "остров русов" восточных источников IX–X вв. (Б.А. Рыбаков)[59]. И совершенно напрасно, на мой взгляд. Ведь летописец ясно назвал серединой всех владений Святослава (как восточнославянских, так и дунайских) именно Переяславец из-за его нахождения на перекрестке торговых путей между Русью и Византией. В отличие от Преслава Великого пограничный Переяславец не занимал центрального места ни на карте средневековой Болгарии, ни на карте Добруджи.

Нельзя преувеличивать, как делает Е. Тодорова, международное торговое значение Переяславца – Малого Преслава в эпоху Первого Болгарского царства; ведущим торговым центром в X в. была его новая столица Преслав Великий, где при раскопках обнаружено немало импортных вещей, привезенных из Византии и Ближнего Востока[60]. Для этого времени, вообще, нет надежных свидетельств активного участия

Руси в прямой торговле с Нижним Подунавьем. Русско-болгарские торговые сделки в IX–X вв. носили ограниченный транзитный характер и были связаны в основном с каботажным плаванием русов в столицу Византии вдоль Черноморского побережья Болгарии. Из сочинения Константина Багрянородного "Об управлении империей" (середина X в.) видно, что древнерусские купцы по пути в Константинополь останавливались у входа в Сулинское гирло Дуная и в черноморских гаванях Болгарии (Констанца, Варна и др.), а Переяславец – Малый Преслав находился на определенном расстоянии (не менее одного-двух дней плавания вверх по Дунаю) от морского побережья[61]. Князья и дружинная верхушка Руси в X в. были заинтересованы в приобретении в первую очередь византийских товаров (предметов роскоши, шелка, вина, пряностей, оливкового масла, красителей, дорогой утвари), большинство из которых не могла предложить Болгария.

В 971 г. Переяславец был захвачен византийцами, утратившими вскоре после смерти императора Иоанна Цимисхия (976 г.) свой контроль над Добруджей, а затем до вторичного захвата Византией в 1000 г. вновь находился в руках болгар. Недавно И. Йорданов на основе находок печатей выдвинул гипотезу о переименовании византийцами в 971 г. Переяславца в Феодорополь, хотя, по сообщению византийских авторов, так стали называть Доростол (Лев Диакон) либо город Евхания в Малой Азии (Иоанн Скилица)[62].

Анализ письменных, сфрагистических и археологических материалов не позволяет согласиться с мнениями об упадке Переяславца – Малого Преслава в XI–XII вв. (П. Мутафчиев, Кр. Миятев) или сразу после XI в. (Н. Икономидес)[63]. Наоборот, в этот период, став центром византийской административной единицы (катепаната или стратигии), он приобрел гораздо большее политическое, военное и экономическое значение среди нижнедунайских центров провинции (фемы) Паристрион, что подтверждается найденными в Преславе и Силистре печатями "византийских торговых чиновников-коммеркиариев" Преславитцы. Ведь такие чиновники функционировали лишь в крупнейших торговых центрах империи (Константинополе, Месемврии, Фессалонике, Херсонесе, Доростоле и др.). В Добрудже также открыто несколько экземпляров свинцовых печатей византийских должностных лиц – Аэция, Малесия, Мелисетия и Льва Пигонита, являвшихся в XI в. "протоспафариями и стратигами Преславитцы"[64]. Переяславец использовался византийцами в XI–XII вв. также в качестве пограничной крепости, речного порта и таможни.

Роль Нижнего Подунавья и Переяславца – Малого Преслава в торговых контактах Руси с Византией намного возросла с начала XI в., после установления византийского господства в этих землях. Теперь киев и другие древнерусские центры могли получать отсюда разнообразные византийские товары (вино, южные фрукты и специи, изделия провинциального византийского ремесла). К XI–XII вв. (но не к X ст.)

относятся и археологические материалы, свидетельствующие о древнерусском торговом обмене с нижнедунайскими центрами (Доростолом – Силистрой, Диногецией, Исакчей, островом Пэкуюл-луи-Соаре, Капидавой, Мэчином, Черна водой). При их раскопках открыты, в частности, древнерусские дверные замки трубчатой формы, кресты-энколпионы, диски-пряслица для прядения из розового овручского шифера, служившие погремушками глиняные поливные яйца-писанки, стеклянные браслеты и другие украшения[65]. В районе с. Нуфэру, где предположительно локализируется Переяславец – Малый Преслав, преобладают археологические находки последней трети X–XIV в.: византийские амфоры; стеклянные браслеты; поливная посуда; монеты и печати; восточные сфероконические сосуды для благовоний и ртути; привезенные из Руси ремесленные изделия (писанка, овручские пряслица)[66].

Дальнейшая судьба Переяславца прослеживается лишь в самых общих чертах. Очевидно, с конца XII – начала XIII в. он вновь был включен в Болгарское государство, далее на протяжении XIII–XIV вв. являлся не очень значительной генуэзской торговой факторией, а затем с конца XIV и до XIX столетия входил в Османскую империю. Название "Прославица" нередко упоминалось на европейских картах XV–XVII вв., но его роль в торговле постепенно падала, что, возможно, было связано с изменениями условий судоходства в районе дунайской дельты. Так, постепенно когда-то цветущий город и речной порт на Дунае пришел в упадок и превратился в небольшое сельское поселение.

Подытоживая, надо еще раз подчеркнуть, что описывая под 969 г. речь князя Святослава Игоревича перед Ольгой и киевскими боярами, древнерусский книжник XI в. под Переяславцем подразумевал именно столицу Первого Болгарского царства, а не пограничный речной порт на Нижнем Дунае. Кто знает, как бы стали развиваться в дальнейшем события, если бы планам Святослава суждено было сбыться, и центр огромного древнерусского государства переместился бы в Нижнее Подунавье, находившееся в непосредственной близости от границ Византийской империи. На этот счет можно строить какие угодно гипотезы. Но ясно одно: такой шаг повлиял бы на коренное изменение баланса сил и этнополитической ситуации не только на Балканах, но и в более обширном регионе Европы.

Примечания

[1] См. наиболее полный обзор средневековых письменных источников о Переславце – Малом Преславе в следующих публикациях: *Кузев А.* За имената на средновековната крепост на дунавския остров Пъкуюл луй Соаре // ИНМВ. 1977. Кн. XIII (XXVIII). С. 61–62; *Йорданов И.* Малък Преслав или Преславец X–XI в. (по сфрагистични данни) // България 1300. Институции и дьжавна традиция. С., 1982. Т. II. С. 335, 339; *Diaconu P.* Autour de la localisation de la Pe-

tite Preslav // RESEE. 1965. T. III. N 1–2. P. 37–56; *Oikonomides N.* Presthlavitza, the Little Preslav // Sudost-Forschungen. Munchen, 1983. Bd. XLII. P. 5–6; *Baraschi S* Sur la topographie ponto danubienne au Moyen Age I. Proslavița // Revue Roumaine d'Histoire. Bucarest, 1989. XXVIII, 1–2. P. 55–68.

[2] *Недков Б.* България и съседните и земи през XII в. според "Географията на Идриси". София, 1960. С. 79.

[3] См. литературу, посвященную локализации Вичины: *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо // Български средневековни градове и крепости. Варна, 1981. Т. 1. С. 218–228; *Михайлов Ст* Средневековният град Вичина на дунавския остров Пъкуюл луи Соаре. По следите на една хипотеза // Старобългаристика. София, 1989 № 3. С. 14-23; *Diaconu P* Despre localizarea Vicinei // Pontica. 1970. N 3. P. 275–294; *Kuzev A* Zur Lokalisierung der Stadt Vicina // EB. Sofia, 1977. N 3. S. 112–125; *Năsturel P S* Mais ou donc localiser Vicina // Byzantinische Forschungen. 1987. T. 12. P. 143–171. См. также гл. 5 нашей монографии.

[4] *Димитров Б* България в средневековната морска картография XIV–XVII век. София, 1984. № 17, 25–28, 30, 35, 39–44, 47, 50–54, 57–60; *Лаков Л.* Учебен факсимиле – атлас картографиране на Българските земли през вековето (до XVIII век). София, 1984. Ч. 1. Табл. 9–11, 13; *Grămadă N* La Scizia Minore nella carte nautiche del Medio-Evo. Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea // Ephemeris Dacoromana. Roma, 1930. IV. P. 224–227, 242.

[5] *Лаков Л* Указ. соч. Табл. 22–30, 38–40.

[6] Там же. Табл. 17; *Димитров Б* Указ. соч. № 39.

[7] *Năsturel P S* Peut-on localiser Petite Preslav a Pacuiul lui Soare? // RESEE. 1965. N. III, 1–2. P. 20–21.

[8] *Брун Ф* Черноморье. Одесса, 1879. Ч. 1. С. 84–85; *Cihodaru C* Litoralul de apus al Marii Negre si cursul inferior al Dunării in cartografia medievală (secolele XII–XIV) // Studii. Revistă de istorie. 1968. T. 21. N 2. P. 239; *Baraschi S* Op. cit. P. 53–54; *Eskenasy V* Deux sources concernant les Roumains aux XIVe–XVe siècles // RRH. T. XVIII. 1979. N 2. P. 368.

[9] *Димитров Б* България... № 25–27; Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическата библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век) / Сост. А. Джурова, Б. Димитров. София, 1978. № 25. Табл. VIII; *Bromberg J* Toponimical and historical miscellanies on Medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia // Byzantion. Bruscelles, 1937. T. XII. Fasc. 1–2. P. 457–459.

[10] *Hurmuzaki E* Documente privitóre la istoria românilor Buc., 1900. Vol. XI. N 192. P. 116.

[11] Обзор высказанных в науке точек зрения по поводу локализации Переяславца – Малого Преслава с. в следующих работах: *Аврамов В* Юбилеен сборник Плиска-Преслав. София, 1929. Ч. II. С. 144–160; *Кузев А* Указ. соч. С. 62–63; Năsturel P.S. Op. cit P. 22–24; *Baraschi S* Op. cit. P. 58–59.

[12] *Гильфердинг А Ф* История сербов и болгар // Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 1. С. 142, примеч. 3; *Шкорпил К В.* О земляных укреплениях и окопах // Изв. Русск. археологич. ин-та в Константинополе. София, 1905. Т. X. С. 558–560; *Левченко М В* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 260; *Недков Б* Указ. соч. С. 134–135, примеч. 245; *Татищев В Н.* История российская. М., Л., 1962. Т. 1, С. 207; *Рыбаков Б А* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 356–357; Кратка история на България. 2-е изд. София, 1983. С. 68; *Stokes A D* The Balkan Campaign of

Svyatoslav Igorevich // The Slavonic and East European Review. L., 1962. Vol. XL. N 95. P. 474–476.

[13] Изв. на Археологически институт. София, 1052. XVIII. С. 243–258, 285–301; Енциклопедия България. С., 1984. Т. 4. С. 43–44.

[14] *Аврамов В.* Указ. соч. С. 144–160; *Мутафчиев П.* Добруджа. София, 1947. Т. IV. С. 28–29; *Иречек К.* История на Българите. София, 1978. С. 212; *Тодорова Е.* К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура славянских государств и народностей. М., 1987. С. 169–173; *Cihodaru C.* Op. cit. P. 224–228; *Baraschi S.* Op. cit. P. 60–66; *Oikonomides N.* Op. cit. P. 2–9; *Crămadă N.* Op. cit. P. 241–242.

[15] Карты хранятся в Отделе картографии Российской государственной библиотеки (шифры:) $Ko\frac{104}{I-32}, Ko\frac{105}{IV-29}$).

[16] *Тодоров Е.* К вопросу о товарообмене... С. 169, 173; *Cihodaru C.* Op. cit. P. 226–227; *Beševliev B.* Eine Navigationskarte des unteren Laufs der Donau aus dem Ende des 18. Jahrhundert // Bulgarian Historical Review. 1975. N 3. S. 103.

[17] *Diaconu P.* Autor de la localisation... P. 39.

[18] Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1826 г. СПб., 1827. С. 49.

[19] *Димитров Б.* Указ. соч. № 57; *Бешевлиев Б.* Появяването на названието "България" в печатните карти през XVI–XVIII вв. // Българските земли през средновековие. София, 1987. Обр. 7. Но упомянутая в Хронике Маттео Виллани под 1352 г. Prosclavia не может однозначно идентифицироваться ни с Великим, ни с Малым Преславом (Rerum Italicarum Scriptores. Milano, 1729. XIV. Col. 155).

[20] *Barnea I., Ştefănescu St.* Din istoria Dobrogei. Buc., 1971. Vol. 3. P. 273, 329–332; *Parvân V.* Inceputurile vietii romane la gurile Dinării. Ed. II-a. Buc., 1974. P. 90–92, 173, 177; *Popa C., Daragiu Gh.* Monumente şi locuri istorice din Dobrogea medievală. Buc., 1987. P. 90–91; *Baraschi S.* Op. cit. P. 63–64.

[21] *Чертков А.* Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 гг. М., 1843. С. 48–77, 213; *Грушевский М.С.* Історія України – Руси. Киев, 1913. Т. 1. С. 468–472; *Греков Б.Д.* Киевская Русь. М., 1949. С. 457–458; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 114–117; *Коларов Х.* Средновековната българска държава. В. Търново, 1977. С. 68–76; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 380; *Сахаров А.Н.* Дипломатия Святослава. М., 1982. С. 22, 137–148.

[22] *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 69–71; *Златарски В.Н.* История на българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2. С. 560, 571–573; *Кузьмин А.Г.* Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977. С. 342–344; *Bromberg J.* Op. cit. P. 450–454.

[23] *Погодин М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855. Т. VI. С. 6; *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 207; М.; Л., 1963. Т. 2. С. 284; *Ломоносов М.В.* Избр. произв. М., 1986. С. 99–100; *Портан Х.Г.* Основные черты русской истории. М., 1982. С. 45; *Липранди И.П.* Рассуждения о древних городах Киеве и Киевце // Свет отечества и северный архив. СПб., 1831. Т. 21. № 30. С. 229; *Шафарик П.И.* Славянские древности. М., 1848. Т. II, кн. 1. С. 359; *Голубинский Е.Е.* Краткий очерк истории православных церквей Бол-

гарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской. М., 1871. С. 51; *Chilkow A.J.* Kern russische Geschichte. Moskau, s.a. S. 66.

[24] *Николаев В.* Най-ранни политически, културни и стопански връзки между българите и русите // Славяни, год XI. 1955. Кн. 4. С. 35; *Кузев А.* Указ. соч. С. 64; *Дуйчев И.* Българското средновековие. София, 1972. С. 367–368; *Diaconu P.* Autor de la Localisation... P. 37–56; *Năsturel P.S.* Op. cit. P. 26.

[25] *Postan M.M.* Economic relations between Eastern and Western Europe // Eastern and Western Europe in the Middle Ages. L., 1970, P. 131.

[26] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 65.

[27] Там же. Стб. 69.

[28] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 68.

[29] ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 21, 59.

[30] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 70–73, 124–126; Leonis Diaconi Caloenisis Historiae libri decem / Rec. C.B. Hasii. Bonnal, 1828. P. 61–63, 70, 76, 81–82, 117, 156; *Iohannis Scylitzae.* Synopsis Historiarum / Rec. I. Thurn. Berolini, 1973. P. 276–277, 287–291, 294–303, 304–310; *Ioannis Zonarae.* Epitomae hisroriarum libri XVIII. Bonnae, 1897. Vol. III P. 527–528.

[31] *Iohannis Scylitzae.* Op. cit. P. 344; Ioannis Zonarae. Op. cit. P. 559.

[32] Летописта на Константин Манаси / Фототипно издание на Ватиканския препис на среднобългарски превод. Увод и бележки от Иван Дуйчев. София, 1963. С. 369; Симеона Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летовник собран от различных летописец; Славянский перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями / Изд. подгот. В.И. Срезневским. СПб., 1905. С. 159.

[33] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 31, 46, 122–124.

[34] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 308–311; Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 281–286.

[35] *Татищев В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 224. Прим. 138.

[36] *Vaillant A.* La ville de Perejaslavl // Onomastica. Lyon; Paris, 1948. N 2. P. 111–112; *Котляр Н.Ф.* Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986. С. 23; По мнению польского лингвиста С. Роспонда, летописец образовал названия Переяславец от наименования второй столицы I Болгарского царства Великого Преслава путем добавления типично русского -ja и форманта -ьсь (есь), трансформировавшегося в суффикс -ец (см/: Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 36-37.).

[37] Памятники древнерусского канонического права. Пг., 1920. Ч. II, вып. 1. С. 74; *Năsturel P.S.* Op. cit. P. 20–21.

[38] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 61, 222, 290, 573, 595. Именно по этой причине составитель Никоновской летописи в XVI в., перепутав хронологию и место событий, ошибочно записал под 6508 (1000) г. о пребывании киевского князя Владимира Святославича "в Переславци на Дунаи" (а не в Переяславле на р. Трубеж) в момент нападения князя Володаря с половцами на Киев (ПСРЛ. М., 1965. Т. 9–10. С. 68), хотя половцы тогда еще не нападали на Русь и перемышльский князь Володарь Ростиславич еще не появился на свет. Данная погрешность не дает оснований утверждать, одиако, об еще одном походе русских на Нижний Дунай и захвате ими дунайского Переяславца в 1000 г., о чем, например, пишет О.М. Рапов (см.: *Рапов О.М.* Внешняя политика Владимира Великого после официального принятия Русью христианства // Восточная Европа в древности и средневековье. Тезисы докладов. М., 1994. С. 34–35).

[39] Там же. СПб., 1910. Т. 23. С. 8. Примеч. 11; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 15–16, 170.
[40] Там же. Т. 9–10. С. 33–35; М., 1968. Т. 31. С. 40.
[41] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 61–62; *Stryjkowski M.* Kronika polska, litewska, żmódska i wszystkiej Rusi. Króliewiec, 1582. S. 126; *Гиляров Ф.* Предания русской Начальной летописи. М., 1878. С. 286, 288, 300.
[42] ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 245–248; Т. 37. С. 21, 59–60.
[43] Там же. Л., 1949. Т. 25. С. 57; М., 1962. Т. 17. Стб. 485; *Нерознак В.П.* Названия древнерусских городов. М., 1983. С. 134–135; Древняя Русь: Город. Замок. Село / Сер. Археология СССР. М., 1985. С. 60. *Куза А.В.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 112–114.
[44] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 414–415.
[45] *Попов А.И.* Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. 1. С. 176–178; ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 363, 366; Пг., 1914. Ч. 2. С. 164–165; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 2. С. 499–505.
[46] *Анна Комнина.* Алексиада. М., 1965. С. 209; Примеч. 758 на С. 533; Anna Comnena Alexiadis libri XV. Bonnae, 1839. Vol. 1. P. 342–343.
[47] *Шкорпил К.В.* О земляных укреплениях и окопах. С. 560; *Прошин Г.Г.* Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1989. С. 66.
[48] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 44.
[49] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8, 283–284.
[50] *Марков А.В.* Беломорские былины. М., 1901. С. 523; *Халанский М.Г.* К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. № 8. С. 326.
[51] *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 357–358.
[52] ПСРЛ. Т. 17. Стб. 67.
[53] *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 122–124; *Он же.* Киевский Начальный свод 1095 г. // *А.А. Шахматов.* 1864–1920. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. С. 128. Такого же мнения придерживается А.С. Демин (Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 11–113); см. также критику гипотезы А.А. Шахматова: *Карышковский П.О.* Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 947–971 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. С. 13–14; *Рыдзевская Е.А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978. С. 208; *Сахаров А.Н.* Указ. соч. С. 28–32.
[54] Monumenta germaniae historica. Legum. Hannoverae, 1897. T. II. P. 249–252.
[55] Слово о полку Игореве. М., 1970. С. 16. В Ипатьевской летописи также упоминаются под 1150 г. венгерские скакуны – "фари" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 416).
[56] *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 188–195, 218–222; *Перхавко В.Б.* Западнославянские украшения из Дегтянского клада // Slovenska archeologia. Nitra, 1985. XXXIII-2. S. 311–327; Предположение В.Л. Янина о поставках серебра из Чехии на Нижний Дунай в X в. пока не подтверждается с помощью массовых археологических материалов (см.: Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья: Домонгольский период. М., 1956. С. 11.
[57] Такого мнения придерживаются, например, нумизмат В.М. Потин и венгерский историк Э. Иглоу (*Потин В.М.* Указ. соч. С. 50, 51, 228; *Иглоу Э* Повесть временных лет о венграх // Slavica. Debrecen, 1963. III. P. 93).
[58] ПСРЛ. М., 1965. Т. 15. С. 67; Т. 37. С. 21.

[59] *Костомаров Н.И.* Исторические монографии и исследования // Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 13. С. 350; *Рыбаков Б.А.* Указ. соч. С. 357; *Соловьев С.М.* Соч. М., 1988. Кн. 1. С. 154–155.

[60] *Тодорова Е.* К вопросу о товарообмене... С. 168–170; *Todorova E.* River trade in the Balkans during the Middle Ages / EB. 1984. N 4. P. 42; см. также: *Вължарова Ж.* Внесени предмети по търговски и други начини в средновековна България (XIII–XI в.) // Известия на Българското историческо дружество. София, 1979. Кн. XXXII. С. 33–47; *Тотев Т.* Вносна керамика, стъкло и накитни предмети в Преслав // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982. С. 79–87.

[61] *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. М., 1989. С. 50–51; *Литаврин Г.Г.* Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь 1983 г. Доклады советской делегации. М., 1983. С. 62–76; *Он же.* Византия и славяне. Спб., 1999. С. 450–452.

[62] *Лев Диакон.* Указ. соч. С. 82, 132; *Iohannis Scylitzae.* Op cit. P. 309; *Йорданов И.* Кой български град е бил наречен Теодоропол // Векове. 1983. № 1. С. 58–62.

[63] *Мутафчиев П.* Добруджа. Сборник от студии. София, 1947. Т. IV. С. 61; *Мияtев Кр.* Славянский город в древней Болгарии // BSl. 1949. Т. X. N 2. P. 261; *Oilonomidés N.* Op. cit. P. 8–9.

[64] *Йорданов И.* Мальк Преслав... С. 335–339; *Oikonomidés N.* Op. cit. P. 2–4. Без достаточных, на мой взгляд, оснований П. Диакону оспорил мнение об отождествлении названия "Преславитца" на этих печатях с Преславцем, полагая, что оно относится к переименованному византийцами Преславу Великому (*Diaconu P.* De nouveau á propos de Presthlavitza // Südost-Forschungen. München, 1987. Bd. XLVI. P. 279–293). См. также: *Baraschi S.* Unele probleme despre Proslaviţa // Peuce. Tulcea. 1991. X. Vol. 1. P. 399–409.

[65] *Комша М.* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Тр. V МКСА. М., 1987. Т. III. Вып. 1а. С. 100–110; *Barnea I.* Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècle // Nouvelles des etudes d'histiore. Buc., 1955. P. 169–180; Dinogetia. Buc., 1967. T. 1. P. 76–78.

[66] Материалы из Нуфэру хранятся в Музее дельты Дуная в Тулче (Румыния). Выражаю признательность Г. Мэнуку-Адамештяну за сообщение о найденных там древнерусских изделиях. См. также: *Barnea I., Ştefănescu St.* Op. cit. Vol. 3. P. 273, 329–332; *Popa C., Daragiu Gh.* Op. cit. P. 90–91; Peuce. Tulcea, 1984. IX. P. 257–266, 363–374; *Baraschi S., Moghior N.* Şantierul arheologic Nufăru-Ilgani (1980) // Studii şi materiale de muzeografie şi istorie militara M.M.C. Buc., 1981–1982. N 14–15. P. 69–82.

Глава 4

Летописная Берладь

Нижнее Подунавье продолжало привлекать внимание древнерусских князей и после распада Киевской Руси в XII веке. И здесь хорошо прослеживается преемственность их политики с неосуществившимися планами Святослава Игоревича и Владимира Мономаха установить господство в этом важном регионе. Позже интерес к нему постоянно проявляли представители галицкой ветви Рюриковичей. Еще Василько Теребовльский мечтал "переяти Болгары дунайскыя и посадити я в собе"[1]. В "Истории Российской" В.Н. Татищевым приводятся интересные сведения о военных действиях в Нижнем Подунавье галицкого князя Владимира Володаревича в 1143 г., строительстве там городов его сыном Ярославом Осмомыслом, о чем нет никаких упоминаний в сохранившихся летописях[2]. Согласно "Слову о полку Игореве" влияние Галича при Осмомысле простиралось до Дуная[3]. Еще более тесные связи с Подунавьем поддерживал, судя по Киевской летописи, дошедшей в составе Ипатьевской летописи, его противник, двоюродный брат Иван Ростиславич Берладник. В литературе еще с XIX в. дискутируется вопрос о подлинности так называемой грамоты Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. и существовании в Придунавье особого древнерусского Берладского княжества – Берлади[4]. Без анализа его деятельности нельзя решить и проблему идентификации вольных русских людей – берладников и определить, входила ли часть нижнедунайских земель в состав Руси в XII в. в качестве особой княжеской волости.

Едва ли в истории Древней Руси можно отыскать еще одного такого незадачливого претендента на княжеский стол, такого князя-изгоя, такого князя-авантюриста, такого князя-кондотьера, такого князя – народного вожака, словом, такого колоритнейшего представителя Рюриковичей как Иван Ростиславич Берландник. В Ипатьевской летописи, из которой можно главным образом почерпнуть сведения о Берладнике, ничего не говорится об его отце, что породило несколько версий в исторической литературе.

Самая первая из них обнародована еще в 20-х годах XVI в. составителем Никоновской летописи. Вот что повествуется в ней под 1146/1147 годом: "Князь же Святославъ Олговичъ иде въ Рязань, и бывъ во Мченске, и въ Туле, и въ Дубке на Дону, и въ Елце и въ Пронске, и прииде въ Резань на Оку, и поиде вверхъ по Оке и пребывъ во граде Осетре, и тамо отступи отъ него князь Иванко Берладник (в рукописи "Бердъланикъ" – *В.П.*), сынъ Ростиславль, внукъ Мстиславль, правнукъ Владимера Манамаха, праправнукъ Всеволожь, прапраправнукъ Яро-

славль, пращуръ великого Владимера, и иде ко отцу своему Ростиславу въ Смоленскъ"[5]. В этом летописном генеалогическом построении правильно названы имена лишь двух самых отдаленных предков нашего героя – прапрапрадеда Ярослава Мудрого и пращура Владимира Святославича, остальные же из перечисленных Рюриковичей не связаны с ним близкими родственными узами. Московский книжник времен Василия III, один из составителей летописи, сам воссоздал ложную генеалогию на основании отчества Ивана Ростиславича, ошибочно посчитав, что раз тот, покинув своего прежнего покровителя Святослава Ольговича отправился к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу, последний непременно являлся его отцом. В действительности же речь шла о переходе Берладника от прежнего сюзерена на службу к новому сюзерену. И в одном из источников Никоновской летописи – Московском летописном своде 1497 г. (как и в первоисточнике описания данного события – Ипатьевской летописи) нет никакого перечисления его предков, а говорится лишь о том, что у Осетра "Ростиславичъ Иван Берладник отступи от него (Святослава Ольговича – *В.П.*) к Ростиславу Смоленскому"[6]. Хотя позднее уже после смерти Ивана Ростиславича его сын Ростислав Берладничич также находился при княжеском дворе в Смоленске, Берладник, владевший Звенигородской волостью на юго-западе Руси, не мог происходить от представителя смоленской ветви Рюриковичей – Мономашичей.

Без какой-либо ссылки на источники генеалог Н. Головин писал в середине XIX в., что Иван Ростиславич был сыном перемышльского князя Ростислава Владимировича, умершего в 1126 г., а сестра его, Елена Ростиславна стала в 1160 г. второй женой польского князя Болеслава IV Кудрявого[7]. Это явно ошибочное мнение до сих пор встречается иногда в генеалогической литературе[8]. Нет также достаточных оснований считать Берладника и сыном Ростислава Васильковича, внуком Василька Теребовльского, о чем предположил Л.В. Войтович[9]. В условиях перераспределения наследственных владений, произошедшего в начале правления галицкого князя Владимира (Владимирки) Володаревича, к представителю перемышльской княжеской линии, каковым был Иван Ростиславич, вполне могла перейти Звенигородская волость, располагавшаяся к северу от Галича, в бассейне р. Белки. Более достоверным представляется давно уже высказанное мнение многих ученых (Н.М. Карамзина, Н.А. Баумгартена, Н.П. Дашкевича, М.С. Грушевского, Н.Ф. Котляра, О.М. Рапова и др.), правомерно считающих Берладника сыном перемышльского князя Ростислава Володаревича, умершего как предполагают, около 1143 г.[10]

После смерти отца к Ивану Ростиславичу не позже 1144 г. перешел почему-то не пограничный с Польшей Перемышль, а находившийся восточнее Звенигород, тогда менее значительный политический и торгово-экономический центр[11]. Недовольный доставшимся уделом и допущенной по отношению к нему несправедливостью со стороны дяди,

галицкого князя Владимира Володаревича, Берладник только и ждал удобного момента, чтобы вступить с ним в борьбу за более богатые владения. И случай взять реванш судьба ему предоставила очень скоро. В самом начале 1145 г. (в Ипатьевской летописи это событие помещено под 1144 г.), воспользовавшись отъездом Владимира (Владимирки) Володаревича на зимнюю охоту, "Послали галичане за Иваном за Ростиславичем в Звенигород и ввели к себе в Галич"[12]. Несмотря на поддержку горожан, звенигородскому князю не удалось удержаться на галицком столе, он потерпел после двухнедельной осады города поражение от подошедшего более мощного войска Владимирки. Обладая личной отвагой, но не приобретя еще достаточно военного опыта, Иван Ростиславич совершил ночную вылазку со всей своей дружиной, да неожиданно попал в засаду, ударившую с тыла и отрезавшую его от спасительных крепостных стен Галича. Пришлось ему с боем пробиваться через полки Владимирки Володаревича и бежать с остатками войска на Нижний Дунай. Не засидевшись там более года, он вскоре степью пробрался в Киев под защиту великого князя Всеволода Ольговича – противника Галича. Тот пытался (правда, без особого успеха) отобрать у Владимирки Звенигород для Ивана Ростиславича, потерявшего, как оказалось, навсегда свою волость и доходы от нее[13].

Став князем-изгоем, он какое-то время укрывался в районе р. Берлад (Бырлад), впадающей в Сирет, левый приток Нижнего Дуная (территория Румынии), из-за чего получил свое прозвище, с которым впервые упомянут в Ипатьевской летописи под 1146 г. Там существовали поселения вольных людей, беглецов из Руси, предшественников позднейшего русского и украинского казачества, занимавшихся пиратством и называвшихся берладниками.

Но вернемся к описанию судьбы самого Берладника, без подробного рассмотрения которой трудно с достаточной объективностью судить о прочности и регулярности его контактов с Нижним Подунавьем. В 1146 г. после смерти своего покровителя Всеволода Ольговича и вокняжения в Киеве Изяслава Мстиславича наш герой отправился с дружиной на службу к одному из черниговских князей – Святославу Ольговичу, сидевшему тогда в Новгороде-Северском. Так, изгнанник превратился в предводителя наемного войска. Он не отличался, однако, верностью и уже в начале следующего года, взяв силой у Святослава в качестве платы 12 гривен (слитков) золота и 200 гривен серебра, перешел от него к смоленскому князю Ростиславу Мстиславичу, при дворе которого также не засиделся[14]. В 1148 г. ростово-суздальский князь Юрий Долгорукий "послал князя Берладьского с вои" совершить нападение на новгородских сборщиков дани, которые отправились за ценной пушниной на Северную Двину[15]. Используя прием, усвоенный, вероятно, на Дунае, Иван Ростиславич, по свидетельству Новгородской первой летописи, приказал соорудить из лодок легкое подвижное укрепление для защиты от стрел новгородцев, окопавшихся на речном острове и напавших на

третий день на суздальцев, понесших значительные потери. Ни этот эпизод, ни последующая почти десятилетняя деятельность князя-наемника в качестве воеводы на северо-востоке Руси далеко не случайно совсем не описаны в Лаврентьевской и Радзивиловской летописях, включающих и памятники владимиро-суздальского летописания. Очевидно, Берладник участвовал во всех походах своего сюзерена, воевавшего с Новгородом, захватывавшего не раз Киев и боровшегося за Волынь.

Несмотря на довольно длительную службы, Юрий Долгорукий не очень-то дорожил военным вассалом с княжеским титулом и в ответ на просьбу своего зятя, нового галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла (сына Владимирки Володаревича), опасавшегося притязаний Берладника на Галич, приказал в 1156 г. привести его, закованного в кандалы, из Суздаля в Киев[16]. Казалось бы, все, конец, и незадачливого князя-изгоя ждет скорая и суровая расправа. Но счастье, быть может, в последний раз улыбнулось ему. Нашему герою удалось избежать тогда жестокой казни, которую готовил для него в Галиче двоюродный брат. Протесты возмущавшегося столь вероломным поступком высшего киевского духовенства заставили Юрия Владимировича отказаться от намерения дать повеление и вернуть Ивана Ростиславича в Суздаль, но по дороге тот был отбит и укрыт в Чернигове Изяславом Давыдовичем, нуждавшимся в нем, очевидно, для давления на Осмомысла[17].

В результате происков галицкого князя в Киев прибыли послы польского короля и южнорусских князей, требуя выдачи Берладника. Изяслав, занявший после смерти Юрия Долгорукого киевский престол, не выдал в руки Ярославу Осмомыслу изгнанника, но тот не стал, однако, еще раз испытывать судьбу и убежал из Киева в степи, к половцам, а затем с ними на Нижний Дунай, где совершал пиратские налеты на торговые корабли галичан и вредил галицким рыболовам: "Иван же тогда уполошивъся еха в поле к половцемъ и пядъ с половци и ста в городехъ подунаискых и избы две кубаре и взя товара мног в него и пакостяше ръболовомъ галичьскымъ"[18]. В 1158 г. берладники на время захватили и разграбили в устье Днепра важный порт Олешье, который принадлежал Киеву, перешедшему в руки князя Ростислава Мстиславича. Киевские воеводы – Юрий Несторович и Якун, направленные в ладьях ("насадках") вдогонку, сумели настигнуть и разгромить пиратов только у дунайского г. Дичина (летописного Дциня)[19].

Но их предводитель, уцелев, собрал шеститысячное войско из берладников и наемных половцев и двинулся в поход на владения Ярослава Осмомысла. Население Кучелмина, по словам летописца, с радостью встретило князя-изгоя, но у второго города Ушицы его ждала засада, устроенная заранее Ярославом Осмомыслом. В лагерь Берладника перебежало через городские стены немало смердов[20]. Этот примечательный факт говорит о многом. Пользовавшийся симпатией народных масс, князь-изгой запретил союзным половцам подвергнуть галицкие

города погрому, и недовольные наемники покинули его, вынужденного вновь бежать в Киев. Сидевший в нем Изяслав Давыдович начал безуспешную борьбу с Ярославом Осмомыслом, пытаясь отвоевать для верного вассала земельные владения, но был разбит, не получив военной помощи от других князей. Именно тогда был упущен последний шанс Берладника занять Галич, чьи жители в послании даже обещали перейти на его сторону, как только тот явится "со своими стягами" под галицкие стены[21]. Но силы противников были слишком неравными, и вместе с покровителем ему пришлось отступать и от Галича, и от Киева, и от Чернигова, пока они не укрепились в небольшом городке Вырь на берегу одноименной реки в Посемье, на границе со степью[22]. Позже в одном из сражений под Киевом погиб Изяслав Давыдович, а бывший звенигородский князь, потеряв опору и не имея шансов на военный успех, бежал из Руси.

Почему же, несмотря на смелость, военные способности и упорство в достижении цели, Ивану Берладнику не удалось одержать верх в борьбе с мощными противниками? Дело в том, что лишившись феодальных владений и не получая больших доходов, он, в отличие от них, не мог содержать сильную дружину. Его непрофессиональное воинство из беглых горожан и крестьян уступало дружинникам и по уровню дисциплины, и по боевому мастерству, и по вооружению.

Как же, потерпев очередное поражение, Иван Ростиславич очутился в 1161 г. в далеком византийском городе Фессалоники, об этом можно только догадываться. Его трудно представить в роли смиренного паломника, отправившегося поклониться православным святыням близ расположенного знаменитого Афона. Скорее всего, он попал в плен к византийцам на Нижнем Дунае, был вывезен в Фессалоники насильно в сопровождении охраны и проживал там в заточении на положении пленника. Здесь, вдали от родины и закончил этот неугомонный человек свой жизненный путь, о чем весьма скупо поведал летописец: "Преставился князь Иван Ростиславич, нареченный Берладник, в Селуни: иные так молвят, якобы от отравы наступила его смерть" (Ипатьевская летопись под 1162 г.)[23]. Вероятно, Ярославу Осмомыслу помогли убрать с дороги соперника византийские власти, заинтересованные в союзе с галицким князем.

От неизвестной по имени и происхождению жены (возможно, ей была вдова Изяслава Давыдовича) Берладник имел сына Ростислава, которому от рождения была уготована такая же полная превратностей жизнь изгоя. В 1189 г. Берладничича, находившегося при дворе смоленского князя Давыда Ростиславича, одна из группировок галицких бояр пригласила на княжение в Галич, где в то время сидел на троне венгерский королевич Андрей. Явившись туда и не получив должной поддержки от галичан, он во главе немногочисленной дружины, как описывал В.Н. Татищев, со словами "не хочу более по свету блудить в чужих землях, но или отчину мою достать или за оное здесь голову сложить"

ринулся в гущу неприятеля, но в яростной кавалерийской схватке был тяжело ранен и упал с коня[24]. Оказавшегося в плену в беспомощном состоянии Ростислава венгры безжалостно умертвили, приложив к его ранам яд. Так сын повторил печальную судьбу своего отца.

Ну а теперь, завершив биографический очерк, пора уже перейти в проблеме летописной Берлади и Берладского княжества по поводу которых в науке вот уже второе столетие не прекращаются споры.

На протяжении семнадцати лет его жизни (между 1145 и 1161 гг.), которые освещены в летописи, Иван Ростиславич лишь эпизодически, наездами появлялся два-три раза на Нижнем Дунае с целью пополнения своей дружины с помощью местной вольницы и не мог создать там какое-либо княжество, входившее в число владений Рюриковичей. Лишь в Новгородской первой летописи он один раз под 1149 г., да и то, скорее, иронически, назван "Берладским князем"[25].

Тем не менее, до последнего времени в литературе можно встретить утверждения о существовании древнерусского княжества в Берлади (А.А. Зимин, Г. Вечерка, Н.А. Мохов, В.Т. Пашуто, М.Н. Тихомиров, П.П. Толочко, И.П. Крипьякевич и др.)[26]. Сторонники данной точки зрения по-прежнему ссылаются на грамоту Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., текст которой был издан в 1860 и 1869 гг. патриотически настроенным румынским писателем Б.П. Хаждеу на основе якобы утраченной средневековой рукописи[27].

Наличие ошибок, археографических погрешностей, наконец, исторические несоответствия позволили А.И. Соболевскому и И.И. Богдану в докладах на VIII Археологическом съезде в Москве в 1890 г. причислить этот документ к подделкам. Соболевский, например, выявил в лексике грамоты смесь более поздних южнорусских и болгарских элементов (замена звука "в" перед согласным на звук "у", звука "ы" – на "и", префикса "съ" – на "из", звука "ч" – на "щ" и др.)[28]. Писавший позднее румынский историк П.П. Панаитеску объяснял причины создания фальсифицированных грамот патриотическими побуждениями Б.П. Хаждеу, издавшего еще один фальсификат-документ литовского князя Юрия Корятовича 1347 г.[29] Опубликовав в 1904 г. его текст в специальной статье, Н.П. Дашкевич попытался обосновать историческую достоверность содержания грамоты, в подлинности которой не сомневались П.В. Голубовский, И.И. Шараневич, И.А. Линниченко и другие представители дореволюционной исторической науки[30]. Ряд современных исследователей (С.М. Каштанов, Н.Ф. Котляр, В. Спинеи и др.) считают грамоту 1134 г. фальшивкой и не привлекают ее в качестве полноценного источника, но другие считают ее текст достоверным[31]. А.А. Зимин даже переиздал грамоту Ивана Ростиславича Берладника, передатировав ее с 1134 на 1144 г., так как сам Галич впервые упомянут летописью только в 1140 г., а Иван Берладник – 1144 г.[32]

Все это заставляет нас вновь проанализировать содержание грамоты Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., чтобы разобраться, в какой же

степени она соответствует современным историческим и археологическим данным о нижнедунайских землях в XII в., для чего придется привести здесь ее текст полностью. "У име отца и сына (и святого духа): аз, Иванко Ростиславовичь от стола Галичского, князь Берладськы сведчую купцем (меси) бриськьм да не платет мыт у граде нашем (у Ма)лом у Галичи на изклад, разве у Берлади и у Текучом и (у г)радох наших, а на исъвоз розьным товаром тутошным и угръскым и чес(кым), а то да платет николи жь разве у Малом у Галичи. А кажить воевода. А на том обет. (В лето) от рожьства Христова, тисещу и сть и тридесять и четире лет месяца мае 20 день"[33].

С первого взгляда, кажется, что в грамоте нет ничего экстраординарного, так как в ней изложены вполне характерные для эпохи средневековья условия торговли: освобождение купцов из Месемврии от уплаты пошлины за ввоз товаров в Малый Галич и обязанность их платить мыто за вывозимые отсюда товары местного, а также венгерского, а также чешского происхождения. Однако помимо грамоты 1134 г. ни в одном из древнерусских и иностранных источников XII–XIII вв. не упоминаются города Берлад (совр. Бырлад), Малый Галич (совр. Галац) и Текучий; нет их и в "Списке русских городов дальних и ближних" конца XIV в.[34] Археологи же пока не обнаружили на территории современных населенных пунктов – Бырлада, Галаца и Текуча никаких следов функционирования здесь развитых торгово-ремесленных центров в XII в. Как населенный пункт Бырлад впервые упоминается в самом начале XV в., Текуч – в 30-х гг. XV в., а Галац – еще позже, XVI в.[35] В XII в. в бассейне р. Бырлад по археологическим данным не выявлены остатки городской жизни. На территории современного румынского г. Бырлада, расположенного на правом берегу одноименной реки, открыты поселение балкано-дунайской культуры IX–X вв., относящиеся к XII–XIII вв. курганные погребения тюркоязычных кочевников, а на левом берегу – золотоордынское поселение Продана XIII–XIV вв.[36] С учетом его первого письменного упоминания (1407 г.) можно предположить, что возник он в XIII в. В окрестностях г. Текуча на правом берегу р. Бырлад найдены лишь две анонимные византийские монеты, на основании которых нельзя утверждать о его существовании как торгового центра с XII в.[37]

В целом среди археологических материалов из бассейна р. Бырлад и прилегающей к нему территории междуречья Прута и Сирета пока не удалось обнаружить массовые и разнообразные восточнославянские элементы, свидетельствующие в пользу длительного пребывания там берладников и тем более вхождения данного региона в XII в. в качестве особого княжества в состав древнерусских земель. Находки древнерусских бронзовых крестов-энколпионов из Кэбешти (XIII в.) и Кодэшти (XII в.), одностороннего крестика с выемчатой эмалью XI–XII вв. из Дэнешти фиксируют лишь появление здесь отдельных выходцев из Руси на протяжении довольно длительного времени, в том числе после монгольского нашествия[38]. К тому же их же могли привезти для местного

православного населения купцы из Киева или Галича. Гораздо больше самых разных вещей древнерусского происхождения (крестов, дверных трубчатых замков, пряслиц для прядения из розового овручского шифера, глиняных полихромных поливных яиц-писанок и др.) открыто в более нижнедунайских средневековых центрах: Гарвэн (Диногеции), Исакче (Новиодунуме), Нуфэру, Пэкуюл-луй-Соаре и других[39]. Но все они расположены за пределами бассейна р. Бырлад и, очевидно, часть из них находилась в числе городов переданных византийским императором Мануилом в держание русским князьям Васильку Юрьевичу (сыну Юрия Долгорукого) и Владиславу в 60-х гг. XII в.[40] Таким образом, существование в 30-х гг. XII в. городов Берлада, Малого Галича и Текучего никем еще не доказано. Уже одно это обстоятельство дает основания усомниться в отнесении грамоты Ивана Ростиславича Берладника к XII в. Правда, в эпоху средневековья иногда наблюдалось явление переноса названий старых, заброшенных пунктов на близлежащие новые городские поселения, куда стекалось население из старых, прекративших свое существование городов. Но в данном случае эта версия не может быть принята на веру, так у Бырлада, Галаца и Текуча не обнаружено никаких более древних предшественников.

С помощью современных археологических данных невозможно подтвердить подлинность хотя бы части свидетельств грамоты 1134 г. Уже сама ее дата вызывает большие сомнения, поскольку Иван Ростиславич впервые упоминается в Ипатьевской летописи под 1144 г. еще без прозвища "Берладник". Несоответствие грамоты 1134 г. нормам древнерусского языка и историческим реалиям XII в. было обстоятельно доказано И. Богданом, А.И. Соболевским, П.П. Панаитеску и другими учеными[41]. Тогда не существовало ни права склада товаров, утвержденного якобы по грамоте Иваном Ростиславичем в Берладе, ни двух других нижнедунайских городов (Малого Галича на месте Галаца и Текуча), которыми будто бы он владел.

В XII в. на Руси и в придунайских землях не применялось право склада товаров, которым надеялся по грамоте Малый Галич. Сомнительно выглядит и датировка документа 1134-м годом "от рожьства Христова", ведь в древнерусской письменности домонгольской эпохи, как правило, использовалось летоисчисление от мифической даты "сотворения мира", Исключение составляют лишь смоленские грамоты XIII в., но они составлялись совместно с представителями немецких городов и поэтому датировались "от Рождества Господня"[42].

И еще одно существенное замечание. Ипатьевская летопись, столь подробно и ярко описывающая бурную деятельность Ивана Ростиславича, ни разу не называет его Берладским князем, а саму область Берладь – одним из русских княжеств. Разгневавшись в 1174 г. на Ростиславичей, Андрей Боголюбский велел одному из них: "А ты поиди в Берладь, а Руськои земли не велю ти быти"[43]. Отсюда проблематичным выглядит и само существование Берладского княжества, находившегося

будто бы в зависимости от Галича. Да и сам Иван Ростиславич был звенигородским князем и не принадлежал к Галицкому столу. По летописи Берладь – это область бегства непокорных, вольных русских людей, место ссылки князей-изгоев, оторванных от родной среды, а отнюдь не город.

Без особого труда можно выявить и источники, которыми пользовался фальсификатор при составлении текста данной грамоты-подделки. Среди возможных источников упомянем прежде всего летописную речь князя Святослава 969 г., в которой говорится о поступлении на Нижний Дунай венгерских, русских, греческих и чешских товаров, известия Ипатьевской летописи о жизни Ивана Берладника и описание К. Багрянородным путешествия русов через Месемврию в Константинополь. Данные же о городах Бырладе, Малом Галиче и Текучем были извлечены Б.П. Хаждеу из молдавских документов XV–XVI вв., в том числе из привилея господаря Александра Доброго львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г., в котором говорится и о таможенном пункте в Берладе, где взималась проездная пошлина – мыто, и о складе ("исклада") товаров в Сучаве, и о разных венгерских ("угорских") товарах[44]. Вследствие рассмотренных выше обстоятельств мы не вправе использовать так называемую грамоту Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. в качестве источника по истории торговых связей Руси с южнославянскими землями. Приходится полагаться главным образом только на известия Ипатьевской летописи о нем.

Наряду с ними на существование вокруг современного румынского г. Бырлада летописной Берлади указывают ряд топонимов – плато Бырлад, река Бырлад и Берладинка. Одни связывают их происхождение со славянами (Дж. Бромберг, П. Мутафчиев, Пл. Павлов), другие (П. Диакону, Н. Йорга) – с восточными романцами и половцами[45].

В историко-археологической литературе не раз уже выдвигались гипотезы о локализации летописной Берлади за пределами бассейна р. Бырлад. Еще И.И. Богдан в конце XIX в. предположил, что она находилась в Добрудже, на правом берегу Дуная, между Хырсовом и Констанцией, на месте села Эски-Бырлат[46]. Недавно эту идею вновь попытался обосновать Р.А. Рабинович, считающий, что вопрос о подложности Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. нельзя считать окончательно решенным, но не исключающий возможность ее фальсификации в XIV–XV вв.[47] Данная гипотеза, конечно, имеет право на существование, но пока в ее пользу нельзя привести ни одного веского доказательства, за исключением тождественности топонимов. Византийские власти вряд ли бы допустили существование на правобережье Нижнего Дуная такого неконтролируемого ими анклава, в которой постоянно стекались беглецы из Руси. В районе Эски-Бырлата неизвестны какие-либо археологические материалы, свидетельствующие о связи с Русью. Еще более шатким выглядит предположение А.В. Болдура о местонахождении летописной Берлади у села Берладка (недалеко от г. Могилево-Днест-

ровского, на Южной Украине), слишком удаленного от нижнего Подунавья[48]. Ведь все летописные свидетельства четко указывают на связь берладников и князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника с Нижним Дунаем, а не с районом между Днестром и Южным Бугом.

Летописную Берладь порой сравнивают в литературе (например, М.С. Грушевский, Р.А. Рабинович и др.) с Тмутараканским княжеством, считая два эти образования абсолютно тождественными по характеру и статусу[49]. Несмотря на наличие ряда общих черт (удаленность от основной территории Руси, полиэтничность населения, контактные зоны на стыке русско-византийских интересов, места скопления беглецов из восточнославянских земель, пограничье с кочевым тюркоязычным миром), такое сопоставление, однако, представляется не совсем корректным. И вот почему. Со времен захвата Тмутаракани-Таматархи – Матрахи великим киевским князем Святославом Игоревичем (60-е гг. X в.) и по крайней мере до рубежа XI–XII вв. там, действительно княжили, чередуясь, представители династии Рюриковичей: и Мстислав Владимирович, и Ростислав Владимирович, и Олег Святославич, и Глеб Святославич, и Давыд Игоревич[50]. Вместе с последним установил свою власть в Тмутараканском княжестве в 1081 г. дед Ивана Берладника – перемышльский князь Володарь Ростиславич. Как и Берладь, Тмутаракань служила своеобразным убежищем для князей, вынужденных из-за конфликтов покинуть Русь и нередко использовавших в качестве союзников половцев. Тмутараканское княжество являлось предметом соперничества в основном между черниговской и волынской ветвями Рюриковичей. Оно в отличие от Берлади было отрезано от остальных русских княжеств степными пространствами. Галицкие же владения в бассейне р. Прут, вдоль течения которого проходил "Берладский путь", непосредственно примыкали к Берлади[51]. Иван Ростиславич всего лишь один раз в Новгородской первой летописи назван (да и то, скорее, иронически) "берладским князем". Нет достаточных оснований для утверждения о том, что область в районе р. Берлад (Бырлад), где искали убежище выходцы из восточнославянских земель, в том числе князья-изгои, приобрела статус древнерусского княжества. Их пребывание там, как и существование русских владений на Таманском полуострове, явно противоречило интересам Византии.

Придунайская область Берладь не стала древнерусской княжеской волостью, передававшейся по наследству. Название "берладники" почему-то не закрепилось за стекавшимися туда беглыми людьми из Руси. После смерти Ивана Ростилавича оно исчезает со страниц летописи. Вероятно, так именовались лишь его сподвижники из числа известных по источникам XII–XIII вв. бродников, смешанного по этническому составу, славяноотюркского населения, древнерусских степных окраин, промышлявшего военными набегами[52]. Часть этой вольницы, проживавшей у юго-западных владений Галича называли галицкими "выгонцами" (1223 г.)[53]. Их положение на Нижнем Дунае на стыке интересов

Галича и Византии, а затем и Второго Булгарского царства не было достаточно прочным и устойчивым из-за противодействия соседних мощных политических образований[54].

Примечания

[1] ПСРЛ. М., 1997. Т.І. Стб. 266; М., 1998. Т. 2. Стб. 240.

[2] В.Н.Татищев приводит очень интересную информацию, которая, однако, совсем не отразилась в сохраившихся летописях: "Владимирко галицкий, умиряся с братом Ростиславом, обоче с братаничи, Васильковыми детьми, воевались с болгары и греки. И, обладав всеми грады до Дуная, мир с греки и болгары учинил" (См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1995. Т. II. С. 158). Ярослав Осмомысл, по словам историка, "по Дунаю грады укрепил, купцами населил..." (См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1995. Т. III. С. 143).

[3] См.: "Слово о полку Игореве" / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950. С. 22, 442–443.

[4] См., например, ЖМНП. 1890. № 6. С. 85–88; *Соболевский А.И.* Грамота кн. Иванка Берладника 1134 г. // Труды VIII АС. М., 1895. Т. II. С. 173–174; *Богдан И.И.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Труды VIII АС. М., 1897. Т. IV. С. 163–164; *Дашкевич Н.П.* Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 369–381; *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаі // УІЖ. 1969. № 9. С. 20–21; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985. С. 100–106 и др. работы.

[5] ПСРЛ. М., 1965. Т. 9. С. 171. Скрупулезный анализ этого известия Никоновской летописи см.: *Кучкин В.А.* Статья 1146/47 г. Никоновской летописи и ее источники // У источника. М., 1997. Вып. 1. Ч. I. С. 221–262.

[6] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 338; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 241. Нет никаких генеалогических дополнений в описании данного события и в Воскресенской летописи (см.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 38).

[7] *Головин Н.* Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851. С. 15. № 141.

[8] См., например: *Коган В.М.* История рода Рюриковичей (Опыт историко-генеалогического исследования) СПб., 1993. С. 195.

[9] Генеалогія династії Рюриковичів. Бібліографічний довідник / Укладач Л.В. Войтович. Київ, 1990. С. 31–32, 6, 199; *Войтович Л.В.* Генеалогія династії Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ, 1992. С. 34–35. № 36.

[10] См.: *Погодин Н.М.* Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855. Т. VI. С. 186; *Баумгартен Н.А.* Родословные отрывки // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16). С. 12, 14; *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977. С. 75; *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1988. Кн. I. С. 420; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1991. Т. II–III. С. 123; *Грушевський М.С.* Історія України – Руси. Київ, 1992. Т. II. С. 419; *Donskoi D.* Genealogie des Rurikides. Rennes, 1991. N 220. P. 89; *Korpela J.* Beiträge zur Bevölkerungsgeschichte und Prosopographie der Kiever Rus' bis zum Tode von Vladimir Monomah. Jyväskylä, 1995. S. 165.

[11] Летописный Звенигород был первоначально центром владений Владимирка Володаревича, отдавшего город своему племяннику Ивану Ростиславичу после перемещения в Галич между 1141 и 1144 гг. См. публикации по истории Звенигорода: *Ратич О.О.* Літописний Звенигород // Археологія. 1973. № 12. С. 87–94; *Терский-Шеломенцев В С.* Исследования детинца Звенигорода Галицкого // СА. 1978. № 1. С. 206–210; *Куза А В.* Важиейшие города Руси // Древняя Русь. Город, замок, село (Археология СССР). М., 1985. С. 74–76; *Он же.* Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 86; *Свешников И.К.* Звенигород // Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды), Киев, 1990. С. 107–110; *Он же.* Звенигородські берестяні грамота // Нові матеріали з археології Прикарпаття і Волині. Львів. 1992. Вип. 2. С. 76–77; *Он же.* Історія Звенигорода в світлі літописів XI–XIII ст. // Галицько-Волинська держава: передумови виникнення, історія, культура, традиції. Міжнародна наукова конференція. Тези доповідей та повідомлень. Львів. 1993. С. 101–103.

[12] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 316–317; см. уточнение и детализацию хронологии событий зимы 1144–1145 гг.: *Бережков Н.Г* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 146.

[13] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 319–320.

[14] По свидетельству Ипатьевской летописи, "и тогда с полку прибеже к нему Иванъ Берладникъ" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 329), но вскоре при приближении войска великого киевского князя Изяслава Мстиславича Иван Ростиславич вместе со своим сюзереном Святославом Ольговичем вынужден был уйти из Новгорода-Северского (Стб. 334). Затем, перебравшись зимой 1146–1147 гг. в более северные лесные районы, "иде Святославъ къ Осетру и ту отступи его Иванко Берладникъ к Ростиславу Смоленьскому князю вземъ у Святослава 200 гривен серебра же 12 гривни золота" (Стб. 338). Вот как описывает последний эпизод В.Н. Татищев: "...Святослав пошел к Дедославлю. И как пришел к Осетру, тогда Иван Ростиславич Берлядин, забыв Святославле к себе и братье его благодеяние, видя его изгоняема, согласясь с Давидовичи, пошел в Смоленск к Ростиславу. И видя Святослава на Осетре в малых людех стоясча, напав на него, взял с него 12 гривен золота до 200 гривен сребра и ушел... Святослав же посылал за Берлядиным, и, не могши его догнать, пошел в Пултеск городок" (См.: *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. Т. II. С. 169–170). Скорее всего, в данном случае историк немного дополнил рассказ летописца.

[15] НПЛ. С. 28, 215; Это известие явно не учел Б.А. Рыбаков, по недоразумению написавший о том, что в 1156 г. Иван Берладник служил в вятичских лесах союзнику Юрия Долгорукого – Святославу Ольговичу, а затем после перехода к другому сюзерену сразу же был схвачен Юрием Долгоруким и заточен в Суздале. (См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XII вв. М., 1982. С. 510).

[16] "В то же время бяше привелъ Гюрги Ивана Ростиславича рекомаго Берладника исъ Суждаля окованого, хотя и дати Ярославу зяти своему, прислал бо бяше Ярославъ уже по Берладника" (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488). Перед этим зимой 1156 г. Юрий Долгорукий в союзе с Ярославом Осмомыслом совершил в поход на Владимир-Волынский против Мстислава Изяславича, и нет никакой информации об участии в нем Ивана Ростиславича Берладника (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 485–486).

[17] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 488.

[18] Вот как описаны эти события 1158 г. в Ипатьевской летописи. "...Нача Ярославъ Галичьскыи искати Ивана Ростиславича стрьичича своего. Ярославъ бо бяше подъмолвилъ князе русские и короля и лядьския князя да быща ему были помочьници на Иваиа и обещаша ему вси послаша послы Киеву къ Изяславу Давидовичю Ярославъ Галичьскии... Иван же тогда уполошився еха в поле к половцемъ и пядъ с половци и ста в городехъ подунаискых и избы две кубаре и взя товара мног в него и пакостяляше ръболовомъ галичьскымъ..." (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 496–497). Враждебные действия против галицкого князя Иван Берладник совершал, по летописному свидетельству, в иизовьях Дуная, а не на Днестре.

[19] В Ипатьевской летописи известие об этом помещено по 1160 г.: "...Посла Ростилавъ по Киева Гюргя Нестеровича и Якуна в насадеъ на берладники оже бяхуть Олешье взяли и постигше е у Дциня избиша е и полои взяша" (ПСРЛ. Т. 2, Стб. 505). Отсюда видно, что пиратствовавшим берладникам, как и киевским воинам, был хорошо знаком путь по Нижнему Дунаю, О локализации летописного Дциня (Дичина) более подробно см. главу 5 нашей монографии.

[20] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497–498; В советской историографии данное выступление классифицировалось как проявление антифеодальной борьбы. См.: *Тихомиров М.Н.* Крестьянские и городские восстания на Руси XI–XIII вв. М., 1955. С. 205–206; *Мавродин В.В.* Народные восстания в древней Руси XI–XIII вв. М., 1961. С. 100–104; *Буганов В.И.* Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986. С. 34–35; Более объективная его характеристика дана недавно И.Я. Фрояновым, предположившим, что среди этих смердов были люди, насильственно вывезенные галицким князем из Подунавья, в том числе из Берлади (См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной и политической борьбы. М., СПб., 1995. С. 551–557).

[21] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 498–499.

[22] Там же. Стб. 506–508. По мнению И.Я. Фроянова, на помощь к Владимиру Володаревичу пришли ополчения из Перемышля и Теребовля, что позволило ему обеспечито значительный перевес над Иваном Ростиславичем. (См.: *Фроянов И.Я.* Древняя Русь. С. 550).

[23] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 519. Вопреки предположению П. Диакону, справедливо подвергнутому сомнению Пл. Павловым, Иван Берладник вряд ли мог быть назначен византийскими властями правителем каких-либо нижнедунайских городов (См.: *Павлов Пл.* За руското присъствие... С. 14); *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XI-e et XII-e siécles. Buc., 1978. P. 98–99.

[24] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 663; *Татищев В.Н.* Собр. соч.. М., 1995. Т. III. С. 148–149.

[25] НПЛ. С. 28, 215.

[26] См.: *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 171; *Он же.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 194; ПРП. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII–XV вв. / Сост. А.А. Зимин. М., 1953. С. 26–31; *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 438; *Мохов Н.А.* Очерки истории молдавско-русско-украинских связей (с древнейших времен до начала XIX века). Кишинев, 1961. С. 18–19; *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 228–229; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 121; История Украинской ССР. Киев, 1981. Т. 1. С. 404; *Назаренко А.В.* Русско-германские связи

древнейшей поры (IX–XI вв.): состояние проблемы. М., 1995. С. 33; *Гудзь-Марков А В* История славян. м., 1997. С. 369; *Татищев В Н* Собр. соч. М., 1995 Т. III. С. 148; Войтович Л.В. Удільні князвства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996. С. 58–60; *Крип'якевич І П* Галицько-Волинське князівство. 2-е вид. Львів, 1999. С. 25, 102; *Weczerka H* Das mittelalterliche und fruhenzeitliche Deutschtum im Furstentum Moldau. Munchen, 1960 S. 16.

[27] Instrucţiunea publică. Iaşi, 1860. N I. P. 8; Traian. 25 augustu 1862. An. I. N. 50. P. 199.

[28] *Соболевский А И* Указ. соч. С 173–174; *Богдан И И* Указ. соч. С. 163–164; *Bogdan I* Scrieri alese. Buc., 1968. P. 112–145.

[29] *Panaitescu P P* Diploma bărlădeană din 1134 şi hrisovul lui Iurg Koriatovici din I 74 // Revista istorică română 1932 T. II. N I P. 46–51.

[30] См.: *Дашкевич Н П* Указ. соч. С. 369–381 (См. там же обзор литературы о грамоте Ивана Ростиславича Берладника 1134 г.)

[31] Наряду с Н.П. Дашкевичем, А.А. Зиминым, М.В. Левченко, В.Т. Пашуто, В.М. Потиным и другими историками, чьи работы упомянуты выше (см прим 26, 30), к числу достоверных источников относил грамоту 1134 г., например, А.В Флоровский (См.: *Флоровский А В* Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России до XVII века. М., 1961. С. 75. См. также мнения ученых считающих ее фальсификатом: *Котляр Н Ф* Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. С. 100–106, *Он же* Русь на Дунае. С. 20–22; *Каштанов С М* Из истории русского средневекового источника. Акты X–XVI вв. М., 1996. С. 71–72; *Павлов Пл* За руското присъствие на долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. С. 12–13; *Spinei V* Zur Geschichte der mittelalterlichen Siedlung Bîrlad (Sudmoldau) im 10–14. Jahrhundert // Dacoromania. Munchen, 1977–1978. Bd. 4. S. 67–69; *Idem.* Moldova in secolele XI–XIV. Buc., 1982. P. 143–146.

[32] ПРП. Вып. 2. С. 26–31.

[33] Там же. С. 26; *Дашкевич Н П* Указ. соч. С. 369.

[34] См.: ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 240; НПЛ С. 475; Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. Сост. Ф.А. Грекул М., 1976.

[35] В Бистрицкой летописи, например, г. Бръслад/Берлад, (Бырлад) впервые фигурирует только под 1440 г., древнейшее же упоминание его содержится в уставной таможенной грамоте молдавского господаря Александра львовским и подольским купцам от 8 октября 1407 г.; один же из бырладских жителей фигурирует еще в более раннем документе 1401 г См.: Акты, относящиеся к истории Западной России., собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. I. № 21. С. 31; Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. С. 25; *Полевой Л Л* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979. С 63–64; *Бырня П П* Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев, 1984. С. 53, 63, *Zaharia* N., Petrescu-Dîmboviţa M., Zaharia Ehr. Aşezări din Moldova. Buc , 1970. P. 313, 357, 374; *Anghel A* Observaţii cu privire la zonele locuire în orasul medieval Galaţi // Danubius. 1985. T. XI–XII (1984–1985). P. 75–87.

[36] *Spinei V* Zur Geschichte der mittelalterlichen Siedlung Bîrlad... S. 65–84; *Idem.* Inceputurile vieţii urbane la Bîrlad şi problema berladnicilor // Anuarul Institutului de istorie şi arheologie A.D. Xenopol. Iaşi 1979. T. XVI. P. 271–293.

[37] *Spinei V* Moldova... P. 97.

[38] *Barnea I* Christian art in Romania. Bucharest, 1981. Vol. 2. P. 198; *Teodor D. Gh.* Creştinismul la est de Carpaţi de la originişi pînă în secolul al XIV-lea. Iaşi, 1991. P. 173; 176, 178. Fig. 28:3, 31:1.

[39] См.: *Комша М.* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V МКСА. М., 1987. Т. III. Ia. С. 100–110; см. также главы 3–4 части II нашей монографии.

[40] См.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 521 (Ипатьевская летопись под 1162 г.: "...Идоста Гюргевича Царюгороду Мьстиславъ и Василко съ матерью и Всеволода молодого пояша со собою третьего брата и дасть царь Василкови в Дунаи 4 гор(од)ы, а Мьстиславу дасть волость Отскалана"); Вскоре, однако, уже в 1165 г. нижнедунайская область, пожалованная императором в держание Васильку Юрьевичу, перешла к другому русскому князю, которого византийский историк Иоанн Киннам называет Владиславом, хотя, возможно, по ошибке путает с Мстиславом. См.: *Фрейденберг М.М.* Труд Иоанна Киннама как исторический источник // ВВ. М., 1959. Т. 16. С. 42; *Левченко М.В.* Указ. соч. С. 485; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы. М., 1997. С. 67, 138.

[41] См.: *Соболевский А.И.* Указ. соч. С. 173–174; *Богдан И.И.* Указ. соч. С. 163–164; *Котляр Н.Ф.* Формирование территории... С. 100–101; *Bogdan I.* Scrieri alese. P. 112–145; *Panaitescu P P.* Op. cit. P. 46–51; по мнению С.М. Каштанова, целый ряд признаков (формулы инвокации, нотификации – "сведчую", дата по эре от Рождества Христова) свидетельствуют о подложности грамоты Ивана Ростиславича Берладника 1134 г., которую "можно сблизить с "листами" галицких старост и львовских воевод конца XIV – начала XV в.". См.: *Каштанов С.М.* Из истории русского средневекоаого источника... С. 71.

[42] В славяно-молдавских грамотах и летописях XV–XVI вв. летоисчисление вели от сотворения мира, а не от Рождества Христова. См.: *Руссев Е.М.* Молдавское летописание – памятник феодальной идеологии. Кишинев, 1982, С. 27; ср.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 63, 66 (грамоты князя Федора Ростиславича 1284 г.); Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. Издание подготовил Я.Н. Щапов. М., 1976. С. 166–196. Летоисчисление "от Рождества Христова" использовалось только в переведенных на немецкий язык молдавских грамотах XVI в. (см., например: Молдавия в эпоху феодализма. Т. II: Славяно-молдавские грамоты XV–XVI вв. / Сост. Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.Н. Светличная, П.В. Советов. Кишинев, 1978. С. 264, 299, 321).

[43] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 573: Берладь явно не входила в пределы "Русской земли" как в узком, так и в широком смысле. См. основную литературу о "Русской земле": *Насонов А Н.* "Русская земля" и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 28–46; *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 55–66; *Кучкин В.А.* "Русская земля" по летописным данным XI – первой трети XIII в. // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1985. С. 74–100; *Ведюшкина И.В.* "Русь" и "Русская земля" в Повести временных лет и летописных статьях второй трети – первой трети XIII в. // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 101–116; *Насонов А.Н* Указ. Соч. С. 138–141; *Котляр Н.Ф.* Формирование... С. 102.

[44] См.: Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. № 21. С. 31; Грамоти XIV ст. Упор. М.М. Пещак, Київ, 1974. № 71, 80; *Константин Багряно-*

родный. Об управлении империей. М., 1989 (2-е изд. М., 1991); ПСРЛ. М., 1997. Т. I. Стб. 67.

[45] *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973, Т. II. С. 169; *Павлов Пл.* За руското присъствие... С. 13; *Diaconu P.* Les Coumans... P. 97–99; *Bromberg J.* Toponymical and historical miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo-Wallachia // Byzantion. 1937. T. XII. Fasc. 1–2. P. 470.

[46] На топоним Эски-Бырлат (Старый Бырлат) в 10 км от румынского г. Черновцы обращал также внимание Н.П. Барсов. См.: *Барсов Н.П.* Очерки русской исторической географии. Изд. 2-е. Варшава, 1885. С. 115; *Bogdan I.* Op. cit. P. 104.

[47] *Рабинович Р.А.* Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. (Историко-археологическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 7.

[48] См.: *Дашкевич Н.П.* Указ. соч. С. 374; *Boldur A.V.* Istoria Basarabia. Chişinau, 1937. P. 135.

[49] *Грушевський М.С.* Указ. соч., с. 421; *Рабинович Р.А.* Указ. соч. С. 7 (Последний автор также сравнивает Берладь с Олешьем).

[50] См. о Тмутаракани и ее связях с Русью в X–XII вв.: *Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII веке // ВИ. 1972. № 7. С. 41–43; *Захаров В.О.* Сторінка історії Тмутараканського князівства // УІЖ. 1987. № 10. С. 104–105; *Коновалова И.Г.* Тмутаракань в XII–XIV вв. (по данным арабских источников) // Контактные зоны в истории Восточной Европы: перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995. С. 61–71.

[51] В более поздних грамотах Буковины XVII–XVIII вв. этот Берладский путь именовался "воровской", "разбойничьей" дорогой. См.: *Шушарин В.П.* Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев., 1972. С. 172.

[52] См. основную литературу о берладниках, бродниках и галицких "выгонцах": *Мавродин В.В.* Русское мореходство на южных морях. Симферополь, 1955. С. 102–108; *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаї // УІЖ. 1966. № 9. С. 18–22; *Он же.* Хто такі бродники // УІЖ. 1969. № 5. С. 95–99; *Пашуто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 115–116, 202, 269; *Волынкин Н.М.* Предшественники казачества – бродники // Вестник Ленинградского ун-та, 1949. № 8. С. 57–58; *Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я.* Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе (1960–1969) // История СССР. 1970. № 6. С. 125; *Шушарин В.П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII века // ИСССР. 1978. № 2. С. 39–43; *Князький И.О* Славяне, волохи и кочевники... С. 197–211; *Павлов Пл.* Древнеруските бродники в българската история (XII–XIII в.) // Българо-украински връзки през вековето. София, 1983. С. 119–137; *Гумилев Л.Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 213; *Грушевський М.С.* Указ. соч. С. 524–526; *Бубенок О.Б.* Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.). Киев, 1997. С. 125–137 (автор считает бродников потомками ираноязычного скифо-сар-матского населения, близкими аланам); *Rosetti R.* Brodnicii // Revista nouă. 1890. T. III. N 1. P. 58–61; *Bălan T.* Berladnicii. Cernăuţi, 1928; *Boldur A.V.* Isroria Basarabiei. Chişinau, 1937. T. I. P. 135–137; *Spinei V.* Moldavia in the Ith-14th centuries. Bucarest, 1986. P. 104–108.

[53] См. о галицких выгонцах ("выгонци Галичькыя придоша по Днепру и воиидоша в море") в Ипатьевской летописи под 1224 г.: ПСРЛ. Т. 2. Стб. 742.

[54] Впрочем, в литературе можно встретить даже утверждение о существовании государства бродников. (См.: *Мохов Н А* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 84. *Conduraclu E* Juzii si judeciile moldovenesti // Cercetari istorice. (1929–1931). Iasi, 1932. Т 5–7. Р 310). Сославшись на одну из статей В.П Шушарина, рассмотревшего венгерские королевские грамоты и папские послания с упоминанием бродников, Пл. Павлов видимо, по недоразумению написал о вхождении Берлади в состав "земли бродников", хотя в тексте упомянутых выше источников XIII в. такой информации нет (См.: *Павлов Пл* За русско присъствие... С. 28; ср.: *Шушарин В П* Свидетельства письменных памятников...

Глава 5

Многоликий Дичин

Нижнедунайский город, известный по русским летописям как Дичин[1] или Дцинь[2], неоднократно упоминается – под разными именами – и во многих других письменных источниках XII–XV вв. – греческих, латинских, арабских, итальянских. Несмотря на обилие сведений, относящихся к Дичину, ученые вот уже более ста лет никак не могут прийти к общему мнению о его локализации. Выдвигавшиеся на этот счет точки зрения столь различны, что район поисков города охватывает практически все Нижнее Подунавье – от дельты реки до находящегося в 360 км выше по течению (от устья Сулинского гирла) острова Пэкуюл луй Соаре близ Силистры. К настоящему времени предложены следующие варианты локализации: Тулча, Нуфэру и Махмудия на правом берегу Георгиевского рукава дельты, Измаил на левом берегу Килийского рукава, Сомова близ разветвления Дуная на рукава, Исакча на правом берегу Дуная, Никулицел к югу от Исакчи, Мэчин и Чернаводэ на берегу Дунэря-Веке, остров Пэкуюл-луй-Соаре[3].

В связи с тем, что в отечественной историографии отсутствует какой-либо очерк истории Дичина, считаем необходимым подробно остановиться на изложении сообщений источников, касающихся этого города.

Дичин в X–XII вв. Сведения о городе Дичине впервые появляются в источнике XII в. Однако еще раньше, в X в., упоминается река под таким названием. Гидроним "Дичина" (Διτζίνα) встречается в сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного (945–959) "Об управлении империей". В 9 главе своего труда, посвященной описанию пути русов из Поднепровья в Константинополь, император говорит, что миновав р. Днестр, русы "приходят в Селину, в так называемый рукав реки Дунай[4]. Пока они не минуют реку Селина, рядом с ними следуют пачинакиты. И если море, как это часто бывает, выбросит моноксил на сушу, то все [прочие] причаливают, чтобы вместе противостоять пачинакитам. От Селины же они не боятся никого, но, вступив в землю Булгарии, входят в устье Дуная. От Дуная они прибывают в Конопу[5], а от Конопы – в Констанцию[6] ... к реке Варна[7]; от Варны же приходят к реке Дичина. Все это относится к земле Булгарии. От Дичины они достигают области Месемврии[8] – тех мест, где завершается их мучительное и страшное, невыносимое и тяжкое плавание"[9].

Приведенный текст не оставляет сомнений в том, что гидроним "Дичина" не имеет отношения к бассейну Дуная. Река Дичина в описании Константина – это река, протекающая по болгарским землям к югу

от Варны. Исследователи единодушно отождествляют ее с рекой Камчией, устье которой находится между Варной и Несебром и которая в средние века именовалась Дича или Тича[10].

О реке под названием Вичина говорится еще в одном греческом источнике – в сочинении византийской принцессы Анны Комниной (1083 – ок. 1153–1155 гг.) "Алексиада", посвященном времени царствования императора Алексея I Комнина (1081–1118). Река Вичина (Βιτζίνα) упоминается в книге VII "Алексиады", где содержится подробный рассказ о событиях византийско-печенежской войны конца 80-х – начала 90-х гг. XI в.[11] Географические детали описания позволяют, по мнению исследователей, локализовать эту реку на территории Болгарии и отождествить ее с р. Камчией[12]. Однако Анна говорит не только о реке, но и о городе Вичина. Сообщение о нем помещено в книге VI и относится к повествованию о начале войны с печенегами в 1086 г. По словам византийской принцессы, обитавшие к северу от Дуная печенеги (называемые ею "скифами"[13]) для того, чтобы беспрепятственно переправиться через реку, заключили договор с "жившими по Данувию племенами", вожди которых владели Дристрой[14], Вичиной (Βιτζίνα) и другими городами[15]. Таким образом, из приведенного сообщения, где Вичина упоминается в связи с подунайским городом Дристрой (Силистрой), совершенно ясно, что под Вичиной имеется в виду какой-то городской центр в бассейне Нижнего Дуная.

Что представлял собой этот населенный пункт в конце XI в.? Согласно Анне Комниной – нашему единственному источнику по данному периоду истории города, – Вичина находилась во владении одного из местных князьков – Сеслава (Σεσθλαβος) или Сацы (Σατζα)[16]. Археологические и нумизматические находки последних лет из нижнедунайских городов позволяют утверждать, что, при сохранении общего контроля Византии над районом Нижнего Подунавья, в руках местных предводителей вроде Сеслава или Сацы находился целый ряд населенных пунктов Добруджи[17]. По поводу этнической принадлежности этих правителей высказываются различные мнения: Сеслава считают либо болгарином либо русским[18], Сацу – печенегом или влахом[19]. Заметим, что для суждений по этому вопросу мы располагаем лишь именами вождей, из которых первое (Сеслав) – явно славянское, а второе (Саца) – может быть связано с румынским языком.

Следующее известие о Дичине относится к середине XII в. Оно содержится в сочинении арабского географа ал-Идриси "Нузхат алмуштак фи-хтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям", 1154 г.). Труд ал-Идриси включает в себя не только описание стран и народов Азии, Африки и Европы, но и подробнейшую карту с нанесенными на нее морями, реками, озерами, горами и городами. По заключению исследователей, разделы этого труда, посвященные описанию Балканского полуострова, отличаются богатством сведений и, в ряде случаев, высокой точностью[20].

При характеристике торговых путей, связывавших между собой балканские и нижнедунайские города, ал-Идриси дважды упоминает город Дисину. Первый раз она фигурирует в описании городов Подунавья: "От Бараклафисы (Преславец) до города Дисина четыре дня пути на восток. Дисина – цветущий город, обширный по площади, окруженный многочисленными полями; цены на зерно там низки. От него до города Армукастру (Енисала) два дня пути на юг"[21]. Во второй раз о городе идет речь в составе другого маршрута – среди городов Болгарии: "От Тармисии[22] до Дисины один день пути на восток. Между городом Дисина и морем сорок миль, а с восточной стороны к Дисине приближается река Дану (Дунай)"[23].

Информация карты соответствует данным текста сочинения: Дисина помещена на правобережье Дуная, между Дунаем, изображенным к востоку от нее, и другой впадающей в море рекой, название которой не подписано, на значительном расстоянии от берега моря. На юго-юго-восток от Дисины помечен город Армукастру, к западу от нее – Бараклафиса и Тармисия[24].

В решении вопроса о локализации Дисины сложились три точки зрения. Первую, согласно которой Дисина ал-Идриси отождествляется с Вичиной на Нижнем Дунае, выдвинули – независимо друг от друга – русский ученый Ф.К. Брун, сопоставивший Дисину ал-Идриси с Дичином из летописного "Списка русских городов дальних и ближних"[25], и австрийский востоковед-географ В. Томашек, связавший данные ал-Идриси с известными ему упоминаниями о Вичине в итальянских источниках XIV–XV вв.[26] Впоследствии к мнению этих исследователей присоединились и многие другие ученые: К. Брэтеску[27], Н. Грэмадэ[28], Г. Брэтиану[29], О. Талльгрен-Туулио[30], А. Кузев[31], Е. Тодорова[32] и др. Вторую точку зрения сформулировал русский византинист Ю.А. Кулаковский. Ознакомившись с исследованием В. Томашека, он лишь отчасти согласился с ним и высказал предположение, что к району Нижнего Дуная относится только первое из указанных нами сообщений, а данные второго касаются одноименного города в устье р. Камчия в Болгарии[33]. Вслед за Ю.А. Кулаковским смешение географической номенклатуры у ал-Идриси отмечали болгарский исследователь Б. Недков[34] и румынский историк К. Чиходару[35]. Наконец, третья точка зрения принадлежит румынскому ученому П. Дьякону, который вообще не считает возможным отнести оба сообщения ал-Идриси к Нижнему Подунавью и целиком связывает их с Северо-Восточной Болгарией[36].

Сам ал-Идриси, как нам кажется, полагал, что приводимые им данные относятся к одному городу. Об этом свидетельствуют одинаковые чтения названия в обоих сообщениях и наличие на карте одного, а не двух городов, носящих название Дисина.

В том, что первое сообщение касается района Нижнего Дуная, сомнений нет, ибо, по указанию ал-Идриси, Дисину надо искать к северу от Армукастру (Енисала близ оз. Разельм), т.е. в бассейне дельты Ду-

ная. Поскольку маршрут от Преславца через Дисину к Армукастру сухопутный, Дисина должна находиться либо у южного рукава дельты, либо на правобережье основного течения реки. Информация о Дисине из второго маршрута не противоречит данным первого и даже дополняет их, как заметил В. Томашек[37]: под протекающим с восточной стороны города Дунаем можно подразумевать его дельту, а расстояние в 40 миль от моря вполне соответствует, как будет показано ниже, характеру изображения города на морских картах. Однако непомерно большое расстояние между Дунаем и Ахтополом[38], которое невозможно было преодолеть за два дня, указанные в источнике, а также состав дорожника, где Дисина упомянута среди болгарских городов, лежащих далеко к югу от Дуная, заставляют подозревать, что во втором из рассмотренных нами сообщений ал-Идриси переплелась информация о двух разных географических объектах. По-видимому, ал-Идриси располагал сведениями, с одной стороны, о городе Дисина на Нижнем Дунае и, с другой – о каком-то населенном пункте в бассейне реки Камчия, известной по греческим источникам как Дичина (Вичина). О том, какой именно город на р. Камчия фигурировал в описании ал-Идриси, сказать ничего определенного нельзя, кроме того, что он носил иное название, чем дунайский Дичин. По заключению болгарского исследователя Б. Бешевлиева, хотя р. Камчия и называлась по-гречески Дичиной (Вичиной), в ее бассейне не было города с таким именем[39]. Логично предположить, что ал-Идриси, не знавший местное наименование этого болгарского города, связал данные о нем с информацией о нижнедунайской Дисине, опираясь на сходство названий города и реки.

Благодаря ал-Идриси мы можем в какой-то мере представить себе облик средневекового Дичина. Упоминание города в составе двух дорожников говорит о том, что Дичин в середине XII в. являлся торговым центром, хорошо знакомым торговым людям. Чем же привлекал купцов этот большой, многолюдный, цветущий город? По словам информатора ал-Идриси, Дичин окружали многочисленные поля, благодаря чему город славился низкими ценами на зерно. Очевидно, основу городской экономики составляла торговля сельскохозяйственными товарами, в первую очередь, зерном, производившимся в близлежащих областях.

Данным ал-Идриси о Дисине современны сведения древнерусской летописи о городе Дцине. По сообщению летописца, в 1160 г. киевский князь Ростислав Мстиславич послал киевского воеводу Юрия (Гюргия) Несторовича и смоленского боярина Якуна на поимку отряда берладников, разоривших Олешье – важный в стратегическом и экономическом отношении город в устье Днепра, зависимый от Киева. Погоня настигла берладников у города Дциня, где они были разбиты[40].

Хотя в летописной статье ничего не говорится о местонахождении Дциня, мы можем делать достаточно обоснованные предположения на этот счет, опираясь на некоторые детали рассказа летописца как о событиях 1160 г., так и о других фактах, связанных с деятельностью бер-

ладников. Говоря о карательном отряде, посланном Ростиславом Мстиславичем, летописец замечает, что воины из Киева преследовали берладников "в насадехъ"[41], т.е. в ладьях. Отсюда следует, что ограбившие Олешье берладники, скорее всего, должны были уходить с добычей также по воде. Вопрос о том, в каком направлении они двигались от устья Днепра, не вызывает сомнений у большинства исследователей, полагающих, что целью берладников было Нижнее Подунавье, возможно, летописный город Берладь на одноименной реке, левом притоке Сирета[42]. Это предположение основывается на летописной статье 1159 г., свидетельствующей о том, что берладники в это время активно промышляли речным пиратством на Нижнем Дунае: они грабили торговые суда и вредили галицким рыболовам[43]. По словам летописца, незадолго до нападения на Олешье князь Иван Ростиславич Берладник обосновался в подунайских городах[44]. В каких именно городах он укрепился – источник молчит, но можно полагать, что районом их вероятного местонахождения было нижнее течение Дуная до впадения в него Сирета, а также сам Сирет и его приток Бырлад. Именно на этом отрезке пути и должен был располагаться город Дцинь, где воины Ростислава Мстиславича догнали отряд берладников.

Таким образом, хронологически почти одновременные сообщение древнерусского летописца о городе Дцине и данные арабского географа ал-Идриси о городе Дисина указывают на один и тот же район их местонахождения – низовья Дуная, что позволяет с достаточной степенью надежности отождествить оба эти населенных пункта. Что касается их наименований в различных источниках – Βιτζίνα, Дисина, Дцинь – то древнерусская и арабская формы топонима считаются производными от греческой[45].

Монголы в Нижнем Подунавье в XIII–XIV вв Дунайско-Днестровские степи вошли в состав владений Золотой Орды с самого начала ее существования[46].

Источником сведений о положении в этом регионе сразу после монгольского нашествия служит отчет францисканского монаха Гильома де Рубрука о путешествии в Монголию, которое он совершил в 1253–1255 гг. Рубрук неоднократно отмечает, что западной границей Золотой Орды являлся Дунай. По его словам, монгольское государство простиралось "от Дуная до восхода солнца". В другом месте Рубрук говорит, что монголам принадлежали все земли "от устья Танаида (Дона) к западу, до Дуная". Территории, лежавшие на правом берегу Дуная, в состав Золотой Орды не входили, но были в зависимости от нее и платили дань. Рубрук пишет, что "Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Склавонии" платили дань золотоордынским правителям[47].

Позиции Золотой Орды в Дунайско-Днестровских степях и ее влияние на Болгарию заметно упрочились при темнике Ногае, обосновавшемся в междуречье Днестра и Дуная с середины 60-х гг. XIII в. Южная

граница владений Ногая продолжала проходить по Дунаю, но в 80-90-х гг. XIII в. зависимость от него признали Тырновское, Видинское, Браничевское княжества, а также королевство Сербия[48]. Ногай стал фактически независимым правителем западных областей Золотой Орды, что привело к войне хана Токты (1290–1312) против могущественного темника и его сыновей.

Эта междоусобица, ставшая ярким эпизодом политической истории золотоордынского государства, попала в поле зрения египетских арабских авторов, благодаря которым нам известны основные события войны Ногая и Токты, а также связанные с ними данные о географии Нижнего Подунавья. Ценные сообщения по истории рассматриваемого региона можно найти в сочинениях Рукн ад-дина Бейбарса (1245–1325), Абу-л-Фиды (1273–1331), ан-Нувайри (1279–1332), ал-'Умари (1301–1349), Ибн Халдуна (1332–1406), ал-Калкашанди (1355–1418). Осведомленность этих авторов относительно положения дел на западных границах Золотой Орды основывалась главным образом на том, что все они – кто в силу высокого положения в чиновничьей иерархии, кто вследствие близости к султану – имели доступ к документам канцелярии египетских султанов, поддерживавших, как известно, тесные отношения с золотоордынскими правителями. Кроме официальной документации султанской канцелярии некоторые арабские авторы пользовались информацией купцов и путешественников, побывавших в Золотой Орде[49].

Дунай, известный арабам под его тюркским наименованием "Туна", считался рекой "страны тюрок", т.е. Золотой Орды[50]. Разумеется, речь идет не обо всем Дунае, а о его нижнем течении. В арабских сочинениях упоминается только один город на Нижнем Дунае – Сакджа, являвшаяся административным центром власти Золотой Орды в этом районе.

Остатки средневекового города, именуемого в арабских источниках Сакджей, находятся на правом берегу Дуная в местности Эски-кале, в двух километрах к востоку от современного румынского города Исакчи. Название "Исакча" рассматривается исследователями в качестве антропотопонима, происхождение которого связывают с разными лицами: либо с каким-то тюркским военным предводителем, похороненным в городе во времена монгольского нашествия[51], либо с упоминаемым Анной Комниной местным князьком Сацей[52].

Первое сообщение о Сакдже содержится у Рукн ад-дина Бейбарса. Он пишет, что отправленный во владения разгромленного Ногая сын хана Токты Тукулбуга "утвердился в Сакдже на реке Туна и на местах, прилегающих к Железным воротам, где находились становища Ногая"[53]. Из контекста сообщения видно, что речь может идти о самом начале XIV в., когда хану Токте удалось в результате жестокой войны восстановить единство Улуса Джучи. Этот же рассказ об утверждении Тукулбуги на Дунае повторяют ан-Нувайри и Ибн Халдун[54].

Наиболее пространную информацию о Сакдже дает Абу-л-Фида, ссылающийся на некоего жителя этого города как на источник своих

сведений о нем. По его данным, Сакджа находилась "в устье Туны, великой и славной реки", впадающей "к северу от города" в Крымское, т.е. в Черное море[55]. Населенный пункт описан Абу-л-Фидой следующим образом: "Сакджа – город средних размеров, расположенный на равнине у подножья [горы] Кашка-Таг[56], близ впадения [реки] Туны в море Понт. От Сакджи до [города] Акджа-Карман (Аккерман) пять дней [пути], а до Константинополя по суше двадцать дней [пути]. Сакджа находится на юго-западном берегу [реки] Туны, с той стороны, которая ближе к Константинополю. Преобладающая часть жителей Сакджи исповедует ислам". Сведения о городах Абу-л-Фида приводит в табличной форме и в графе о политическом положении Сакджи заявляет, что город находится "в земле валахов и в зависимости от Константинополя (*мин ал-авлак ва билади-л-Кустантинийи*)"[57].

Употребляемый Абу-л-Фидой термин *ал-авлак* является арабской передачей этнонима "влах", вошедшего в арабскую историографию на рубеже XIII–XIV вв. и встречающегося, кроме сочинения Абу-л-Фиды, также у Рукн ад-дина Бейбарса, ан-Нувайри, ал-Калкашанди для обозначения болгар и Болгарского царства[58]. Поэтому сообщение Абу-л-Фиды о Сакдже, на первый взгляд, весьма противоречиво: в самом деле, трудно представить себе статус города, населенного по преимуществу мусульманами, но при этом расположенного в болгарских землях да еще и находящегося в зависимости – неясно, какого характера – от Константинополя. Тем не менее оно довольно точно отражает этнополитическую и религиозную ситуацию, сложившуюся в этом населенном пункте в первой трети XIV в.

Указание на то, что Сакджа относилась к территории Болгарского царства, можно трактовать как отражение двойного подчинения Днестровско-Дунайских степей при болгарском царе Федоре Святославе[59]. Что же касается зависимости города от Константинополя, то в литературе высказывается точка зрения, согласно которой представление о Сакдже как византийском городе возникло потому, что часть горожан исповедовала православие, а арабы-мусульмане того времени воспринимали эту религию как византийскую[60].

Поскольку какие-либо иные сообщения арабских авторов о Сакдже отсутствуют, ясно, что адекватно интерпретировать данные Абу-л-Фиды об этом городе можно, лишь попытавшись сопоставить их со сведениями о населенных пунктах Нижнего Подунавья, имеющимися в других источниках XIV в. Для этого следует обратиться к информации, содержащейся в итальянских и византийских источниках – нотариальных актах, оформлявших заключенные в городах Нижнего Подунавья разнообразные сделки; морских картах и лоциях; документах католических монашеских орденов и Константинопольской патриархии; произведениях публицистического характера. Значительная часть указанных материалов будет проанализирована в последующих разделах, а сейчас

отметим только те их данные, которые касаются монгольского присутствия в районе Нижнего Подунавья в конце XIII–XIV в.

Во всех вышеперечисленных источниках топоним "Сакджа" не употребляется. В качестве главного города для района Нижнего Подунавья латиноязычные и греческие источники называют город Вичину (*Vicina, Vecina, Vizina, Vezina*; Βιτζίνα, Διτζίνα).

Как следует из сообщений нотариальных актов Каффы 1289–1290 гг., Вичина входила в зону обращения золотоордынской монеты – аспра[61]. Это подтверждается и археологическими материалами из городских центров Нижнего Подунавья (в частности, из Исакчи), где найдены джучидские монеты крымского и местного чеканов[62]. Под 1286, 1320 и 1334 гг. в списках городов, имеющих францисканские монастыри, Вичина упоминается в качестве золотоордынского города[63]. В документах Константинопольской патриархии первой половины XIV в. также имеется упоминание о том, что город находился в руках "неверных"[64]. На итальянских и испанских картах XIV в. Вичина фигурирует как самый крупный город Нижнего Подунавья, находившийся в подчинении Золотой Орды[65]. Обычно Вичина изображается на картах в месте, где Дунай разветвляется на рукава. То, что Вичина была расположена не в дельте реки, а выше по течению следует и из данных итальянской и греческой лоций конца XIII–XIV в., где именем Вичины называются все рукава дельты, а также сама река[66]. В сочинении анонимного испанского монаха-франциканца середины XIV в. Вичина названа не только "крупным городом" (*una grand ciudad*) Нижнего Подунавья, но и "столицей царства" (*cabeça del reynado*)[67]. Данное сообщение можно рассматривать как указание на то, что Вичина являлась административным центром власти золотоордынцев на Нижнем Дунае, и датировать его, по всей вероятности, концом XIII – первой половиной XIV в., когда в Нижнем Подунавье процветала держава Ногаидов.

Следовательно, даже по материалам одних письменных источников, у нас есть все основания предполагать, что данные арабских авторов о Сакдже и сведения латиноязычных памятников о Вичине относятся к одному и тому же нижнедунайскому городу, а именно к Исакче.

Международная торговля в Дичине в XIII–XIV вв. С северным побережьем Черного моря итальянские купцы были знакомы, по крайней мере, с начала XIII в. Известны тексты торговых контрактов венецианских купцов, в которых конечным пунктом торговых операций назван крымский город Судак (итал. Солдайя). Самый ранний из них составлен в 1206 г.[68] Плано Карпини, посетивший в 1247 г. Киев, застал там множество иноземных купцов, среди которых самыми крупными, по его словам, был "Михаил генуэзский, а также и Варфоломей, Мануил Венецианский, Яков Реверий из Акры, Николай Пизанский" – все итальянцы. Характерно, однако, что сам Плано Карпини относит их к большой группе купцов из Константинополя, приехавших, как он пишет, "в Руссию через землю татар"[69]. Из этого отрывка явствует, что итальян-

ские купцы в середине XIII в. вели самостоятельную торговлю в районе Северного Причерноморья, доходили до Киева и даже играли там видную роль; своих факторий на северном берегу Черного моря итальянские торговцы, по-видимому, тогда еще не имели, и основной базой им служил Константинополь, что и дало повод Плано Карпини назвать своих соотечественников "купцами из Константинополя".

Самым ранним памятником торговой экспансии генуэзцев, содержащим свидетельства об их контактах с Нижним Подунавьем, является анонимная морская лоция с описанием Черного моря из собрания Берлинской библиотеки. Ее издатель, видный итальянский специалист по морской картографии Б.Р. Мотцо, датирует лоцию 1250–1265 гг. и считает наиболее вероятным местом ее составления Пизу. Раздел лоции, посвященный описанию Черного моря, по мнению Мотцо, был включен в состав лоции позднее, в 1296 г.[70] Лоция, таким образом, отражает деятельность генуэзских предпринимателей на начальном этапе колонизации Причерноморья, когда Генуэзская республика по Нимфейскому договору с Византией в 1261 г. получила монопольное право на торговлю в бассейне Черного моря. В лоции перечислены порты, куда заходили итальянские суда, указано расстояние между ними, а в некоторых случаях подробно описаны подходы к тому или иному порту, названы острова и отмели, встречающиеся на пути мореплавателей. Принимая во внимание, что на русский язык эта лоция никогда не переводилась, приведем целиком фрагмент с характеристикой Нижнего Подунавья.

"От Констанцы (*Costanza*) до Гроссето[71] (*Grosseto*) 20 миль на север. Гроссето – это первый рукав Вичины (*Vecina*). От Гроссето до Св. Георгия[72] (*San Georgi*) 70 миль на северо-северо-восток. Св. Георгий находится у входа в рукав Вичины. От Св. Георгия до Асперы[73] (*Aspera*) 25 миль на северо-северо-восток. Аспера – это рукав реки Вичины (*flume de Vicina*). Говорят, что это четыре рукава [одной] реки Вичины и по всем ним можно благополучно подняться к [городу] Вичине (*Vicina*), но самый удобный вход в указанную реку – это устье Асперы, а также Св. Георгия. Аспера [легко] узнается по [ее] берегам. Если вы приходите с востока, то увидите один низкий берег со светлым песком, а на другом берегу увидите совсем белый [песок]. Этот рукав неодинаков на всем своем протяжении, но постоянно изменяется. Если вы захотите войти в устье Асперы, когда будете близ упомянутого низкого песчаного берега, то увидите большое дерево, стоящее посередине устья – тогда можете быть уверены, что попали именно в это устье. Когда же вы войдете в устье, то обратите внимание на возвышенность на низком песчаном берегу, который выдается в море на полмили. От Асперы до города Вичины (*città de Vecina*) 200 миль вверх по указанной реке. От Асперы до Салины[74] (*Saline*) 12 миль на северо-северо-восток. Это тоже устье упомянутой реки, но оно несудоходно"[75].

Как мы видим, автор лоции подробно описывает водные подходы к Вичине и даже называет Дунай по имени города, хотя это достаточно

большая и известная река, чтобы быть знакомой итальянцам под своим именем. Таким образом, в конце XIII в. Вичина являлась самым значительным центром всего Нижнего Подунавья.

О том, как осуществлялась торговая деятельность итальянцев в районе низовий Дуная в конце XIII в., дают представление нотариальные акты Перы и Каффы за 1281, 1289–1290 гг.

На эти документы впервые обратили внимание итальянские ученые А. Ферретто[76] и К. Десимони[77], но подлинным пионером в деле их издания явился румынский исследователь Г. Брэтиану. Он опубликовал акты нотария Габриэле де Предоно из фонда *Notai ignoti, mazzo XI* – 330 документов, оформленных в Пере с 27 июня по 9 октября 1281 г., и два документа за январь-февраль 1284 г.[78] Кроме того, в публикацию Брэтиану вошли акты нотария Ламберто ди Самбучето: 457 документов, оформленных в Каффе с 23 апреля 1289 г. по 28 мая 1290 г.[79] Акты нотариев Габриэле де Предоно и Ламберто ди Самбучето, отражавшие связи итальянских купцов Перы и Каффы с Вичиной, были изданы Брэтиану отдельно[80].

Подавляющее большинство касающихся Вичины нотариальных актов – так называемые "коменды" (*accommendationes*) – оформляют сделки между двумя купцами, один из которых предоставлял капитал – наличными или в виде товаров, – а другой обязывался реализовать его в определенном районе, за что получал установленный процент прибыли: от 25 до 50 %. Несколько актов представляют собой поручительства на взыскание долгов, один – опись имущества[81].

Как можно было предположить, исходя из данных лоции, итальянцы уже к концу XIII в. имели достаточно прочные связи с районом Нижнего Дуная, а возможно, и свою факторию в Вичине. Некоторые косвенные свидетельства нотариальных актов Перы и Каффы подкрепляют предположение о наличии в Вичине итальянской фактории. Прежде всего, в актах фигурируют несколько итальянцев, проживающих в Вичине: 7 июля 1289 г. Бенедикто де Олива из Каффы поручает Гульельмо Портонарио взыскать долги с анконца Томазино де Камарино, живущего в Вичине (*habitator de Vecina*)[82]; 25 сентября 1281 г. оказавшийся в Пере некий Панталео из Вичины поручает Бертуччо де Суксилья взыскать долги с Гульельмо де Нервио[83]; опись имущества Оберто де Боццоло содержит перечень вещей, находящихся в Вичине[84]; 12 августа 1281 г. Огерио Бокабарили поручает Николино де Вультуро взыскать его долги в Вичине[85]. Косвенным свидетельством наличия в Вичине итальянской фактории служит акт от 22 июля 1281 г., согласно которому нотарий Джованино де Орто, взяв в кредит 60 перперов, отправляется в Вичину, возможно, не только как купец, но и в качестве нотариуса[86]. В одном из более поздних актов содержится и прямое свидетельство о наличии генуэзской фактории в Вичине: под 1298 г. упоминается генуэзский консул в Вичине Монтано Эмбриако[87].

В 17 (из 28) актах капитал, который предназначался к реализации в Вичине, выражен не в денежных суммах, а в товарах. Среди предметов ввоза в Вичину фигурируют разнообразные ткани – сукно, лен, хлопок, шелк, тафта[88]. Поскольку в контрактах не оговаривалось, на закупку каких товаров купец брал кредит у заимодавца, неизвестно, что итальянские торговцы вывозили из района Нижнего Дуная. Некоторые предположения по этому вопросу позволяет сделать расписка Франческо де Мультедо в том, что он получил в Вичине от Бергоньино Бавио три мешка зерна[89]. Не исключено, что зерно было закуплено и произведено на месте, ибо о вывозе зерна из района Нижнего Подунавья есть свидетельства более поздних источников XIV в. Прослеживая по нотариальным актам 80–90-х гг. деятельность купцов, в сфере торговых интересов которых находилась, помимо других черноморских портов, и Вичина, можно установить, что некоторые из них участвовали в вывозе зерна из Причерноморья. Так, 26 августа 1281 г. восемь купцов наняли у генуэзского подеста в Пере судно "Святой дух" для доставки зерна в Геную[90]. Среди лиц, зафрахтовавших судно, двое торговали с Вичиной: Донато де Донато 22 июля 1281 г. отправил туда ломбардской ткани и шелка на 176 перперов 14 каратов[91], а Джаннино Муррино 1 июля того же года дал в кредит 280 перперов отправлявшемуся в Вичину Вентурино из Брешии[92].

Нотариальные акты Перы и Каффы дают некоторое представление о том, каким образом была организована торговля с Вичиной. Судя по всему, она находилась в руках мелких и средних итальянских торговцев: среди лиц, фигурирующих в актах, нет представителей Дориа, Заккариа, Сальваго и других крупных семей, связанных с восточной торговлей и активно действовавших в Причерноморье в рассматриваемое время[93]. Подавляющее большинство купцов и заимодавцев числится в актах по одному разу. Это связано не только с ограниченным числом актов, дошедших до нас, но и с характером торговли, в которой принимало участие большое количество мелких торговцев. За 25 дней в июле-октябре 1281 г. (а в один день у одного нотария могло заключаться и по шесть сделок, как, например, 22 июля) у Габриэле де Предоно побывало 52 человека, чьи торговые интересы были связаны с Вичиной. Кроме них, в актах упомянуты еще семь лиц, имевших отношение к этой торговле.

Хотя большинство торговцев, как мы отметили, были мелкими, организация торговли почти не знает примитивных форм, когда одно и то же лицо вступало в несколько сделок сразу, выполняя в них разные функции: в одном случае – заимодавца, в другом – купца, непосредственно осуществляющего торговую операцию. Только Гандульфо де Кварто, давая поручение Джованни де Сан Стефано, через несколько дней и сам отправляется в Вичину с товаром, но, похоже, ненадолго, так как оставляет свою лавку в Пере и оговаривает, что делает это до своего возвращения[94].

Среди купцов, связанных с Вичиной, выделяется группа лиц, ведущих торговлю не лично, а через посредников. Таков, например, Огерио Бокабарили, который в течение 19 дней дал поручения трем торговцам, отправлявшимся в Вичину[95]. По две сделки, относящиеся к отправке товаров в Вичину, заключили у Габриэле де Предоно Леоно де Сексто[96], Донато де Донато[97], Гвидото де Нигро[98], Персиваль де Аренцано[99]. Наряду с ними можно заметить и другую группу торговцев, главным видом деятельности которых было выполнение чисто посреднических функций. Получив товары или деньги в Пере, они отправлялись реализовывать их в Вичину. Так, Вентурино из Брешии отбыл в Вичину, взяв товары по крайней мере у трех купцов[100]. У двух купцов брали товары Оберто Тенервасио[101], Мартино де Гавио[102], Бартоломей Весола[103], Бонифаций Авогарио[104], Гульельмо де Нервио[105], Томас Ансальди де Домокульта[106]. Иногда торговлю вели несколько членов одной семьи. С Вичиной были связаны, например, семьи Капеллетти[107], Рубео[108], Сарцано[109], Тартаро[110].

Приведенные данные позволяют говорить о том, что торговые отношения генуэзских купцов из Перы, которые они поддерживали с районом Нижнего Дуная в конце XIII в., находились на достаточно высоком уровне организации и имели значительный объем. По подсчетам румынского исследователя Б. Кымпины, в общем товарообороте Перы за 1281 г. сделки с Вичиной занимают около 20 % от всех торговых операций – это больше, чем с любым другим черноморским портом, в том числе и с Каффой[111].

Венецианские купцы, в отличие от генуэзских, в течение XIII в. еще не успели укрепиться в Нижнем Подунавье. В нотариальных актах Перы и Каффы 1281, 1289–1290 гг. среди лиц, участвовавших в торговле с Вичиной, нет ни одного венецианца. По наблюдениям С.П. Карпова, венецианские чиновники, управлявшие венецианскими факториями на Черном море, начинают упоминаться в книгах Большого Совета лишь с 1319 г.[112] Это, разумеется, не означает, что венецианцы не предпринимали никаких шагов к установлению торговых связей с Северо-Западным Причерноморьем. Известно, что в 1292 г. по решению Большого Совета они отправили посольство к Ногаю, чтобы договориться об условиях торговли с подвластными ему территориями[113], в состав которых входило и Нижнее Подунавье. Венецианскому послу предписывалось в случае успеха переговоров остаться во владениях Ногая в качестве консула Венецианской республики сроком на три года. Венецианские купцы, таким образом, к концу XIII в. намеревались учредить свою факторию в Северо-Западном Причерноморье, что является свидетельством их торговых связей с этим районом, которым Венецианская республика хотела бы придать стабильный характер. Известно, однако, что в соперничестве с генуэзскими купцами за возможность беспрепятственного ведения торговли на Северо-Западе Черного моря венецианцы

потерпели поражение. Их фактории на западном черноморском побережье появились лишь в конце XIV в.

Судя по данным источников, Вичина продолжала оставаться центром международной торговли и в XIV в., по крайней мере, до 60-х гг. этого столетия. Правда, к середине XIV в. ведущая роль в торговле на Нижнем Дунае перешла к Килие[114], откуда происходит наиболее значительный для этого региона комплекс итальянских документов – нотариальные акты, составленные в Килие генуэзским нотарием Антонио ди Понцо в 1360–1361 гг.[115] В 1351 г. Вичина, наряду с другими черноморскими факториями Генуи, должна была предоставить средства для ведения войны с Венецией[116]. В 1361 г. в Вичине, по данным Антонио ди Понцо, по-прежнему существовала генуэзская фактория, во главе которой стоял консул Бартоломео де Марко[117]. Антонио ди Понцо несколько раз упоминает Вичину как место, где может быть совершена торговая сделка[118]. Через Вичину осуществлялся экспорт зерна[119]. Помимо итальянских купцов, в городе находились и торговцы-греки[120]. После 1361 г. сведения о Вичине пропадают из источников, хотя вплоть до середины XV в. продолжают упоминаться выходцы из этого города, осевшие в различных пунктах Причерноморья и Средиземноморья[121].

Где же находился Дичин? Несмотря на весьма многочисленные сведения об этом нижнедунайском городе, содержащиеся в различных источниках, среди ученых до сих пор нет единства по вопросу о локализации города. В течение ста лет исследователи ищут для Вичины место на карте, сравнивая этот загадочный город с легендарной Троей[122].

Данные о Дичине находятся в нарративных, актовых и картографических источниках; для определения местонахождения города активно используется также археологический и нумизматический материал. Благодаря этому информация о Дичине достаточно разнообразна по своему характеру и в системе аргументов в пользу той или иной версии локализации города можно выделить несколько аспектов: исторический, географический, топонимический, археологический и нумизматический. Разнородность сведений способствует тому, что в своих построениях некоторые исследователи склонны апеллировать лишь к отдельным группам источников, а не ко всей совокупности данных о городе. Скажем, предложенная П. Дьякону идея о локализации Дичина на острове Пэкуюл-луй-Соаре основана главным образом на указанном в лоции конца XIII в. расстоянии от Вичины до моря (200 миль по рукаву *Aspera*) и на материалах археологических раскопок на этом острове[123].

Оценивая сравнительную значимость сведений о Дичине, следует иметь в виду, что данные разных видов источников в силу тех или иных причин неравнозначны. Так, сведения географического характера (прежде всего, расстояния от Дичина до моря или каких-либо населенных пунктов) уязвимы не только потому, что нам точно неизвестна абсолютная величина отмеченных в источниках единиц измерения (морских и сухопутных миль), но и потому, что мы недостаточно отчет-

ливо представляем себе конфигурацию дунайской дельты и ее отдельных участков в период средневековья. Что касается археологического и нумизматического материала, то его ценность существенно снижает то обстоятельство, что раскопки в Нижнем Подунавье ведутся крайне неравномерно, вследствие чего ряд важных объектов или целых населенных пунктов остаются в археологическом отношении все еще неисследованными, как, например, средневековая крепость в Исакче или город Килия (Старая).

В связи с этим главные аргументы в поддержку той или иной локализации Дичина, на наш взгляд, следует искать прежде всего в сообщениях письменных памятников об экономических, политических и религиозных центрах Нижнего Подунавья и только потом, уже опираясь на результаты анализа письменных памятников, можно привлекать археологический, нумизматический, географический и топонимический материал. И с этой точки зрения нельзя не обратить внимание на совпадение данных латинских, греческих и итальянских источников XIII–XV вв. о городе Вичина с сообщениями арабских авторов XIII–XIV вв. о Сакдже (Исакча).

Во-первых, оба топонима используются авторами соответствующих источников для обозначения города, имевшего статус административного центра Нижнего Подунавья при монголах. О Сакдже как о резиденции Ногаидов говорят арабские авторы[124]; Вичина как крупнейший монгольский город региона фигурирует на западноевропейских морских картах XIV–XV вв. и в иных источниках[125]. Что важно, ни в одном из источников наименования "Вичина" и "Сакджа" не упоминаются вместе[126].

Во-вторых, сообщение арабского автора первой трети XIV в. Абу-л-Фиды о том, что находившаяся в руках монголов Сакджа одновременно зависела еще и от Константинополя[127], обретает смысл лишь в сопоставлении с информацией греческих источников о Вичине как о митрополичьей резиденции Константинопольской патриархии[128].

В-третьих, экономический расцвет Вичины, приходившийся, согласно данным итальянских источников, на конец XIII – первую половину XIV в., совпадает по времени с периодом наиболее эффективной политической власти монголов в Нижнем Подунавье, административным центром которой, как мы уже говорили, арабские авторы называют Сакджу. По-видимому, не случайно первое упоминание о Вичине появляется в источниках именно в 1281 г., когда Ногай стал полновластным хозяином нижнедунайских степей. Недавно Г. Атанасов высказал небезосновательное предположение о том, что само возникновение генуэзской фактории в Вичине могло являться результатом политики Ногая, заинтересованного в развитии международной торговли в подвластном ему городе[129]. О присутствии итальянцев в Исакче свидетельствует то, что в этом городе найдены монеты не только золотоордынского чекана, но и генуэзского (битые в 1310–1312 гг.[130]). Ослабление экономичес-

кой функции Вичины и переход ведущей роли в торговле на Нижнем Дунае к Килие осуществлялся на фоне упадка монгольской власти в регионе[131]. Такой феномен – экономическое процветание города при сильной политической власти и быстрый упадок в случае ее ослабления – был типичным явлением для золотоордынских городов.

Появившееся при монголах наименование города "Сакджа" пережило монгольскую эпоху и в тюркизированной форме "Исакча" дожило до наших дней. Иной была судьба топонима "Вичина", известного по письменным источникам с 1281 по 1465 г. Попытки связать этимологию этого названия с лат. *vicinus* (соседний, близкий) и его дериватом рум. *vecin* встретили возражение в литературе[132]. Период существования топонима "Вичина", т.е. конец XIII – середина XV в., время активной деятельности итальянских торговцев в бассейне Черного моря, заставляет, скорее, видеть в этом наименовании пароним, произведенный итальянцами от греч. Βιτσίνα, Διτζίνα для обозначения своей фактории на Нижнем Дунае[133].

Основным аргументом против локализации Дичина в Исакче является наличие параллельного болгарского наименования для Исакчи – Облучица, что, по мнению критиков отождествления Вичины с Исакчей, исключает саму возможность существования еще какого-либо варианта названия города[134]. Между тем, нетрудно заметить, что топонимы "Вичина" и "Облучица" никогда не существовали одновременно; напротив, один из них, вышедший из употребления среди местного населения, сменился другим. Вичина, как уже было сказано, в последний раз упоминается в источниках под 1465 г., когда итальянское присутствие в Нижнем Подунавье практически сошло на нет. В это же самое время, в 1462 г. в письме валашского воеводы Влада Цепеша венгерскому королю Матьяшу Корвину впервые появляется наименование "Облучица"[135].

Таким образом, в период между монгольским и турецким завоеванием, со второй половины XIII и до середины XV в., нижнедунайский город был известен под двумя именами – Сакджа (Исакча) и Вичина. Вытеснение итальянцев из района Нижнего Подунавья привело к тому, что принесенное ими название "Вичина" стало неактуальным, поскольку исчез объект, для обозначения которого оно использовалось – генуэзская торговая фактория. Неизбежные после ухода итальянцев изменения в составе населения города привели к появлению нового топонима, форма которого отвечала этническому облику основной массы горожан. Так наименование "Облучица" сменило "Вичину" и стало употребляться в качестве местного названия наряду с официальным турецким "Исакча".

Примечания

[1] *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 94.

[2] ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 505.

[3] Ввиду того, что историография данной проблемы очень обильна, укажем лишь работы, специально посвященные локализации города и содержащие библиографические обзоры: *Кулаковский Ю.А.* Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата // ВВ. 1897. Т. 4. Вып. 3–4. С. 315–336; *Он же.* Еще к вопросу о Вичине // ВВ. 1898. Т. 5. С. 393–397; *Grămadă N.* Vicina: Izvoarele cartografice. Originea numelui. Identificarea oraşului // Codrul Cosminului. 1924. T. I; *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. Buc., 1935. P. 88–92; *Bromberg J.* Toponymical and historical miscellanies on medieval Dobrudja, Bessarabia and Moldo – Wallachia // Byzantion. 1937. T. XII. Fasc. 1–2. P. 153–180, 465–475; *Năsturel P. Şt.* Aşesarea oraşului Vicina şi ţărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec // SCIV. 1957. T. VIII. N 1–4. P. 295–304; *Idem.* Mais où donc localiser Vicina? // BF. 1987. T. XII; *Giurescu C.C.* Localizarea Vicinei şi importanţa acestui oraş pentru spaţiul carpato-dunărean // Peuce. 1971. T. II; *Diaconu P.* Despre localizarea Vicinei // Pontica. 1971. T. 3. P. 275–294; *Idem.* Păcuiul lui Soare – Vicina // Byzantina. 1976. T. 8. P. 409–447; *Giurescu C.C.* Problemele controversate în istoriografia română. Buc., 1977. P. 144–152; *Kuzev A.* Zur Lokalisierung der Stadt Vicina // EB. 1977. N. 3. P. 112–125; *Todorova E.* More about Vicina and the West Black Sea Coast // EB. 1978. T. XIV. N 2. P. 124–138; *Dumitriu-Snagov I.* Borgiana V şi Borgiana VIII: două hărţi italiene din Renaştere şi localizarea Vicinei pe Dunăre // RI. 1979. T. 32. N 10. P. 1941–1947; *Botzan M.* Pour localiser Vicina: Histoire et milieu géographique // RESEE. 1992. T. XXX. N 1–2. P. 61–73; *Атанасов Г.* Отново за локализацията на средновековния град Вичина // ИП. 1993. Год. 49. Кн. 3. С. 3–19.

[4] Сулинское гирло дельты Дуная.

[5] Конопу локализуют в с. Летя на территории Северной Добруджи (История на България. София, 1981. Т. 2. С. 349, 477).

[6] Современный город Констанца в Румынии.

[7] Ныне р. Провадия, устье которой находится близ современного болгарского города Варны.

[8] Современный город Несебр в Болгарии.

[9] *Константин.* С. 50–51.

[10] Там же. С. 329 (коммент. 61); *Бешевлиев Б.* За името Дичина или Вичина на река Тича // ИИБЕ. 1962. Т. 8. С. 175–179.

[11] Хронология этой войны является предметом дискуссии (*Анна Комнина.* С. 531. Коммент. 742; с. 532. Коммент. 752; с. 542. Коммент. 846).

[12] Там же. С. 207; с. 532–533. Коммент. 755.

[13] О содержании этнонима "скифы" в данном рассказе Анны см.: *Анна Комнина.* С. 528–529. Коммент. 723).

[14] Современный город Силистра на Нижнем Дунае.

[15] *Анна Комнина.* С. 201.

[16] Из сообщения источника не совсем ясно, кто именно владел городом. Печенеги вступили в переговоры с "Татушем, по прозвищу Хали, Сеславом и Сацой", о которых сказано, что "первый из них владел Дристрой, остальные – Вичиной и другими городами" (*Анна Комнина.* С. 201).

[17] *Mănucu-Adameşteanu G.* Aspecte ale politicii împăratului Alexios I Comnenul la Dunărea de Jos în lumina descoperiri sfragistice şi numismatice // RI. Ser. nouă. 1995. T. 6. N. 3–4. P. 347.

[18] *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги: Приложение 2 (Русские на Дунае) // ЖМНП. 1872. № 11–12 (Труды. СПб., 1908. Т. 1); *Златарски В.* История на Българската държава през средните векове. София, 1934. Т. 2. С. 189; *Павлов П.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // Добруджа. 1986. Сб. 3. С. 12; *Он же.* Бележки за някои личности от българското средновековие с оглед историята на Добруджа през XI–XIII в. // Добруджа. 1992. Сб. 9. С. 171; *Атанасов Г.* Отново за локализацията на средновековния град Вичина. С. 12–13.

[19] *Bănescu N.* Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau // Byzantion. 1931. T. 6. S. 297–299, 306–307; *Bârnea I., Ştefănescu Şt.* Din istoria Dobrogei. Buc., 1971. T. 3. P. 139 sq.; *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Buc., 1978. P. 38–40; *Атанасов Г.* Отново за локализацията на средновековния град Вичина. С. 13.

[20] *Tomaschek W* Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12. Jahrh. nach den Erkundigungen des Arabers Idrîsî // SBAW. Philos.-hist. Cl. 1887. Bd. 113. S. 285–373; *Недков Б.* България и съседните й земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960; *Лишев С.Н* Географията на Идриси като исторически извор за българските градове през XII в. // АДСВ. 1973. Сб. 10. С. 80–83; *Кендерова С.Т* Балканският полуостров в "Географията" на ал-Идриси // Библиотекар. 1986. № 1. С. 35–41.

[21] *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 897.

[22] Неидентифицированный город; согласно ал-Идриси, расположен на расстоянии одного дня пути от Ахтопола (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 911).

[23] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. P. 911–912.

[24] *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 55.

[25] *Брун Ф.К.* О поселениях итальянских в Газарии: Топографические и исторические заметки // Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871. Т. 2. С. 366.

[26] *Tomaschek W.* Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II. S. 302–303, 323.

[27] *Brătescu C.* Dobrogea în secolul al XII-lea: Bergean, Paristrion (Pagini de geografie medievală) // Analele Dobrogei. 1920. N 1. P. 24–25.

[28] *Grămadă N.* La Scizia Minore nelle carte nautiche del medio evo: Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea // Ephemeris Dacoromana. 1930. T. 4. P. 215.

[29] *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. P. 27.

[30] *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3, VII 4, VII 5: Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusq'à la peninsule balkanique au Sud: Édition critique, traduction, Études. Helsinki, 1936. P. 182–183.

[31] *Kuzev A.* Mittelalterliche Städte an der Westküste des Schwarzen Meeres Nördlich des Balkangebirges // Byzantinobulgarica. 1981. T. 7. S. 272.

[32] *Тодорова Е.* Вичина, Килия и Ликостомо // Градове, I. С. 221.

[33] *Кулаковский Ю.А.* Еще к вопросу о Вичине. С. 396.

[34] *Недков Б.* България. С. 135.

[35] *Cihodaru C.* Litoralul de apus al Mării Negre şi cursul inferior al Dunării în cartografia medievală (sec. XII–XIV) // Studii. 1968. N. 2. P. 228–230.

[36] *Diaconu P.* Despre localizarea Vicinei. P. 279–280.

[37] *Tomaschek W.* Zur Kunde der Hämus-Halbinsel, II. S. 323.

[38] Почти 500 км по морю (от Ахтопола до входа в Килийское гирло Дунайской дельты).

[39] *Бешевлиев Б.* За името Дичина. С. 175–177.

[40] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 505.

[41] Там же.

[42] *Bălan T.* Berladnicii. Cernăuţi, 1928. P. 17; *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. P. 28; *Bromberg J.* Toponymical and historical miscellanies. P. 177; *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаї // УІЖ. 1966. № 9. С. 21; *Атанасов Г.* Отново за локализацията на средновековния град Вичина. С. 6. Немногочисленные сторонники локализации Дциня в окрестностях Олешья строят свою аргументацию не столько на материале источников, сколько на предполагаемой ими невозможности вторжения как берладников, так и посланцев киевского князя на нижнедунайские территории, находившиеся в то время, по их утверждению, под юрисдикцией Византии (*Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Buc., 1978. P. 92 (n. 419), 95–98; *Spinei V.* Moldavia in the 11th–14th centuries. Buc., 1986. P. 105).

[43] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 497.

[44] Там же.

[45] *Bromberg J.* Toponymical and historical miscellanies. P. 178.

[46] Подробнее см.: *Егоров В.Л.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 32–33.

[47] Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 89, 91.

[48] *Егоров В.Л.* Историческая география. С. 34.

[49] Подробнее об арабских источниках по истории Нижнего Подунавья в XIII–XIV вв. см.: *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 92–105; *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988. С. 35–37.

[50] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. Paris, 1840. P. 63 (перевод на французский язык: Géographie d'Aboulféda traduit de l'arabe en français. Paris, 1840. T. II (1). P. 80); Das Mongolische Weltreich: Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar. Wiesbaden, 1968. S. 74, 141; *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 236–237, 303, 410. Первым среди арабских авторов называет тюркское имя Дуная испано-арабский ученый Ибн Са'ид ал-Магриби (ум. в 1274 или 1286 г.): *Ibn Sa'id al-Magribi.* Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas de J. Vernet Gines. Tetuan, 1958. P. 126, 136–137.

[51] *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973. Т. II. С. 682–684.

[52] *Botzan M.* Pour localiser Vicina. P. 61, 64.

[53] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов. С. 93–117. Топоним "Железные ворота" относится к ущелью в южных отрогах Карпат, близ совр. румынского города

Дробета-Турну-Северин. В XIII в. там располагалась крепость, преграждавшая проход на запад из Нижнедунайской низменности.

[54] Там же. С. 138–139, 159, 140, 162.

[55] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 63 (Géographie d'Aboulféda traduit de l'arabe en français. P. 80).

[56] Этот ороним имеет тюркское происхождение и переводится как "Лысая гора" (См.: *Мурзаев Э.М.* Тюркские географические названия. М., 1996. С. 53–54, 109). Судя по названиям народов, населяющих, согласно Абу-л-Фиде, эту гору (валахи, венгры, сербы), имеются в виду Карпаты.

[57] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 212–213 (Géographie d'Aboulféda traduit de l'arabe en français. P. 316).

[58] О значении этнонима *ал-авлак* в арабских источниках подробнее см.: *Коновалова И.Г.* Арабские источники. С. 89–91; *Spinei V.* Restructurări etnice la nordul gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // Carpica. 1993. T. XXIV. P. 50–51; *Mishin D.* Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilization. 1997. T. VI. N 2. P. 37–56.

[59] Этот вопрос подробно рассмотрен в следующих работах: *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей; *Ciocîltan V.* Hegemonia Hoardei de Aur la Dunărea de Jos (1301–1341) // RI. 1994. T. V. N 11–12; *Гюзелев В.* Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – началото на XV век). София, 1995.

[60] См., например: *Тодорова Е.* Вичина, Килия и Ликостомо. С. 226. О православной церкви в Вичине см.: *Кулаковский Ю.А.* Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата // ВВ. 1897. Т. 4. Вып. 3–4. С. 315–336; *Giurescu C.C.* Întemeierea mitropoliei Ungrovlahiei // BOR. 1959. T. LXXVII. N 7–10. P. 673–697; *Năsturel P.* Les fastes épiscopaux de la métropole de Vicina // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1972. T. 21. P. 33–42; *Ciobanu R.* Evoluţia rolul şi însemnătatea mitropoliei Vicina // Peuce. 1977. T. VI. P. 233–242; *Rămureanu I.* Mitropolia Vicinei şi rolul ei în păstrarea ortodoxiei on ţinuturile româneşti // De la Dunăre la Mare: Monografia Episcopiei Dunărea de Jos. Buc., 1978. P. 149–169.

[61] *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. P. 175–176.

[62] *Brătianu G.I.* Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290). Buc., 1927. N V, XXIII, XXXVI, LXXXIV, XCI, XCIV; *Руссев Н.Д.* Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм: Общее и особенное (История и культура). Кишинев, 1991. С. 46–61.

[63] *Golubovich P.G.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano. Quarracchi, 1913. T. 2. P. 266–268; *Andreescu C.* Aşezări franciscane la Dunăre şi Marea Neagră în sec. XIII–XIV // Cercetări istorice. 1932–1933. T. VIII–IX. N 2. P. 155–158.

[64] *Laurent V.* La métropolite de Vicina Macaire et la prise de la ville par les Tartares // RHSEE. 1946. T. XXIII. P. 225–232.

[65] *Димитров Б.* България в средновековната морска картография. XIV–XVII век. София, 1984. № 3–5, 7, 9, 10, 14–18; *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей. С. 41–42.

[66] Il Compasso da navigare: Opera italiana della metà del secolo XIII / Prefazione a testo del codice Hamilton 396 a cura di B.R. Motzo. Cagliari, 1947. P. 130–131; *Năsturel P.Şt.* Aşesarea oraşului Vicina. P. 297–298.

[67] El Libro del Conoscimiento de todos los reynos y tierras y señorios que son por el mundo / Ed. Márcos Jiménez de la Espada. Madrid, 1877. P. 101–102.

[68] *Lombardo A., Morozzo della Rocca R.* Documenti del commercio veneziano nei secoli XI–XIII. Torino, 1940. Vol. 2. N 478.

[69] Путешествия в восточные страны. С. 82.

[70] Il Compasso da navigare. P. XXII-XXIX.

[71] Это топо-гидроним, обозначающий судоходный пролив Гура-Буазулуй, ведущий из оз. Синое в Черное море, а также расположенный в указанном проливе остров (*Baraschi S.* Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. II. Grosseto (= Grosea), Banbola, Zanavarda // RRH. 1990. T. XXIX. N 1–2. P. 121–126).

[72] Георгиевский рукав дельты Дуная.

[73] Один из древних рукавов, лежащий к югу от Сулинского гирла дунайской дельты и называемый в настоящее время Импуцита (*Baraschi S.* Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. III. Aspera et Lo Donavici // RRH. 1991. T. XXX. N 1–2. P. 67–74.

[74] Сулинский рукав дельты Дуная.

[75] Il Compasso da navigare. P. 130–131.

[76] *Ferretto A.* Codice diplomatico delle relazioni fra la Liguria, la Toscana e la Lunigiana ai tempi di Dante // ASLSP. 1903. V. XXXI. N 2.

[77] *Desimoni C.* Notes et observations sur les actes du notaire génois Lamberto di Sambuceto // ROL. 1894. N 1. P. 1–34; N 2. P. 216–234.

[78] *Brătianu G.I* Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siécle (1281–1290). Buc., 1927. P. 73–173, 301–326.

[79] Ibid. P. 173–300, 326–361.

[80] *Brătianu G.I.* Vicina, I // Bulletin de la Section historique de l'Académie Roumain. 1923. V. X. P. 167–188.

[81] О формуляре итальянских нотариальных актов Перы и Каффы, а также об их коммерческой терминологии см.: *Brătianu G. I.* Actes des notaires génois de Pera et de Caffa. P. 35–71; *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T. 1: Les Actes de Kaffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. Paris, 1973. P. 28–61; *Карпов С.П.* Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII–XV вв.) // ВВ. 1987. Т. 48; *Он же.* Кредит в системе итальянской торговли в Южном Причерноморье (XIII–XV вв.) // ВВ. 1988. Т. 49.

[82] *Brătianu G.I.* Vicina, I. N XXXVIII.

[83] Ibid. N XXXVI.

[84] Ibid. N XXXIII.

[85] Ibid. N XXX.

[86] Ibid. N XVI.

[87] Генуэзский консул в Вичине упомянут в одном из неопубликованных актов Генуи за 1298 г. (*Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Buc., 1975. T. II. P. 21–32).

[88] Подробнее см.: *Giurescu C.C.* The Genoese and the Lower Danube in the XIIIth and XIVth Centuries // JEEH. 1976. N 3. P. 587–600.

[89] *Brătianu G.I.* Vicina, I. N XXXVII.

[90] *Brătianu G I.* Actes des notaires génois de Pera et de Caffa. N CVI.

[91] *Brătianu G.I.* Vicina, I. N XII, XIV.

[92] Ibid. N I.

[93] *Balard M.* Notes sur l'activite maritime des Génois de Caffa a la fin du XIIIe siècle // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Ocean Indien: Actes de VIIIe Colloque International d'histoire maritime. P., 1970. P. 375–377.
[94] *Brătianu G.I.* Vicina, I. N XXVI–XXVII.
[95] Ibid. N III, XVII, XXX.
[96] Ibid. N VII, XXXI.
[97] Ibid. N IX, XII.
[98] Ibid. N XI, XV.
[99] Ibid. N XXV, XXVIII.
[100] Ibid. N I–III.
[101] Ibid. N V, XIII.
[102] Ibid. N VII, XII.
[103] Ibid. N IX, XVII.
[104] Ibid. N XIV–XV.
[105] Ibid. N XIX–XX.
[106] Ibid. N XXIV–XXV.
[107] Ibid. N IV.
[108] Ibid. N V.
[109] Ibid. N XI.
[110] Ibid. N VI, XXIII.
[111] *Câmpina B.T.* Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII-XV // Studii. 1953. N 1. P. 202.
[112] *Карпов С.П.* Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981. С. 46.
[113] *Thiriet F.* Délibérations des Assemblées Vénitiennes concernant la Romanie. P., 1966. T. 1. N CLXVI.
[114] Этому вопросу посвящена специальная работа Ш. Папакости: *Papacostea Ş.* De Vicina à Kilia: Byzantins et Génois aux bouches du Danube au XIVe siècle // RESEE. 1978. T. XVI. N 1.
[115] Этот комплекс документов будет подробно рассмотрен в следующей главе.
[116] *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Albă. P. 75.
[117] *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). Genova, 1971. N 40.
[118] Ibid. N 16, 40, 56; *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T. 2: Les Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. Paris, 1980. N 19, 97.
[119] *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T. 2. N 97; *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare. N 40.
[120] *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare. N 50.
[121] Сводка упоминаний: *Тодорова Е.* Вичина, Килия и Ликостомо. С. 228.
[122] См., например: *Dumitriu-Snagov I.* Borgiana V şi Borgiana VIII. P. 1941.
[123] *Diaconu P.* Păcuiul lui Soare – Vicina.
[124] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов. С. 93, 117, 138–139, 159, 140, 162; Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 212–213 (Géographie d'Aboulféda traduit de l'arabe en français. P. 316).
[125] *Golubovich P.G.* Biblioteca bio-bibliografica. P. 266–268; *Andreescu C.* Aşezări franciscane la Dunăre şi Marea Neagră. P. 155–158; *Laurent V.* La métropolite de Vicina Macaire. P. 225–232; *Димитров Б.* България в средновековната морска картография. № 3–5, 7, 9, 10, 14–18; *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей. С. 41–42; II Com-

passo da navigare. P. 130–131; *Năsturel P Şt* Aşesarea oraşului Vicina P. 297–298, El Libro del Conoscimiento P. 101–102.

[126] На это обстоятельство уже обращалось внимание в историографии: *Năsturel P Şt* Aşesarea oraşului Vicina. P 300.

[127] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe P 212–213 (Géographie d'Aboulféda traduit de l'arabe en français. P. 316).

[128] О православной церкви в Вичине литературу см выше в сноске 60

[129] *Атанасов Г* Отново за локализацията на средновековния град Вичина С. 15.

[130] *Iliescu O* Contributions a l'histoire des colonies génoises en Romanie aux XIIIe–XVe siècles // RRH. 1989. T. XXVIII. N 1–2 P. 50.

[131] Об упадке Вичины подробнее см : *Papacostea Ş* De Vicina a Kilia.

[132] *Kuzev A* Zur Lokalisierung der Stadt Vicina. S 121–122; *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо. С. 220 (там же литература вопроса).

[133] *Năsturel P Şt* Aşesarea oraşului Vicina. P 300

[134] *Мутафчиев П* Избрани произведения. С. 683–685; *Кузев А* Облучица Исакча // Градове, I. С. 211–216; *Атанасов Г* Поглед към Добруджанския Дунавски бряг от XI до XV в. // ИП. 1992. Год. 48. Кн. 8-9. С. 23.

[135] *Bogdan I* Vlad Ţepeş. Buc., 1896. P. 79, 81.

Глава 6

Торговый город Килия

Современный город Килия расположен на левом берегу самого северного, Килийского, гирла дельты Дуная. Это так называемая Новая Килия – город, возникший в XV в.[1] Летописная же Килия (или Старая Килия) располагалась на противоположном берегу рукава дельты, где именно – достоверно неизвестно, так как археологические раскопки на территории старого города не проводились.

О древности летописной Килии можно только строить предположения, поскольку никаких данных о времени образования города в источниках не сохранилось. Возникновение Килии, по-видимому, было тесно связано с геологической эволюцией дунайской дельты, в ходе которой основное русло реки перемещалось от южного рукава дельты к северному. Этот процесс отмирания южных рукавов и образования новых, северных, начался еще в античный период и продолжался в средние века, когда основным устьем Дуная стало Георгиевское[2]. Вслед за изменением условий судоходства угасали торговые центры в южной части дельты и появлялись новые на севере.

По всей вероятности, гидрографические условия для превращения в более или менее крупный городской центр появились у Килии не ранее начала XIV в. Об этом можно судить по свидетельствам различных источников. В сочинении византийского императора Константина VII Багрянородного (908–959) "Об управлении империей" содержится подробное описание пути русов вдоль западного побережья Черного моря в Константинополь. Вслед за стоянкой русов в устье Днестра Константин сразу же называет стоянку в Сулинском гирле дельты Дуная[3], из чего можно заключить, что Килийский рукав в то время был менее привлекателен для мореходов, коль скоро они предпочитали в него не заходить. По утверждению жившей в первой половине XII в. византийской принцессы Анны Комнины, Дунай был судоходен "повсюду", причем по реке плавали "самые большие груженые суда"[4]. Хотя Анна упоминает о том, что Дунай впадает в море "пятью устьями", но она не приводит их названий, поэтому остается не вполне ясным, относились ли ее слова о повсеместном судоходстве на Дунае и к Килийскому рукаву реки. Ведь еще в конце XIII в., согласно данным старейшей итальянской лоции Черного моря, Килийское гирло дельты Дуная считалось у моряков несудоходным[5]. Правда, нельзя быть вполне уверенными в том, что это было связано именно с неблагоприятными условиями навигации, а не с какими-нибудь иными причинами, например, политическими. Ибо составленная в середине XIV в. греческая лоция, имеющая итальянский

янский прототип, уже называет Килийский рукав в числе наиболее удобных рукавов Дунайской дельты[6].

Этимология слова "Килия" остается до сих пор не выясненной. Ряд ученых пытается связать наименование города с античной эпохой – с упоминаемым Диодором Сицилийским (XXI, 12, 2) пунктом Хелис (*Helis*), в IV–III вв. до н.э. являвшимся столицей гетского предводителя Дромихета[7], или с именем мифологического героя Ахилла, культ которого был весьма распространен в Северо-Западном Причерноморье и оставил следы в местной топонимике, в частности в названии расположенного близ дунайской дельты острова Ахилла (ныне о-в Змеиный)[8]. Обе эти версии апеллируют лишь к фонетическому созвучию слов и не имеют под собой никаких исторических оснований. Столь же бездоказательной выглядит и предположение о происхождении названия города от тур. *killi* ("глинистый")[9].

Другая линия поиска связана со ср.-греч. κελλίον ("амбар, зернохранилище, склад"), к которому восходят производные слова в ряде славянских и балканских языков: болг. *килия*, рус. *келья*, рум. *chilie*[10]. Эта этимология опирается на предположение о том, что первые страницы истории Килии были связаны с византийским господством в районе низовий Дуная в X–XII вв. Район Нижнего Подунавья в это время был северной границей Византийской империи и имел большое военно-стратегическое значение для Византии[11]. Как полагают некоторые ученые, по крайней мере, с конца IX в. близ северного рукава дунайской дельты, в Ликостомо, находилась укрепленная база византийского военного и торгового флота[12]. Находки византийских монет на острове, расположенном выше по течению реки в 3–4 км к юго-западу от современной Старой Килии, позволили румынскому ученому О. Илиеску сделать предположение о том, что именно там и находились византийская Килия. По его мнению, византийцы основали Килию для того, чтобы обеспечить гарантированное снабжение своего флота продовольствием[13].

Первые сведения о Килие. Первое упоминание о Килие в письменных источниках, по мнению некоторых исследователей, восходит к сообщению о городе Аклиба, сохранившемуся в сочинении знаменитого арабского географа середины XII в. ал-Идриси "Нузхат ал-муштак фихтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям", 1154 г.). По заключению специалистов, изучивших различные части труда ал-Идриси, информация, приводимая географом, была самым тесным образом связана с направлениями торговых путей его времени. Основным источником сведений ал-Идриси о Черном море были мореходные лоции, а также рассказы его современников – купцов и путешественников[14].

При характеристике торгового маршрута, ведшего от Константинополя до Тмутаракани вдоль западного, северо-западного и северного побережья Черного моря, ал-Идриси упоминает и стоянки в устье Ду-

ная: "Между городом Барнас (Варна) и Армукастру (Енисала) двадцать пять миль. От Армукастру до реки Дану (Дунай) три мили. От реки до [города] Аклиба один день морского плавания. От Аклибы до устья реки Данаст (Днестр) один день плавания"[15]. На карте, входящей в состав сочинения ал-Идриси, Дунай изображен впадающим в море одним рукавом; между Дунаем и Днестром, на выдающемся в море мысу, обозначена Аклиба; безымянные пункты в устьях Дуная и Днестра, упоминаемые в тексте, на карту не нанесены[16].

Упоминаемый ал-Идриси город Аклиба обычно отождествляется со Старой Килией[17]. Действительно, местонахождение Аклибы в районе дунайского устья достаточно очевидно из показаний дорожника. Равное расстояние от Аклибы, с одной стороны, до Армукастру, расположенного неподалеку от южного рукава дельты Дуная, и с другой – до стоянки в устье Днестра указывает на то, что Аклиба находилась поблизости от Килийского гирла дельты. Упоминание же Аклибы в составе дорожника, перечисляющего черноморские порты, свидетельствует о том, что Аклиба – это порт, лежащий либо на морском побережье, либо на берегу рукава дунайской дельты. Таким образом, нельзя отрицать, что отстаиваемое большинством исследователей отождествление Аклибы с Килией хорошо согласуется с географическими данными ал-Идриси об этом пункте. К отождествлению Аклибы с Килией многих подталкивает и некоторое внешнее сходство двух наименований. Так, крупный знаток исторической географии Балкан австрийский востоковед В. Томашек полагал, что использованная ал-Идриси форма названия производна от греческого топонима Κελλία, и в связи с этим предложил читать арабское наименование как *Аклийа[18].

Тем не менее, согласиться с такой локализацией, на наш взгляд, было бы пока преждевременно. Дело не только в том, что в нашем распоряжении нет никаких исторических свидетельств о существовании Килии в XII в., но и в том, что топоним "Аклиба" ни по своей арабской форме, ни по этимологии не имеет никакого отношения к наименованию "Килия".

Во-первых, греческий топоним Κελλία – если допустить, что арабская "Аклиба" действительно с ним связана, – вполне поддается адекватной передаче в арабской графике, в то время как форма "Аклиба" из данного греческого названия вообще не может быть выведена. Как известно, вспомогательный *алиф* впереди арабского слова обычно появляется при передаче таких иноязычных названий, которые начинаются с двух согласных, что невозможно в арабском языке. Поэтому при передаче слова Κελλία в арабской графике начальный *алиф*, как в топониме "Аклиба", просто не нужен. Кроме того, не поддается объяснению наличие в названии "Аклиба" буквы *ба*, отсутствующей в его гипотетическом греческом прототипе. Последнее обстоятельство, по-видимому, и побудило В. Томашека предложить конъектуру *Аклийа.

Во-вторых, на шаткость предложенных В. Томашеком аргументов указывает еще одно обстоятельство. Говоря об ассимиляции греческого названия арабоязычными информаторами, В. Томашек опирается прежде всего на ближайший состав дорожника, в котором содержится упоминание об Аклибе: все названия городов, расположенных вдоль западного побережья Черного моря, – греческие, что, по его мнению, и свидетельствует о византийском источнике итинерария или о влиянии птолемеевского материала, хотя бы и в арабской переработке. Действительно, район Нижнего Дуная длительное время, в том числе и в середине XII в., входил в сферу влияния Византии и был, следовательно, хорошо знаком греческим мореплавателям. Вместе с тем следует отметить, что анализ всего дорожника с описанием пути от Константинополя до Тмутаракани, где упомянута Аклиба, обнаруживает использование при его составлении не только греческих, но и итальянских источников. На последнее обстоятельство указывают итальянские формы топонимов для некоторых городов Северного Причерноморья (например, Джалита – Ялта, Султатийа – Судак и др.)[19]. Поэтому, коль скоро для характеристики этого маршрута ал-Идриси привлек сообщения ряда информаторов, как греков, так и итальянцев, мы не можем вслед за В. Томашеком лишь на основании состава дорожника (точнее, даже его части) считать, что топоним "Аклиба" является передачей греческого названия.

Что же касается происхождения арабского наименования "Аклиба", то найти ответ на этот вопрос помогают сведения, содержащиеся в иных разделах сочинения ал-Идриси, который упоминает еще два города с таким же названием. Один из них, по данным географа, расположен в Кумании (Половецкой земле); он помечен на карте в районе среднего течения р. Атил, т.е. в Поволжье[20]. Другой город находится на северном побережье Африки, в Тунисе[21]. При этом этимология арабского названия для последнего пункта легко установима.

Оно относится к крепости, расположенной на берегу Тунисского пролива, недалеко от Карфагена, и известной еще с римских времен под наименованием Клипеи (от лат. *clipeus, i m* – щит; переносное значение – защита, оплот, убежище). Арабизированной формой этого римского названия является "Келибия" – имя, которое город носит и по сей день[21]. Форма топонима, употребляемая ал-Идриси при описании африканского города – Аклибийа, – выводится, по всей вероятности, непосредственно из римского названия: из-за наличия двух согласных в начале слова в арабской форме появляется вспомогательный гласный с *хамзой*, а звук *п*, которого нет в арабском языке, передается буквой *ба*.

Таким образом, мы располагаем достоверной этимологией топонима "Аклиба" для средиземноморского города, чего нельзя сказать о двух других одноименных пунктах, для которых не найдено параллелей в топонимике соответствующих регионов[22]. Топоним "Аклиба" в районе Нижнего Подунавья и Поволжья не зафиксирован больше ни одним

известным нам источником. Поэтому есть все основания для предположения о том, что "Аклиба" из рассматриваемого нами дорожника является наименованием, данным придунайскому пункту информатором ал-Идриси.

Любопытно сопоставить информацию, приводимую географом о каждом из трех одноименных городов. О придунайской Аклибе ал-Идриси ничего не сообщает, кроме сведений о ее географическом положении. Вопреки своей обычной практике, он ничего не говорит о характере этого населенного пункта – был ли он деревней, городом или крепостью.

В отличие от Аклибы на Дунае о двух других городах ал-Идриси располагал более подробными сведениями. В середине XII в. бывшая римская крепость Клипея находилась под властью сицилийского короля Рожера II (1130–1154), при дворе которого работал над своим произведением ал-Идриси. Несомненно, что эта крепость была хорошо известна информаторам ал-Идриси, а возможно, и ему самому. Населенный пункт сохранял свой военно-стратегический характер и во времена ал-Идриси: в качестве отличительной черты города географ отмечает его укрепления и называет Аклибийю крепостью (*хисн*)[23]. "Неприступной цитаделью" называл ее и писавший в первой трети XIII в. арабский ученый-энциклопедист Йакут[24]. Что касается куманской Аклибы, то ее ал-Идриси называет городом, "сложенным из камня", т.е. имеющем крепостные стены[25].

Таким образом, согласно ал-Идриси, два одноименных города в Тунисе и в Кумании являлись крепостями, причем с этим их отличительным признаком было связано, как мы установили, происхождение названия одного из них. Можно предположить, что за такую же характерную особенность получил свое название от ал-Идриси (или его информатора) и укрепленный населенный пункт в нижнем Подунавье, местное наименование которого было неизвестно арабскому географу.

Если наши рассуждения верны, то дунайскую Аклибу ал-Идриси вряд ли правомерно отождествлять с Килией, а рассматриваемое сообщение арабского географа следует с большей степенью вероятности отнести к другому нижнедунайскому пункту – Ликостомо, известному своими укреплениями.

Этот топоним впервые появляется в греческом источнике IX в.: в одной из рукописей с сочинениями Константинопольского патриарха Фотия имеется запись о личности ее владельца – некоего Фомы, "протоспафария и архонта Ликостомо (Λικοστομίον)"[26]. Вслед за Э. Арвейлер, обратившей внимание на данное известие, многие исследователи склонны связывать его с Нижним Подунавьем и видеть в нем свидетельство того, что в IX в. этот район находился под византийской властью, а Ликостомо являлся не только центром административной единицы, но и стратегически важной военно-морской базой, благодаря которой Византия могла контролировать как навигацию по Дунаю, так и морепла-

вание между Константинополем и византийскими владениями в Крыму[27].

Изложенная точка зрения на интерпретацию сведений источника уязвима в одном отношении. Дело в том, что о местонахождении Ликостомо в этой краткой записи ничего не говорится, и единственным указанием на географическое положение города служит само его наименование. В переводе с греческого оно значит "волчья пасть" и встречается в прибрежной топонимике для поселений, расположенных близ тесного, узкого речного устья[28]. Принадлежность топонима к местной географической терминологии делает его локализацию – при отсутствии каких-либо дополнительных данных на сей счет – в принципе весьма проблематичной. К этому обстоятельству и апеллируют некоторые ученые, считающие, что относить рассматриваемое сообщение к району Нижнего Подунавья нет оснований[29]. Правда, противники нижнедунайской локализации Ликостомо при этом не предлагают никаких других вариантов решения вопроса. В то же время в пользу помещения резиденции византийского архонта Фомы на Нижнем Дунае говорит то, что в этом регионе до наших дней сохранился славянский топоним с аналогичным значением – город Вилково[30] на левом берегу Килийского гирла дельты, напротив которого, близ совр. Периправы, как полагают некоторые археологи, находился средневековый Ликостомо[31]. О стратегически выгодном положении Ликостомо свидетельствуют и данные гидрографии, согласно которым в средние века устье Килийского рукава дельты Дуная располагалось как раз около совр. Вилково и Периправы[32].

Более поздние, уже никем не оспариваемые, данные о Ликостомо относятся к генуэзскому периоду в истории города, когда в районе дельты Дуная появились несколько факторий Генуэзской республики, заинтересованной в импорте зерна и другой сельскохозяйственной продукции из Причерноморья. Судя по актовому материалу, составленному в Ликостомо итальянскими нотариями в 70–80-х гг. XIV в., город в это время служил военно-морской базой генуэзцев. Наряду с гражданской администрацией, в Ликостомо находился также и военный губернатор (*gubernator insulle Licostomi*)[33], а сам населенный пункт именовался в нотариальных актах не городом, а исключительно крепостью (*castrum*)[34]. Таким образом, и в XIV в., когда на смену византийцам пришли генуэзцы, Ликостомо являлся прежде всего городом-крепостью, выгодное географическое положение которого позволяло его хозяевам контролировать навигацию по Килийскому рукаву дунайской дельты.

Возвращаясь к сообщению ал-Идриси о придунайской Аклибе, попытаемся оценить данные арабского географа в контексте сведений, которыми мы располагаем о Ликостомо. То обстоятельство, что Ликостомо был укрепленным пунктом, свидетельствует в пользу нашего предположения относительно происхождения названия "Аклиба": этот топоним не является арабской передачей местного наименования, а был дан городу информатором ал-Идриси, отметившим таким способом

наиболее отличительную черту населенного пункта – его укрепления. Находит свое объяснение и характер данных, приводимых ал-Идриси об Аклибе. Их источником были сообщения мореплавателей, хорошо знакомых с бассейном Средиземного (и в частности, Черного) моря. Не случайно город упоминается лишь однажды, в составе лоции, кратко перечисляющей остановки на пути от Константинополя до Тмутаракани и соседствующей в труде ал-Идриси с фрагментами лоций, говорящих о других участках черноморского побережья. В тех же разделах сочинения географа, которые посвящены описанию городов Нижнего Подунавья и были составлены им на основании сообщений посетивших этот район купцов и путешественников, не содержится никаких данных об Аклибе. Отсюда следует, что, во-первых, этот город не являлся сколько-нибудь значительным торговым центром, слухи о котором могли получить распространение в среде купечества, и, во-вторых, что информатор ал-Идриси сам в Аклибе не бывал, ничего о ней не слышал и потому не знал местного наименования города.

О какой Килие говорят Никита Хониат и Георгий Пахимер? В сочинениях византийских историков Никиты Хониата (конец XII – начало XIII в.) и Георгия Пахимера (начало XIV в.) содержится упоминание о событиях XII–XIII вв., которые имели место в причерноморском населенном пункте под названием Хили (Χηλή), находившемся на границе империи.

Хронист Никита Хониат сообщает, что в 1183 г. захвативший верховную власть Андроник I Комнин (1183–1185) отправил в ссылку возможного претендента на престол – своего зятя Алексея, сына императора Мануила I Комнина (1143–1180). Местом ссылки ему был определен небольшой населенный пункт (πολίχνιον) Хили, расположенный в приморской местности (ἄγχιστά που τοῦ Πόντου στόματος), близ границ империи (ὑπερόριος), где специально для Алексея соорудили маленький замок (πυργίον)[35].

Под 1185 г. Никита Хониат вновь упоминает о городе Хили, на этот раз в рассказе о поспешном бегстве из Константинополя низложенного Андроника. Андроник, отплыв из византийской столицы, намеревался найти убежище в "Тавроскифии", но ему удалось добраться лишь до Хили. На предоставленном ему местными жителями судне Андроник пустился в плавание, но из-за поднявшейся бури был вынужден пристать к берегу. Там его и схватили посланники воцарившегося в византийской столице Исаака II Ангела (1185–1195)[36]. Об этих же событиях говорится и в латинской хронике Ефрема, в изложении которого интересующий нас пункт именуется *Chele*[37].

В сочинении другого греческого автора, Георгия Пахимера, имеются дополнительные данные о местонахождени Хили, о котором вновь говорится как о месте ссылки высокопоставленных лиц империи. Рассказывая о том, как император Михаил VIII Палеолог (1259–1282) в 1274 г. отправил в ссылку патриарха Константинопольского Иосифа, хронист

пишет, что Хили располагался на небольшом острове на краю Черного моря (φρούριον δ'αὕτη ἐπινησίδιον πρὸς τοῖς ἄκροις τῆς Εὐξείνου θαλάσσης), в местности, где только летом стоит хорошая погода, а зимой бывает очень холодно из-за дующих с севера ветров[38].

Проанализировавший сообщения Никиты Хониата и Георгия Пахимера видный румынский историк Н. Йорга не сомневался в том, что данные хронистов относятся к нижнедунайской Килие. В пользу такого прочтения текста, по его мнению, свидетельствуют следующие детали. Во-первых, указание источников на приграничное положение пункта; во-вторых, помещение города на острове, в месте, лежавшем близ "устья Понта", под которым, как полагает Н. Йорга, скрывается разветвленное устье Дуная; в-третьих, намерение Андроника бежать в "Тавроскифию" говорит о том, что он двигался в северном направлении, по всей вероятности, в Галицкое княжество, где он уже однажды бывал[39]. Впоследствии аргументы Н. Йорги поддержали и другие румынские ученые – К. Брэтеску, И. Нистор, К. Журеску, К.-М. Штефэнеску, П. Дьякону[40].

С критикой точки зрения Н. Йорги выступил Н. Бэнеску, предложивший искать Хили не в низовьях Дуная, а в Вифинии – исторической области, расположенной на северо-западе Малой Азии, где пункт с таким названием упоминает Анна Комнина[41]. Н. Бэнеску исходил из того, что под "устьем Понта" Никита Хониат мог иметь в виду только пролив Босфор. Признавая, что под "Тавроскифией" скрывается Галицкое княжество, он вместе с тем полагал, что, если бы в источнике шла речь о дунайской Килие, то дальнейшее передвижение Андроника на север должно было бы осуществляться, скорее, по суше, а не по воде, как сказано у Никиты Хониата[42]. С аргументами Н. Бэнеску согласились и некоторые другие исследователи[43], в том числе и С. Бараски, посвятившая этому вопросу отдельную статью и локализовавшая Хили на фракийском побережье Черного моря, близ Босфора (совр. Кумкёй)[44].

Как и в рассмотренном выше случае с топонимом "Ликостомо", достоверную локализацию Хили затрудняют, с одной стороны, недостаточно определенные указания в источниках на местонахождение этого пункта, а с другой – наличие одноименных городов в пределах Византийской империи. Тем не менее, попытаемся заново оценить те сведения о Хили, которыми мы располагаем.

Начнем с данных о географическом положении города. Георгий Пахимер помещает Хили "на краю Черного моря". Принимая во внимание, что эта фраза вышла из-под пера византийца, для которого центром пространственного восприятия была империя и Константинополь как ее столица, логично предположить, что "край" Черного моря располагался для греческого историка не на Босфоре (где море для него должно было бы "начинаться"), а скорее, в районах, отдаленных от Византии. Это общее соображение подкрепляется тем, что использованное Пахимером слово ἄκρος, помимо значения "крайний" (может употребляться и как

существительное – "край", "оконечность"), переводится также как "верхний", "верх". При указании на географическое положение объектов на плоской поверхности термины типа "верх", "наверх", "наверху", "выше" ассоциируются у говорящего (или пишущего) либо с движением от побережья вглубь материка, либо с движением от побережья в открытое море[45]. Поскольку Хили являлся приморским пунктом, то выражение "на краю Черного моря" можно понимать как указание на противоположный от Византии северный берег моря или, во всяком случае, весьма удаленное от Константинополя и малоазийского побережья империи место.

О значительной отдаленности Хили от византийской столицы говорит и замечание Пахимера о неблагоприятных климатических условиях, ожидавших патриарха Иосифа там, куда он был сослан. Если бы речь шла о ссылке в вифинскую Хили, где климат практически ничем не отличается от того, к которому патриарх привык в Константинополе, это высказывание Пахимера просто было бы лишено смысла. В то же время применительно к району Нижнего Подунавья оно весьма уместно, ибо в зимние месяцы там преобладают минусовые температуры, в Вифинии же зима мягкая, с температурами выше 0°.

Стоит обратить внимание и на то, что для указания на местонахождение Хили близ границ империи Никита Хониат использует слово ὑπερόριος ("чужеземный"), которое, конечно, никак не могло быть отнесено им к северо-западным районам Малой Азии, зато хорошо подходило в качестве определения к землям Нижнего Подунавья.

Кроме того, из рассказа Никиты Хониата о бегстве Андроника следует, что Хили лежал на пути из Византии в "Тавроскифию". Как бы ни трактовать это понятие, ясно, что речь идет о районах, расположенных к северу от Черного моря, куда наиболее удобный путь из Константинополя вел вдоль западного черноморского побережья, мимо дунайской дельты к устьям Днестра и Днепра. В этой связи трудно себе представить, зачем было бы нужно спешившему на север Андронику переправляться через Босфор в Вифинию и уже оттуда пытаться отплыть в "Тавроскифию".

Впрочем, относительно того, что имеется в виду под "Тавроскифией" из сообщения Никиты Хониата, разногласий в историографии нет, ибо ответ достаточно очевиден – Галицкая Русь. На выбор Андроником в качестве места убежища именно Галицкого княжества должны были оказать влияние по меньшей мере два обстоятельства. Во-первых, с галицким владыкой Ярославом Владимировичем (1153–1187) Андроник был связан родственными отношениями, поскольку был сыном севастократора Исаака Комнина (брата императора Иоанна II) и русской княжны, дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича[46]. Во-вторых, Андронику однажды уже довелось воспользоваться гостеприимством галицких князей. В 1164 г., бежав из константинопольской тюрьмы, он нашел приют у галицкого князя Ярослава Владимировича,

который принял беглеца, по словам древнерусского летописца, "с великою любовью" и пожаловал ему несколько подунайских городов[47]. В 1185 г. Ярослав Владимирович по-прежнему занимал галицкий престол, и Андроник, очевидно, имел некоторые основания вновь рассчитывать на поддержку этого суверена. Возможно, что на пути в Галич Андроник намеревался остановиться в каком-нибудь из тех подунайских пунктов, которые были ему пожалованы Ярославом двадцать лет назад.

Что касается утверждения Н. Бэнеску о том, будто из Нижнего Подунавья Андроник должен был бы направиться в Галич не по морю, а по суше, то оно совершенно не состоятельно. Как мы видели из сообщения ал-Идриси, морской путь от Килийского гирла до устья Днестра занимал в XII в. (т.е. как раз во времена Андроника) всего один день, откуда по Днестру можно было подняться до Галича[48].

Одним из основных аргументов Н. Бэнеску в пользу локализации Хили в Вифинии является указание Никиты Хониата на местонахождение этого пункта близ "устья Понта" (που τοῦ Πόντου στόματος). Н. Бэнеску полагает, что это выражение приложимо только к проливу Босфор. Действительно, слово στόμα в значении "устье", "вход", "выход" употреблялось для наименования проливов между морями, в том числе пр. Босфор[49]. Однако это выражение не было характерно для византийской исторической литературы, где данный пролив фигурировал, как правило, под названиями Босфор (Фракийский), Стенон, Дамалис. Кроме того, слова Никиты Хониата "устье Понта" с равным успехом могут обозначать как "устье" самого Понта, так и "устье на Понте", т.е. устье реки, впадающей в это море, в данном случае – устье Дуная. О предпочтительности именно такого толкования выражения свидетельствует, как нам кажется, вся совокупность сведений, сообщаемых византийскими историками о географическом положении Хили· удаленность от столицы империи в северном направлении, холода в зимнее время года, нахождение на пути в "Тавроскифию".

Теперь обратимся к анализу сведений о том, что представлял собой этот населенный пункт в конце XII–XIII в. Если Никита Хониат для характеристики типа поселения выбирает слово весьма общего значения πολίχνιον – "городок", "местечко", то Георгий Пахимер приводит более специализированный термин φρούριον – "место, в котором находится гарнизон или стража", "крепостца", "укрепление". О незначительных размерах Хили говорит и то, что поселение, согласно Пахимеру, было расположено "на островке" (φρούριον δ'αὕτη ἐπινσίδιον). По деталям рассказа Никиты Хониата о бегстве Андроника можно заключить, что городок находился не в глубине дельты Дуная, а скорее, неподалеку от морского побережья, поскольку являлся удобной гаванью для выхода в открытое море. Отсюда следует, что в поисках материала для сопоставления информации византийских авторов о Хили с данными других источников, мы должны обращаться, прежде всего, к современным описываемым событиям лоциям Черного моря. На сего-

дняшний день известны два таких источника – это разобранный выше морской маршрут из сочинения ал-Идриси, относящийся к середине XII в., а также итальянская лоция Черного моря, составленная в конце XIII в.

Ал-Идриси в прибрежной части дельты Дуная были известны два пункта: на юге – Армукастру (Енисала), а на севере – Аклиба, о которой говорилось выше. При этом Армукастру упомянут географом и в составе другого, сухопутного, маршрута, где данный населенный пункт назван торговым городом больших размеров[50], в связи с чем он не может представлять интереса с точки зрения локализации Хили. Итальянская лоция приводит наименования пяти рукавов дунайской дельты, но знает лишь один город – знакомую нам и по другим источникам Вичину, являвшуюся в конце XIII в. наиболее крупным торговым центром этого региона[51]. Таким образом, рассматриваемые сведения византийских историков о Хили могут быть сопоставлены только с сообщением ал-Идриси об Аклибе[52].

Оба города располагались поблизости от морского побережья, находились на пути из Константинополя к Северному Причерноморью и далее в Галицкую Русь, являлись небольшими по размеру населенными пунктами укрепленного характера. Все это наводит на мысль о том, что, возможно, под Аклибой ал-Идриси и Хили из сочинений Никиты Хониата и Георгия Пахимера скрывается один и тот же город Нижнего Подунавья. Возникает закономерный вопрос – какой именно город? Килия или Ликостомо?

Топоним Аклиба, как было сказано выше, скорее всего, не отражает местное название, но принадлежит информаторам ал-Идриси. Что же касается Хили, то это наименование, подобно Ликостомо, относится к местной топонимической номенклатуре и может быть дано населенному пункту за его внешние особенности. Существительное χηλή означает "копыто", а также все, что походит на него по форме: полукруглая и выдающаяся часть стены, плотины, берега, гавани. В этой связи заслуживает внимания утверждение Георгия Пахимера о том, что Хили располагался "на островке". Использованная историком уменьшительная форма заставляет подозревать, что остров был настолько мал, что весь его можно было охватить взглядом. Возможно, что свое название этот городок и получил из-за островного положения. В средние века Килийское гирло Дуная изобиловало островами[53], на одном из которых, по-видимому, и следует локализовать Хили. Островное положение города и засвидетельствованный обоими византийскими авторами его укрепленный характер побуждают нас связывать Хили, скорее, с Ликостомо, нежели с Килией.

Предложенная нами интерпретация сведений о городах Аклиба и Хили небезынтересна и с точки зрения давнего и до сих пор не решенного вопроса о местонахождении средневекового Ликостомо.

Килия и Ликостомо: два города или два наименования одного пункта? По общему мнению, первым достоверным известием о дунайской Килие является ее упоминание в списке епархий Константинопольской патриархии, датируемом 1318–1323 гг.. В районе Западного Причерноморья в этом списке значится населенный пункт под названием "Килия, или Ликостомо" (τά Κελλία ἤτοι τὸ Λυκοστομίον)[54]. Таким образом, в начале XIV в., как следует из этого документа, Килия имела и другое наименование – Ликостомо.

О том, что Килия и Ликостомо – один и тот же город, впервые заговорил молдавский историк XVIII в. Д. Кантемир, рассматривавший Ликостомо как древнее название Старой Килии[55]. Долгое время утверждение о тождестве Килии и Ликостомо в целом никем не ставилось под сомнение, хотя делались попытки связать топоним Ликостомо не со Старой, а с Новой Килией[56]. Впоследствии исследование источников, касающихся деятельности итальянских купцов в бассейне Черного моря в XIII–XV вв., в особенности нотариальных актов, привело многих ученых (преимущественно специалистов по истории средиземноморской торговли в средние века) к заключению о том, что Килия и Ликостомо на самом деле являлись двумя разными населенными пунктами[57]. Именно эта точка зрения стала господствующей в историографии последних десятилетий[58]. В настоящее время тождество Килии и Ликостомо продолжает отстаивать П. Дьякону, который в своей статье "Килия и Ликостомо или Килия = Ликостомо?" подвел историографические итоги дискуссии и заново проанализировал сведения письменных источников по данному вопросу[59].

Наличие специальных работ О. Илиеску и П. Дьякону, излагающих аргументы сторонников как одного, так и другого мнения, позволяет нам ограничиться здесь лишь указанием на те ключевые проблемы, вокруг которых ведется полемика на сегодняшний день. В защиту тезиса о параллельном существовании городов Килии и Ликостомо приводятся, в сущности, два довода. Во-первых, употребление того и другого топонима в нотариальных актах генуэзца Антонио ди Понцо, работавшего в Килие в качестве нотария в 1360–1361 гг.[60] Исследователи, отстаивающие тождество Килии и Ликостомо, полагают, что в актах Антонио ди Понцо оба топонима во всех случаях используются как синонимы. Противоположное мнение, отвергающее синонимичность названий, основывается на материале нескольких актов, где наименование "Килия" зачеркнуто и исправлено на "Ликостомо", либо наоборот, вместо "Ликостомо" написано "Килия". Отсюда делают вывод, что, коль скоро клиентам Антонио ди Понцо было не все равно, какой именно топоним фигурирует в документе, значит оба наименования не являются синонимами и, следовательно, обозначают разные населенные пункты. Между тем, факт замены одного наименования другим сам по себе говорит только об одном: о том, что в ряде конкретных случаев по каким-то причинам было важно зафиксировать в нотариальном акте одно,

а не другое название. И до тех пор, пока не будет выяснено, в чем состоял смысл подобной замены, нельзя быть уверенным в том, что в рассматриваемых документах действительно идет речь о двух различных городах.

Во-вторых, на раздельное существование Килии и Ликостомо указывает, по мнению О. Илиеску, присутствие названий обоих городов на морских картах XVI–XVIII вв. Состоятельность этого аргумента справедливо подверг сомнению П. Дьякону, обративший внимание, с одной стороны, на некорректность выборочного использования источника, когда вне поля зрения оказывается тот факт, что в портоланах (лоциях) имя Килии ни разу не встречается, а на морских картах XIV – первой четверти XVI в. обозначается только один город, либо Ликостомо, либо Килия; с другой стороны – на методику составления поздних карт, предполагавшую одновременное нанесение на карту информации из источников разных эпох, начиная с античности.

К сожалению, сопоставить данные письменных источников об обоих топонимах не с чем, так как поиски остатков древнего Ликостомо пока не увенчались успехом. О. Илиеску, опираясь на результаты предпринятой им в 1966 г. археологической разведки на острове Летя в дельте Дуная, локализовал средневековый Ликостомо в окрестностях совр. Периправы на правом берегу Килийского гирла[61]. Однако дальнейшее изучение археологического материала на этом месте показало его позднее происхождение и тем самым фактически дезавуировало сделанные О. Илиеску выводы[62].

Корпус источников, традиционно привлекаемых для изучения вопроса о возможном тождестве Килии и Ликостомо, составляют письменные памятники XIV–XV вв. (картографический материал – вплоть до XVIII в.). Это совершенно естественно, поскольку именно для данного периода упоминания о Килие и Ликостомо довольно многочисленны, а сведения более раннего времени скудны и отрывочны. Вместе с тем, нельзя упускать из виду то, что источники XIV–XV вв. рисуют уже сложившуюся картину, в то время как сообщения IX–XIII вв. дают нам необходимую историческую ретроспективу для понимания информации более поздних памятников. Попытаемся в этой связи взглянуть на разобранные нами выше известия об Аклибе и Хили, с одной стороны, и на сведения источников XIV–XV вв. о Килие и Ликостомо – с другой, в едином контексте.

Данные ал-Идриси о городе Аклиба позволяют утверждать, что в первой половине – середине XII в. в районе Килийского гирла дельты Дуная, по всей видимости, недалеко от впадения реки в море существовал населенный пункт, служивший мореплавателям навигационным ориентиром. Неупоминание Аклибы в составе торговых маршрутов, по нашему мнению, следует трактовать как свидетельство того, что во времена ал-Идриси этот город не выполнял торговых функций. Этимология арабского названия "Аклиба" дает основания для предположения

об укрепленном характере этого поселения. Поскольку в середине XII в. Нижнее Подунавье являлось северной границей Византии, можно допустить, что Аклиба была византийской крепостью – той самой, которая в IX в. охраняла вход в Килийское гирло и называлась византийцами Ликостомо, или какой-то другой. Судя по сообщениям Никиты Хониата и Георгия Пахимера византийцы и во второй половине XII – третьей четверти XIII в. обладали в приморском районе дунайской дельты островной крепостью, которую мы склонны отождествить с Ликостомо–Аклибой.

Несмотря на образование в конце XII в. Второго Болгарского царства и приход на Нижний Дунай монголов в 40-х гг. XIII в., Византия, по всей вероятности, сумела сохранить в своих руках отдельные пункты в Нижнем Подунавье, особенно укрепленные. Этому весьма способствовало оживление византийско-монгольских связей при Михаиле VIII Палеологе. Византийский император в 1271 г. породнился с господствовавшим на Нижнем Дунае монгольским темником Ногаем, выдав за него замуж свою побочную дочь. В одном из панегириков Михаилу VIII императору ставится в заслугу присоединение к Византии ряда островов в дунайской дельте[63]. О существовании византийского влияния в районе Нижнего Подунавья в XIII – начале XIV в. говорит и то, что по нумизматическим данным, византийская монета и в первой половине XIII в. занимала господствующее положение в денежном обращении ряда нижнедунайских городов, к примеру, крепости Нуфэру на правом берегу Георгиевского рукава дельты. Известен клад золотых византийских монет второй половины XIII – первой четверти XIV в. в урочище Эскикале на восточной окраине совр. Исакчи[64]. Изучение же продукции монетного двора, функционировавшего в самой Исакче в конце XIII – первых десятилетиях XIV в., выявило большое количество "гибридных" типов монет с изображением тамги Ногая на одной стороне и византийского двуглавого орла – на другой, а также с арабскими, греческими и латинскими легендами. По заключению исследовавшего эти эмиссии Э. Оберлендера-Тырновяну, можно говорить о существовании в этом районе Нижнего Подунавья в конце XIII в. местного политического образования с сильными византийскими традициями, находившегося в вассальной зависимости от Ногая[65].

В этих условиях крепость Ликостомо, по всей вероятности, продолжала оставаться византийской и при монголах, сохраняя свое греческое наименование. К такому заключению приводят данные старейшей итальянской лоции Черного моря (1296 г.). Составление этой лоции приходится на время активного проникновения генуэзских купцов в Нижнее Подунавье, откуда они экспортировали зерно в Константинополь и Италию. В конце XIII в. базой генуэзской торговли на Нижнем Дунае был город Вичина, поэтому в лоции подробно описаны все подходы к данному пункту по рукавам дунайской дельты. В лоции названы пять рукавов дельты Дуная, причем четыре рукава носят итальянские назва-

ния (с юга на север – *Grosseto, San Georgi, Aspera, Saline*), и только один, самый северный, именуется по-гречески *Licostoma*[66]. В этой связи возникает вопрос – почему итальянцы всем рукавам дельты дали свои наименования, а для одного из рукавов воспользовались греческим словом? Ведь если бы они называли рукава, исходя из особенностей местности, то ничто не мешало им, по крайней мере, перевести греческое "Ликостомо", как это сделал, к примеру, в начале XV в. автор латинского географического трактата Иоанн (епископ Султанийи), именовавший северный рукав дельты Дуная соответствующим латинским эквивалентом "Ликостомо" – *os lupi*[67]. Вместе с тем использование составителем лоции греческого слова вполне объяснимо, если предположить, что гидроним *Licostoma* из итальянской лоции происходит от названия города, стоящего в устье рукава. В конце XIII в. генуэзцы еще не только не овладели византийской крепостью Ликостомо, но даже не совершали плаваний по Килийскому гирлу дельты Дуная. Согласно данным лоции, в этот рукав суда заходить не могли (*ma non è per legno*)[68], неизвестно, правда, по каким причинам – то ли из-за плохих условий судоходства, то ли вследствие иных обстоятельств, связанных с пребыванием в Ликостомо византийцев.

В течение первой половины XIV в. положение изменилось и крепость Ликостомо перешла в руки генуэзцев. Во всяком случае, для второй половины этого столетия ее статус как генуэзского владения зафиксирован большим количеством документов. Благодаря собранию актов Антонио ди Понцо известно также, что, по крайней мере к 60-м гг. XIV в., центр зернового экспорта в Нижнем Подунавье переместился из Вичины в район Ликостомо[69]. Именно к этому периоду деятельности итальянцев на Нижнем Дунае относятся первые сообщения источников о Килие – в датируемом 1318–1323 гг. списке епархий Константинопольской патриархии, в картулярии Антонио ди Понцо 1360–1361 гг. Можно ли на этом основании полагать, что и первые страницы истории Килии были связаны с генуэзцами?

Упоминание Килии среди епархий православной церкви свидетельствует о том, что этот населенный пункт существовал еще до прихода туда генуэзцев. Поскольку при своем первом появлении в источнках название "Килия" сопоставляется с топонимом "Ликостомо" (τά Κελλία ἤτοι τὸ Λυκοστομίον), логично предположить, что и само возникновение города было тесно связано с византийской крепостью Ликостомо. В литературе уже высказывалось мнение о том, что Килия была основана византийцами еще в IX в. в качестве базы, призванной обеспечивать продовольствием гарнизон крепости[70]. Учитывая островное положение Ликостомо, следует полагать, что византийцы должны были организовать такую базу, во-первых, на материке, куда было бы удобно подвозить сельскохозяйственную продукцию из близлежащих районов, и во-вторых, в таком месте, откуда припасы могли быть легко и быстро доставлены в крепость. Таким образом, первоначально Ликостомо и

Килия, по-видимому, являлись единым хозяйственным и социально-политическим организмом, где административным центром являлся Ликостомо, а Килия выполняла вспомогательные, экономические функции, оставаясь на протяжении длительного времени – по меньшей мере, вплоть до начала XIV в. – небольшим населенным пунктом. О незначительности византийской Килии как торгового города говорит отсутствие каких-либо данных о ней в сочинении ал-Идриси (дающего в целом очень подробные – вплоть до указания цен на товары в том или ином пункте – маршруты для Среднего и Нижнего Подунавья), а также в итальянской лоции конца XIII в., составителю которой был известен лишь один город в районе дунайской дельты – Вичина.

К середине XIV в. Ликостомо, а вместе с ним и Килия перешли в руки генуэзцев. Ликостомо, ставший резиденцией военного губернатора, продолжал по-прежнему выполнять административные и охранные функции, служил важнейшим – и единственным – навигационным ориентиром у входа в северный рукав дельты Дуная. На всех итальянских и других западноевропейских морских картах XIV – первой половины XV в. на берегу северного рукава дельты обозначен только один город – Ликостомо, а наименование Килия впервые появляется на карте Мартелло 1480–1482 гг.[71] Что же касается итальянских и греческих лоций, то в них название Килии вообще не встречается.

В отличие от византийцев, для которых Килия, по всей вероятности, не представляла никакого самостоятельного интереса, генуэзцы, привлеченные в район Нижнего Подунавья возможностью экспорта оттуда зерна и другой сельскохозяйственной продукции, развили в Килие бурную предпринимательскую деятельность. В результате Килия быстро утратила свою вспомогательную (по отношению к Ликостомо) роль и превратилась в крупный торговый город, куда переместился из Вичины центр коммерческих операций генуэзцев на Нижнем Дунае. Местное население уже к 60-м гг. XIV в. воспринимало Килию как наиболее значимый населенный пункт во всей округе и стало называть северный рукав дунайской дельты по имени города. Это наименование впервые зафиксировано в нотариальных актах Антонио ди Понцо, который наряду с привычным для итальянцев гидронимом "река Ликостомо" (*flumen Licostomo*; B 12, 13, 16, 89, 90, 103, 109; P 74[72]) употребляет и усвоенное им от местных жителей словосочетание "река Килии" (*flumen Chili*; B 30, 38, 73, 78, 80, 82, 97, 99, 101, 106, 107, 114–116, 118; P 58, 62, 65, 67–72, 75, 76, 78, 80, 81, 86, 91, 92, 95, 96). Постепенно торговое значение города выросло, и топоним "Килия" с конца XIV – начала XV в. стал встречаться во многих письменных источниках.

Анализ упоминаний о Ликостомо и Килие в письменных источниках XIV–XVI вв. показывает, что прослеживается четкая закономерность в распределении обоих топонимов: в молдавских, румынских, венгерских и славянских памятниках фигурирует наименование "Килия", но нет сведений о Ликостомо; в западноевропейских наблюдается обратная

картина – везде речь идет о Ликостомо, но ничего не говорится о Килие; в византийских же источниках встречаются оба наименования, но они никогда не употребляются одновременно[73]. П. Дьякону также установил, что названия "Килия" и "Ликостомо" могут замещать друг друга, когда описание того или иного события, относящегося к Нижнему Подунавью, содержится сразу в нескольких источниках. Скажем, славяно-молдавские летописи под 1484 г. сообщают о взятии турками Килии, а в сообщении об этом же событии итальянских хрониках захваченный город именуется Ликостомо. И подобные примеры не единичны. Единственное исключение из этой закономерности весьма показательно: среди всех западноевропейских документов название "Килия" (наряду с наименованием "Ликостомо") употребляется лишь в нотариальных актах итальянца Антонио ди Понцо, находившегося в Килие в 1360–1361 гг. в качестве нотария. Поскольку именно на этот источник ссылаются сторонники раздельного существования Килии и Ликостомо, на особенностях употребления в нем обоих топонимов следует остановиться подробнее.

Прежде чем Антонио ди Понцо появился на Нижнем Дунае, он в *течение некоторого времени оформлял сделки в Пере. Судя по актам*, составленным нотарием в этот период, ему была известна только одна генуэзская фактория в Нижнем Подунавье – Ликостомо (B 3–11). С названием "Килия" Антонио ди Понцо познакомился лишь по прибытии в этот город и поначалу – с 11 по 25 августа 1360 г. – употреблял его наряду с топонимом "Ликостомо", обозначая место совершения сделки следующим образом: *actum Chili Licostomo* (B 18–22) или *Chili Licostomi* (B 12, 14).

Попытку рассматривать "Ликостомо" в данном словосочетании как гидроним и видеть в этой формуле стремление нотария подчеркнуть, что акт составлен им в нижнедунайском городе, а не в одноименном пункте в Малой Азии[74], трудно признать убедительной. Во-первых, если бы это было действительно важно, то, надо думать, клиенты Антонио ди Понцо неизменно настаивали бы на подобном словоупотреблении. Однако документы свидетельствуют об обратном: по прошествии двух недель нотарий отказался от такого двойного наименования и в дальнейшем оформлял все акты как заключенные в Килие (*actum Chili*; B 13, 15–17, 23–123; P – *passim*). Во-вторых, "Ликостомо" здесь служит для обозначения не рукава реки, но города. Это совершенно очевидно из заключительной части тех актов, в которых указаны пункты, где данный документ имеет юридическую силу, причем среди них обязательно присутствует наименование города, являвшегося местом совершения сделки. Такими перечнями снабжены далеко не все акты из картулярия Антонио ди Понцо, однако из семи актов, составленных нотарием в "Килие–Ликостомо", в шести названы города, в которых тот или иной документ обладает юридической силой. Например, в акте от 11 августа 1360 г. в качестве таких городов перечислены Ликостомо,

Пера, Константинополь, Генуя и Пиза (B 12). Еще в четырех актах также фигурирует Ликостомо (B 15, 16, 18, 19), Килия же названа в одном из них (B 22). В то же время, после того, как Антонио ди Понцо для обозначения места совершения сделки стал пользоваться исключительно топонимом "Килия", аналогичные перечни стали открываться именно этим наименованием, а имя "Ликостомо" из них исчезло (P 8, 16, 18, 20, 22, 56, 58, 59, 66, 67, 71, 80, 83, 86, 88, 91, 92, 94). П. Дьякону, впервые обративший внимание на то, что в заключительной части актов названия "Килия" и "Ликостомо" *никогда* не появляются вместе[75], по нашему мнению, совершенно справедливо усматривает в этом свидетельство синонимичного употребления обоих топонимов у Антонио ди Понцо. Ведь если выражение *Chili Licostomi* понимать как "Килия, что на рукаве Ликостомо" или "Килия, расположенная неподалеку от Ликостомо", т.е. допустить, что Килия и Ликостомо – два разных пункта, то тогда в перечне мест, где этот документ имеет юридическую силу, должна обязательно фигурировать Килия; что же до Ликостомо, то – теоретически – он может быть назван среди прочих пунктов, но может и отсутствовать. Казалось бы, бóльшая часть документов Антонио ди Понцо (B 22; P 8, 16, 18, 20, 22, 56, 58, 59, 66, 67, 71, 80, 83, 86, 88, 91, 92, 94) вполне отвечает такому толкованию: все они составлены в Килие, и Килия фигурирует среди пунктов, поименованных в заключительной части нотариального акта. Однако согласиться с тем, что в выражении *Chili Licostomi* название "Ликостомо" служит не более чем определением к слову "Килия", мешают упомянутые пять актов (B 12, 15, 16, 18, 19), которые, согласно записи Антонио ди Понцо, обладают юридической силой в Ликостомо, но не в Килие. Если Ликостомо и Килия – разные города, то получается, что оформляемые этими документами сделки недействительны именно в том пункте, где они были составлены! В то же время, стоит признать, что "Килия" и "Ликостомо" суть два наименования одного города, как все встает на свои места.

Косвенным аргументом в пользу синонимичности топонимов является то обстоятельство, что в актах Антонио ди Понцо – ни среди контрагентов или их доверенных лиц, ни среди свидетелей совершения сделки, переводчиков или просто упоминаемых в документах персон – нет ни одного жителя Ликостомо. И это при том, что в общей сложности нотарий приводит имена более чем четырехсот человек, происходивших из Килии, Вичины, Монкастро (Аккермана), Каффы и других причерноморских городов, а также выходцев из Италии. В таком контексте отсутствие лиц из близлежащего Ликостомо – если допустить, что это отдельный нижнедунайский город, – кажется по меньшей мере странным.

Не случайным выглядит и переход нотария к использованию одного топонима вместо двух сразу. Местом, где протекала деятельность Антонио ди Понцо была, по всей вероятности, деловая часть города, ибо его клиентами были в основном лица, тем или иным образом причастные к торговым операциям, – продавцы и покупатели зерна и прочих сельско-

хозяйственных товаров, владельцы складских помещений и мельниц, банкиры, ремесленники. Все они проживали или останавливались не в генуэзской крепости Ликостомо, а собственно в Килие, возникшей и развивавшейся как торговый город. Усвоив от жителей Килии местное название города, Антонио ди Понцо не только стал обозначать этим именем место совершения сделок, но практически полностью перестал употреблять "Ликостомо" как топоним. В этом качестве слово "Ликостомо" фигурирует лишь в трех актах: при упоминании об имевшей место в Ликостомо (*in Licostomo*) купле–продаже партии зерна итальянскими купцами (B 47, 53), а также для обозначения платежного средства, серебряных слитков–соммов (*sommi ad pondus Licostomi*; B 18). Во всех остальных случаях имевшие хождение в городе меры веса измеряются *ad pondus (sagium) Chili* (B 19, 22–25, 27, 29, 31, 35–39, 41, 42, 48–50, 54–56, 58–60, 64, 67, 68, 70–72, 74–77, 80, 82–86, 89–91, 94, 97, 98, 101–106, 109, 111, 114–119, 121, 122; P 6, 8, 9, 12, 15, 16, 18, 22, 27, 41–47, 50, 53, 55, 58, 59, 64–78, 80, 83–86, 88, 91–99).

Единственной сферой, где наименования "Килия" и "Ликостомо" продолжали использоваться нотарием равноправно, является гидронимия. Как уже говорилось выше, северный рукав дунайской дельты Антонио ди Понцо называл то "рекой Килии", то "рекой Ликостомо". При этом надо иметь в виду, что оба гидронима фигурируют в документах не сами по себе, но всегда в определенном контексте, а именно – для обозначения места, где пришвартованы принадлежащие клиентам Антонио ди Понцо корабли. Для указания их местонахождения в нотариальных актах имеется целый ряд выражений:

in sumaria (eiusdem loci) Chili (B 34, 36, 37, 39, 62; P 8, 37, 49)

in sumaria Licostomi (B 37)

in sumaria Vicine (B 19)

in sumaria sive flumine Chili (B 38; P 75)

in sumaria sive flumine Licostomi (B 13)

in sumaria Chili (scilicet/videlicet) ad sporzorias (B 27, 31, 42, 49, 81, 93; P 17, 18, 20, 22, 32, 41, 59, 64, 66)

ad sporzorias sumarie (eiusdem loci) Chili (B 23, 35, 48, 55, 58, 59, 64, 68, 70, 83, 92, 94, 98, 102, 105, 121; P 55, 88, 99)

in sumaria sive flumine Chili ad sporzorias (B 30, 99; P 58, 62, 65, 67–72, 76, 78, 80, 81, 91)

ad sporzorias sumarie sive fluminis Chili (B 73, 78, 80, 82, 97, 101, 106, 107, 114–116, 118; P 86, 92, 95, 96)

in sumaria sive flumine Licostomi ad sporzorias (B 12)

ad sporzorias sumarie sive fluminis Licostomi (B 16)

ad bocham sumarie Chili (B 29, 54, 60, 67, 76, 119; P 84)

ad bocham eiusdem sumarie sive fluminis Chili (B 30)

ad bocham sumarie Licostomi (B 84, 85, 111, 119; P 45, 98)

ad bocham sumarie sive fluminis Licostomo (B 89, 90, 109, 117)

in sumaria sive flumine Licostomo scilicet ad bocham eiusdem sumarie Licostomo (P 74)

ad laziam sumarie Chili (P 6)

ad planam sumarie Licostomo (B 104)

ad planam sumarie sive fluminis Licostomo (B 103)

in uschario (eiusdem loci) Chili (B 23, 24, 45, 92; P 19, 38)

Терминология, при помощи которой определяется местонахождение кораблей, как видно, весьма разнообразна. Однако нетрудно заметить, что целым рядом слов Антонио ди Понцо пользуется как синонимами. Это, прежде всего, слова *sumaria* и *flumen*, обозначающие "реку", "рукав реки", в данном случае – Килийский рукав дельты Дуная[76]. Для того, чтобы указать на нахождение корабля в устье Килийского рукава, применяется слово *bocha* ("устье")[77], и – реже – *uschario*, которое, по-видимому, связано с итал. *uscire* ("выходить"), *uscio* ("дверь, выход"). Слово *plana* однажды употребляется как синоним термина *bocha* (B 103); возможно, в таком же смысле следует понимать и слово *lazia* из документа P 6. Про значительную часть кораблей, находящихся в Килийском рукаве дельты, сказано, что они стоят *ad sporzorias*, причем в нескольких нотариальных актах содержится уточнение – *ad sporzorias, ubi ligna onerantur grano* (B 30, 92; P 26, 32, 67). Это не оставляет сомнений в том, что под термином *sporzoria* подразумевается пристань, где корабли берут на борт зерно, а также другие сельскохозяйственные товары[78].

В ряде документов выражения *sumaria Chili* и *sumaria Licostomi*, а также *bocha sumarie Chili* и *bocha sumarie Licostomi* употребляются как синонимы (B 37, 105, 119). Это лишний раз говорит о том, что сам Антонио ди Понцо не видел разницы между наименованиями "Килия" и "Ликостомо", когда они употреблялись им для обозначения Килийского рукава дельты и устья этого рукава на Черном море. В этом смысле для итальянского нотария оба названия были равноправны, но являлись ли они таковыми для его клиентов?

Логично предположить, что сведения о местонахождении того или иного судна Антонио ди Понцо записывал со слов клиента. Если посмотреть, как распределяются вышеперечисленные выражения в зависимости от того, откуда происходили клиенты нотария – из Килии и других городов Нижнего Подунавья, из Византии, из Италии, – то получится следующая картина. Словом "Килия" так или иначе пользуются все – жители Килии (в том числе останавливающиеся там итальянцы), Болгарии, Венгрии и Византии, греки и итальянцы из итальянских черноморских факторий Перы, Каффы и Монкастро, а также торговцы, прибывшие из Италии. Слово же "Ликостомо" находится в употреблении очень узкого слоя лиц – с его помощью определяют местонахождение кораблей лишь генуэзцы и выходцы из Италии, временно находящиеся в Пере и Каффе (B 12, 13, 16, 37, 84, 85, 89, 90, 103, 104, 109, 111, 117, 119; P 45, 74, 98).

Эту закономерность подтверждают и иные, связанные с черноморской торговлей XIV в., документальные итальянские источники (приходно-расходные книги и нотариальные акты Генуи, Перы и Каффы; материалы генуэзских магистратур по делам торговли), составители которых оперируют исключительно топонимом Ликостомо. Например, все зерно, поступавшее в Геную из района Килийского гирла, значится в генуэзских документах как зерно, экспортированное из Ликостомо.

В некоторых из документов Антонио ди Понцо имеется любопытная запись, на которую, если мы не ошибаемся, до сих пор никто не обратил внимания. Нотариальный акт от 25 октября 1360 г. оформляет совершенную двумя итальянцами (один – из Генуи, другой – из Пьяченцы) сделку о продаже партии вина. При описании местонахождения судна "Св. Иоанн", на который погрузили товар, говорится, что оно стоит *ad sporzorias sumarie sive fluminis Chili, scilicet in terra* (B 107), т.е. стандартная формула *ad sporzorias sumarie sive fluminis Chili* (или другие, ей подобные) дополнена уточнением – *in terra*, т.е. "на земле, на материке, на суше". Выражение *in terra* в аналогичном контексте встречается еще в трех документах, согласно которым судно "Св. Теодор" находится *in terra tirata ad laziam sumarie Chili* (P 6), некий отданный в залог корабль – *in terra in uschario Chili* (P 19), а житель Перы Никколо Грити является владельцем партии зерна, размещенного *ad sporzorias predictas* (выше в документе упомянуто: *in sumaria sive flumine Chili ad sporzorias*), *videlicet in terra* (B 30).

На первый взгляд может показаться, что уточнение *in terra* нужно для того, чтобы подчеркнуть нахождение того или иного судна у причала под погрузкой (*ad sporzorias*). Правда, тогда придется признать, что выбранное нотарием (или его клиентами) слово *terra* не вполне отвечает поставленной цели – ведь и так ясно, что причал, с которого производится погрузка, находится у берега и является продолжением суши. Поэтому само по себе наличие или отсутствие такого уточнения малосущественно, если бы не одно обстоятельство. Выражение *in terra* появляется у Антонио ди Понцо только тогда, когда при определении местонахождения судна он использует топоним "Килия", и ни разу, когда нотарий прибегает к наименованию "Ликостомо". Это заставляет нас по-иному оценить смысл уточнения и видеть в нем указание на то, где именно располагался причал для погрузки – *in terra*, т.е. на материковой, а не островной части города, в торговой Килие, а не в крепости Ликостомо.

Таким образом, имеется немало данных в пользу того, что в средние века для обозначения одного населенного пункта на берегу северного рукава дельты Дуная употреблялись два различных топонима – "Килия" и "Ликостомо". При этом первый из них отражал местное название города, в связи с чем и был зафиксирован в молдавских летописях и источниках сопредельных стран, а второй использовался западноевропейцами, а также – наряду с первым – византийцами.

Международная торговля в Килие в XIV в. От середины XIV в. сохранился большой комплекс документов, благодаря которому мы можем получить представление о социально-экономическом и – в какой-то мере – религиозном и политическом облике Килии в этот период времени. Речь идет об уже упомянутых нами нотариальных актах, оформленных в Килие в 1360–1361 гг. генуэзским нотарием Антонио ди Понцо. Они были впервые обнаружены работавшим в Генуэзском архиве французским медиевистом Р. Ботье, который оценил их как наиболее значительное собрание частных актов из дошедших до нас источников по истории Северо-Западного Причерноморья периода средневековья[80]. В 60-е гг. нашего столетия нотариальные акты Антонио ди Понцо стали известны румынским ученым[81], а в 1971 г. они были опубликованы итальянским медиевистом Дж. Пистарино[82] и послужили основой для ряда исследований, посвященных социально-экономическим отношениям и торговым связям Килии, вопросам исторической географии и нумизматики[83].

Опубликованные Дж. Пистарино 98 актов, оформленные в период с 27 ноября 1360 г. по 12 мая 1361 г., представляли собой лишь фрагмент картулярия Антонио ди Понцо (л. LXXVI–CXI)[84]. Поскольку в тексте имелись ссылки на более ранние акты того же нотария[85], оставался открытым вопрос, утрачена ли первая часть источника безвозвратно или она погребена в генуэзском архиве среди беспорядочно расположенных документов, уцелевших после пожара 1684 г.

Французскому ученому М. Балару, предпринявшему в 1975 г. тщательное обследование архивного фонда *Notai ignoti*, посчастливилось найти недостающие листы рукописи (л. VI–LXXI). Это позволило восстановить – правда, с отдельными лакунами[86] – деятельность Антонио ди Понцо с момента его отплытия из Генуи в начале апреля 1360 г. до конца октября того же года, когда он уже третий месяц оформлял сделки в Килие. Обзор и частичный анализ содержания обнаруженных актов М. Балар изложил в специальной статье[87], а затем подготовил их издание[88].

Таким образом, на сегодняшний день в распоряжении исследователей имеются 222 акта генуэзского нотария из Килии Антонио ди Понцо за период с 11 августа 1360 и по 12 мая 1361 г. Бóльшая часть актов лишь недавно ведена в научный оборот и еще недостаточно изучена[89]. Из них можно почерпнуть сведения о составе населения и административном устройстве фактории, номенклатуре ввозимых и вывозимых товаров, характере и размахе торговых связей Килии с другими итальянскими колониями на Черном море.

Нотариальные акты Антонио ди Понцо дают некоторое представление о соотношении дошедших до нас и действительно существовавших документальных актовых материалов. Картулярий Антонио ди Понцо составляет лишь незначительную (в количественном отношении) часть документации генуэзской фактории в Килие. В его актах упомянуты

еще 12 итальянских нотариев, об одном из которых можно с полной уверенностью сказать, что он в 1360–1361 гг. оформлял сделки в Килие. Это Бернабо де Карпина, одно время также исполнявший обязанности консула Генуи в Килие (B 18–20, 42, 43, 51, 95, 97; P 1, 5, 9, 13, 21, 31, 40, 45, 53, 54). Остальные 11 нотариев, насколько можно судить по имеющимся о них в актах данным, могли составлять акты как в Килие, так и в Пере[90]. Следует также отметить, что нотариальные акты не дают полной информации о количестве заключенных сделок, поскольку фиксируют лишь их часть – те, которые были связаны со ссудными операциями. Когда же расчет между контрагентами производился наличными, никаких нотариальных документов не составляли.

Из 423 лиц, упомянутых в актах, 83 – это жители города (*habitatores et burgenses Chili*). Среди них выделяется, прежде всего, группа итальянских торговцев, прибывших из Генуи (5 человек), Венеции (3), из других городов Лигурии, Тосканы, Пьемонта, Эмилии-Романьи (44), а также из генуэзских колоний в Константинополе (7), Каффе (7), Трапезунде (1 человек). Обращает на себя внимание незначительное число лиц из метрополии, причем трое из них являются генуэзскими консулами в Килие и только двое могут быть названы торговцами – Доминико Карефиго и Никколо Кастанья. Первый был совладельцем судна "Св. Юлиан", заключал сделки с местными армянами, выступал свидетелем при оформлении сделок и поручителем по делам живших в Килие итальянцев (P 50, 54–57). Никколо Кастанья в актах с августа 1360 г. по начало мая 1361 г. фигурирует как генуэзец (*civis Ianue*), и только в акте от 2 мая 1361 г. он назван жителем Килии (P 56). Он все время выступает в качестве свидетеля (B 13, 73, 104; P 44, 48, 56, 64, 66, 68) или переводчика (P 67), что было типичным для лица, подвизавшегося в сфере торговли в средние века.

Во главе генуэзской колонии в Килие стоял присланный Генуэзской республикой консул. В 1360 г. им являлся Антонио де Кастро (B 23, 24, 43, 45, 46, 91–93), которого сменил Никколо Бранкалеоно (B 43, 45, 47, 96), а в 1361 г. эти обязанности исполнял Бернабо де Карпина, один из нотариев в Килие (P 21, 31, 40, 53). Консул имел небольшой двор, состоявший из счетовода (P 45), посыльного (P 9), секретаря суда (B 49, 50) и нескольких арбалетчиков (P 31, 33, 34). По сравнению с другими генуэзскими колониями на Черном море административный аппарат Килии был не очень развитым, но по своей организации принципиально от них не отличался[91]. Консул отправлял правосудие, выступал доверенным лицом итальянских торговцев и свидетелем при заключении сделок, а также вел торговые дела в качестве частного лица.

В административном отношении фактория в Килие подчинялась не непосредственно Генуе или Каффе, крупнейшей генуэзской колонии на Черном море, а, по-видимому, константинопольской Пере. Во всяком случае, когда Антонио де Кастро счел положение в Килие небезопасным, то он поставил об этом в известность генуэзского представителя в

Пере, у которого просил указаний относительно своих дальнейших действий (B 46). Из числа жителей Перы в какой-то мере пополнялся административный аппарат фактории в Килие: так, счетовод Космаэле де Крессино фигурирует в документах как резидент Перы – *burgensis et habitator Peyre* (B 13, 103, 104; P 78–80, 98).

Кроме итальянцев, в Килие постоянно жили армяне и греки. В число клиентов Антонио ди Понцо попал и один проживавший в городе венгр Ягоп – *Yagop de Ungaria, habitator Chili*, который заключил сделку с местным армянином на поставку тому воска (B 122).

Состав торговцев, посещавших Килию в 1360–1361 гг., был довольно пестрым как в географическом, так и в национальном отношении. Торговые операции в Килие осуществляли купцы из Генуи (89 человек), Венеции (4) и других итальянских городов (74), из Перы (80) и Константинополя (22), из Каффы (15), Монкастро (8), Симиссо (6), Керасунта (4), Трапезунда (3), Адрианополя (2), из Созопола, Несебра, Никополя, Вичины (по 1 человеку).

Если среди жителей Килии доля генуэзцев была невелика, то в транзитной торговле они численно преобладали, хотя и незначительно, над другими купцами Средиземноморья и торговцами из Перы. Среди генуэзцев, прибывших в Килию в 1360–1361 гг., были члены крупных семей, связанных с восточной торговлей: Спинола (7 человек), Марочелли (6), ди Негро (5), Гизольфи, Каттанео, де Мари (по 4 человека), Леркари (2), Ломеллино, Сальваго (по одному). Однако если этот перечень сравнить с аналогичными данными по Пере и Каффе, то обнаружится большая разница. Во-первых, члены крупных семей в Килие менее многочисленны: нет представителей Дориа, Заккариа, Адорно и др.[92] Во-вторых, из них только один Джаното Гизольфи являлся жителем Килии (P 46), а остальные прибывали в район Нижнего Подунавья для совершения одной – двух торговых операций.

Из итальянских колоний на Черном море наиболее тесные связи с Килией поддерживали купцы Перы. На их долю приходились около 55% всех побывавших там торговцев, тогда как на долю Каффы – лишь 10 %. Что касается национального состава черноморских купцов, торговавших с Килией, то в генуэзских колониях Перы, Каффы и Монкастро торговля с Килией находилась в руках итальянцев, а с Константинополем, малоазийским побережьем и Западным Причерноморьем Килия была связана главным образом посредством греков. В торговых операциях участвовали также татары (8 человек) и армяне (2).

Купцы разных народностей, торговавшие в Килие, пользовались в общении услугами переводчиков. В документах Антонио ди Понцо упоминаются два десятка человек, выполнявших переводческие функции. Для некоторых из них – судя по именам итальянцев и греков – это было основным родом деятельности, поскольку они фигурируют только как переводчики – *interpretantes* (P 22, 63, 85, 88, 94, 97). Переводчиками часто являлись и цензарии (*censarii*), осуществлявшие контроль над

торговой деятельностью и взысканием налогов (B 22, 56, 74, 75, 102, 115, 122; P 8, 12, 13, 17, 18, 24, 25, 41, 46, 47, 58–60, 71, 83, 97), а также банкиры Лауренсио и Франческо Бустарино (B 116, 117, 121). Наконец, среди переводчиков выделяется группа лиц, не связанных с административным аппаратом фактории. Это местные ремесленники, время от времени выступавшие в роли переводчиков: портные (B 14–15; P 6, 7, 93), сапожник (P 20) и трактирщик (P 39).

Акты, оформленные Антонио ди Понцо, с юридической точки зрения весьма разнообразны, а по своему формуляру они в общем ничем не отличаются от документов, характеризующих социально-экономические отношения в итальянских факториях других черноморских городов. Наибольшее количество актов (83) представляют собой так называемые морские займы. Это обычные долговые расписки, специфика которых состоит в том, что возвращение долга связывалось с прибытием судна из-за моря: должник занимал в Килие определенную сумму денег и брал на себя обязательство возвратить ее в Пере[93] через 6–15 дней после прибытия туда судна, на котором перевозились товары, приобретенные им в Килие. К морским займам примыкали и долговые расписки, согласно которым долг возвращался не деньгами, а товарами, поставленными должником в Килию – воском и медом (14). Восемь актов оформляли фрахт судов для перевозки грузов в Константинополь и города Западного Причерноморья, 12 документов касаются продажи рабов, 16 – продажи имущества (судов, зерна, соли), один документ – продажи недвижимости. 26 актов представляют собой поручительства на ведение дел, 18 – расписки, 11 – свидетельства о предоставлении в кредит денег и сдаче внаем недвижимости, 17 – прочие сделки.

Товары, являвшиеся объектом сделок, позволяют восстановить структуру вывоза из Килии. Основным из них являлось зерно. Практически все морские займы и фрахт судов были связаны с экспортом зерна (91 акт). Если прибавить к ним сделки, оформлявшие продажу зерна (4), то окажется, что почти половина сделок, заключенных в Килие осенью 1360 – весной 1361 гг., так или иначе связана с зерном (43%). Не во всех актах о морских займах сказано, что в Перу транспортировалось именно зерно. Характер товаров указан примерно в каждом третьем из них. Это обстоятельство тем не менее не мешает считать, что и в тех актах, где о характере груза ничего не говорится, речь идет о зерне. Во-первых, из 32 документов, где обозначен характер груза, в 31 предметом вывоза являлось зерно и лишь в одном – воск. Во-вторых, вывоз зерна в больших количествах из района Нижнего Подунавья отмечен целым рядом других современных источников: документами *Officium Victualium*, учрежденной Генуей для организации снабжения зерном метрополии[94], приходно-расходными книгами Генуи и Каффы[95], дипломатическими материалами[96], трактатом флорентийского экономиста XIV в. Франческо Бальдуччи Пеголотти[97]. За неполных 10 месяцев (с 11 августа 1360 г. по 12 мая 1361 г.) из Килии в Перу было вывезено зерна на

15 345 перперов. Это весьма значительная сумма, равная половине дохода Константинопольской таможни за 1348 г.

Бóльшая часть лиц, занимавшихся скупкой зерна и его вывозом из Килии, – итальянцы из Генуи и ее черноморских колоний, прежде всего из Перы; греки из Константинополя, Адрианополя, Симиссо, Трапезунда, Каффы, Керасунта; армяне из Перы. Итальянцы и греки из Килии фигурируют в актах один – два, редко три раза, так что выделить среди них какую-то группу купцов, более или менее постоянно осуществлявших торговые операции в Килие, не представляется возможным. Этому препятствует и небольшой период, охватываемый сохранившимися актами Антонио ди Понцо. Можно, однако, установить участие нескольких человек в финансировании вывоза зерна в Перу. Это банкир Лукино де Беннама, заключивший сделки с купцами из Перы и Генуи на сумму в 1311 перперов 12 карат (B 54; P 84, 91, 98); лигуриец Гульельмо Даниэле, вложивший за два месяца в сделки с торговцами из Перы и Генуи 1217 перперов 15 карат (B 23, 24, 29, 89, 104); генуэзец Моголо де Камилла, который с 5 по 8 мая 1361 г. приобрел зерна на сумму в 2012 перперов 20 карат, заключив шесть сделок со своими контрагентами в Килие – купцами из Генуи, Перы и Каффы (P 64, 65, 68–70, 75). Менее крупным кредитором был прибывший в Килию из Перы Георгий де Пастурано, который в пять сделок с разными лицами вложил 645 перперов (B 27, 31, 36, 38, 39, 48). Кроме итальянцев, финансированием торговли занимались греки. Так, два купца из Адрианополя с 26 апреля по 10 мая 1361 г. заключили семь сделок, касавшихся вывоза зерна в Перу, на сумму в 1664,5 перпера (P 47, 58, 59, 66, 67, 71, 83).

Погрузка зерна производилась в Килие, в специально отведенном для этого месте – *ad sporzorias Chili, ubi ligna onerantur grano* (B 92; P 26), а также в ряде соседних мест – в Вичине (B 97) и в населенном пункте под названием *Bruschaviza, in territorio Pendavogni*[98] (P 41). В Килие находились амбары для хранения зерна. Их владельцами были генуэзец Лукино Грильо (P 47) и кузнец по имени Сава (P 31). На примере последнего хорошо видно, насколько большое место торговля зерном занимала в экономической жизни города, раз в нее втягивались даже ремесленники. Кузнец Сава был не единственным из ремесленников, кто принимал участие в торговых операциях. С купцами из Перы был связан портной Сегурано Петрела. 22 марта 1361 г. он получил от прибывшего из Перы армянина серебро стоимостью в 26 перперов и обязался вернуть долг после прихода в Перу судна, на которое он погрузил 7 модиев зерна (P 20).

Важной статьей вывоза из Килии, кроме зерна, были воск и мед. Закупку воска в значительной мере монополизировал живший в Килие армянин по имени Саркис. С ним были связаны почти все занимавшиеся поставкой воска обитатели Килии: Никколо Турко (P 12–13), Бенедикто де Рекко (P 14), Андреа Портонарио (P 35), венгр Ягоп (B 122), грек Калеостирион (P 25), а также торговцы из Перы и Генуи (P 19, 56).

Кроме Саркиса, скупкой воска занимались двое генуэзцев, поставщиками которых были проживавшие в Килие греки (Р 8, 39, 46). Воск привозили в кусках, небольшими партиями по 1–3 кантара. Только в двух контрактах речь идет о больших количествах – 5 и 10 кантаров (В 122; Р 12). Вывозом воска из Килии занимались купцы из Перы (В 84). В количественном отношении этот вывоз был сравнительно невелик: в 12 контрактах говорится о поставке 29 кантаров воска, т.е. около 1,4 тонны. Мед, по-видимому, экспортировался в больших количества: в 7 актах упомянуто 121,5 кантара, т.е. около 5,8 тонны (Р 5, 16, 42–44, 49, 53). Крупным скупщиком меда являлся уже упомянутый Саркис, заключавший сделки с итальянцами из Генуи, Пьяченцы и Монкастро (Р 5, 16, 42, 43).

Одним из предметов вывоза была соль. За ней отправлялись в устье Днепра (*ad locum Illicis*), а затем продавали в Килие итальянским торговцам (Р 76, 77).

По актам Антонио ди Понцо структура ввоза в Килию прослеживается не столь отчетливо, как структура вывоза. Тем не менее в отдельных документах содержатся упоминания о привозимых в Килию на продажу тканях. Купец из Перы Никколо через своего агента в Килие продал там 12 кусков камлота (В 34). Бартоломео де Лангаско продал 11 кусков камлота, а вырученные деньги вложил в покупку зерна (Р 92). Антипо де Монелья, заключая сделку с одним генуэзцем, дал ему в задаток тканей на сумму 2349 аспров (В 81). Других данных о ввозе тканей в Килию в актах Анонио ди Понцо нет. Однако о том, что именно ткани являлись основной статьей импорта в район Нижнего Подунавья, сохранились свидетельства более раннего источника – нотариальных актов Габриэле де Предоно, оформленных в Пере в 1281 г.[99]

Особую группу составляют документы о купле – продаже рабов. За 10 месяцев Антонио ди Понцо оформил 12 таких актов. Как правило, речь в них идет о продаже рабов монгольского происхождения (В 50, 56; Р 9, 15, 61, 97), но встречаются и рабы-греки (В 41). В одном из актов говорится о продаже раба-русского (*de Rosia*), очевидно, из пленных, так в качестве продавца выступал золотоордынец (В 86). Монголы являлись основными поставщиками рабов на килийский рынок (В 50, 86; Р 9, 15, 97), хотя невольниками торговали и итальянцы (В 17; Р 1, 2, 61), и обитавшие в Килие греки (В 41), и армяне (В 56), и евреи (Р 85). Часть рабов находила сбыт в самой Килие; об этом свидетельствуют и распространенная среди жителей города практика передачи рабов в залог (В 122; Р 39, 43), и акт о покупке рабыни городским нотарием Бернабо де Карпина (Р 9). Прямых данных о вывозе рабов из Килии в актах Антонио ди Понцо нет. Однако можно с уверенностью сказать, что какое-то число рабов предназначалось для последующей продажи в Италии и Пере, ибо подавляющее большинство лиц, приобретавших рабов в Килие, были итальянцы из Генуи (В 17, 50, 86; Р 1–2), Венеции (Р 61) и других городов Италии (Р 15), а также итальянские купцы из Перы (В 56; Р 85) и

греки из Константинополя (Р 97). Наличие рабов монгольского и славянского происхождения, вывезенных из черноморских городов, на рынках Средиземноморья и Константинополя подтверждается целым рядом современных документов[100]. Что касается доли Килии в общем объеме черноморской работорговли, то она, по-видимому, занимала гораздо более скромное место по сравнению с Каффой и Таной[101].

Акты Антонио ди Понцо, будучи главным источником сведений о посреднической торговле в Килие, содержат тем не менее и некоторые данные о местном ремесле. Часть ремесленников занималась переработкой сельскохозяйственной продукции для потребления внутри города: в актах упомянуты два мельника (Р 10–11, 33–34), мясник (Р 93), сапожник (Р 20), скорняк (Р 39), трое портных (В 14–15; Р 6–7, 20, 93) и два кузнеца (Р 31, 46). В актах отмечены представители ремесленных специальностей, могущих свидетельствовать о развитии в Килие кораблестроения. Это конопатчик (*caleffattus*; Р 3–4, 97) и находившийся некоторое время в городе плотник (*magister axie*) Коста Паскуале из Трапезунда (Р 24). Генуэзский консул Антонио де Кастро, построивший на свои средства небольшое судно "Св. Иоанн", смог сделать это прямо в Килие (В 45). Таковы немногочисленные данные о ремесленном производстве в Килие. Судя по ним, круг ремесленных специальностей охватывал основные отрасли производства, связанные с переработкой сельскохозяйственного сырья для нужд местного потребления, а также обеспечивал развитие кораблестроения и ремонт судов.

Итальянские торговцы, обосновавшиеся в Килие, поддерживали связи с другими городами Северо-Западного Причерноморья – Вичиной на Нижнем Дунае и Монкастро (Аккерман, Белгород-Днестровский) в устье Днестра. Некоторые сведения об этих городах имеются в картулярии Антонио ди Понцо. Данные, относящиеся к Вичине, были рассмотрены выше в соответствующей главе. Здесь же скажем лишь, что Вичина, как и в конце XIII в., по-прежнему оставалась местом вывоза зерна, однако ее ведущая роль как экспортного центра, к середине XIV в., по-видимому, перешла к Килие[102].

Что касается Монкастро, то, в отличие от Килии и Вичины, количество итальянских купцов в этом городе было невелико. Вряд ли там даже существовала постоянная фактория, имевшая собственную администрацию: ни в актах Антонио ди Понцо, ни в других источниках[103] не сохранилось каких-либо свидетельств о наличии в Монкастро генуэзских должностных лиц. Жители Монкастро – итальянцы и греки – по преимуществу занимались перевозкой зерна в Перу, ведя дела совместно с купцами из Килии и Константинополя (Р 32). Один из обитателей Монкастро являлся поставщиком меда в Килию (Р 16). Как и в Килие, в Монкастро существовал рынок рабов. Упомянутый в актах золотоордынец из Монкастро продавал в Килии рабыню (В 50). О том, что из Монкастро вывозили рабов, говорится еще в одном документе: одна

гречанка, продавая в Килие свою рабыню, заявила, что последняя была привезена туда из Монкастро (В 41).

Немногочисленные сведения о Вичине и Монкастро, содержащиеся в нотариальных актах Килии, свидетельствуют о том, что расположенные в Северо-Западном Причерноморье генуэзские фактории были сравнительно слабо связаны между собой. Почти все осуществлявшиеся в них торговые операции были ориентированы на экспорт сельскохозяйственной продукции в Перу, откуда обратным потоком поступали ремесленные изделия, прежде всего ткани. Доминирующее положение Перы в торговле на Нижнем Дунае связано с тем, что этот район длительное время, вплоть до начала XIV в., а возможно, и позже входил в сферу влияния Византии[104]. Традиционные связи с Византией обусловило и присутствие большого числа греческих торговцев в Килие по сравнению с Перой, где они были не столь широко представлены[105]. В отличие от Константинополя и Крыма, торговля с которыми находилась в руках крупных итальянских купцов, ведущих широкую международную торговлю, Килия была полем деятельности более мелких итальянских торговцев, а также греков из различных причерноморских городов.

Примечания

[1] Подробный очерк истории Новой Килии см.: *Iorga N.* Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albă. Buc., 1899.

[2] *Петреску И.Г.* Дельта Дуная: Происхождение и развитие. М., 1963; *Brătescu C.* Delta Dunării: Geneza şi evoluţia morfologică şi cronologică // *Brătescu C.* Opere alese. Buc., 1967. T. I. P. 77–111; *Todorova E.* Au sujet de la géographie historique du delta danubien // EB. 1986. N 1. P. 57–67.

[3] *Константин.* С. 50–51.

[4] *Анна Комнина.* С. 206.

[5] *Motzo B.R.* Il Compasso da Navigare: Opera italiana della metà del secolo XIII. Cagliari, 1947. P. 131 (русский перевод отрывка дан ниже, в Приложении). О средневековых портоланах и морских картах см.: *Campbell T.* Portolan Charts // The History of Cartography. Chicago – London, 1987. Vol. 1: Cartography in prehistoric, ancient and medieval Europe and the Mediterranean / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. P. 371–461.

[6] *Delatte A.* Les Portulans grecs. Bruxelles, 1947. T. 1. P. 232. См. также перевод отрывка на болгарский (*Димитров Б.* Българските пристанища в XIII и XIV в. според два средновековни портолана // Археология. София, 1979. Кн. 1. С. 23) и румынский язык: *Năsturel P.Şt.* Aşezarea oraşului Vicina şi ţărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec // SCIV. 1957. T. VIII. Nr. 1–4. P. 297.

[7] *Năstase Gh.I.* "Peuce": Contribuţii la cunoaşterea geografică-fizică şi omenească a Deltei Dunării în antichitate // Buletinul Societăţii române de geografie. 1932. T. 51. P. 8–47; *Ştefănescu C.-M.* Două toponime majore din regiunea gurilor Dunării: Chilia

şi Sfîntul Gheorghe // Comunicările de geografie şi istorie. Sesiunea ştiinţifică din oct. 1971. Constanţa, 1971. T. II. P. 117–118.

[8] *Brătescu C* Dobrogea din sec. XII: Bergean, Paristrion. Pagini de geografie medievală // Analele Dobrogei. 1920. T. I. P. 26–27. Обзор античных источников, упоминающих об острове Ахилла в Северо-Западном Причерноморье, см.. *Подосинов А В* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий. М., 1985. С. 243–245, *Агбунов М В* Загадки Понта Эвксинского (Античная география Северо-Западного Причерноморья). М., 1985. С. 19–32; *Он же* Античная лоция Черного моря. М., 1987. С. 134–142.

[9] *Никонов В А* Краткий топонимический словарь. М., 1966. С. 190.

[10] *Iorga N* Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albă. P. 31–32; *Iordan I* Toponimea românească. Buc., 1963. P. 233, *Iliescu O* Contribuţii numismatice la localizarea Chiliei bizantine // SCIVA. 1978. T. XXIX. N 2. P. 207; *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо // Градове, I. С. 228; *Deletant D* Genoese, Tatars and Rumanians at the Mouth of the Danube in the Fourteenth Century // SEER. 1984. T. 62. N 4. P. 519; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб, 1996. Т. 2. С. 222.

[11] *Stănescu E* Denumirile bizantine ale regiunii de la Dunărea de Jos în secolele X–XII şi sensul lor istoric // SCIV. 1968. T. XIX. N 3. P 469–491; *Тъпкова-Заимова В* Долни Дунав – гранична зона на византийския запад: Към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. София, 1976.

[12] *Arhweiler H* Byzance et la Mer. La marine de guerre. La politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècle. Paris, 1966. P. 57, 87–90, 101. Ср.: *Тъпкова-Заимова В* Долни Дунав. С. 39–40.

[13] *Iliescu O* A la recherche de Chilia byzantine // RESEE. 1978. T. XVI. N 2. P. 234, *Idem* Contribuţii numismatice la localizarea Chiliei bizantine // SCIVA. 1978. T. XXIX. N 2. P. 203–213.

[14] Библиографию см.: *Коновалова И Г* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 30–31, 68–71.

[15] *Al-Idrisi* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E.Cerulli et alt.; Una cum aliis ed. A Bombaci et alt Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 908–909. О локализации фигурирующих во фрагменте географических названий см.: *Коновалова И Г* Восточная Европа. С. 153–155.

[16] *Miller K* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Landerkarten. Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 55.

[17] Историографию см : *Baraschi S* Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha in den schriftlichen Quellen des XI. bis XIV. Jahrhunderts // Dacoromania. 1977–1978. Bd. 4 S. 34 Утверждение Б.А. Рыбакова о локализации Аклибы в Белгороде-Днестровском (*Рыбаков Б А* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 18) основывалось на недоразумении. Во французском переводе сочинения ал-Идриси, которым пользовался Б.А. Рыбаков, расстояние от Аклибы до устья Днестра ошибочно указано не в один день плавания, а в одну милю (La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d' après deux

manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert P., 1840 T. II. P 395), откуда поневоле напрашивалось отождествление Аклибы с Белгородом на Днестре.

[18] *Tomaschek W* Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II: Die Handelswege im 12 Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi // SBAW. Philos.-hist. Cl. 1887. Bd. 113. S. 308).

[19] Подробнее см.: *Коновалова И Г* Восточная Европа. С. 161–168.

[20] *Al-Idrisi* Opus geographicum. P 958; *Miller K* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 66.

[21] *Al-Idrisi* Opus geographicum. P. 276, 301, 303; *Miller K* Mappae arabicae Bd. VI. Taf. 22. На наличие трех одноименных городов у ал-Идриси первым обратил внимание К.Чиходару, ограничившийся, впрочем, лишь констатацией этого факта (*Cihodaru C* Litoralul de apus al Mării Negre şi cursul inferior al Dunării în cartografia medievală (sec. XII–XIV) // Studii. 1968. N 2. P. 220). Любопытно, что, по наблюдениям ученых-топонимистов, "некоторые топонимы Северной Африки перекликаются с топонимами юга Европейской части СССР, а те, в свою очередь, с топонимами Сибири и даже Северной Америки. Случайные ли это совпадения или следы былых этнических контактов – вопрос, на который мы пока затрудняемся ответить." (*Суперанская А В* Что такое топонимика? М., 1985. С. 14).

[21] *Pellegrin A* Essai sur les noms de lieux d'Algérie et de Tunisie: Etymologie, signification. Tunis, 1949. P. 132–133.

[22] Утверждение Б.А. Рыбакова о том, что приведенная ал-Идриси форма топонима восходит к печенежскому или половецкому названию Белгорода (*Рыбаков Б А* Русские земли. С. 18), непосредственно вытекает из принятого им ошибочного отождествления города с поселением на месте Белгорода-Днестровского. При этом, выделив в арабском наименовании начальный слог *ак-* и приняв его за тюркское слово со значением "белый", Б.А. Рыбаков оставил без всякого объяснения вторую часть наименования города. Кроме того, зафиксированное в источниках с начала XIV в тюркское название Белгорода-Днестровского звучало иначе – Аккерман (см.: *Decei A* Ak-Kirman // EI^2. T. I. P. 310–311).

[23] *Al-Idrisi* Opus geographicum. P. 303

[24] *Йакут* Му'джам ал-булдан. Бейрут, 1955. Т. 1. Вып. 2. С. 237 (араб. яз.).

[25] Подробнее см : *Коновалова И Г* Восточная Европа. С. 187–188.

[26] *Arhweiler H* Byzance et la Mer. P. 57.

[27] Ibid. P. 87–90; *Florescu R., Ciobanu R.* Problema stăpînirii bizantine în nordul Dobrogei în sec. IX–XI // Pontica. 1972. T. V. P 381 sq.; *Iliescu O* Localizarea vechiului Licostomo // Studii. 1972 N 3. P 439, 453.

[28] Например, о Ликостомо, находившемся близ Лариссы, упоминает Анна Комнина (*Анна Комнина* С. 167; см. также прим. 541 на с. 507).

[29] *Тъпкова-Заимова В* Долни Дунав. С. 39–40; *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо. С. 236

[30] Об этимологии названия см : *Lozovan E* La toponymie roumaine dans les cartes et les portulans italiens // Revue internationale d'onomastique. 1961. T. 13. N 3. P. 189; *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо. С 235.

[31] *Iliescu O.* Localizarea vechiului Licostomo. P. 452–453.

[32] *Năstase Gh.I.* "Peuce". P. 44.

[33] *Raiteri S.* Atti rogati a Licostomo da Domenico da Carignano (1373) e Oberto Grassi da Voltri (1383–1384) // *Balbi G., Raiteri S.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova, 1973. N 6, 9.

[34] Ibid. N 1–9, 11–16.

[35] Nicetae Choniatae Historia / Ed. I. Bekker. Bonn, 1835. P. 401_{20}–402_{3}.

[36] Ibid. P. 453_{18}–454_{16}.

[37] Ephraemii monachi imperatorum et patriarcharum recensus / Ed. I.Bekker. Bonn, 1840. P. 226–227 (vers 5491–5493).

[38] Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Paleologio libri XIII / Ed. I. Bekker. Bonn, 1835. T. I. P. 418–419.

[39] *Iorga N.* Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albă. P. 32 ff.;

[40] *Brătescu C.* Dobrogea din sec. XII. P. 26–27; *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Buc., 1978. P. 108–113 (там же библиография на с. 109, прим. 525).

[41] См.: Anna. X, 5; Анна Комнина. С. 274, 557 (коммент. 963).

[42] *Bănescu N.* Chilia (Licostomo) und das bythinische Χηλή // BZ. 1928. Bd. XXVIII. S. 68–72; *Idem.* Ein Schlüsswort über das bythinische Χηλή // BZ. 1932. Bd. XXXII. S. 334–335.

[43] *Brătianu G.I.* Recherches sur Vicina et Cetatea Alba. Buc., 1935. P. 51; *Iliescu O.* Localizarea vechiului Licostomo. P. 439; *Baraschi S* Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha. S. 34–35, 41.

[44] *Baraschi S.* Les sources byzantines et la localisation de la cité de Kilia (XIIe–XIIIe siècles) // RESEE. 1981. N 3. P. 473–484 (с подробным анализом историографии вопроса).

[45] *Подосинов А.В.* Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 601.

[46] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 280; М., 1998. Т. 2. Стб. 256. О русско-византийских матримониальных связях в XI–XII вв. см.: *Kashdan A.* Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies. 1988/1989. T. 12/13. P. 414–429.

[47] ПСРЛ. Т. 2. Стб. 524; *Татищев В.Н.* Собрание сочинений. М., 1995. Т. III. С. 80; *Бибиков М.В.* Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997. С. 55–66, 133–134 (коммент. 207–209); *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube. P. 99–102.

[48] О Днестре как о пути сообщения в средние века см.: *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia. N.s. 1975. T. XIX. P. 227–242; *Коновалова И.Г.* Днестр – торговая артерия XII–XV вв. // Ежегодный исторический альманах Приднестровья. 1998. № 2. С. 42–46, 120–121.

[49] См., например: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 132–133, 326–327 (прим. 511, 513); *Bănescu N.* Chilia (Licostomo). P. 71–72.

[50] "Армукастру – древний город, [где имеются] высокие здания и постройки с широкими сводами; он отличается большими размерами и низкими ценами [на товары]. Расположен он у подножия красивой горы, выступающей в море." (*Al-Idrisi*. Opus geographicum. P. 897).

[51] *Motzo B.R.* Il Compasso da Navigare. P. 130–131.

[52] Еще два сообщения XIII в., относимые некоторыми исследователями к дунайской Килие (историографию см.: *Baraschi S.* Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha. S. 40–41), на наш взгляд, не могут быть приняты во внимание, поскольку в обоих отсутствуют какие-либо указания на географическое положение отождествляемого с Килией пункта. Первое из них находится в сочинении персидского историка начала XIV в. Рашид ад-дина "Джами' ат-таварих" ("Собрание летописей"); повествуя о походе монголов на Запад в 1241–1242 г., он говорит о захвате ими валашских городов Киркин (Qirqin) и Кила (Qila), отождествляемых соответственно с Тырново и Килией. Второе содержится в нотариальном акте из Генуэзского архива. В нем идет речь об итальянском торговце Симоне Бокканегра, который 17 июня 1288 г. продал в Генуе партию шелка из Килии (seta de Chilea). Причем, как показывает сравнение с другими аналогичными записями в генуэзских документах этого времени, в рассматриваемом нотариальном акте указано не просто место закупки товара – Килия, но и место его производства (*Racine P.* Le marché génois de la soie en 1288 // RESEE. 1970. T. VIII. N 3. P. 405–408, 416.). Как ни соблазнительно было бы отнести данное сообщение к дунайской Килие, приходится все-таки признать, что делать это по меньшей мере преждевременно, поскольку о существовании Килии в это время нет достоверных сведений в других источниках, как их нет и относительно производства шелка в районе Нижнего Подунавья в XIII в., или о том, что этот регион являлся пунктом реэкспорта шелковых тканей с Востока на Запад (*Balard M.* La Romanie génoise (XII – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. T. II. P. 725).

[53] О том, что Дунай при впадении в море образует множество рукавов и островов, упоминает Иоанн, епископ Султанийи (начало XV в.): *Papacostea Ş.* Un călător în Ţările Române la începutul veacului al XV-lea // Studii. 1965. T. 18. N 1. P. 173. См. также: *Năstase Gh.I.* "Peuce". P. 44.

[54] *Miklosich F., Müller J.* Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Viena, 1860. T. I. P. 95.

[55] *Cantemir D.* Hronicul vechimei romano-moldo-vlahilor. Buc., 1901. P. 60.

[56] Историографию см.: *Iliescu O.* Localizarea vechiului Licostomo. P. 436–438.

[57] Историографию см.: *Diaconu P.* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? // RRH. 1986. T. XXV. N 4. P. 301 (n. 3–8).

[58] Ibid. P. 305 (n. 31).

[59] Ibid. P. 301–317.

[60] *Pistarino G.* Notai genovesi in Oltremare: Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361). Genova, 1971; *Balard M.* Gènes et l'Outre-Mer. T. 2: Les Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. Paris, 1980. Подробнее о картулярии Антонио ди Понцо речь пойдет в следующем разделе.

[61] *Iliescu O.* Localizarea vechiului Licostomo. P. 452–453.

[62] *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 304.

[63] Вопросы, связанные с византийским присутствием в районе Нижнего Дуная в XIII в., рассмотрены в специальных работах. *Ников Н* Татаро-българските отношения през средните векове с оглед към царуването на Смилец // ГСУ ИФФ 1919–1920. Т. XV–XVI. С. 10–11; *Laurent V* La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue // RHSEE. 1945 T. XXII P 184–198, *Brătianu G I* Les Roumains au bouches du Danube à l'époque des premiers Paléologues // RHSEE 1945 T XXII P. 199–203, *Theodorescu R.* Roumains et Byzance provinciale dans la civilisation du Bas-Danube au XIIIe siècle // Nouvelles etudes d'histoire. Buc., 1980. V. 1. P. 95–102. См. также: *Атанасов Г* Отново за локализацията на средновековния град Вичина // ИП. 1993. Год. 49 Кн. 3 С. 15.

[64] *Iliescu O* L'hyperpère byzantin au Bas-Danube du XIe au XVe siècle // RESEE 1969 T. VII. N 1. P. 109–118; *Idem.* Tezaurul de perperi bizantini de la Isaccea // SCN 1975 T VI. P. 239–242, *Кузев А* Облучица – Исакча // Градове, I. С. 211, *Oberlander-Târnoveanu E , Mănucu-Adameşteanu G* Monede din secolole XII–XIV descoperite la Nufăru (jud. Tulcea) // Peuce. 1984. T. IX. P. 257–266

[65] *Oberlander-Târnoveanu E şi I* Contribuţii la studiul emisiunilor monetare şi al formaţiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // SCIVA 1981 T. 32. N 1. P. 99; *Oberlander-Târnoveanu E* Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europe at the end of the 13th Century // RRH. 1987 T. XXVI N 3. P. 245–258.

[66] *Motzo B R* Il Compasso da Navigare. P. 130–131.

[67] *Papacostea Ş* Un călător în Ţările Române P. 173

[68] *Motzo B R* Il Compasso da Navigare P 131

[69] *Papacostea Ş* De Vicina à Kilia. Byzantins et Génois aux bouches du Danube au XIVe siècle // RESEE. 1978. T. XVI. N 1. P. 65–79.

[70] *Iliescu O* A la recherche de Chilia byzantine. P. 234, *Idem* Contribuţii numismatice la localizarea Chiliei bizantine. P. 203–213.

[71] Анализ картографического материала см.: *Grămadă N* La Scizia Minore nelle carte nautiche del medio evo Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea // Ephemeris Dacoromana. Roma, 1930 T IV P. 221, 224–227, 243, 245, *Iliescu O* Localizarea vechiului Licostomo. P. 445–451; *Коновалова И Г* Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. Как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983. С. 43; *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P. 302–303.

[72] Здесь и далее все ссылки на акты Антонио ди Понцо даются в тексте, с указанием первой буквы фамилии автора публикации (В – Балар, Р – Пистарино) и номера документа.

[73] *Тихомиров М Н* "Список русских городов дальних и ближних" // *Тихомиров М Н* Русское летописание. М., 1979. С. 94; Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. М., 1976. С. 26, 29–31, 37, 41, 43, 44, 59, 61–63, 66–68, 69, 72, 73, 106, 109, 128. Другие примеры см.: *Iliescu O* Localizarea vechiului Licostomo

P 443–445, *Baraschi S* Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha S 56–61, *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 313–316

[74] *Balard M* Notes sur les Ports du Bas-Danube au XIVe siècle // Sudost-Forschungen 1979 Bd XXXVIII P 4

[75] *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 307–308

[76] См *Balard M* Notes sur les Ports du Bas-Danube au XIVe siècle P 5, *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 308

[77] См *Kahane H e R , Bremner L* Glossario degli antichi portolani italiani Firenze, 1968 P 31, *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 309

[78] Попытка О Илиеску трактовать данный термин как обозначение второстепенных рукавов дунайской дельты встретила справедливые возражения со стороны М Балара и П Дьякону *Balard M* Notes sur les Ports du Bas-Danube au XIVe siècle P 5, *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 309

[79] Обзор соответствующих документов, включая публикацию некоторых из них, а также библиографию см *Iorga N* Notes et extraits pour servir à l histoire des croisades au XVe siècle Paris, 1899 T I P 3, 17–18, 51, *Astaldi G* I Genovezi a Licostomo nel sec XIV // Studi medievali 1972 T XIII P 967–981, *Iliescu O* Localizarea vechiului Licostomo P 443, *Musso G G* Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc XIV–XV) Roma, 1975 P 56–59, *Тодорова Е* Вичина, Килия и Ликостомо С 236–240, *Diaconu P* Kilia et Licostomo ou Kilia = Licostomo? P 313, *Gjuzelev V* Medieval Bulgaria Byzantine Empire Black Sea – Venice – Genoa Villach, 1988 P 334–339 345–349

[80] *Bautier R -H* Notes sur les sources d histoire economique medievale dans les Archives italiennes V Genes // Melanges d'Archeologie et d'Histoire publies par Ecole français de Rome Rome, 1948 T 60 P 187–188

[81] *Iliescu O* Nouvelles éditions d actes notariés instrumentés au XIVe siècle dans les colonies génoises des bouches du Danube Actes de Kilia et de Licostomo // RESEE 1977 T XV N 1 P 115

[82] *Pistarino G* Notai genovesi in Oltremare

[83] *Balard M* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrés International des Etudes byzantines Buc , 1975 T II P 21–32, *Pistarino G* Mercanti del Trecento da Savona al Mar Nero // Studi in memoria di F Melis Napoli, 1978 T 2 P 31–52

[84] *Pistarino G* Notai genovesi P XIV–XV

[85] В акте от 31 марта 1361 г упоминается документ, оформленный Антонио ди Понцо 25 октября 1360 г

[86] Отсутствуют листы рукописи XXXV (акты от 21–22 сентября 1360 г), XXXVIII–LXIII (23 сентября – 15 октября 1360 г), LXXII–LXXV (30 октября – 27 ноября 1360 г), акты № 78, 87, 123 неполные См *Balard M* Gênes et l'Outre-Mer T 2 P 12

[87] *Balard M* Notes sur les ports du Bas-Danube au XIVe siècle P 1–12

[88] *Balard M* Gênes et l'Outre-Mer T 2

[89] Историографию см в наших статьях *Коновалова И Г* Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360–1361 гг) // Известия АН МССР Сер общ наук 1989 № 1 С 14–21, *Она же* Вывоз зерна из портов Северо-

Западного Причерноморья и его значение для экономического развития региона // Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994. С. 108–125.

[90] М. Балар и Дж. Пистарино полагают, что в 1360–1361 гг. в Килие работал, по крайней мере, пятеро из упомянутых Антонио ди Понцо нотариев, но достаточных оснований для такого утверждения, на наш взгляд, в источнике нет (см.: *Balard M.* Gênes et l'Outre-Mer. T. 2. P. 17–18; *Pistarino G.* Notai genovesi. P. XXX).

[91] *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire. P. 29.

[92] Ibid. P. 28; *Balard M.* Notes sur les ports du Bas-Danube au XIVe siècle. P. 10.

[93] Лишь в двух случаях местом уплаты долга является не Пера, а Симиссо (B 118) или один из городов Западного Причерноморья – Несебр, Созопол или Ахтопол (P 63).

[94] *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire. P. 22–23.

[95] Ibid.

[96] *Predelli R.* Diplomatarium Veneto-Levantinum. Venetiis, 1899. P. II. P. 57.

[97] *Pegolotti F.B.* La pratica della mercatura / Ed. A. Evans. Cambridge (Mass.), 1936. P. 42.

[98] По определению О. Илиеску, это Махмудия на рукаве Св. Георгия (см.: *Iliescu O.* Nouvelles éditions d'actes notariés. P. 123).

[99] *Câmpina B.T.* Despre rolul genovezilor la gurile Dunării în secolele XIII–XIV // Studii. 1953. N 1. P. 191–236.

[100] *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire. P. 24; *Verlinden Ch.* Les routes méditerranéennes // Bulletin de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. 1974. N 1. P. 32.

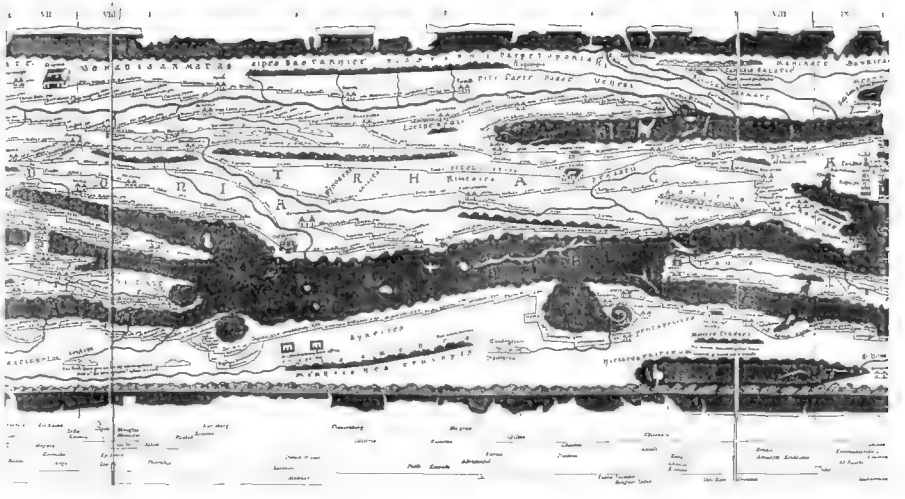
[101] *Verlinden Ch.* La colonie vénetienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au debut du XVe siècle // Studi in onore di G. Luzzato. Milano, 1950. V. 2. P. 1–25.

[102] Подробнее см.: *Papacostea Ş.* De Vicina à Kilia.

[103] *Câmpina B.T.* Despre rolul genovezilor; *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire. P. 31.

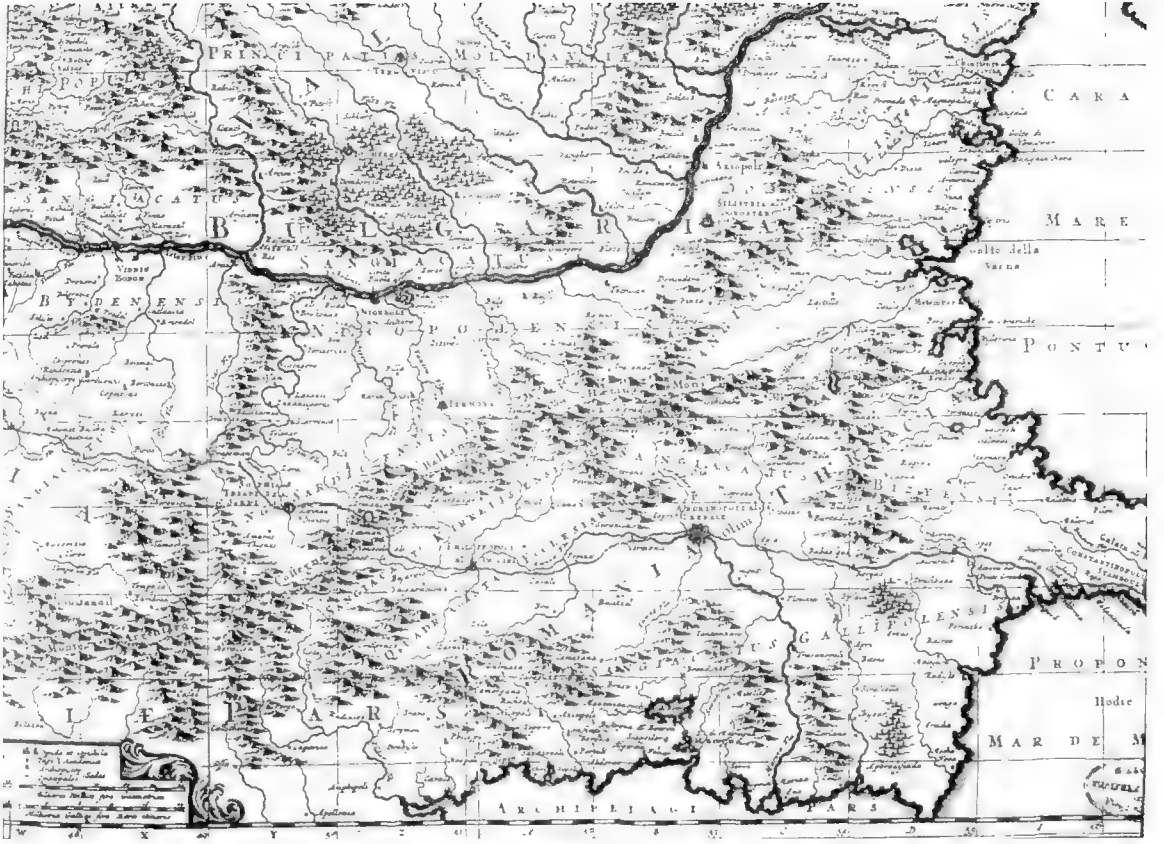
[104] *Theodorescu R.* Roumains et Byzance provinciale dans la civilisation du Bas-Danube au XIIIe siècle // Nouvelles etudes d'histoire. Buc., 1980. V. 1. P. 93–103.

[105] *Balard M.* Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire. P. 29.

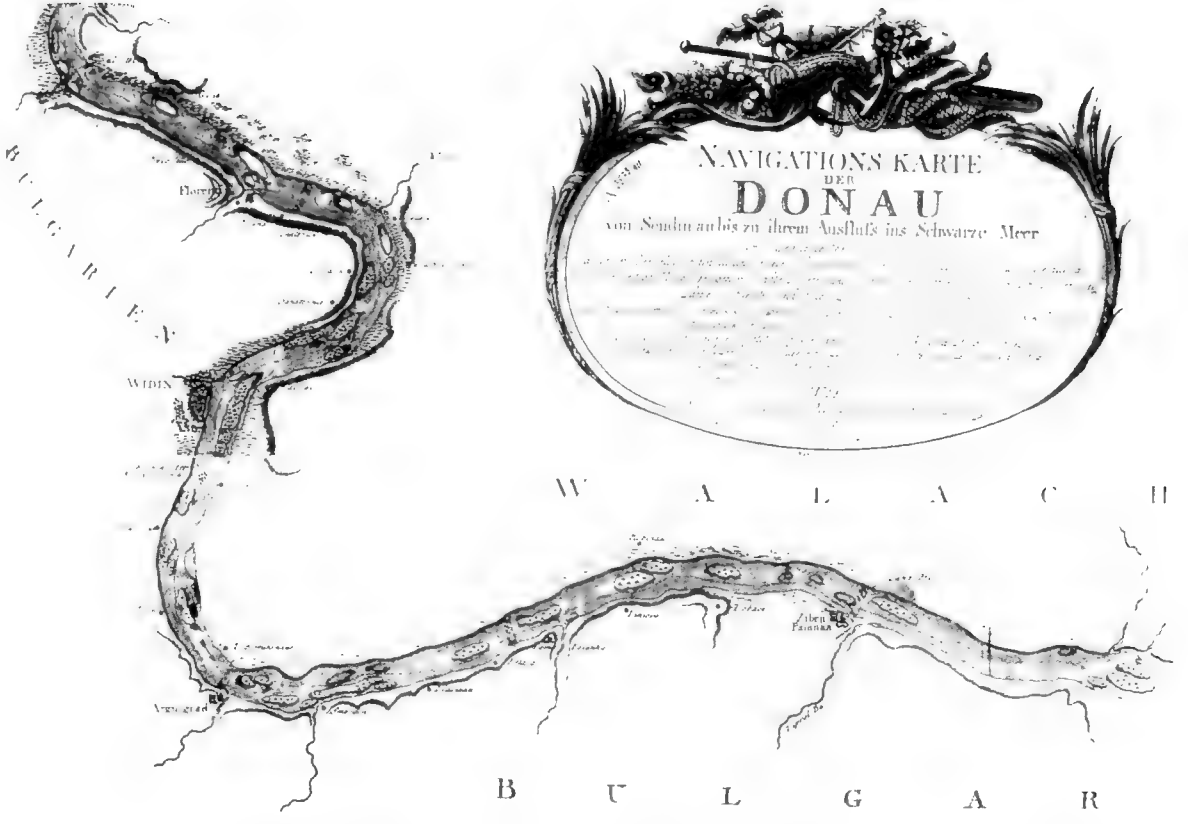


Фрагмент Певтингеровой карты

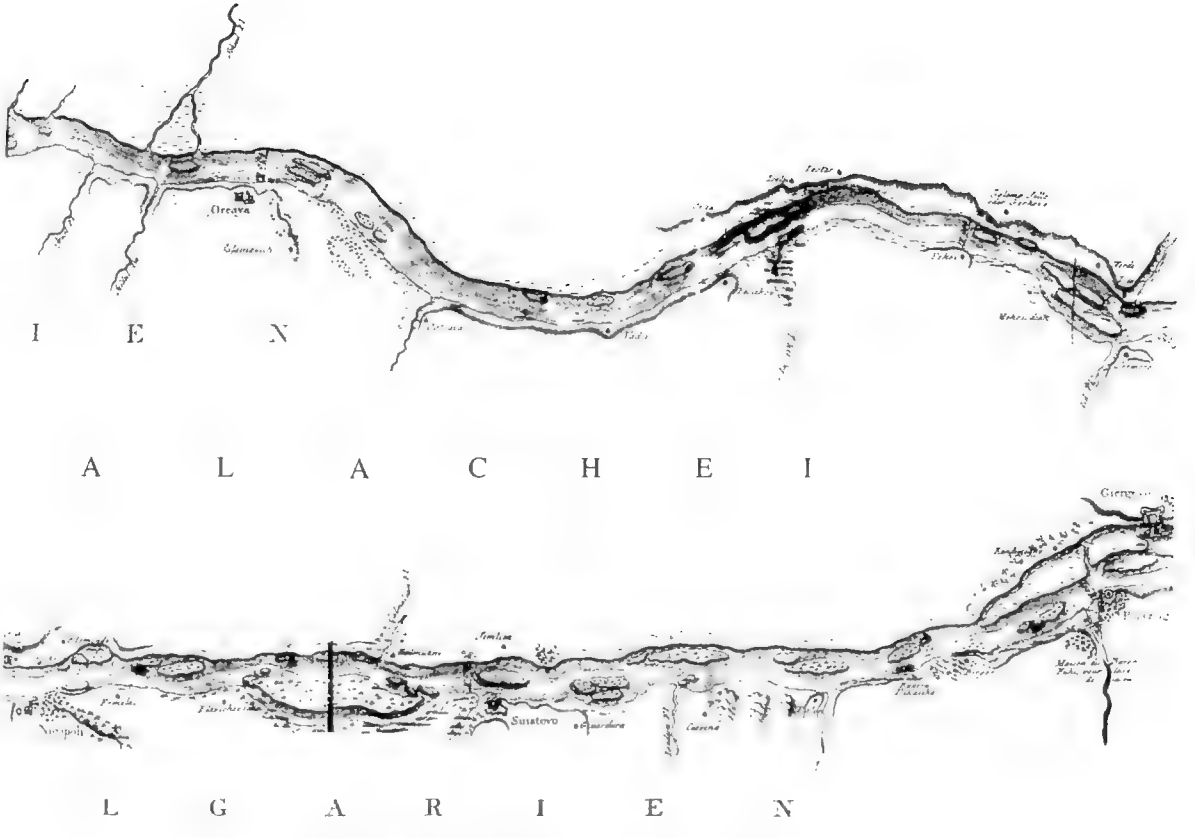
Фрагмент карты Подунавья Н. Сансона (1665 г.)



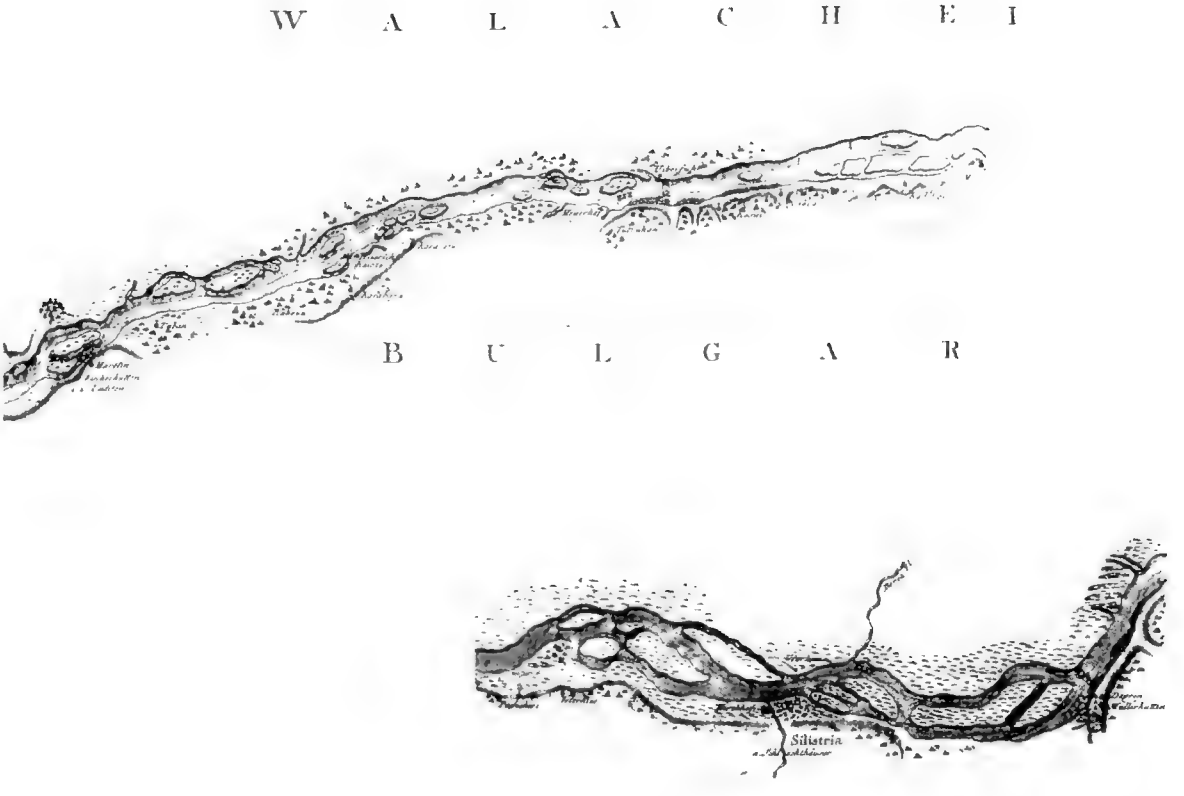
Фрагмент карты бассейна р. Дунай (1741 г.)



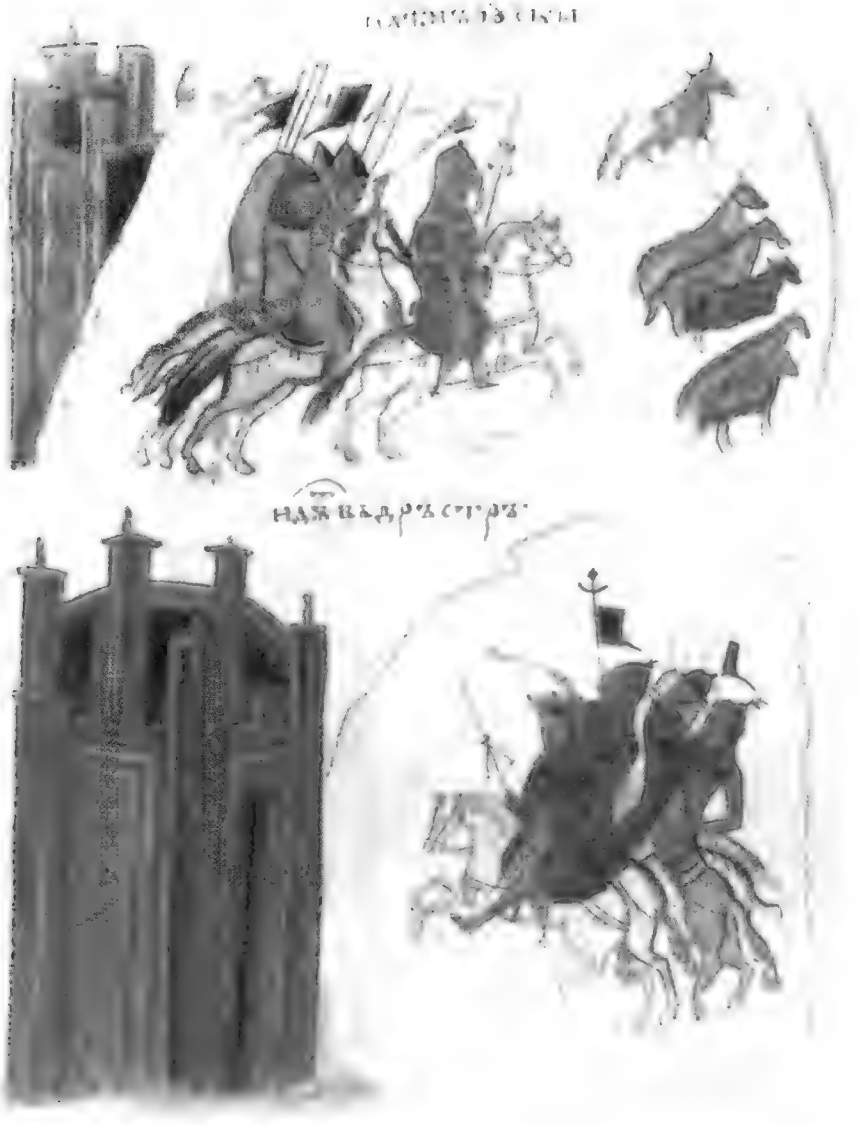
Фрагмент Лоцманской карты р. Дунай (конец XVIII в.)



Фрагмент Лоцманской карты р. Дунай (конец XVIII в.)



Фрагмент Лоцманской карты р. Дунай (конец XVIII в.)

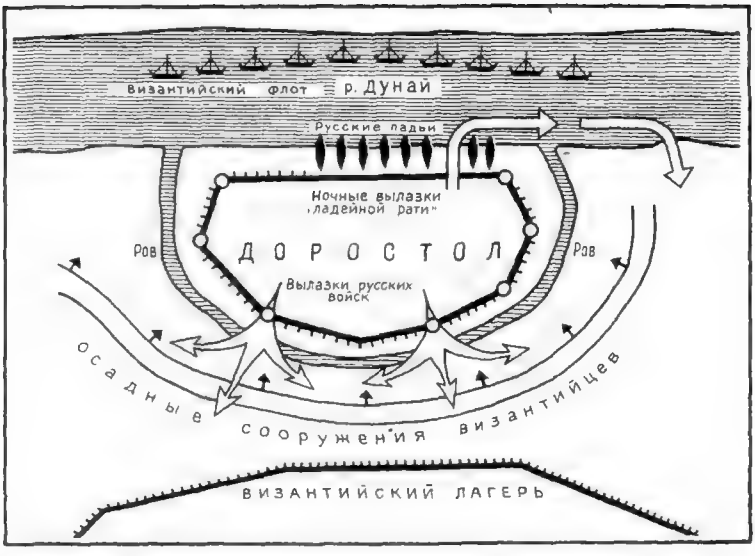


Вход Святослава в Дрестер (Доростол).
Миниатюра из Хроники Константина Манассии XIV в.

Византийский император с вельможами. Греческие послы подносят меч Святославу Игоревичу; Принесение греками даров Святославу. Миниатюры из Радзивиловской летописи XV в.

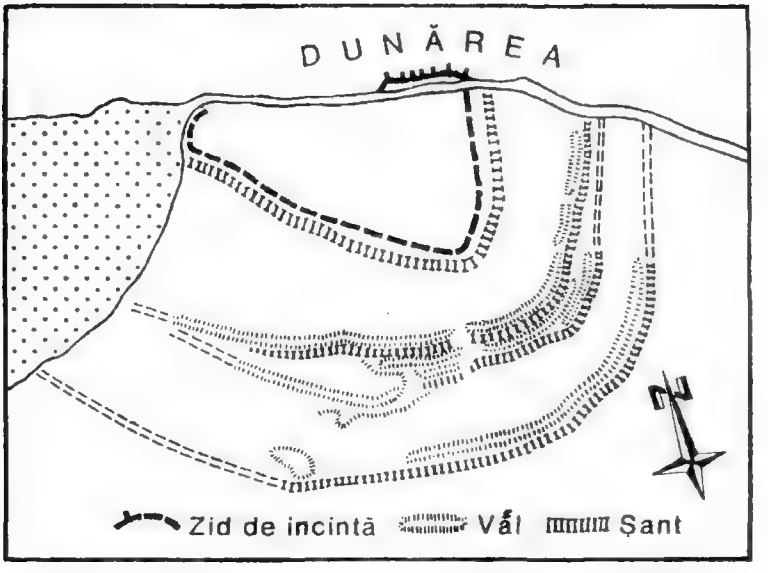
Реконструированные сооружения крепости Шумен

Остатки раскопанного археологами средневекового болгарского города Шумен, в котором в XII в. находилось древнерусское купеческое подворье

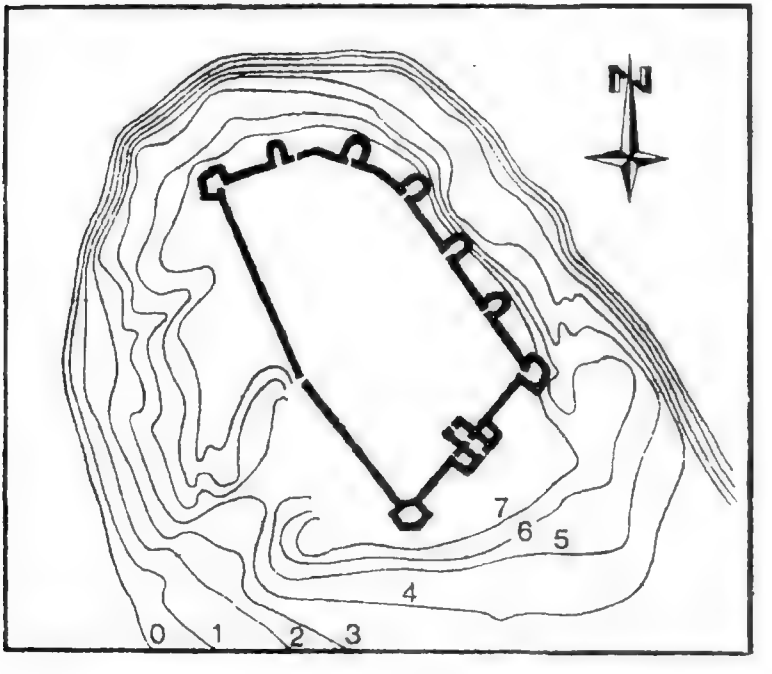


Оборона Доростола от византийцев войском кн. Святослава в 971 г.
Схема (по В.В. Каргалову)

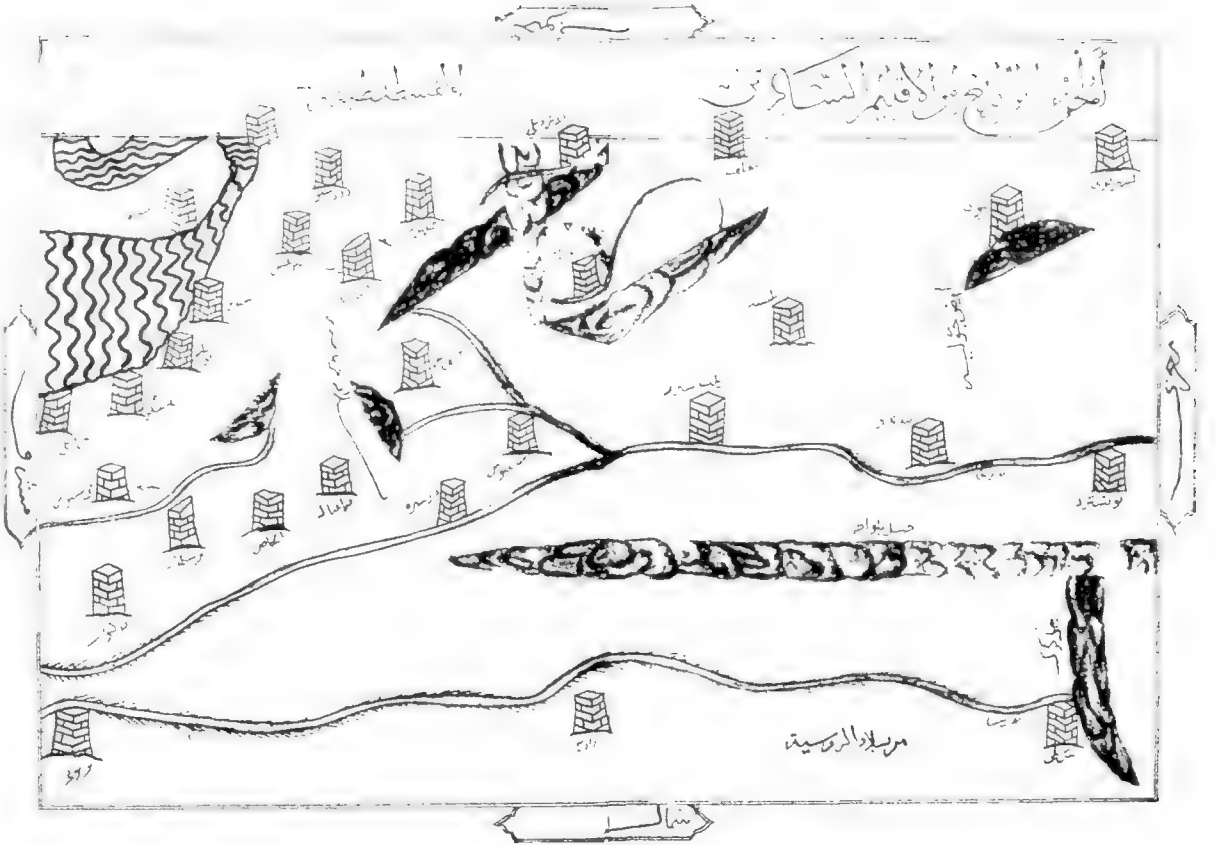
Крепостные стены средневекового Доростола



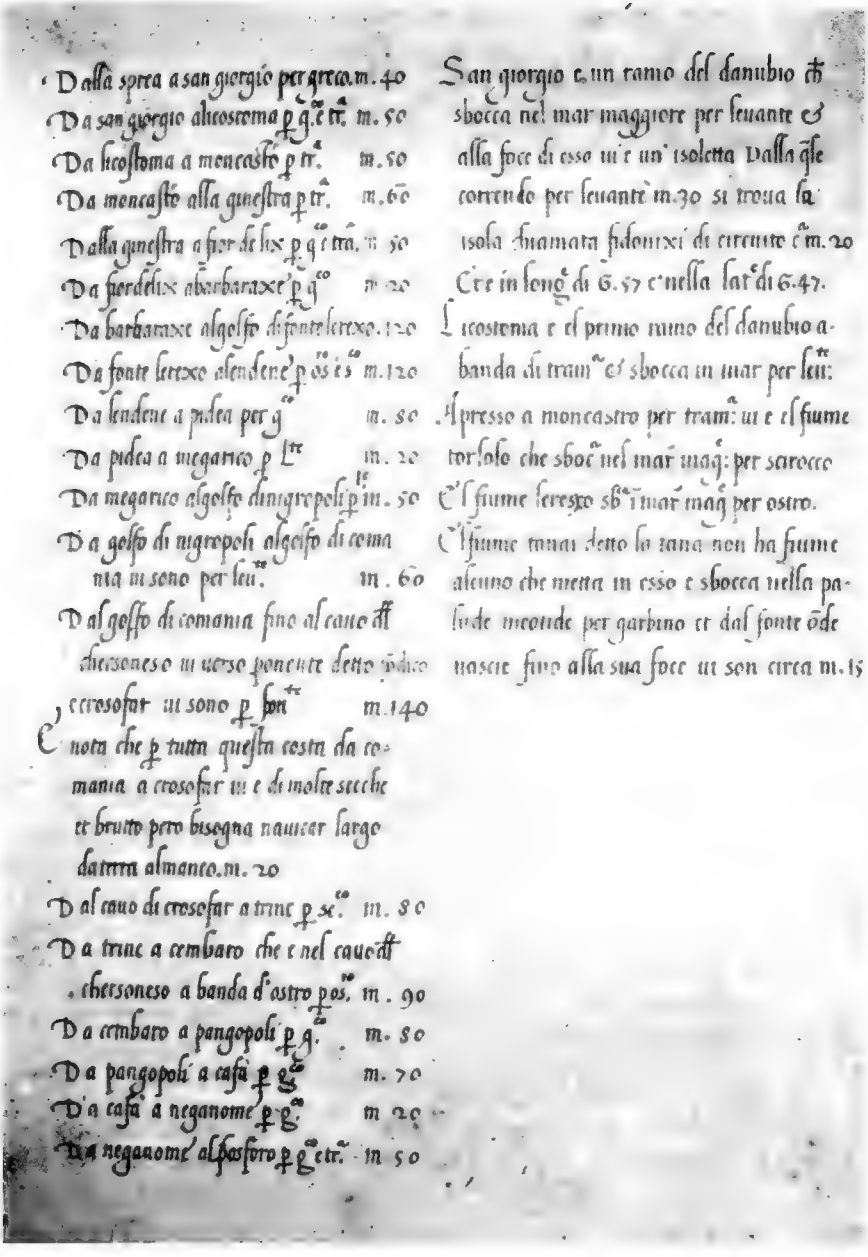
План укреплений средневековой Исакчи - Вичины



План нижнедунайской крепости Гарвэн (Диногеция)



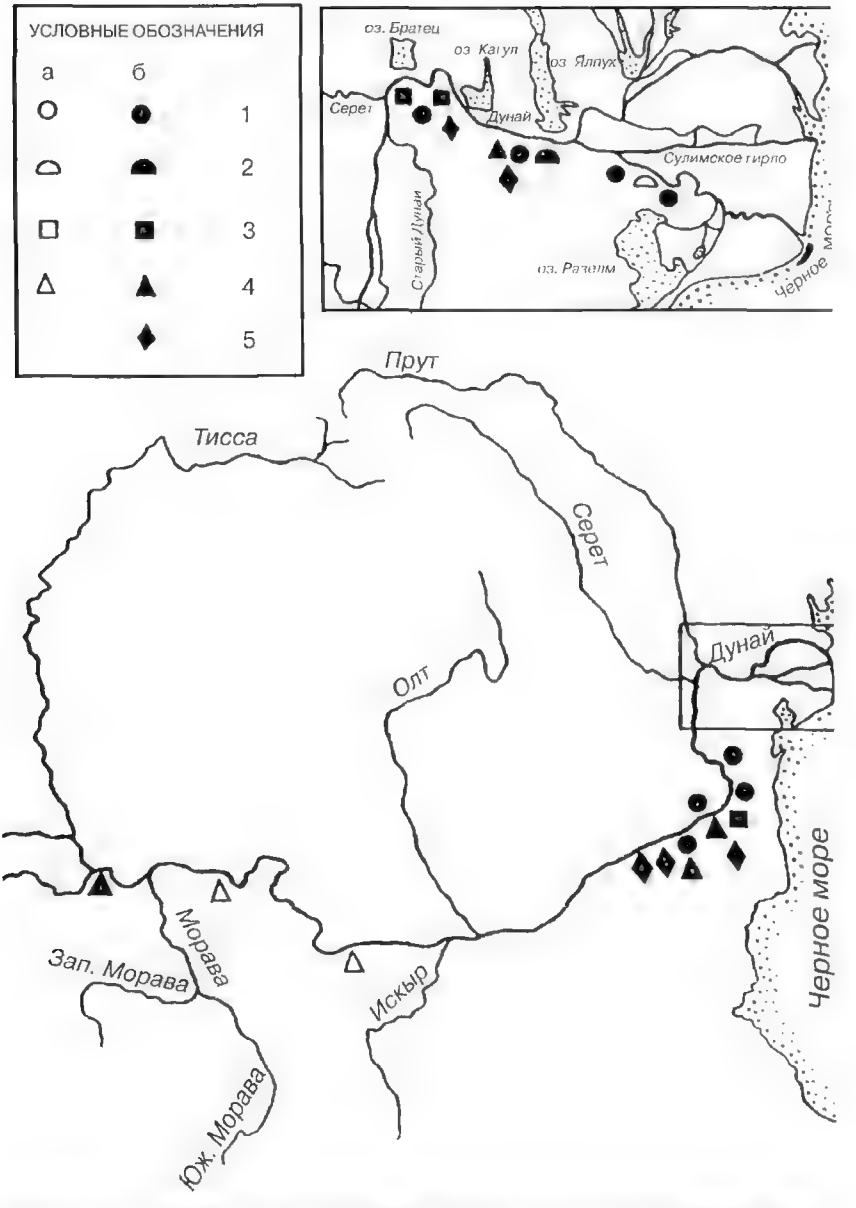
Карта ал-Идриси с изображением Нижнего Подунавья (1154 г.)



Dalla sprea a san giorgio per greco. m. 40
Da san giorgio alicostoma p g.co e tr.a m. 50
Da licostoma a moncastro p tr.a m. 50
Da moncastro alla ginestra p tr.a m. 60
Dalla ginestra a fior de lix p g.co e tra. m. 50
Da fiordelix a barbaraxe p g.co m. 20
Da barbaraxe al golfo di fonte lerexo. 120
Da fonte lerexo a lendene p os.o e s.o m. 120
Da lendene a pidea per g.co m. 80
Da pidea a megarico p l.te m. 20
Da megarico al golfo di nigropoli p l.te m. 50
Da golfo di nigropoli al golfo di comania ui sono per leu.te m. 60
Dal golfo di comania fino al cauo del chersoneso ui uerso ponente detto pondico e crosofar ui sono p fon.te m. 140
E nota che p tutta questa costa da comania a crosofar ui e di molte secche et brutto pero bisogna nauicar largo da terra almanco. m. 20
Dal cauo di crosofar a trine p sc.co m. 80
Da trine a cembaro che e nel cauo del chersoneso a banda d'ostro p os.o m. 90
Da cembaro a pangopoli p g.co m. 80
Da pangopoli a cafa p g.co m. 70
Da cafa a neganome p g.co m. 20
Da neganome al posforo p g.co e tr.a m. 50

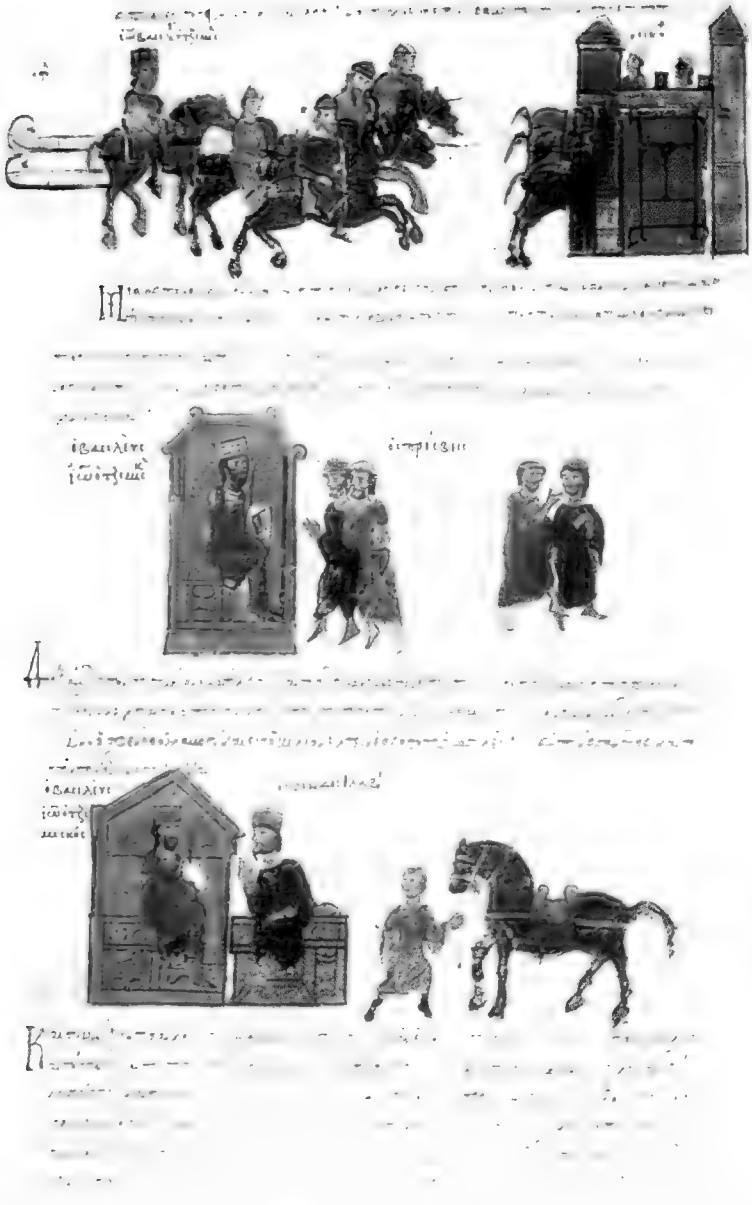
San giorgio e un ramo del danubio che sbocca nel mar maggiore per leuante & alla foce di esso ui e un' isoletta Dalla quale correndo per leuante m. 30 si troua la isola chiamata fidonixi di circuito c.a m. 20
Ce in long.e di G. 57 e nella lat.e di G. 47.
Licostoma e el primo ramo del danubio a banda di tram.a & sbocca in mar per leu.te
Apresso a moncastro per tram.a ui e el fiume torlolo che sboc.a nel mar mag.e per scirocco
El fiume leresxo sb.a i mar mag.e per ostro.
El fiume tanai detto la tana non ha fiume alcuno che metta in esso e sbocca nella palude meotide per garbino et dal fonte onde nascie fino alla sua foce ui son circa m. 15

Фрагмент средневекового итальянского портолана Черного моря
с упоминанием Ликостомо

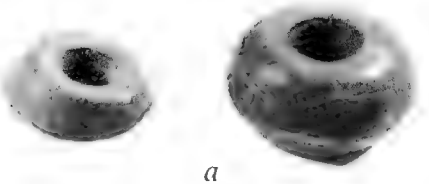


Карта распространения древнерусских импортов по нижнему течению Дуная:

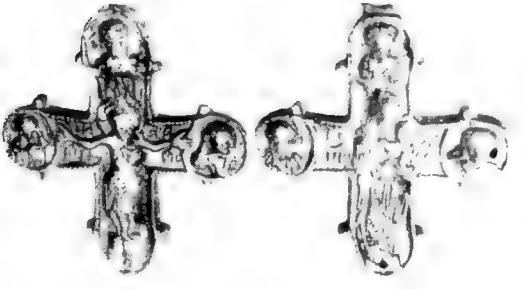
1 – пряслица из овручского шифера; *2* – глиняные яйца-писанки; *3* – висячие трубчатые замки; *4* – кресты-энколпионы; *5* – другие изделия древнерусского ремесла; *а* – единичные находки; *б* – групповые находки



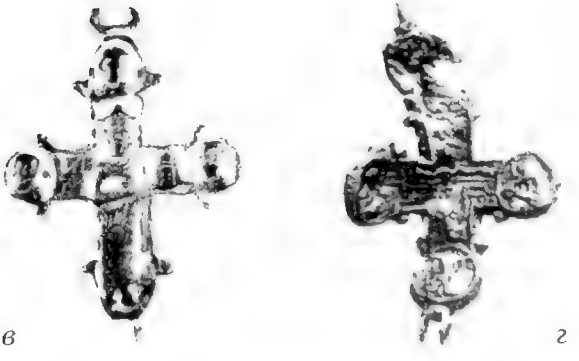
Иоанн Цимисхий преследует войско кн. Святослава у крепости Дристр (вверху);
Послы Святослава у императора Иоанна Цимисхия (в центре);
Встреча Святослава с Иоанном Цимисхием у Доростола (внизу).
Миниатюры к рукописи Иоанна Скилицы
из Мадридской национальной библиотеки



а



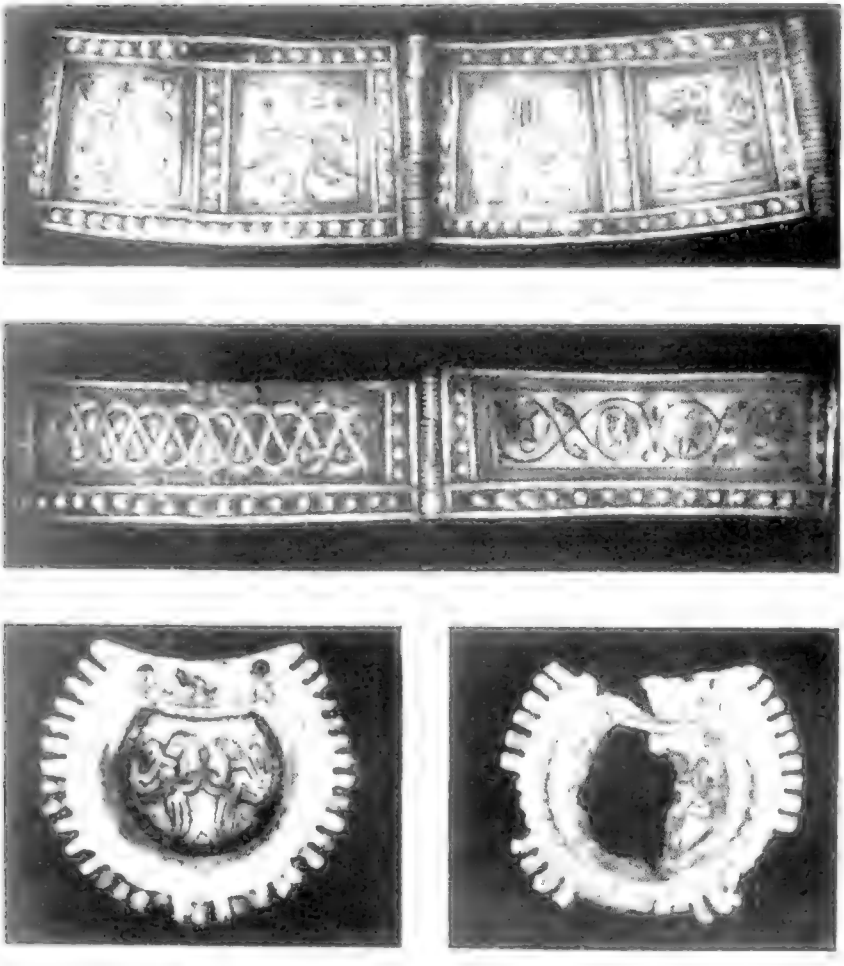
б



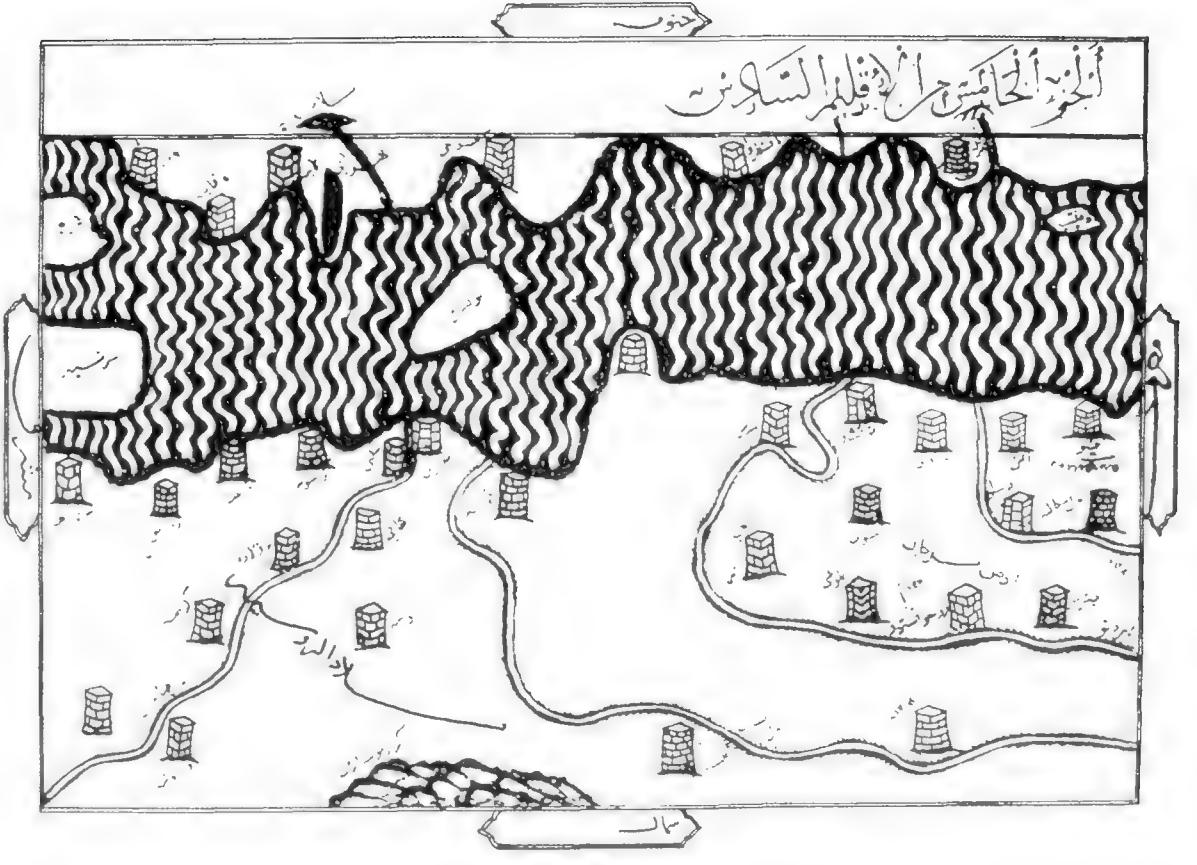
в *г*

Образцы древнерусских ремесленных изделий из Нижнего Подунавья:

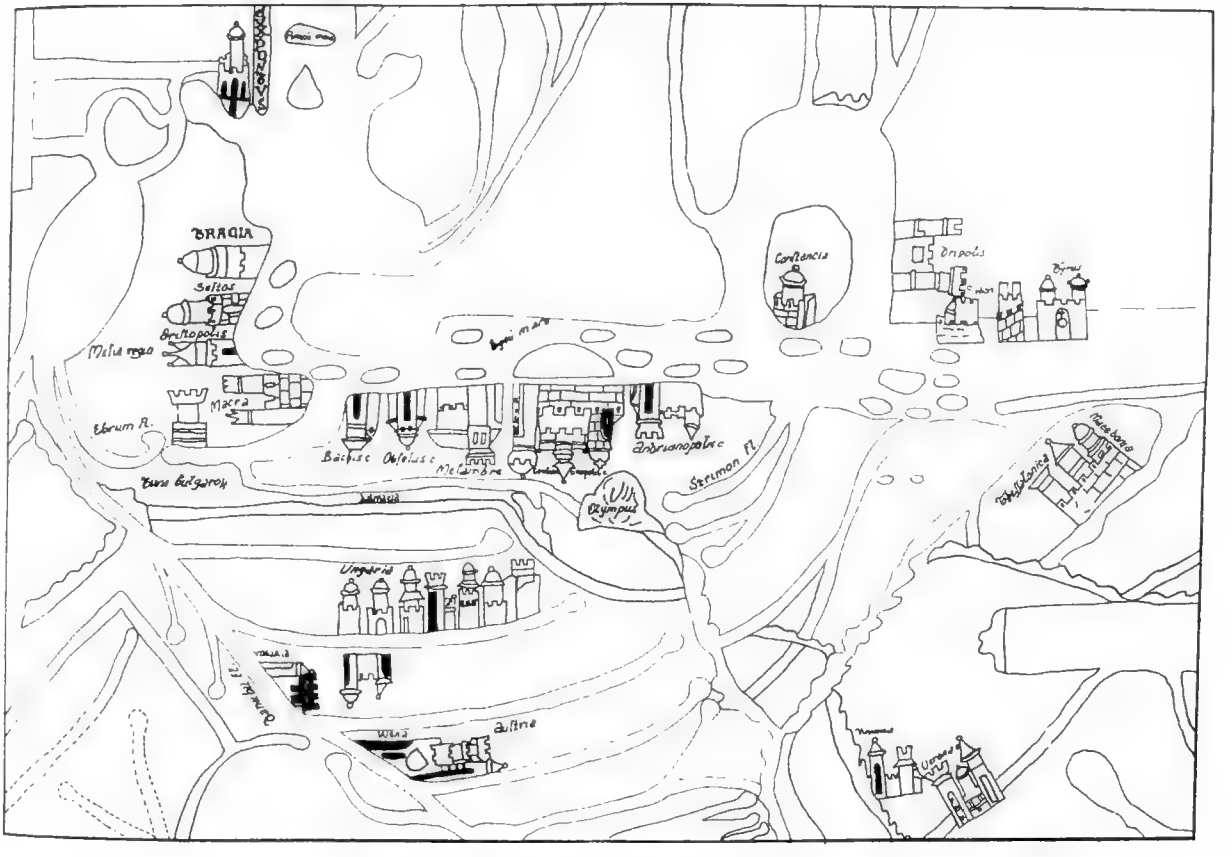
а – овручские пряслица (Силистра); *б* – крест-энколпион XII в. из раскопок болгарской крепости Баба Вида (Видин); *в* - створка энколпиона с изображением Св. Бориса и Глеба из Преслава (кон. XI – нач. XII вв.); *г* – створка энколпиона XIII в. из Пэкуюл-луй-Соаре



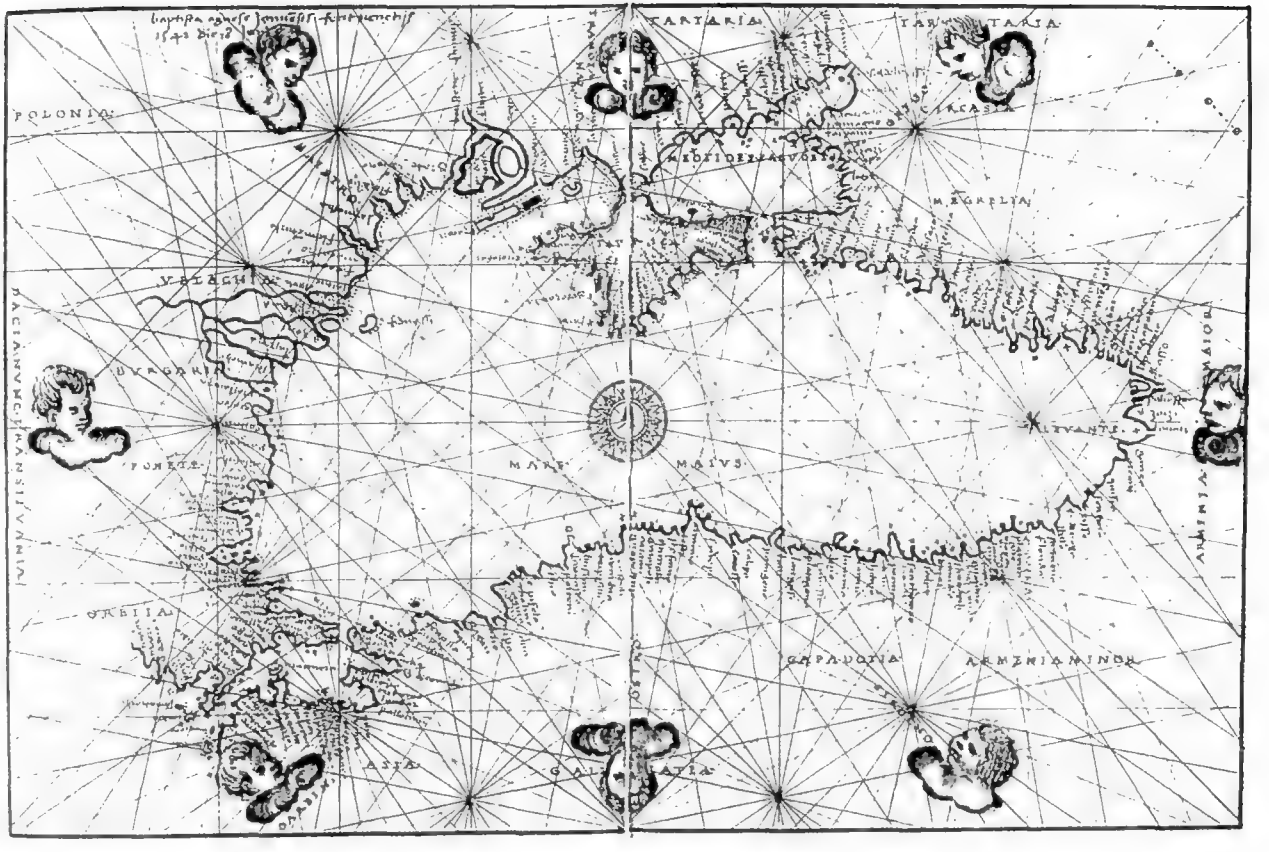
Древнерусские серебряные украшения с чернью из клада XIII в.,
открытого на месте Войнешты-Яссы



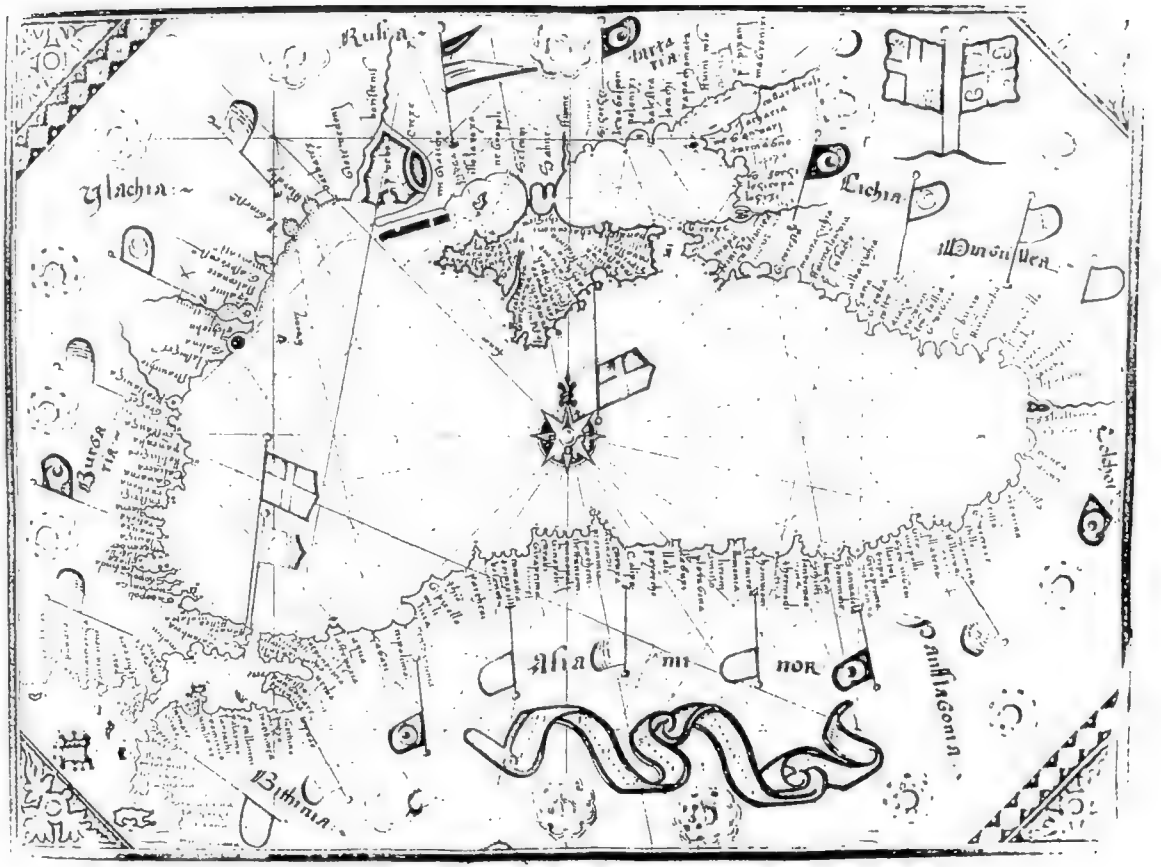
Карта ал-Идриси с изображением Северо-Западного Причерноморья



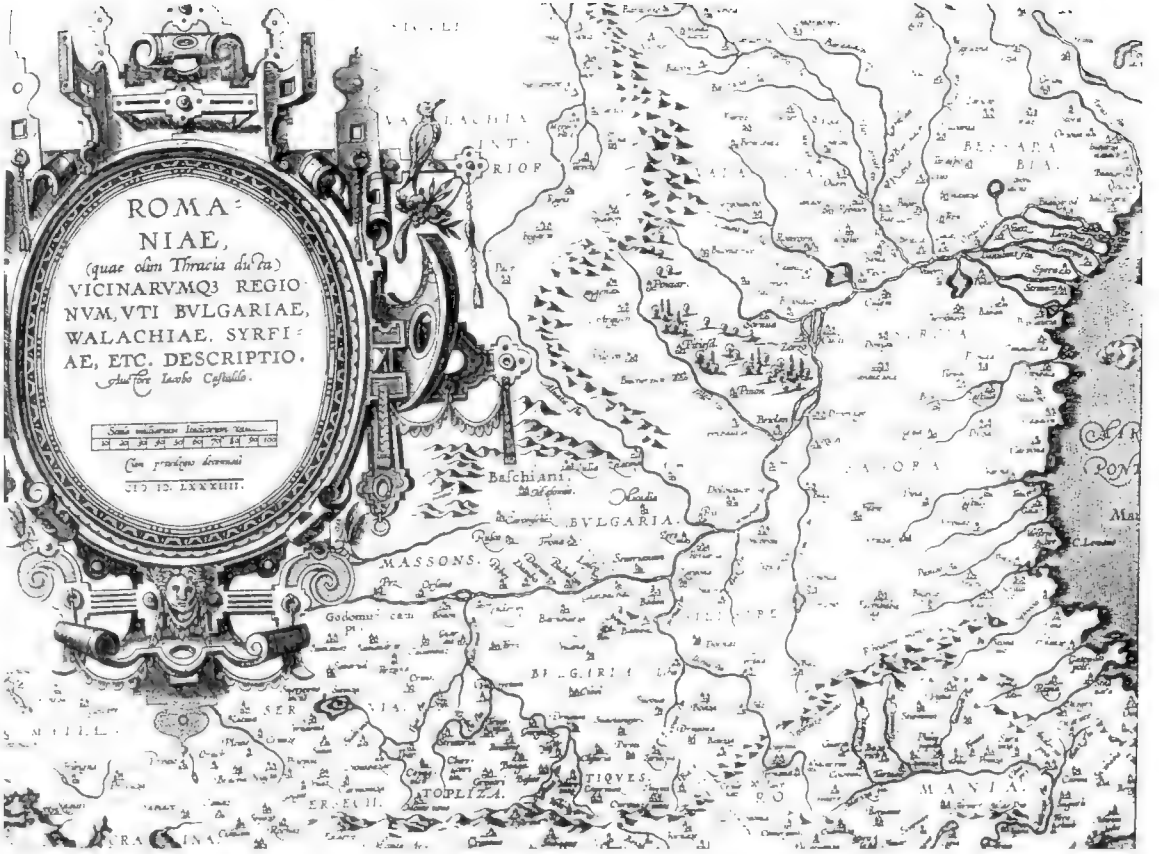
Фрагмент Эбсторфской карты (XIII в.)



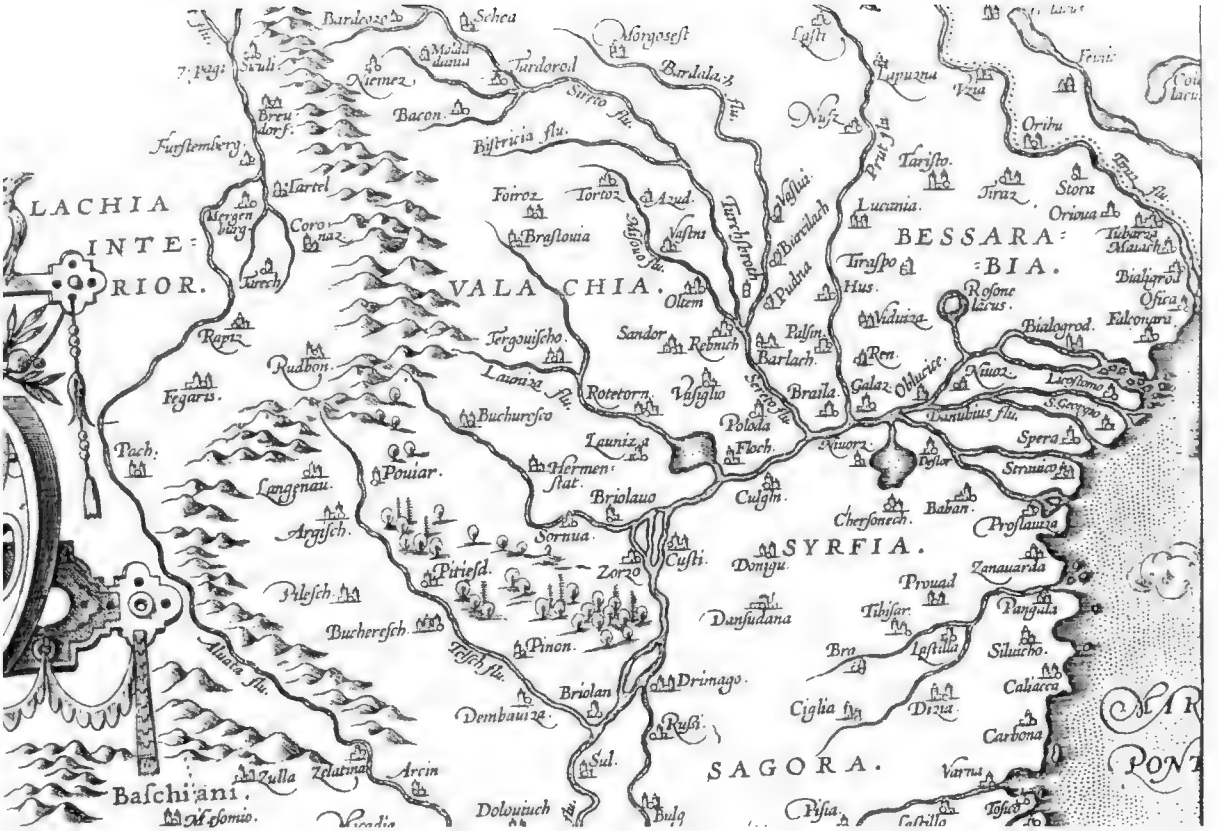
Карта Черного моря Б. Аньезе (1542 г.)



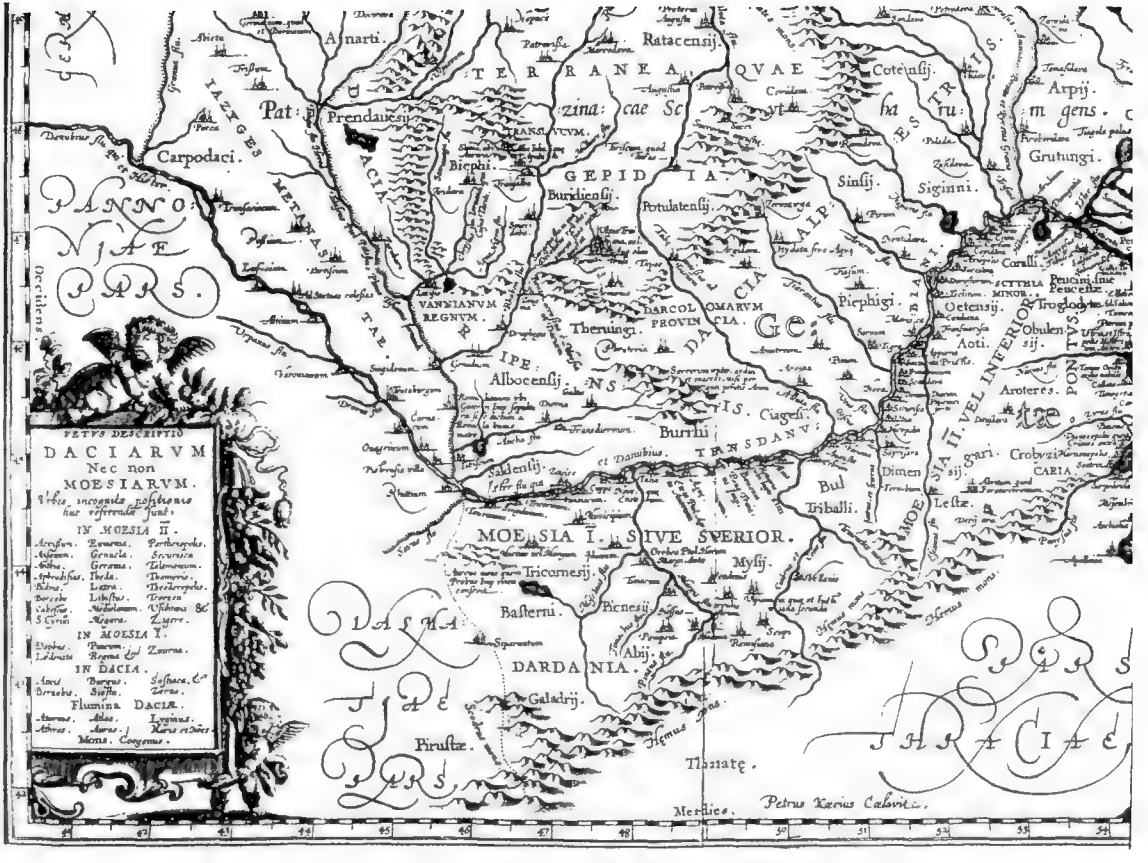
Карта Черного моря Г. Калаподо (1552 г.)



Фрагмерт карты Я. Кастальдо с изображением Балканского полуострова (1584 г.)



Нижнее Подунавье по карте Я. Кастальдо



Карта А. Ортелия с изображением Балканского полуострова (XVI в.)

Часть вторая

Связи Древней Руси с Нижним Подунавьем

Глава 7

Русь и печенеги на Нижнем Дунае

Бóльшая часть летописных данных о многообразных связях Древней Руси с нижнедунайскими землями относится к сравнительно позднему периоду древнерусской истории – начиная с XII в. Что касается более раннего времени, то для изучения политических и экономических контактов Руси с районом Нижнего Дуная приходится обращаться в основном к сведениям иностранных источников, информация которых нередко трудна для толкования.

К одному из таких известий, до сих пор не получившему однозначной интерпретации, нам и хотелось бы привлечь внимание. Речь идет о сообщении арабского путешественника и ученого-энциклопедиста первой половины X в ал-Мас'уди Сообщение содержится в наиболее крупном из дошедших до нас произведений ал-Мас'уди "Мурудж аз-захаб ва ма'адин ал-джавахир" ("Промывальни золота и рудники самоцветов"), написанном в 947–948 гг. и переработанном перед самой смертью ученого в 956 г В 17-й главе этого сочинения, в которой повествуется о народах Восточной Европы и Кавказа, в частности, о хазарах, аланах и русах, имеется сообщение следующего содержания.

«Мы расскажем о том, что к западу от страны хазар и [страны] алан живут четыре тюркских народа[1] Они происходят от одного и того же предка, ведут как кочевой, так и оседлый образ жизни, отличаются неприступностью и отвагой. У каждого из этих народов есть [свой] правитель[2]; протяженность каждого государства составляет много дней пути, а некоторые из них простираются до Черного моря. Эти народы совершают набеги вплоть до страны Румийи[3] и областей, примыкающих к стране ал-Андалус[4], и одерживают верх над всеми тамошними народами Между тюркскими народами и царем хазар существует перемирие, точно так же, как с повелителем алан, земли которых протянулись до страны хазар. Первое племя из них называется баджна, за ним следует второй народ, именуемый баджгирд; затем идет народ, называемый баджнак – самый воинственный из всех этих народов, а за ним – другой народ, именуемый нукарда. Их правители ведут кочевую жизнь После 320/932 г. или около того времени они воевали с ар-Румом[5]. Близ границ ар-Рума, там, где они прилегают к землям указанных четырех племен, стоит огромный греческий город под названием Валандар, многонаселенный и труднодоступный, [поскольку] он расположен между горами и морем. Оттуда его жители могли отражать [нападение] упомянутых народов Эти тюрки совсем не имели никакого прохода в землю румов, так как и горы, и море, и жители этого города преграждали им путь.

[Случилось так, что] между этими [четырьмя] племенами начались стычки из-за [одного] конфликта, который разразился по поводу обретавшегося среди них видного мусульманина, купца из Ардебиля[6]. Он нашел себе пристанище у одного из этих племен, а люди из другого племени обидели его, что и привело к раздору. Тогда греческий отряд, [состоявший] из жителей Валандара, совершил налет на их пустовавшие жилища, взял в плен множество детей и угнал скот. Когда об этом узнали занятые своей распрей тюрки, они договорились между собой, простили друг другу пролитую кровь и все вместе устремились к городу Валандару. Они двинулись на него, имея около 60 000 всадников, [причем] это [войско было выставлено] без всяких усилий с их стороны и без [специального] набора, а будь таковой – они бы собрали около 100 000 всадников. Когда известие о них дошло до Армануса[7], царя румов, [правящего] в настоящее время, то есть в 332/943–944 г., он послал против них 12 000 всадников, обращенных в христианство и вооруженных копьями на арабский манер[8]. К ним присоединились еще 50 000 [человек] румов. Через восемь дней они подступили к городу Валандару, разбили лагерь позади него и приготовились сразиться с врагом. [К тому времени] когда прибыло подкрепление, тюрки уже истребили многих жителей Валандара и население города держалось только благодаря его [крепким] стенам. Когда четверо правителей убедились в том. что [на помощь горожанам] прибыло [войско из] обращенных в христианство и румов, они отправили [гонцов] в свои земли и собрали обретавшихся там купцов-мусульман – из тех, которые посещают их земли, [прибывая] из страны хазар, из ал-Баба[9], из [страны] алан и из других мест, – чтобы они [стали сражаться] вместе с этими четырьмя племенами, которые, хотя уже и приняли ислам, но обыкновенно объединялись с ними лишь для войны с неверными. Когда противники стали в боевом порядке, [оказалось, что] в авангарде войска румов находились обращенные в христианство. К ним вышел один купец из [войска] тюрок, призвал их принять ислам и пообещал тем, кто перейдет под покровительство тюрок, вывести их из их страны в землю мусульман. Когда же те отказались, обе стороны тотчас стали готовиться к бою, причем обращенные в христианство и румы имели преимущество перед тюрками, ибо вдвое превосходили их числом. Войска оставались в таком положении, [когда] четыре правителя тюрок стали держать совет. Правитель [народа] баджнак сказал тюркам: "Назначьте меня завтра утром главнокомандующим". И они вручили ему верховную власть [над войском]. (*Следует описание сражения, в котором греки потерпели сокрушительное поражение, после чего тюрки направились в Константинополь, разоряя все на своем пути.*) Они [тюрки] продолжали и дальше совершать набеги на те земли вплоть до земли ас-сакалиба и Румийи, а в наше время их набеги достигают пределов ал-Андалуса, ал-Ифранджи[10] и ал-Джалалики[11]»[12]

Сильно сокращенный вариант данного сообщения имеется и в другом сочинении ал-Мас'уди – "Китаб ат-танбих ва-л-ишраф" ("Книга предупреждения и пересмотра"), написанной в первой половине 50-х гг. X в. Там ал-Мас'уди говорит о тех же четырех тюркских народах, совершавших нападение на византийские города – без указания, на какие именно – в 310/900–901 или 322/933–934 гг. (тут рукописи расходятся). Все четыре народа на этот раз называются *ал-Валандарийа* – по имени приграничного византийского города Валандар[13]. Кроме того, ал-Мас'уди утверждает, что в одном из своих недошедших до нас трудов – в "Китаб фунун ал-ма'ариф ва ма джарайа фи-д-духур ас-савалиф" ("Книга сокровищ наук и того, что было в прошлое время") – он уже упоминал "о причине передвижения с востока этих четырех тюркских племен и о том, какие они вели войны с гузами[14], харлухами[15] и кимаками[16], а также об [их] набегах на Джурджанское море[17,18].

Рассказ ал-Мас'уди вкратце повторяет арабский историк начала XIII в. Ибн ал-Асир: "По-видимому, в это время объединились несколько тюркских народов, среди которых были ал-баджнак, ал-баджна и [еще] два других. В 322/933–934 г. они направились к принадлежавшему ар-Руму древнему городу, называемому Валандар, и осадили его. Известие о них дошло до Арманоса, и он вышел к ним навстречу с большим войском из христиан, которое насчитывало 12 тысяч человек. Они затеяли жестокую битву, и греки потерпели поражение. [Тогда] тюрки захватили город и разрушили его после того, как многих там убили, взяли в плен и ограбили. Затем они двинулись на Константинополь и осаждали его в течение 40 дней, а также совершали набеги на страну ар-Рум, причем их рейды достигали страны ал-Ифранджи. Затем они вернулись назад"[19].

В историографии при датировке известий ал-Мас'уди за основу берется дата из "Промывален золота", то есть, по словам источника, "после 320/932 г. или около того", а 310/900–901 и 322/933–934 гг. в "Книге предупреждения" считаются ошибками переписчика. Набег тюрок, о котором пишут ал-Мас'уди и Ибн ал-Асир, большинством исследователей связывается с первым нападением венгров на Фракию в апреле 934 г.[20] Это событие упоминается во многих византийских хрониках, а также в Повести временных лет. В древнерусской летописи говорится о нападении на Византию "угров"[21], а в греческих источниках нападавшие названы "турками" – этноконом, который с VI в. употреблялся византийскими авторами для обозначения ряда кочевых племен, обитавших на территории Восточной Европы и современного Казахстана, а с начала X в. стал применяться чаще всего по отношению к венграм[22]. На этом основании Й. Маркварт полагал, что сведения ал-Мас'уди о нападавших народах восходят к византийским источникам[23].

Отдельные исследователи связывают данные ал-Мас'уди с более ранними событиями. Так, К. Макартни и И.А. Божилов полагают, что сообщение ал-Мас'уди отражает закончившееся разгромом византий-

ской армии болгаро-византийское столкновение у р. Ахелой 20 августа 917 г., в котором на стороне болгар выступали также венгры и печенеги[24].При таком подходе остается непонятным, почему болгары не названы нашими источниками в числе противников Византии, не говоря уже о том, что тогда придется признать, что и ал-Мас'уди, и Ибн ал-Асир, относящие набег ко времени правления византийского императора Романа I Лакапина (920–944), совершенно неверно датировали описываемые ими события. В последнее обстоятельство поверить трудно, особенно применительно к ал-Мас'уди, который сообщает о набеге множество подробностей.

Что касается греческого города Валандар, о котором из рассказа ал-Мас'уди известно, что он лежал близ северной границы византийских владений, на расстоянии восьми дней пути от Константинополя, то его принято сопоставлять с болгарским городом Девельтом (Δεβελτος), близ Бургаса[25]. Этот населенный пункт занимал стратегическое положение на дороге, ведущей в Константинополь. Девельт с IX в. находился в руках болгар, но после смерти болгарского царя Симеона (893–927) вновь отошел к Византии[26].

Идентификация двух из названных ал-Мас'уди четырех тюркских племен достаточно очевидна: в арабо-персидской литературе этникон *баджгирд* служил для обозначения венгров[27], а *баджнак* – для наименования печенегов[28].

Относительно названия *баджна* (иное чтение в рукописях – *йаджна*) некоторые исследователи полагают, опираясь на вариант *баджна*, что оно идентично обозначению другого народа – *баджнак*, то есть печенегов[29]. Согласно Повести временных лет, печенеги, пришедшие на русскую землю в 915 г., заключив мир с Игорем, ушли к Дунаю[30]. Там они были быстро вовлечены в византийско-болгарское противостояние, выступая то на стороне Византии, то в союзе с Болгарией[31].

Использование ал-Мас'уди двух наименований для обозначения одного народа может объясняться тем, что речь шла о двух разных печенежских племенах. По-видимому, не случайно единственное в рассматриваемом рассказе ал-Мас'уди употребление термина *джил* ("род", "колено") относится именно к этникону *баджна*. Константин Багрянородный, как известно, насчитывал восемь племенных объединений (по его терминологии, "фем") печенегов, каждое из которых имело своего правителя – "великого архонта"[32]. Согласно Константину, к западу от Днепра обитали четыре печенежских рода: "Фема Гиазихопон (Γιαζιχοπὸν) соседит с Булгарией, фема Нижней Гилы (Γύλα) соседит с Туркией, фема Харавои (Χαραβόη) соседит с Росией, а фема Иавдиертим (Ἰαβδιερτὶμ) соседит с подплатежными стране Росии местностями, с ультинами, дервленинами, лензанинами и прочими славянами"[33]. По греческой форме наименования племен восстановлены их тюркские варианты: Йазы Копон, Кабукшин Йула ("йула цвета древесной коры"), Кара Бэй ("черный господин") и Йабды Эрдим ("отличающееся заслу-

гами"). Название Йазы Копон состоит из собственного имени Йазы, встречающегося у Константина и в перечне имен печенежских "архонтов" времен переселения печенегов в Европу, и слова "копон", означающем титул должностного лица. Титулом является и слово "йула"[34]. Из сообщений Константина видно, что названия печенежских племен могли быть образованы различными способами: от собственного имени племенного вождя, по названию титула того или иного должностного лица, а также с помощью описательного выражения. Можно предположить, что и этникон *баджна* (*йаджна*), приводимый в рассказе ал-Мас'уди, является наименованием какой-то части печенегов.

Сложная структура печенегов нашла отражение и в других средневековых источниках. О четырех "частях" печенежского народа пишет и миссийный архиепископ Бруно Кверфуртский, посетивший в 1008 г. Киев, а затем в течение пяти месяцев проповедовавший христианскую веру печенегам[35].

Что касается наименования четвертого народа – *нукарда*, то его интерпретация вызывает наибольшие споры.

Написание этнонима в разных рукописях обоих сочинений ал-Мас'уди практически идентично – различается лишь постановка точки при первой букве, в результате чего имеются два варианта чтения: *нукарда* и *букарда*. Если вторую букву в слове – *вав* – рассматривать не как знак, служащий для обозначения долготы предшествующей гласной, а видеть в ней самостоятельную согласную, то возможно чтение *наукарда* или *баукарда*.

Издатели и переводчики "Промывален золота" Ш. Барбье де Менар и Паве де Куртей оставили данный этноним без комментариев, читая его как *нукарда*[36].

Издатель "Книги предупреждения" голландский востоковед М.Я. де Гуе предложил конъектуру **Нукабарда*, видя в этом этнониме обозначение народа лангобардов[37]. С ним согласился переводчик "Книги предупреждения" на французский язык Б. Карра де Во[38]. Эта конъектура, при всей ее графической соблазнительности (добавляется только одна буква *ба* в середине слова, которую переписчики легко могли бы выпустить), не выдерживает критики, так как о нападениях лангобардов на владения Византии на Балканах в X в. ничего не известно, что отмечал уже Й. Маркварт[39]. В "Промывальнях золота" имеется отдельная глава, посвященная лангобардам, где они названы *ал-нукабарда*. Если сравнить написание этого названия с наименованием народа *нукарда*, то выяснится, что они отличаются не только наличием или отсутствием буквы *ба*: в названии лангобардов, в отличие от слова *нукарда*, неизменно присутствует определенный артикль *ал*, но отсутствует конечная *та марбута* (она обозначается на письме, но не читается), без которой этноним *нукарда* ни разу не употребляется. В этой главе ал-Мас'уди, судя по названным им лангобардским городам – Бари, Салерно, Тарент, – а также по указанию на то, что эти зем-

ли в прошлом принадлежали мусульманам, имеет в виду византийскую провинцию Лангобардию[40].

Венгерский ученый Г. Куун предложил рассматривать слово *нукарда* не в качестве этнонима, а как искаженный вариант нарицательного существительного *нукер/nоker* ("друг", "слуга", "приближенный воин", "солдат") во множ. числе – *nokerler*[41]. В арабском языке такого слова нет, поэтому, по мнению Г. Кууна, ал-Мас'уди вполне мог принять незнакомый ему термин *нукер* за этноним. Согласиться с гипотезой Г. Кууна мешает то обстоятельство, что слово *нукер* было заимствовано в тюркские языки из чагатайского, а он сложился не ранее XIII в. Кроме того, как уже отмечалось в литературе, предположение Г. Кууна оставляет без объяснения наличие буквы *даль* в конце слова *нукарда*[42].

Обратившийся к рассказу ал-Мас'уди в начале нашего века немецкий востоковед Й. Маркварт предложил конъектуру, которая подразумевала иную расстановку диакритических знаков, но не искажала графику слова – **Базкарда* (буквы *вав* и *за* имеют очень сходное написание), и подразумевал под этим наименованием венгров[43]. Позицию Й. Марквардта существенно подрывает то обстоятельство, что предложенная им конъектура не идентична ни одному из дошедших до нас вариантов этого этникона, все известные формы которого пишутся не через *каф*, как в слове *нукарда*, а с помощью буквы *каф*, написание которой весьма отлично[44].

Помимо Й. Марквардта, попытки трактовать *нукарда* как обозначение венгров предпринимали и другие исследователи. К. Макартни сопоставил *нукарда* ал-Мас'уди с наименованием народа *ихтарда* из приписываемого ал-Мас'уди сочинения "Аджа'иб ад-дунйа" ("Чудеса мира")[45], а также с этнонимом *ункарда*, встречающимся у арабского автора первой трети XIV в. ад-Димашки. И тот, и другой этнонимы К. Макартни рассматривал как наименование венгров и полагал, что этноним *нукарда* генетически с ними связан[46]. Если относительно этнического содержания термина *ункарда* у ад-Димашки сомнений в историографии не возникает, и он всеми исследователями признается за обозначение венгров[47], то трактовка этнонима *ихтарда* далеко не столь единодушна, и некоторые ученые усматривают в описании этого народа лангобардов[48].

П. Голден видит в *нукарда* искаженную форму племенного названия тюрок-оногуров, на территории которых – в Восточном Приазовье – мадьяры кочевали в V–VII вв. и по имени которых стали называться европейскими народами (лат. *hungarus*, рус. венгры)[49]. В своих построениях П. Голден опирается на выводы историка И. Бобы, отмечавшего существование вплоть до конца IX в. двух особых племенных объединений у венгров – мадьяр и оногуров.[50] Это обстоятельство, по мысли П. Голдена, объясняет появление не одного, а двух названий для венгров в рассказе ал-Мас'уди. Согласно П. Голдену, форма *нукарда* образовалась в результате утраты начального *о* из этнонима "оногур", передачи

звука *г* арабским *каф* и присоединения к слову свойственного венгерскому языку уменьшительно-ласкательного суффикса *-d* (*-da, -di, dü*)[51].

Наиболее существенным недостатком этой интерпретации является то, что восстановленная П. Голденом исходная форма **Onogurda* неизвестна по каким-либо иным письменным памятникам (в том числе мусульманским), которые дают множество различных форм, причем во всех отсутствует окончание *-da*[52].

Иную точку зрения высказал В.Ф. Минорский. Он полагал, что этноним *нукарда* следует читать как **Наугарда*, рассматривая вторую букву слова как самостоятельную согласную и заменяя *каф* на *гайн*, имеющую иное написание. По мнению В.Ф. Минорского, под этим термином скрывалась «новгородская вольница "бродники"», жившие среди тюркских кочевников[53]. К сожалению, В.Ф. Минорский никак не аргументировал свое предположение, поскольку высказал его мимоходом, в связи с анализом иных сообщений ал-Мас'уди.

Точка зрения В.Ф. Минорского подверглась критике со стороны В.М. Бейлиса и А.П. Новосельцева. В.М. Бейлис фактически вернулся к мнению Й. Маркварта, предложив, правда, другую конъектуру, согласно которой наименование *нукарда* следует читать как **Ункарда*[54]. Согласиться с такой конъектурой трудно, во-первых, потому что речь идет не о простой метатезе, но о существенном изменении графики слова (добавляется *алиф* впереди слова и убирается *вав* между первой и второй буквами), а во-вторых, потому что обозначение мадьяр как *ункарда* ни разу не встречается у ал-Мас'уди, а фиксируется лишь у более поздних арабских авторов, не ранее XIV в.[55]

А.П. Новосельцев, справедливо заметив, что объяснение В.Ф. Минорским этнонима *нукарда* как "бродники" для X в. невероятно, тем не менее, сам не дал никакого толкования названию племени. Он полагал, что у ал-Мас'уди речь идет о булгарах, кочевавших в Северном Причерноморье[56].

По нашему мнению, наиболее близка к истине догадка В.Ф. Минорского, связывавшего этноним *нукарда* с др.-русск. Новъгородъ. Надо сказать, что конъектура В.Ф. Минорского **Наугарда*, предполагающая замену буквы *каф* на *гайн*, на самом деле не обязательна. Приводимая у ал-Мас'уди форма *нукарда* может быть непосредственно выведена из топонима Новъгородъ, поскольку др.-русск. твердый согласный *г* передавался по-арабски не только через *гайн*, но также и посредством букв *каф* и *қаф*. Например, в обозначении Новгорода у поздних мусульманских авторов (вплоть до XVII в.) используется именно согласный *қаф* – *Нукрат*[57].

Предположение о возможном участии новгородского, то есть древнерусского, отряда в составе коалиции помогает объяснить слова ал-Мас'уди о том, что все названные им тюркские народы известны своими нападениями не только на Византию, но и на Италию, области франков и мусульманскую Испанию. В латинских и греческих источниках имеет-

ся много данных о народах, которые совершали набеги на районы, упоминаемые ал-Мас'уди, – норманнах (VIII–X вв.) и венграх (IX–X вв.)[58]. В аналогичных рассказах мусульманских источников в качестве нападавших фигурируют, главным образом, русы, а также славяне, булгары, печенеги и – собирательно – тюрки[59]. В некоторых случаях под тюрками исследователи склонны подразумевать венгров[60], хотя, строго говоря, за исключением ал-Мас'уди, ни один восточный автор о походах именно венгров в страны Западной Европы не упоминает. Что же касается печенегов, то об их набегах на Испанию нам ничего не известно. Лишь у арабского автора X в. Ибн Хаукаля говорится о рейдах печенегов в Испанию, где они действовали не самостоятельно, а в качестве ударной силы русов[61].

В одной из приведенных выше фраз из "Книги предупреждения" ал-Мас'уди содержится, как нам кажется, намек на то, что русы могли входить в состав коалиции тюркских народов. Ал-Мас'уди, говоря о былых деяниях четырех тюркских племен, вспоминает их "войны с гузами, харлухами и кимаками, а также их набеги на Джурджанское море". Если столкновения с гузами, карлуками и кимаками можно отнести на счет печенегов, до конца IX в. кочевавших к востоку от Волги, то набеги на Джурджанское, то есть Каспийское, море следует приписать, по всей вероятности, русам. Как известно, Каспий являлся ареной активных набегов русов в IX–X вв., и именно ал-Мас'уди оставил один из наиболее подробных рассказов о походе русов в прикаспийские области в начале X в.[62]

Подробности рассказа, связанные с наличием среди четырех тюркских народов купцов, принимавших, если верить ал-Мас'уди, живейшее участие в происходивших событиях и даже непосредственно в военных действиях, свидетельствует о том, что столкновение на границе Византии было так или иначе связано с борьбой за контроль над торговыми путями в таком стратегически важном районе, каким являлся Нижний Дунай и болгарские земли.

Участие русских отрядов в подобной коалиции представляется вполне вероятным, принимая во внимание имеющиеся данные других источников о южных торговых связях Древней Руси, которые осуществлялись через территорию Нижнего Подунавья и Болгарии. В этой связи можно вспомнить относящееся еще к IX в. свидетельство арабского автора Ибн Хордадбеха о купцах-русах, доставлявших меха и мечи "из самых отдаленных уголков страны славян к Румийскому морю" и плативших десятину владыке Византии, то есть доходивших до Константинополя[63]. Н. Велиханова, автор русского перевода сочинения Ибн Хордадбеха, справедливо предположила, что до Константинополя купцы-русы могли добираться как морским, так и сухопутным путем, то есть – в последнем случае – через Нижнедунайские земли и Болгарию[64]. В 907 г., согласно Повести временных лет, русы совершили поход на Константинополь, результатом которого было заключение договора с

Византией, причем его отдельные статьи касались условий торговли русских купцов на территории Византийской империи[65]. Важные перевалочные пункты русских купцов, следовавших в Константинополь, находились именно в Нижнем Подунавье и на территории Болгарии. Сведения об этом, причем современные данным ал-Мас'уди, сохранились в труде Константина Багрянородного, упоминавшего в качестве стоянок русских торговых караванов Селину в дельте Дуная, Конопу в Северной Добрудже, а также другие пункты вплоть до р. Дичины (совр. р. Камчия)[66].

Как раз в середине 30-х гг. X в. эти традиционные русские торговые пути оказались под угрозой в связи с осложнением русско-болгарских отношений. Дело в том, что после заключения болгаро-византийского договора 927 г. стали усиливаться провизантийские тенденции во внешней политике Болгарии, вступившей в полосу экономического и политического ослабления[67]. На изменение отношений Болгарии и Древней Руси оказало влияние не только сближение Болгарии с Византией, которой удалось упрочить свой контроль над болгарскими землями, но и активная политика Руси на юго-западном направлении. Подчинение Русью племен уличей и тиверцев открывало ей выход к району Нижнего Дуная, что позволило бы более эффективно обеспечивать функционирование торговых путей, шедших через территорию Болгарии в Византию.

Какие-то отряды печенегов, возможно, выступали в качестве наемников русов в описываемом у ал-Мас'уди походе. Показательно, что младший современник ал-Мас'уди Ибн Хаукал называл печенегов "шипом и союзниками русов"[68]. Заметную роль печенежских наемников в походе русов на Византию в 944 г. отметил и древнерусский летописец[69].

Антивизантийская направленность действий венгров в 30-х гг. X в. объективно делала их союзниками русов. Хотя в Повести временных лет ничего не говорится о совместных походах русов и венгров, летопись, тем не менее, недвусмысленно свидетельствует о том, что на Руси неплохо знали о конфликтах венгров с Византией. Так, под 934 г. отмечен первый поход венгров на Византию, закончившийся захватом ими Фракии и заключением мира с императором[70]; под 943 г. летописец говорит о новом нашествии венгров на Царьград и об их уходе "восвояси" после заключения мира с византийским императором[71]. Для нас знаменательным является тот факт, что летописец был неплохо осведомлен именно о походе 934 г., в котором, как мы полагаем, принимали участие и русские отряды.

Коалиция русов, печенегов и венгров против Болгарии сложилась, видимо, еще в 20-х гг. X в. В письме константинопольского патриарха Николая Мистика болгарскому царю Симеону, написанном в конце 922 г., говорится, что русы, печенеги, аланы и западные турки (т.е. венгры) "вошли в безоговорочное согласие и подняли оружие" против Бол-

гарии[72]. Хотя, по мнению некоторых исследователей, угрозы патриарха в адрес Симеона не следует понимать буквально, а рассматривать их, скорее, как дипломатический ход византийской стороны в борьбе с болгарским царем[73], нам важно, что само представление о возможности подобной коалиции не казалось в Византии чем-то невероятным.

Совместные действия венгров, русов и печенегов против Византии имели место не только в 934 г. Этот союз был вновь создан Святославом во время его Балканских походов. Византийские хронисты Лев Диакон и Иоанн Скилица сообщают, что в 970 г. в состав русских войск наряду с болгарами входили отряды печенегов и венгров[74].

Возникает вопрос, почему в рассказе ал-Мас'уди фигурируют не русы вообще, а одна их часть, а именно – новгородцы, и могли ли в принципе представления этого автора об этнополитической ситуации в Восточной Европе быть столь детальны.

На последний вопрос следует ответить утвердительно. Надо сказать, что сведения ал-Мас'уди о русах, довольно многочисленные и рассеянные по различным частям его сочинений, ценны не только своей уникальностью, но и достоверностью. Дело в том, что он собирал информацию о русах непосредственно в тех районах, где о них знали не понаслышке – в частности, в Южном Прикаспье и в Закавказье, где ал-Мас'уди побывал лично. Среди информаторов ал-Мас'уди, по его же собственным словам, были также купцы, посещавшие Хазарию, мореплаватели, знакомые с Причерноморскими городами, византийские информаторы.

Арабские писатели первой половины X в., в отличие от своих предшественников, уже не воспринимали русов как некое целое. Представление об общем для всех русов "острове", вошедшее в арабо-персидскую историографию на рубеже IX–X вв., в первой половине X в. сменилось рассказом о трех "группах" русов. Этот рассказ впервые встречается в сочинении современника ал-Мас'уди арабского географа и путешественника ал-Истахри. Он, в частности, пишет об одной из "групп" русов, называвшейся *Славийа*, которую отождествляют с областью ильменских словен[75].

Русы в представлении ал-Мас'уди не являлись единым народом, но состояли из множества различных народов или племен. В "Промывальнях золота" Ал-Мас'уди дает название одного, самого, на его взгляд, многочисленного племени русов: "Русы – большой народ (*умм*), включающий в себя [несколько] разновидностей, среди которых есть племя (*джинс*), называемое ал-Луз'ана. Они самые многочисленные [из всех русов] и часто посещают с торговыми целями страны ал-Андалус, Румийу, Константинополь и Хазар"[76]. В "Книге предупреждения" при описании одной из переправ через так называемый Константинопольский пролив, под которым арабские географы имели в виду пр. Босфор, Мраморное море и пр. Дарданеллы, ал-Мас'уди упоминает приходящие туда корабли "ал-Кудкана и иных племен русов"[77]. Название племени,

как это часто бывает в арабских текстах, имеет в различных рукописях неодинаковые чтения, ни один из которых не похож на какой-нибудь знакомый нам этноним (*ал-Луз'ана, ал-Кудкана, ал-Муд'ана, ал-Луза'ийа, ал-Мадгана, ал-Кузкана*)[78]. В ходе попыток интерпретации этого этнонима была предложена конъектура **ал-Урдмана*, то есть норманны[79]. Нельзя исключать, что ал-Мас'уди могли быть известны и названия других групп русов, а также их территориальных объединений. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в рассказе столь широко информированного автора, как ал-Мас'уди, могла бы идти речь об участии отрядов новгородцев в военных действиях на византийской границе в начале 30-х гг. X в.

О том же, что новгородцы совершали походы на юг Европы, имеются известия в Повести временных лет. Так, в рассказе летописца о трех братьях-варягах говорится о двух мужах Рюрика, отпросившихся у него в Царьград со своим родом[80]. В составе войска, мобилизованного Олегом для похода на Константинополь в 907 г., летопись называет "варягов" и "словен"[81]. Если указанные летописцем варяги не обязательно пришли с севера, а могли находиться рядом с Олегом в Киеве, то под словенами явно подразумевается население Новгородской земли.

Наконец, отождествлению *нукарда* с новгородцами не противоречит указание ал-Мас'уди на то, что этот народ относился к тюркам. Место того или иного народа в системе средневековых этнических общностей рассматривалось арабо-персидскими авторами в рамках библейской концепции о разделении земли между сыновьями Ноя (араб. *Нух*). В соответствии с этой концепцией, народы севера, в том числе печенеги – и вообще тюрки, – венгры и русы, имели общего предка – Йафета (араб. *Йафис*). Венгры, являющиеся на самом деле угро-финским народом, в арабо-персидской историографии (и не только в ней) причислялись к тюркам. У некоторых мусульманских авторов можно встретить прямое отождествление русов с тюрками[82]. Поэтому народ *нукарда* мог быть причислен к тюркам именно по той причине, что он обитал в северных районах Земли и действовал вместе с народами, которых ал-Мас'уди считал тюркскими, такими как печенеги и венгры.

Примечания

[1] В данном случае ал-Мас'уди употребляет термин *умм* ("народ"). В дальнейшем изложении он использует как синонимы и другие термины – *джинс* ("род", "сорт", "племя") и *джил* ("род", "поколение").

[2] Владык этих тюркских народов ал-Мас'уди неизменно обозначает словом *малик* ("владыка", "владетель"; от глагола *малака* – "владеть", "управлять"), который у средневековых арабских авторов имел весьма широкое терминологическое значение, будучи прилагаем как к государям, так и к племенным вождям (о термине *малик* подробнее см.: *Бейлис В.М.* Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Евро-

пы // ДГ, 1985 г. М., 1986. С. 140–149). Издатели и переводчики этого сочинения ал-Мас'уди на французский язык Ш. Барбье де Менар и Паве де Куртей переводят термин *малик*, когда он употребляется применительно к четырем тюркским племенам, как *chef* или *roi*; автор перевода рассказа ал-Мас'уди на немецкий язык Й. Маркварт неизменно передает *малик* как *König*; П. Голден, переведший фрагмент рассказа на английский язык, использует слово *king*. По нашему мнению, в данном случае при переводе следует прибегнуть к более нейтральному слову "правитель", поскольку в рассматриваемом отрывке термин *малик* имеет самое общее значение – ал-Мас'уди обозначает им не только тюркских владык, но и византийского императора и хазарского царя.

[3] *Румийа* – арабское обозначение Италии и г. Рима.

[4] *ал-Андалус* – арабское название подконтрольной мусульманам части Пиренейского полуострова.

[5] *Ар-Рум* – арабское название Византийской империи.

[6] Ардебиль – крупный торговый город в Иранском Азербайджане.

[7] *Арманус* – византийский император Роман I Лакапин (920–944).

[8] Й. Маркварт замечает по этому поводу: "Речь идет о военнопленных-мусульманах, которые более или менее принудительно были обращены в христианство, своего рода византийских янычарах" (*Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 62).

[9] *Ал-Баб* ("Ворота") – одно из арабских названий г. Дербента, крупного торгового центра, расположенного на западном побережье Каспия.

[10] *Ал-Ифранджа* – арабская передача этнонима "франк", служившая также для обозначения Франкского государства, а впоследствии употреблявшаяся применительно ко всем европейским народам.

[11] *Ал-Джалалика* – арабская передача названия Галисии, области в северо-западной части Пиренейского полуострова.

[12] *Maçoudi.* Les prairies d'or / Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille. P., 1863. T. 2. P. 58–64.

[13] Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masudî ..., ed. M.J. de Goeje. Lugduni-Batavorum, 1894. P. 180–181.

[14] Гузами (*ал-гузз*) арабские авторы называли тюркский народ огузов ("торки" древнерусской летописи), живших в X в. по нижнему течению Сыр-Дарьи и далее на запад до Каспийского моря и Волги.

[15] Карлуки (харлухи, халлухи) – тюркский народ, выселившийся из Алтая в Семиречье в VIII в.

[16] Кимаки – тюркский народ, обитавший в X в. к северу от Иртыша.

[17] Одно из распространенных в арабо-персидской литературе названий Каспийского моря по имени города Джурджана (Гургана) – крупного торгового центра на южном берегу Каспия.

[18] Kitâb at-tanbîh ... auctore al-Masudî. P. 181.

[19] Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed. C.J. Tornberg. Upsaliae et Lugduni-Batavorum, 1851. Vol. I. P. 243.

[20] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 64; *Runciman S.* The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign: A Study of Tenth-Century Byzantium. Cambridge, 1988. P. 105; *Diaconu P.* Les Petchenegues au Bas-Danube. Buc., 1970. P. 17–18.

[21] ПСРЛ. М., 1997. Т. 1. Стб. 43; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Стб. 33.

[22] Об употреблении этникона *турк* в византийских источниках подробнее см.: *Константин.* С. 284–286.

[23] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 65.

[24] Историографию см.: *Божилов И.А.* България и печенезите (896–1018 г.) // ИП. 1973. Т. XXIX. Кн. 2. С. 48–51.

[25] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. SS. 69–70; *Runciman S.* The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. P. 106–107; *Diaconu P.* Les Petchenegues au Bas-Danube. P. 19.

[26] *Runciman S.* The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign. P. 98.

[27] Перечень встречающихся у арабо-персидских авторов вариантов наименования венгров см.: *Бартольд В.В.* Басджирт // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 494–495; *Togan Z.V.* Bashdjirt // EI². V. I. P. 1075–1077; *Левицкий Т.* "Мадьяры" у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 56–60.

[28] *Golden P.B.* Peçenegs // EI². V. VIII. P. 289–291.

[29] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 67.

[30] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 42; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 32.

[31] О деятельности печенегов на Балканах подробнее см.: *Константин.* С. 279–281.

[32] Там же. С. 154/155.

[33] Там же. С. 156/157.

[34] Там же. С. 389. Коммент. 10.

[35] List Brunona do króla Henryka / Wyd. J. Karwasińska // MPH. Ser. II. W-wa, 1973. T. 4/3. P. 98–100.

[36] *Maçoudi.* Les Praries d'or. T. II. P. 59.

[37] Kitab at-tanbih ... auctore al-Masudi. P. 181.

[38] *Maçoudi.* Le Livre de l'avertissement et de la revision / Traduction par B. Carra de Vaux. P., 1897. P. 204.

[39] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. SS. 66–67.

[40] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. P., 1864. T. III. P. 76–78.

[41] *Kuun G.* Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima. Claudiopoli, 1891. P. 73–75.

[42] *Golden P B.* The people Nukarda // AEMA. 1975. V. I. P. 26.

[43] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. S. 67.

[44] См. выше прим. 27.

[45] Различные рукописи этого анонимного произведения известны и под другими названиями – "Ахбар аз-заман" ("Известия времени"), "Мухтасар ал-'аджа 'иб" ("Сокращенное изложение диковинок"), "Китаб ал-'аджа'иб ал-кабир" ("Большая книга диковинок"). Подробнее см.: *Крюков В.Г.* Сообщения анонимного автора "Ахбар аз-заман" ("Мухтасар ал-'аджа'иб") о народах Европы // ДГ, 1981 г. М., 1983. С. 194–208.

[46] *Macartney C.A.* The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. P. 23 (n. 4), 34 (n. 3), 152; *Idem.* The Attack on Valandar // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher. 1931. T. 8. SS. 159–162.

[47] Из последних исследований см.: *Golden P.B.* The People Nukarda. P. 29; *Бейлис В.М.* К вопросу о конъектурах и попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX–XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1989. Вып. 1. С. 54.

[48] Ср.: *Golden P.B.* The People Nukarda. P. 29; *Крюков В.Г.* Сообщения анонимного автора "Ахбар аз-заман". С. 202–203.
[49] *Golden P.B.* The People Nukarda. P. 29.
[50] *Boba I.* Nomads, Northmen and Slavs: Eastern Europe in the Ninth Century. Wiesbaden, 1967. P. 75.
[51] *Golden P.B.* The People Nukarda. P. 29.
[52] Сводку данных о наименовании оногуров в различных источниках см.: *Marquart J.* Ein arabischer Bericht über die arktischen (uralischen) Länder aus dem 10. Jahrhundert // Ungarische Jahrbücher. 1924. Bd. IV. H. 3–4. S. 275; *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica. Berlin, 1958. Bd. II. SS. 218–220; *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора / Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 107–108 (коммент. 246); *Ромашов С.А.* Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. 1992–1994. V. VIII. P. 218–224. В армянских источниках фигурирует форма с окончаниями *-дор/-дур*, но в них и все слово имеет иное написание: Огхондор (Олхондор), Игундур (Влндур) (Подробнее см.: *Marquart J.* Ein arabischer Bericht ... S. 275; *Ромашов С.А.* Болгарские племена ... С. 225–226).
[53] *Минорский В.Ф.* История Ширвана и Дербента X–XI вв. М., 1963. С. 151.
[54] *Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II. С. 307; *Он же.* К вопросу о конъектурах. С. 54, 56.
[55] Обозначение Венгрии как *Ункарийа* появляется в арабских источниках, начиная с XII в.: *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R.Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae. 1978. Fasc. VIII. P. 878, 882, 885, 886, 888, 920.
[56] *Новосельцев А.П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 108, 157 (прим. 107).
[57] *Добродомов И.Г.* К вопросу о "серебряных булгарах" // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 152.
[58] *Lüttich R.* Ungarnzüge in Europa im 10. Jahrhundert. Berlin, 1910; *Fasoli G.* Le invasioni ungheresi in Europa nel secolo 10. Firenze, 1945.
[59] Библиографию см.: *Бейлис В.М.* Народы Восточной Европы. С. 307–308.
[60] Там же. С. 308 (прим. 26).
[61] Viae et regna: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1873. P. 15, 78.
[62] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. T. II. P. 18–25.
[63] *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124.
[64] Там же. С. 41.
[65] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 32–37; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 23–28.
[66] *Константин.* С. 50–51, 328–329 (коммент. 57–62).
[67] История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа. С. 162.
[68] Viae et regna ... auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal. P. 15.
[69] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 34.
[70] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 43; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 33.
[71] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 45; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 34.
[72] PG. P., 1863. V. CXI. Ep. 23. Col. 149.

[73] *Божилов И.А.* България и печенезите. С. 53.

[74] *Лев Диакон.* История. М., 1988. С. 58, 122.

[75] Перевод фрагмента ал-Истахри и посвященную ему библиографию см.: *Новосельцев А.П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 411–412.

[76] *Maçoudi.* Les Prairies d'or. T. II. P. 18.

[77] Kitab at-tanbih ... auctore al-Masudi. P. 140–141; русский пер.: *Бейлис В М.* Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 23.

[78] *Seippel A.* Rerum Normannicarum Fontes arabici. Osloae, 1896–1928. P. 66; Adnotationes criticae. P. XXX.

[79] *Marquart J.* Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. SS. 342–349; *Минорский В.Ф.* Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 25; *Он же.* История Ширвана и Дербента. С. 146. Выдвинутое Б.Н. Заходером предположение о том, что данный этноним восходит к названию еврейских купцов ар-Рахданийа у Ибн Хордадбеха (*Заходер Б.Н.* Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени "Рус" в арабской письменности // Краткие сообщения Ин-та востоковедения. 1956. Вып. XXII. С. 11) совершенно невероятно, так как даже в IX в. арабо-персидские авторы не путали еврейских торговцев с русами (не случайно тот же Ибн Хордадбех пишет о путях тех и других купцов по отдельности), не говоря уже об авторах X в.

[80] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 15.

[81] ПСРЛ. Т. 1. Стб. 29; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 21.

[82] См., например: *Демидчик В.* Описание шестого и седьмого климатов в "Асар ал-бихад ва ахбар ал-ибад" Закарийя ал-Казвини // Восточная филология. Душанбе, 1974. Вып. III. С. 43.

Глава 8

О древнерусском влиянии на Нижнем Дунае в XII веке

В распоряжении исследователей имеется совсем немного свидетельств письменных источников о том, сколь далеко на юг простиралось влияние Галицко-Волынской Руси в XII в. Это прежде всего летописные сообщения о попытке Владимира Мономаха закрепиться на Нижнем Дунае, о деятельности в районе Нижнего Подунавья князя Ивана Ростиславича Берладника, данные В.Н. Татищева о принадлежности галицкому князю Владимирко Володаревичу земель вплоть до Дуная, а также обращение автора "Слова о полку Игореве" к галицкому князю Ярославу Владимировичу, из которого следует, что власть Ярослава распространялась до Дуная. Некоторые данные о русском присутствии на Нижнем Дунае можно найти и у византийских историков XII–XIII вв. Иоанна Киннама и Никиты Хониата. Таков традиционный перечень свидетельств, на котором строят свою аргументацию сторонники двух прямо противоположных мнений относительно древнерусского присутствия в районе Нижнего Подунавья в XII в.

Согласно первой точке зрения, Карпато-Днестровские земли вплоть до Нижнего Дуная в XII в. входили в сферу влияния Галицко-Волынской Руси. Расхождения в рамках этого подхода касаются степени влияния, которое Русь оказывала на социально-экономическую и политическую жизнь региона. Одни исследователи считают возможным говорить о наличии в XI–XII вв. тесных связей русских земель с Нижним Подунавьем, об упрочении Руси в этом районе, о распространении власти галицких князей на причерноморские области Нижнего Подунавья[1]. Другие полагают, что в XII в. влияние Руси в низовьях Дуная было непостоянным, так как степная часть территории между Карпатами, Днестром и Дунаем являлась местом половецких кочевий[2]. Исследователи, придерживающиеся иной точки зрения, вообще отрицают какое-либо влияние Руси в районе Нижнего Подунавья в XII в., отводя доминирующую роль в жизни этого региона половцам и Византии[3].

Нам хотелось бы привлечь внимание еще к одному источнику XII в., сведения которого, в общем достаточно хорошо известные специалистам по истории Нижнего Подунавья, тем не менее практически не используются при рассмотрении вопроса о древнерусском влиянии в этом регионе. Речь идет о сочинении крупнейшего арабского географа середины XII в. ал-Идриси "Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям", 1154 г.). В отечественной историографии данные арабского географа об этом регионе

обычно используются в качестве подтверждения того, что степная часть Днестровско-Дунайского междуречья входила в состав половецкой степи[4], хотя, как будет показано ниже, на самом деле это отнюдь не следует из сообщений ал-Идриси. В румынской историографии, еще начиная с работ Н. Йорги, утвердилось скептическое отношение к сообщениям ал-Идриси о Нижнем Подунавье как к недостоверным и путаным[5].

Между тем сведения ал-Идриси о городах Нижнего Подунавья и Юго-Западной Руси, при условии их анализа в рамках общих представлений арабского автора о Северо-Западном Причерноморье, могут дать некоторую информацию по рассматриваемому вопросу[6].

Города Юго-Западной Руси охарактеризованы ал-Идриси в 4 секции VI климата "Нузхат ал-муштак"[7]. Они впервые упоминаются при характеристике маршрута, ведшего из Польши в Поднестровье. Перечислив города Краков, Гнезно, Вроцлав, ал-Идриси продолжает: "От Ратислаба (Вроцлав) до Сармали сто миль. От Сармали до Зака двенадцать переходов. От Зака до Бармуни сто восемьдесят миль. От Бармуни до Галисийа двести миль. Бармуни и Галисийа принадлежат к стране ар-Русийа (Русь)"[8]. Согласно этому дорожнику, только два последних города – Бармуни и Галисийа – являются древнерусскими городами, а города Зака и Сармали расположены в Польше. И действительно, в 3 секции VI климата про Сармали говорится, что он находится в Сандомирской земле (*ард Судумара*)[9].

Однако в 4 секции VI климата, закончив описание Польши и переходя к характеристике городов Руси, ал-Идриси добавляет новые детали о местонахождении рассматриваемых городов: "Из её (Руси – *И К.*) городов к этой секции относятся Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа. Что касается города Сармали, то он стоит к северу от реки Данаст. Эта река течет на восток, пока не достигнет города Зака; между ними двенадцать переходов. От города Зака, который расположен на упомянутой реке, до города Бармуни девять переходов. От Бармуни до [города] Галисийа двести миль"[10]. Эти русские города, как сказано во введении к 4-й секции VI климата, являются "наиболее отдаленными" (*билад ар-Русийа ал-кусва*) городами Руси[11]. На картах 4-5 секций VI климата во всех рукописях все четыре города – Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа – помещены на левобережье Днестра, начиная с верховьев реки[12].

Первый город, поддающийся удовлетворительной локализации, – это Сармали, отождествляемый с Перемышлем. Довольно подробные данные источника о его местонахождении: упоминание то среди русских, то в числе польских городов, свидетельствующее о пограничном положении города; более точное указание на политическую принадлежность – отнесение его к Сандомирской области; помещение города на левобережье Днестра; убедительная конъектура, предложенная Т. Левицким (*Бирамисли)[13]; наконец, важное торговое значение Перемышля, известное по другим источникам[14], – не оставляют сомнений в правильности такой локализации[15].

Город Галисийа неизменно отождествляют с Галичем на Днестре[16], название которого в передаче ал-Идриси соответствуют наименованию западноевропейских источников (Galicia), а не выводится непосредственно из славянского "Галич"[17]. Высказанное еще в прошлом веке мнение А. Петрушевича, видевшего в Галисийи ал-Идриси не Галич на Днестре, а Галич на Дунае, известный из грамоты 1134 г. князя Ивана Ростиславича Берладника месемврийским купцам[18], не нашло поддержки в историографии главным образом в связи с серьезными сомнениями в подлинности самой грамоты[19].

Сведения о других городах Юго-Западной Руси довольно скудны, а их названия не находят явных параллелей в топонимике региона, поэтому относительно местонахождения городов Зака и Бармуни было выдвинуто несколько версий. Очевидная невозможность расместить указанные города вдоль Днестра между Перемышлем и Галичем – как они изображены на карте, – сохранив при этом соответствие с данными источника о рсстояниях между ними, вынуждала исследователей либо игнорировать цифровой материал, либо совсем отказаться от попытки локализовать города на Днестре, либо поместить их по течению реки, но не в том порядке, в каком они стоят на карте.

Город Зака (варианты написания – Зана и Зала)[20] И. Лелевель и Й. Маркварт сопоставили с упоминаемым Константином Багрянородным наименованием одной из печенежских крепостей Приднестровья – Сакакаты (Σακακάται) – и полагали, что он находится в районе устья Днестра[21].

Связь топонима, приводимого ал-Идриси, с названием крепости в сочинении Константина, на наш взгляд, весьма сомнительна. Согласиться с точкой зрения И. Лелевеля и Й. Марквартa трудно главным образом потому, что в описании Карпато-Днестровского региона в "Нузхат алмуштак" не прослеживается знакомство ал-Идриси с трудом византийского императора. Сходство одной из форм топонима, упомянутого ал-Идриси, с наименованием из сочинения Константина Багрянородного – единственное совпадение, обнаруживаемое в информации обоих авторов относительно днестровских поселений. Все же остальные данные, приводимые ими, противоречат друг другу. Константин говорит о заброшенных, безлюдных крепостях, ал-Идриси – о городах, посещаемых торговцами. Крепости, по словам Константина, располагались "по сю сторону реки Днестра, в краю, обращенном к Булгарии"[22], т.е. на правобережье Днестра, тогда как все города, отмеченные ал-Идриси, находятся на левом берегу реки. Кроме того, в сочинении ал-Идриси не нашли отражения другие данные о географии региона, имеющиеся в труде Константина Багрянородного, в частности, его упоминания о реках Пруте и Сирете[23].

К. Миллер поместил Заку около Могилева-Подольского или Каменки над Днестром[24], однако следует иметь в виду, что он руководитвовался лишь показаниями карты и не анализировал текст сочинения.

О. Талльгрен-Туулио, читавший название города как Йана, не пришел к определенному мнению о его локализации и склонялся к отождествлению этого пункта с Ямполем над Днестром[25].

Б.А. Рыбаков считает, что у ал-Идриси имеется в виду город Санок, расположенный близ верховий Днестра, на р. Сан. Несоответствие между небольшим расстоянием от Перемышля до Санока в действительности (около 100 км по реке) и указанными в источнике 12 переходами Б.А. Рыбаков объяснил следующим образом: «Когда Идриси пишет, что Днестр "течет на запад", то это нужно понимать не в смысле направления движения (на карте Днестр указан верно; он вытекает из гор и впадает в море), а лишь в смысле протяженности»[26], т.е. у Б.А. Рыбакова оказывается, что 12 переходов не между Сармали и Зака, как в источнике, а между Зака и устьем Днестра. Это построение, произвольное уже само по себе, основано на недоразумении: и ал-Идриси пишет, что Днестр течет на восток[27], и во французском переводе сочинения ал-Идриси, на который опирался Б.А. Рыбаков, ошибки нет[28]. Да и сам Б.А. Рыбаков признает неудовлетворительность такой интерпретации данных источника, допуская, что "информаторы Идриси вообще несколько ошиблись в определении расстояния от Санока до устья, преуменьшив его"[29].

Т. Левицкий, вынужденный констатировать, что поиски города по Днестру – включая район верховий реки – не дали положительного результата, пришел к выводу, что ничего определенного о местонахождении города Зака сказать нельзя. По мнению ученого, ал-Идриси, по-видимому, перепутал несколько названий в Поднестровье и Поднепровье: Саков на Днепре или Звенигород – топоним, распространенный в Галицко-Волынской земле[30].

Неопределенной остается и локализация города Бармуни, написание названия которого очень напоминает топоним Бармуниса из 5-й секции VI климата, относящийся к Поднепровью[31]. Неудивительно, что многие исследователи, сопоставляя информацию об этих городах, приходили к выводу об их тождестве. Еще И. Лелевель полагал, что и в 4-й, и в 5-й секциях VI климата речь идет об одном и том же городе – Смоленске[32]. К такому же заключению склонялся и Й. Маркварт[33]. К. Миллер, работавший с одной картой, поместил Бармуни в районе Бендер или Тирасполя на Днестре[34]. О. Талльгрен-Туулио, в распоряжении которого имелся дополнительный материал из т.н. "Малого Идриси" (сокращенной авторской редакции "Нузхат ал-муштак"[35]), считал, что под сходным названием у ал-Идриси упомянуто несколько городов, в том числе Теребовль, известный город Галицкой Руси[36]. Б.А. Рыбаков, относивший информацию 4-й и 5-й секций VI климата к разным городам, при определении местонахождения Бармуни из 4-й секции исходил из того, что она отстоит на 9 дней пути не от Зака, а, по его выражению, от "неизвестного пункта", и искал Бармуни в устье Днестра, что предопределило отождествление ее с Белгородом-Днестровским[37]. Т. Левиц-

кий, полагая, что все упоминания о Бармунии у ал-Идриси относятся к одному пункту, отметил неясность информации, которой пользовался арабский географ, и возможность того, что он перепутал Днестр с Днепром. Т. Левицкий предложил конъектуру *Турубийа и видел в Бармунии город Туров над Припятью[38]. Впоследствии к его точке зрения присоединился Б. Недков[39].

Как видно, относительно местонахождения городов Зака и Бармуни был выдвинут целый ряд предположений, поскольку информация источника слишком скудна, чтобы ее можно было однозначно интерпретировать. Точка зрения Т. Левицкого, в общем наиболее обстоятельно аргументированная сравнительно с прочими, представляется нам уязвимой в двух отношениях. Во-первых, Т. Левицкий, как и почти все другие авторы, исходит из допущения, что в сообщениях ал-Идриси содержатся более или менее значительные неточности: в данном случае, по мнению Т. Левицкого, географ перепутал Днестр с Днепром и несколько городов. Предположение о том, что в 4-й и 5-й секциях VI климата упомянут один и тот же город – Туров, оставляет без объяснения следующий вопрос: почему же сам ал-Идриси был твердо уверен в том, что речь идет о разных городах, которые он нанес на карту – Бармуни на Днестре и Бармунису на Днепре. Во-вторых, Т. Левицкий не учел того, что Зака и Бармуни являются, по определению ал-Идриси, "наиболее отдаленными" городами Руси, чего нельзя сказать ни о Сакове, ни о Турове.

Затруднения, возникающие при локализации городов Зака и Бармуни, на наш взгляд, не в последнюю очередь связаны с тем, что дорожник Сармали–Зака–Бармуни–Галисийа рассматривается всеми исследователями как реально существующее пространственное единство, т.е. как маршрут, пройденный от начала и до конца именно в такой последовательности одним из информаторов ал-Идриси. Однако имеется одно обстоятельство, заставляющее усомниться в правомерности такого подхода.

Существуют явные свидетельства того, что оба сообщения ал-Идриси о наших городах опираются на данные не одного, а двух (или нескольких) информаторов. На это указывает использование географом разных мер длины при определении расстояний между городами. В самом деле, при первом упоминании этих населенных пунктов в составе маршрута, ведущего из Польши в Поднестровье, расстояние между Сармали и Зака измеряется в переходах, а между всеми остальными городами дорожника, в том числе Зака, Бармуни и Галисийа, – в милях. Когда обо всех четырех городах заходит речь вторично, при описании Юго-Западной Руси, расстояние между Сармали и Зака, а также между Зака и Бармуни выражено в переходах, а путь от Бармуни до Галисийи измерен в милях. Кроме того, о существовании у ал-Идриси нескольких источников информации говорит и отнесение городов Сармали и Зака то к польским, то к русским. Наконец, состав сообщений о рассматриваемых городах в 5-й секции VII климата "Малого Идриси"[40] показывает,

что в распоряжении ал-Идриси имелись и другие маршрутные данные об этих городах, не включенные им по каким-то причинам в состав основного сочинения. Таким образом, есть все основания полагать, что приведенный ал-Идриси единый маршрут Сармали–Зака–Бармуни–Галисийа на самом деле является реконструкцией географа, составленной им по материалам различных источников информации.

Картографическое изображение рассматриваемого маршрута также несет на себе следы творческой работы ал-Идриси, а не является следствием механического переноса на карту текстуальных данных. Согласно карте, все четыре города стоят на левобережье Днестра, в то время как в тексте лишь о двух из них – о Сармали и Зака – сказано, что они расположены у реки, а относительно местонахождения Бармуни и Галисийи никаких указаний нет.

Для того, чтобы объяснить, почему ал-Идриси счел нужным дать именно такую интерпретацию имевшихся у него сведений, рассмотрим сведения о городах Сармали, Зака, Бармуни и Галисийа в контексте представлений ал-Идриси о политической географии Карпато-Днестровского региона. Из структуры 4-й секции VI климата ясно, что "наиболее отдаленные" города Руси следует искать на ее юго-западных рубежах. Как мы видели, эти города появляются в составе дорожника, описывающего маршрут из Кракова к верховьям Днестра, а упоминание города Галисийи прямо указывает на Галицкое княжество[41]. Что же было известно арабскому географу о юго-западных границах Руси?

На карте к "Нузхат ал-муштак" русские земли начинаются к востоку от Днестра. К западу от Руси располагалась Булуния (Польша), а за Днепром и далее к востоку простиралась Кумания (Половецкая земля). Что касается южного рубежа Руси, то обращает на себя внимание тот факт, что ал-Идриси на своей карте никак не определяет политический статус Карпато-Днестровских земель: в междуречье Дуная и Днестра он не нанес на карту ни одного наименования какого-либо политического образования. Согласно карте, эта территория не относилась ни к дунайской Болгарии, северной границей которой был Нижний Дунай, ни к Руси, подписанной на картах на левобережье Днестра, ни к Кумании, начинавшейся к востоку от Днепра[42].

Вместе с тем в тексте сочинения присутствует сообщение, не попавшее на карту, но дающее информацию относительно политической принадлежности Днестровско-Дунайского междуречья. Во вводной части к 5 секции VI климата, приводя общее описание Черного моря, ал-Идриси перечисляет страны, расположенные вдоль черноморских берегов: "На южном берегу этого моря, там, где он соприкасается с западным, лежит страна Хараклийа (Гераклея Понтийская), затем [следуют] страна ал-Калат (Галатия), страна ал-Бунтим (Понт), страна ал-Хазарийа[43], страна ал-Куманийа, [страна] ар-Русийа и земля бурджан (дунайских болгар)"[44]. Ал-Идриси, таким образом, сообщает, что Русь одним из своих рубежей имела черноморское побережье от западных пределов

Кумании (простиравшихся, согласно карте ал-Идриси, до Днепра), и до владений Болгарии, северной границей которой являлся Нижний Дунай.

Любопытно, что арабский ученый второй половины XIV – начала XV в. Ибн Халдун, оставивший в одном из своих сочинений описание карты ал-Идриси, дважды подчеркнул, что Русь и Болгария лежат на побережье Черного моря и имеют общую протяженную границу: по его словам, "Русь окружает страну бурджан" с запада, севера и востока[45].

Попытаемся объяснить, почему информация о том, что Русь имела выход к Черному морю, не нашла отражения на карте ал-Идриси, где в качестве южного рубежа русских земель выступает Днестр. На основании текста "Нузхат ал-муштак" трудно полагать, что сведения географа о Днестре касались всего течения реки. Вряд ли ему были хорошо известны низовья реки; в противном случае он смог бы привести название стоянки в устье Днестра, которую он упомянул в одном из маршрутов плавания по Причерноморью[46]. Скорее, ал-Идриси знал лишь верхнее и, может быть, среднее течение реки. Это видно из дорожника, в составе которого описаны наши города: маршрут идет из Польши к верховьям Днестра, где находится город Сармали. Далее недвусмысленно сказано, что ниже его по течению реки расположен город Зака, а относительно городов Бармуни и Галисийа сообщения ал-Идриси допускают двоякую интерпретацию – такую, которую предложил сам ал-Идриси, выступая в роли картографа, когда он продолжил маршрут вдоль Днестра, и иную, согласно которой эти города следует искать в стороне от реки, поскольку об их местонахождении у реки ничего не сказано.

Как показали исследования К. Миллера и Б.А. Рыбакова, следовать за картой в интерпретации данного сообщения невозможно, не приходя в противоречие с текстом источника. Это является косвенным свидетельством того, что город Бармуни стоит не на Днестре. Показания же карты можно объяснить следующим образом. Когда ал-Идриси выступал в роли картографа, он в общем старался во всем следовать тексту. Например, город Сармали на картах помещен к северу от реки, как и говорится в описании. Относительно же городов Бармуни и Галисийа ал-Идриси располагал очень ограниченной информацией, зная лишь, что они являются русскими, причем пограничными населенными пунктами. Поэтому на карте оба города оказались на левом берегу Днестра – там, где для ал-Идриси начиналась русская земля, хотя реально маршрут мог иметь и другое направление. Поместить Бармуни и Галисийю к западу от Днестра ал-Идриси не мог, так как практически ничего не знал о территории между Карпатами, Днестром и Нижним Дунаем. В "Нузхат ал-муштак" не упоминаются ни крупные реки – Прут и Сирет, ни города этого региона.

Некоторую информацию, с помощью которой, как нам кажется, можно уточнить местонахождение рассматриваемых городов, дает "Малый Идриси". В 5 секции VII климата там упомянуты города Зака (Зана), Бармунийа (Бармуни) и Галисийа, причем о них говорится в

составе маршрута, где их положение определено не по отношению друг к другу, как в 4 секции VI климата "Нузхат ал-муштак", а относительно других городов, находящихся в районе Нижнего Дуная и к югу от него – в Добрудже и Болгарии. В качестве центра, куда сходились торговые пути из городов Зака, Бармунийа и Галисийа, выделяется упоминаемый и в "Нузхат ал-муштак" Преславец на Дунае (Бараскласфиса). При этом расстояние между городами Бармунийа и Галисийа, указанное в маршруте из 4 секции VI климата "Нузхат ал-муштак", почти точно совпадает с расстоянием, приведенным в "Малом Идриси": соответственно 200 миль (или 10 переходов, пользуясь пересчетом миль в переходы, употребляемым ал-Идриси для этого маршрута) и 8 переходов[47].

В таком случае маршрут, описанный в 4 секции VI климата "Нузхат ал-муштак", будет целиком относиться к городам Галицко-Волынской Руси и входившей в сферу ее влияния территории до Дуная. Сармали и Зака в соответствии с текстом следует искать в районе верховий Днестра – это, как уже говорилось, Перемышль и, по всей вероятности, Звенигород, расстояние между которыми составляет около 280 км по прямой и с учетом кривизны реального пути между ними примерно равно указанным в источнике 240 милям, или 12 переходам. От Зака маршрут пойдет на юг, где по Сирету, Пруту и другим рекам пролегал торговый путь из Галицко-Волынской Руси на Дунай и в Византию. На территории между Карпатами и Днестром обнаружено большое количество нумизматического материала и предметов христианского культа, свидетельствующих о существовании тесных экономических, культурных и религиозных связей между населением указанного региона, южнорусскими княжествами и Византией[48]. Наиболее соответствует цифровым данным ал-Идриси[49] и одновременно с этим обеспечен археологическими материалами за XII в. город Пятра (Камень). Город расположен в небольшой котловине, пересекаемой р. Бистрицей, на территории, освоенной еще в период неолита и густонаселенной в XII в. Археологические раскопки открыли здесь большое количество ремесленных и сельскохозяйственных орудий, предметов быта и вооружения[50]. О том, что этот город хорошо знали на Руси, говорит упоминание о нем в летописном "Списке русских городов дальних и ближних" (XIV в.) под наименованием "Корочюнов камен"[51].

В 5 секции VI климата сочинения ал-Идриси в числе русских городов назван город Саклахи[52]. Поскольку на картах он подписан между Дунаем и Днестром, неподалеку от безымянной горы, отождествляемой с Карпатами[53], некоторые исследователи относят его к территории Карпато-Днестровских земель[54]. На наш взгляд, Саклахи не может быть точно локализован, ибо о нем нет никакой информации в тексте "Нузхат ал-муштак": он просто упоминается среди прочих русских городов. Предлагаемая обычно в литературе идентификация Саклахи с Сучавой[55] несостоятельна, поскольку XII–XIII вв. на территории города представлены отдельными изолированными находками, а сплошной

культурный слой отсутствует. Как подчеркивают исследователи, население Сучавы в XII–XIII вв. было немногочисленным и разрозненным, а начало процесса урбанизации может быть отнесено ко времени не ранее середины XIV в.[56]

Для наших целей, однако, не столь существенно, какой именно город скрывается под названием Саклахи. Важно другое – то, что ал-Идриси локализовал его в Днестровско-Дунайском междуречье. Это свидетельство географа лишний раз говорит о существовании в XII в. на территории Карпато-Днестровских земель значительных масс древнерусского населения, о наличии которого в указанном регионе известно и по другим источникам, как письменным, так и археологическим[57].

При оценке сведений ал-Идриси о городах Юго-Западной Руси и Нижнего Подунавья необходимо иметь в виду, что по своему характеру его сообщения являются торговыми маршрутами, информация о которых восходит к рассказам европейских, византийских и арабских купцов и путешественников[58]. Отсюда следует, что, во-первых, сведения ал-Идриси о тех или иных населенных пунктах, как правило, современны автору. С уверенностью датировать данные ал-Идриси о городах Карпато-Днестровских и нижнедунайских земель первой половиной – серединой XII в. позволяет и то обстоятельство, что у арабо-персидских авторов более раннего времени просто нет упоминаний о населенных пунктах этого региона. Во-вторых, можно полагать, что сообщения географа о политическом облике Карпато-Днестровских земель и Нижнего Подунавья (помещенные во введении к 5 секции VI климата "Нузхат алмуштак" и в предисловии ко всему сочинению) опираются в значительной степени на маршрутные данные. Поэтому утверждение ал-Идриси о том, что границы Руси выходили к Черноморскому побережью в районе Днепро-Дунайского междуречья, имеет своим источником, скорее всего, находившиеся в распоряжении географа морские лоции Черного моря. В таком случае данное свидетельство ал-Идриси следует рассматривать как указание на принадлежность Руси ряда причерноморских городов в междуречье Дуная и Днепра.

На этом отрезке черноморского побережья ал-Идриси называет четыре пункта – город Аклибу (Килия/Ликостомо) в устье Дуная, безымянную стоянку в устье Днестра, город Кувла (предположительно отождествляемый с поселением в устье р. Б. Куяльник) и город Мулиса/Улиски (Олешье) в устье Днепра[59]. Поскольку из всех этих населенных пунктов один только город Олешье перечислен им в списке русских городов[60], а про политическую принадлежность прочих говорится лишь во введении, логично предположить, что в текст сочинения попала далеко не вся информация, которой располагал географ. О том, что это вполне вероятно, мы видели на примере города Саклахи: локализовать город, руководствуясь данными текстуальной части "Нузхат алмуштак", нет никакой возможности, однако из того, что на карте город помечен, следует, что какая-то – неизвестная нам – информация об этом

пункте у ал-Идриси все-таки была. Точно так же происходит и с сообщениями о Днепровско-Дунайском междуречье: не приходится сомневаться в том, что в распоряжении ал-Идриси имелись какие-то данные о русском присутствии в этом регионе, которые и позволили ему прийти к заключению о принадлежности Руси части черноморского побережья, но о содержании этих данных мы можем только догадываться.

К счастью, надежная датировка рассматриваемых сообщений ал-Идриси первой половиной – серединой XII в. позволяет сопоставить их с давно известными в историографии данными древнерусских и византийских источников, говорящих о присутствии Руси на Нижнем Дунае в это время. Таким образом, у нас появляется еще одно, причем вполне достоверное, свидетельство того, что регион Нижнего Подунавья входил с сферу непосредственных политических и экономических интересов Древней Руси, которой в первой половине – середине XII в. принадлежало там серьезное влияние, позволившее арабскому географу отнести Карпато-Днестровские земли вплоть до Дуная к территории Руси.

Примечания

[1] *Пашуто В.Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 169; *Он же.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 207–208; *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969. С. 124; *Литаврин Г.Г.* Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7. С. 43–44.

[2] *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964. С. 79–80; История Молдавской ССР: В 6 т. Кишинев, 1987. Т. 1. С. 250–256; *Frances E.* Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube // BSl. 1959. T. XX. N 1. P. 50–62; *Павлов П.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // Добруджа. 1986. Сб. 3. С. 11–20.

[3] *Bănescu N.* La domination byzantine sur les régions du Bas-Danube // Bull. de la sect. hist. de l'Académie Roumaine. 1927. T. 13. P. 10–22; *Giurescu C.C.* Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea. Buc., 1967. P. 31–32; *Diaconu P.* Despre situaţia politică la Dunărea de Jos în secolul al XII-lea // SCIVA. 1976. T. 27. N 3. P. 293–307; *Idem.* Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles. Buc., 1978. P. 96–102; *Spinei V.* Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională în secolele X–XIII: Români şi turanici. Iaşi, 1985. P. 79–80; *Spinei V.* Moldavia in the 11th-14th Centuries. Buc., 1986. P. 45–47; *Рабинович Р.А.* Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. (Историко-археологическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997. С. 6–7, 16.

[4] *Рыбаков Б.А.* Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43. С. 44; *Мохов Н.А.* Очерки истории формированиия молдавского народа. Кишинев, 1978. С. 65; *Князький И.О.* Письменные источники о кочевниках в Днестровско-Карпатских землях XI–XII вв. // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983. С. 14 и след.

[5] *Iorga N.* Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Albă. Buc., 1899. P. 29–30; *Diaconu P.* Les Coumans au Bas-Danube. P. 91–92.

[6] Нам уже приходилось обращать внимание на эти сообщения ал-Идриси. См.: *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 53–57; *Она же.* О южных пределах древнерусских княжеств в первой половине XII в. / Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рожд. акад. Д.И. Багалея. Тезисы докл. науч. конфер. 16-18 апреля 1997 г. Харьков, 1997. С. 77; *Она же.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 133–143. В нашем дальнейшем изложении мы в целом следуем тем положениям, которые были высказаны в указанных работах.

[7] О структуре сочинения ал-Идриси см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 23–24.

[8] *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII. P. 903.

[9] Ibid. P. 890.

[10] Ibid. P. 904.

[11] Ibid. P. 892.

[12] *Miller K.* Mappae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten. Stuttgart, 1927. Bd. VI. Taf. 54–55.

[13] *Lewicki T.* Polska i kraje sąsiednie w świetle "Księgi Rogera" geografa arabskiego z XII w. al-Idrisi'ego. W-wa, 1954. Czesc 2. P. 120-121.

[14] *Тихомиров М.Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 336.

[15] Историографию вопроса см.: *Lewicki T.* Polska. S. 120-122.

[16] Ibid. S. 196–197; *Недков Б.* България и съседните й земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960. С. 105.

[17] *Lewicki T.* Polska. S. 196–197.

[18] *Петрушевич А.* Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-Словацкой области, а другий по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Науковый сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, 1865. Вып. 1. С. 37–38.

[19] Многолетняя дискуссия по поводу аутентичности этой грамоты, подлинник которой неизвестен, до сих пор не привела исследователей к какому-либо определенному мнению. Румынские и российские историки считают грамоту подделкой ее издателя Б.П. Хашдеу. В то же время как к надежному источнику к ней обращались А.А. Зимин, В.Т. Пашуто, В.М. Потин и др. Историографию см.: *Мохов Н.А.* Молдавия эпохи феодализма. С. 81–83. Из последних работ на эту тему: *Рабинович Р.А.* Карпато-Днестровские земли. С. 7.

[20] Т. Левицкий считает правильным чтение Зака, из которого вследствие ошибок переписчиков получилось написание Зана, а затем и Зала (*Lewicki T.* Polska. S. 191).

[21] *Lelewel J.* Géographie du moyen âge. Bruxelles, 1852. T. III. P. 166; *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Leipzig, 1903. S. 195–196.

[22] *Константин.* С. 156/157.

[23] Там же. С. 162/163, 172/173.

[24] *Miller K.* Mappae arabicae. Stuttgart, 1926. Bd. II. S. 150.

[25] *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi: Sections VII 3; VII 4; VII 5. Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusq'a la peninsule balkanique au Sud / Edition critique, traduction, études. Helsinki, 1936. P. 151–152.

[26] *Рыбаков Б.А.* Русские земли. С. 15–16.

[27] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 904.

[28] La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P. Amédée Jaubert. P., 1840. T. II. P. 390.

[29] *Рыбаков Б.А.* Русские земли. С. 16.

[30] *Lewicki T.* Polska. S. 191.

[31] Об этом топониме см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 128–129 (там же библиография).

[32] *Lelewel J.* Géographie. P. 169–170.

[33] *Marquart J.* Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. S. 197.

[34] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. II. S. 150.

[35] О "Малом Идриси" см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 8–9 (там же библиография).

[36] *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 149–150, 153–154.

[37] *Рыбаков Б.А.* Русские земли ... С. 16, 32.

[38] *Lewicki T.* Polska. S. 193–195.

[39] *Недков Б.* България. С. 151–152.

[40] *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 40–42.

[41] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 909.

[42] *Miller K.* Mappae arabicae. Bd. VI. Taf. 54–55.

[43] Несмотря на то, что Хазарское государство прекратило свое существование еще в X в., ал-Идриси пишет о Хазарии как о современной ему стране (подробнее см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 189–191).

[44] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 905. Указание на то, что Русь входила в число черноморских стран, имеется и в описании Черного моря, содержащемся в предисловии ко всему сочинению ал-Идриси (Ibid. Neapoli; Romae, 1970. Fasc. I. P. 12; перевод отрывка на русский язык см. в Приложении).

[45] *Ibn Khaldun.* The Muqaddimah: An introduction to history / Transl. from the Arabic by F. Rozenthal. New York, 1958. T. 1. P. 160.

[46] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 909.

[47] *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 40–42.

[48] *Spinei V.* Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire a la lumière des sources archéologiques // Dacia. 1975. T. 19. P. 227–242.

[49] Расстояние от Зака до Бармуни равно 180 милям, или 9 переходам, что составляет от 250 до 320 км, принимая во внимание неодинаковую величину мили, которую употреблял ал-Идриси в том или ином случае. Расстояние между Звенигородом и Пятрой-Нямц в действительности составляет около 200 км по прямой, а с учетом кривизны пути как раз попадает в указанный промежуток. Между Бармуни и Галисийа расстояние определено в 8–10 переходов, т.е. 220–360 км, что вполне соответствует реальному расстоянию от Пятры до Галича, составляющему около 270 км.

[50] *Полевой Л.Л.* Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979. С. 58–59.

[51] *Тихомиров М.Н.* "Список русских городов дальних и ближних" // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 96, 100.

[52] *Al-Idrisi* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 912.

[53] *Lewicki T.* Południowe stoki Karpat w świetle opisu al-Idrisi'ego (1154 r.) // Etnografia polska. 1962. T. 6. S. 65.

[54] *Недков Б.* България. С. 104–105. Историографию см.: *Tallgren-Tuulio O.J.* Du Nouveau sur Idrisi. P. 185.

[55] *Cihodaru C.* Litoralul de apus al Mării Negre şi cursul inferior al Dunării în cartografia medievală (sec. XII–XIV) // Studii. 1968. N. 2. P. 222.

[56] *Полевой Л.Л.* Очерки. С. 47–48.

[57] *Мутафчиев П.* Избрани произведения. София, 1973. Т. II. С. 176 и след.; *Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф.* Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Кишинев, 1974. С. 5, 9–11 и др.; *Павлов П.* За руского присъствие на Долни Дунав. С. 12.

[58] Подробнее об источниках сведений ал-Идриси о Карпато-Днестровских землях см.: *Коновалова И.Г* Арабские источники. С. 17–19; *Она же.* Восточная Европа. С. 24–31.

[59] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 909. Локализацию см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 162.

[60] *Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 912–913.

Глава 9

Древнерусские купцы в Подунавье

Дунай (греч. Истр) – вторая по протяженности (2850 км) река в Европе – издавна использовалась как важнейшая транспортная артерия не только населением Дунайского бассейна, но и народами, проживавшими на некотором удалении от него, в том числе и восточными славянами. Практически со всеми регионами Подунавья Древняя Русь поддерживала в IX–XIII вв. самые разнообразные контакты (и политические, и экономические, и этнические и культурные). Они уже не раз становились предметом внимания преимущественно в исследованиях историков, но гораздо хуже изучены на археологическом материале[1]. В эпоху средневековья в целом ряде дунайских центров велась оживленная торговля, в которой участвовали и немецкие, и еврейские, и венгерские, и чешские, и византийские, и сербские, и болгарские, и итальянские, и молдавские, и древнерусские купцы[2]. Однако до сих пор остается окончательно невыясненным вопрос, кто же (отечественные или иноземные купцы) играли более активную роль в торговом обмене Руси с разными областями Подунавья. Письменные источники чаще всего не позволяют дать на него однозначный ответ.

Поэтому наиболее продуктивным и перспективным методом решения проблемы представляется сопоставление письменных и археологических материалов. Рассмотрение тех и других целесообразно проделать не в целом по Дунаю (по всему течению которого в эпоху средневековья не осуществлялась сквозная навигация), а по отдельным историко-географическим регионам. Традиционно выделяются три участка Дунайского бассейна:

1) Верхний Дунай – протяженностью 970 км (от истоков на восточных склонах гор Шварцвальда в Западной Германии и до Вены);

2) Средний Дунай – 949 км (от Вены и до Железных Ворот Джердапа на стыке границ Сербии с Болгарией и Румынией);

3) Нижний Дунай – 931 км (от румынского г. Турну-Северин и до впадения реки тремя рукавами в Черное море).

Прежде всего обратимся к письменным источникам X–XIII вв., неравномерно освещающим торговые связи с Русью трех вышеуказанных областей Подунавья (см. табл. 1). Для чистоты анализа прежде всего привлекаются сведения лишь по средневековым дунайским центрам без учета данных по пунктам, лежащим в стороне от течения Дуная, поскольку их товарный обмен с древнерусскими землями мог осуществляться иными путями.

Начнем обзор с Верхнего Подунавья. В письменных материалах отложилось девять прямых свидетельство о торговых отношениях его центров (Раффельштеттена, Регенсбурга, Энса, Маутхаузена) с Русью. Древнейшее из них – упоминание о "приходящих для торговли" в Баварскую Восточную марку "ругов и богемов" в Раффельштетенском таможенном уставе 903–906 гг., породившего многочисленную литературу, в которой все же преобладает наиболее аргументированное мнение об отождествлении "ругов" с древними русами[4]. Собственно в самом Раффельштеттене оживленная торговля не велась, там лишь был составлен этот документ, определявший размеры пошлин, которые взимались в начале IX в. на Верхнем Дунае с местных и приезжих торговцев. В источниках XI–XII вв. лучше всего отражены контакты с Русью крупнейшего по тем временам верхнедунайского центра Регенсбурга, к которому относится шесть свидетельств. "Возы, направляющиеся на Русь или из Руси" упоминаются в грамоте 1191/1192 гг. штирийского герцога Оттокара IV, подтвердившего сложившиеся еще при его отце Оттокаре III таможенные порядки на рынке г. Энса[5]. В июле 1192 г. новый австрийский и штирийский герцог Леопольд V установил таможенные и торговые привилегии на территории Австрии для регенсбургских купцов, в том числе и торговавших с Русью так называемых "русариев" (ruzarii)[6]. Наконец, по уставу австрийского герцога Леопольда VI (1198–1230) в Маутхаузене взималась пошлина по три фунта серебра с купеческих возов, идущих из Венгрии и Руси[7].

Таблица 1

Письменные свидетельства торговых связей средневековых дунайских центров с Русью в X–XIII вв.

Дунайские центры	Количество письменных свидетельств				Древнерусские импорты
	X в	XI в	XII в	XIII в	–
Раффельштеттен	1	–	–	–	–
Регенсбург	–	1	5	–	–
Энс	–	–	1	–	–
Маутхаузен	–	–	–	1	–
Эстергом	–	–	–	1	+
Пешт	–	–	–	1	+
Доростол	–	–	1	–	+
Переяславец	–	1	–	–	+

Для Среднего Подунавья мы имеем лишь одно свидетельство – таможенный устав королевского города Эстергома (Венгрия), дошедший по документу 1288 г,. но восходящий еще к 1198 г. В нем говорится о купцах, наведывавшихся в Эстергом и Пешт из Руси[8].

В числе немногочисленных письменных свидетельств торговли с Русью Нижнего Подунавья в научной литературе чаще всего ссылаются на слова великого киевского князя Святослава Игоревича о торговом значении Переяславца, находившегося, скорее всего на месте румынского села Нуфэру (бывш. Прислава) на правом берегу дунайского рукава Св. Георгия, южнее г. Тулчи[9]. По Повести временных лет Святослав заявил в 969 г. своей матери княгине Ольге и киевским боярам: "Не любо ми есть в Киеве быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середа земли моей, яко ту вся благая сходятся: от Грек злато, поволоки, вина и овощеве разноличныя, из Чех же, из Угорь сребро и комони, из Руси же скора и воск, мед и челядь"[10]. Когда же и каким образом была составлена эта летописная речь? Явно не во времена Святослава Игоревича, а гораздо позднее, в XI в., и на основе преданий. Устная традиция донесла, по-видимому, лишь объяснение Святославом переноса резиденции из Киева торгово-экономическим значением Переяславца на Дунае, под которым подразумевался явно Преслав Великий – крупнейший торговый центр Болгарии X в.

Действительно, если упомянутый в речи 969 г. перечень византийских и древнерусских экспортных товаров (золото, дорогие ткани, вино, южные фрукты – из Византии; меха, воск, мед, рабы – из Руси) соответствует торговому обмену между двумя странами и в X, и в XI–XII вв., то серебро вряд ли вывозилось в X в. из Чехии и Венгрии в Нижнее Подунавье и на Русь. Ни по письменным, ни по археологическим, ни нумизматическим данным нельзя проследить массовое поступление серебра в нижнедунайские центры ни в X, ни в XI–XII вв. Серебро в виде венгерских и чешских монет-денариев ввозилось в XI в. (а не во времена князя Святослава) на Русь, но не на Нижний Дунай[11]. Таким образом, летописей XI дополнил торгово-экономическую характеристику Переяславца на Дунае (то есть Преслава Великого, а в более широком смысле всего Нижнего Подунавья) второй половины X в. современными ему сведениями о торговых связях Руси.

Имеется достоверная информация о связях с Русью еще одного из нижнедунайских центров – Доростола (совр. Силистра). Живший в столице империи византийский ученый и литератор Иоанн Цец (1110–1180 гг.) получил около середины XII в. в подарок от своего близкого друга, митрополита Доростола мальчика "Севальда, переименованного им в Феодора, и вырезанную таврами, то есть росами, чернильницу из рыбьей кости, покрытой затейливой резьбой"[12]. Под "рыбьей костью" подразумевается моржовый клык, добывавшийся к северу от Новгорода. Письмо Иоанна Цеца нельзя использовать в качестве доказательства тезиса о поступлении рабов из Руси на Нижний Дунай в XII в., ибо Севальд был "мизийцем" (болгарином), а не русским[13].

С середины XII в. наиболее активную роль в Нижнем Подунавье стал играть Галич, потеснивший Киев в данном направлении внешней торговли Руси. Галицкие купцы добирались в нижнедунайские центры

как по рекам (прежде всего Днестру и Пруту) и Черному морю, так и сухопутными дорогами, вдоль которых на территории Молдовы концентрируются находки древнерусских ремесленных изделий (пряслиц из овручского сланца, дверных трубчатых замков, бронзовых крестов-реликвариев): Битца Доамней, Глинча (Хлинча), Додешти, Кэндешти, Пьятра Нямц, Спиноаса и др.[14]

Об активности галицких князей в Нижнем Подунавье свидетельствуют сообщения Ипатьевской летописи о деятельности Ивана Ростиславича Берладника. Возглавляемые им вольные русские люди ("берладники"), находясь в дунайских городах, около 1159 г. совершили нападения на два речных судна и на галицких рыболовов[15]. Ограбленные на Нижнем Дунае судна с товарами, очевидно, принадлежали галицкому князю Ярославу Осмомыслу, с которым Иван Берладник вел борьбу за власть. Бежавшие из Руси вольные "берладники" имели опорные базы на левом берегу Дуная, в бассейне реки Берлад (современная Бырлад) и занимались пиратством. Приписываемая Ивану Берладнику грамота 1134 г. является фальшивкой и не может быть использована в качестве источника по истории торговли Руси с Нижним Подунавьем[16].

Обратимся теперь к анализу археологических материалов из Подунавья. Для воссоздания торговых связей наиболее показательны находки не предметов роскоши, нередко поступавших в виде даров, а предметов массового потребления, производившихся массовыми сериями[17]. Пока, к сожалению, древнерусские импорты в зарубежных странах Европы совсем почти не используются археологами, исследующими внешнеторговые связи Древней Руси[18]. Среди вывозившихся в Западную, Центральную и Юго-Восточную Европу изделий древнерусского ремесла XI–XIII вв. преобладают пряслица для прядения из розового и фиолетового овручского шифера, глиняные поливные полихромные яйца-писанки, железные висячие трубчатые замки, бронзовые кресты-энколпионы. Выявление их находок позволяет делать статистические подсчеты относительно размаха и динамики международной торговли Древней Руси, хотя, являясь мелкими сопутствующими товарами (а иногда и личными вещами купцов), они, конечно, не составляли основной объем вывоза. В древнерусском экспорте, в том числе и в Подунавье, преобладали иные товары – рабы, пушнина, воск, кожа, археологически невыявляемые. Тем не менее картографирование древнерусских импортов дает определенные результаты.

Карта находок древнерусских ремесленных изделий в Подунавье (см. рис. 1) кардинально отличается от картины торговых контактов с Русью, реконструируемой на базе письменных источников (см. табл. 2, 3). В археологической литературе о Верхнем Подунавье удалось найти сведения лишь об одной находке пряслица из овручского шифера из Айслингена на р. Фильс (Германия), недалеко от известного в эпоху

средневековья дунайского торгового центра Ульма[19]. В Регенсбурге, Энсе, Вене древнерусские импорты пока не выявлены

Гораздо больше древнерусских ремесленных изделий встречается в центрах Среднего Подунавья Среди них преобладают бронзовые кресты-энколпионы с рельефно-выпуклыми изображениями Распятия и Богоматери второй половины XI–XII вв , открытые в Ракошпалоте (территория современного Будапешта), Белграде и с Брестовик в Восточной Сербии[20] Более поздние складни с аналогичными первой разновидности крестов сюжетами, выполненными в технике мелкого уплощенного рельефа в первой трети XIII в , обнаружены в Эстергоме, и Чуте (в пределах современного Будапешта)[21] Точное место находки еще одного подобного энколпиона, хранящегося в Музее прикладного искусства в Белграде, неизвестно[22] Кроме того, два фрагментированных образца древнерусских трубчатых висячих замков XI–XII вв найдены во время раскопок в Эстергоме[23]

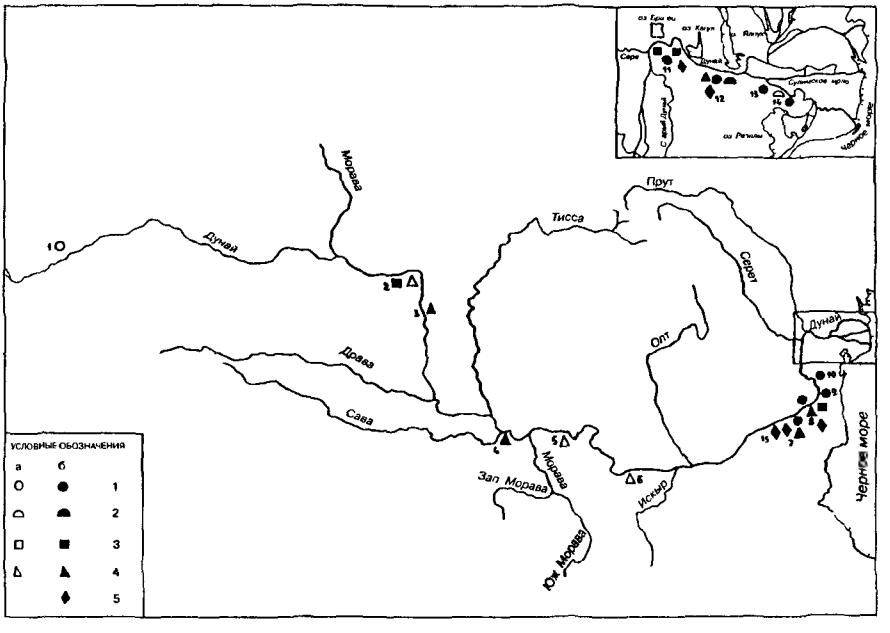


Рис 1 Карта распространения древнерусских импортов по течению Дуная

1 – Айслиигеи, *2* – Эстергом, *3* – Будапешт, *4* – Белград, *5* – Брестовик, *6* – Видин *7* – Силистра, *8* – Пэкуюл-луй-Соаре *9* – Черна вода, *10* – Капидава, *11* – Гарвэн *12* – Исакча *13* – Тулча, *14* – Нуфэру, *15* – Ветрен

Условные обозначеиия *1* – пряслица из овручского шифера, *2* – глиняные яйца-писанки, *3* – висячие трубчатые замки, *4* – кресты энколпионы, *5* – другие изделия древнерусского ремесла, *а* – единичные находки, *б* – групповые иаходки

Таблица 2

Находки древнерусских ремеслеиных изделий в дунайских центрах*

№ п/п	Местонахождения	Древнерусские ремесленные изделия					Наличие письменных свидетельств связей с Русью
		Пряслина из овруч-ского шифера	Трубчатые замки и ключи к ним	Глиняные яйца-писанки	Энколнионы	Другие изделия	
1	Айслинген	1	–	–	–	–	–
2	Эстергом	–	2	–	1	–	+
3	Будапешт	–	–	–	2	–	+
4	Белград	–	–	–	2	–	–
5	Брестовик	–	–	–	1	–	–
6	Видин	–	–	–	2	–	–
7	Силистра (Доростол)	ок. 30	–	–	2	+	+
8	О-в Пэкуюл-луй-Соаре	20	4	–	2	+	–
9	Черна вода (Аксиополь)	+	–	–	–	–	–
10	Капидава	+	–	–	–	–	–
11	Гарвэн (Диногеция)	ок 450	3	7	–	+	–
12	Исакча (Новиодунум)	+	–	6	7	+	–
13	Тулча	+	–	–	–	–	–
14	Нуфэру (Переяславец)	+1	–	1	–	–	+
15	Ветрен		–	–	2	–	–

* Знак "+" означает, что точное количество находок не установлено.

Таблица 3

Соотношение письменных и археологических свидетельств торговых связей Руси с Подунавьем*

Регион	Число письменных свидетельств					Находки древнерусских импортов*		
	X в	XI в	XII в	XIII в	X–XIII вв	XI–XII вв	XIII в	XI–XIII вв
Нижний Дунай	–	1	2	–	3	534/9	3/3	537/12
Средний Дунай	–	–	–	2	2	6/4	1/1	7/2
Верхний Дунай	1	1	6	1	9	1/1	–	1/1
Все течение Дуная	1	2	8	3	14	536/14	4/4	545/15

* В числителе указано количество находок древнерусских ремеслеиных изделий, в знамеиателе – число местонахождений древнерусских импортов.

Но по массовости находок древнерусских импортов на первом месте, бесспорно, находится Нижнее Подунавье (см. табл. 2). В румынской археологической литературе давно уже опубликованы вещи древнерусского происхождения из Гарвэн (античной Диногеции), о-ва Пэкуюл

луй-Соаре, Исакчи (Новиодунума) и других нижнедунайских центров[24]. Они представлены самыми разнообразными категориями находок, среди которых преобладают овручские шиферные пряслица – около 500 экземпляров, выявленных на поселениях в Гарвэн-Диногеции. Исакче, Нуфэру, Ветрене, Пэкуюл луй-Соаре, Мэчине, Черна воде, Тулче, Силистре, Капидаве[25]. Здесь обнаружено самое массовое после Польши скопление древнерусских писанок – свыше десятка образцов из Гарвэн, Исакчи, Нуфэру[26]. Чуть меньше известно древнерусских трубчатых замков (7 экземпляров) из материалов раскопок Гарвэн и Пэкуюл луй-Соаре[27]. Наконец, в Видине (Баба Вида), Исакче, Пэкуюл-луй-Соаре, Ветрене, Силистре встречаются находки большинства разновидностей древнерусских энколпионов XI–XII вв., в том числе ранний тип с изображением святых Бориса и Глеба (Исакча)[28]. Требуется проведение специальных спектральных анализов для точного определения места производства серии гладких и витых стеклянных браслетов круглого сечения из Гарвэн, Исакчи, Капидавы, Нуфэру, Мэчина, Пэкуюл луй-Соаре и других пунктов Нижнего Подунавья[29]. Лишь предположительно можно говорить, что часть из них могла быть привезена из Руси, поэтому пока они не учитываются при подсчетах. То же самое можно сказать и о янтарных бусах из Исакчи, Пэкуюл луй-Соаре, Силистры[30]. В нижнедунайских центрах зафиксированы и другие предметы древнерусского происхождения либо изготовленные на месте по древнерусским образцам.

Распространение находок древнерусских импортов из дунайских центров позволяет сделать следующие выводы. Их почти полное отсутствие в Верхнем Подунавье и сравнительно небольшое число в Среднем Подунавье как будто бы свидетельствует, что в торговле с Русью этих регионов более активную роль играли иностранные купцы из дунайских городов и гораздо меньше участвовали, по крайней мере, в XI–XIII вв. в поездках туда древнерусские торговцы. Качественно иная картина наблюдается в Нижнем Подунавье (свыше 500 находок вещей русского происхождения), где особенно заметно присутствие купцов из Древней Руси в XI–XII вв. В то же время совсем неизвестно о деятельности купечества из нижнедунайских центров на Руси.

Конечно, надо принимать во внимание, что значительная часть сопутствующих товаров оседала по одному из путей на Верхний Дунай на территории Польши и Чехии, где самые массовые находки древнерусских ремесленных изделий зафиксированы в польских землях. Но их минимальное количество в Среднем Подунавье можно, кажется, объяснить лишь редкими поездками туда древнерусских купцов. Ведь большинство находок из среднедунайских центров представлено крестами-энколпионами киевского производства, которые чаще всего распространялись не в качестве товаров, а в виде личных вещей путешественников, монахов, переселенцев. В Нижнем же Подунавье среди древнерусских импортов преобладают не кресты, а ремесленные изделия повсед-

невного спроса, например, пряслица из овручского шифера. И такое явление выглядит далеко не случайным[31].

Древнерусским купцам был хорошо знаком путь не только вдоль Черноморского побережья, но и вверх по Дунаю, важной международной торговой артерии, о которой так писала в XI в. Анна Комнина: "...Она протекает по обширной равнине и повсюду судоходна: по ней плавают самые большие груженые суда"[32]. С захватом Византией Болгарии и установлением ее политического господства в Нижнем Подунавье ее провинциальные рынки приблизились к границам Руси. Вследствие этого через территорию византийской фемы Паристрион с XI в. в древнерусские города стали поступать транзитом традиционные византийские товары (шелк, вина, оливковое масло, южные фрукты, специи, золотые серебряные, стеклянные изделия, поливная посуда).

И это можно подтвердить с помощью археологических и нумизматических данных. Например, клады и отдельные находки золотых, серебряных и медных византийских монет конца X–XII вв. концентрируются не только вдоль Днепровского пути, куда они прямо поступали из Константинополя, но и в находящемся по соседству с Нижним Подунавьем междуречье Прута и Днестра[33]. Византийские амфоры XI–XII вв., открытые в древнерусских центрах (Киев, Чернигов, Полоцк, Новогрудок и др.), похожи по форме и нанесенным на них знакам на соответствующие образцы из нижнедунайских центров (Диногеции, Доростола – Силистры, Свищова и других)[34]. Такие амфоры использовались в качестве тары для перевозки жидких и сыпучих продуктов (вина, оливкового масла, пряностей).

В обмен население византийской фемы Паристрион получало из Руси не только традиционные предметы восточнославянского экспорта – прежде всего меха, в меньшей степени воск, мед, лен. С XI в. в Нижнее Подунавье начали поступать также некоторые древнерусские ремесленные изделия, являвшиеся в основном сопутствующими товарами.

В XI – первой половине XII в. эти товары привозили в Нижнее Подунавье в основном из Киева по Днепру и Черному морю. По крайней мере до середины XII в. Киев доминировал среди других древнерусских центров в торговых и иных связях Руси с дунайскими провинциями Византии, позже эта роль перешла к Галичу. Начавшиеся с середины XI в. вторжения в Нижнее Подунавье кочевников – печенегов, узов и половцев, нарушившие стабильность византийской власти в Паристрионе, а также хозяйственной жизни местного населения, хотя и помешали, но не смогли прервать полностью торговый обмен между Русью и Нижним Подунавьем[35].

Для XII в. мы уже имеем и прямые свидетельства письменных источников о торговле Руси с дунайскими провинциями Византии. Наиболее ценным из них является, безусловно, сочинение арабского географа ал-Идриси "Развлечения истомленного в странствии по областям" ("Книга Рожера"), написанное около 1154 г. В нем помещена весьма интересная

информация о связях с Русью болгарского города Шумена (Масиунуса), расположенного к югу от Дуная: "Масиунус многолюдный город. В нем находится одна контора Руси. Это цветущий город. Имеет многочисленные рынки и изобилие природных богатств"[36]. Нельзя согласиться с мнением Б.А. Рыбакова, который относит данное сообщение Идриси к IX/X – началу XI в., то есть к эпохе Первого Болгарского царства[37]. Ведь Шумен превратился в крупный торгово-ремесленный центр лишь в XI–XII вв., а в IX–X вв. являлся крепостью, охранявшей подступы к древним болгарским столицам – Плиске и Преславу[38]. Сочинение ал-Идриси содержит наряду с информацией XI – первой половины XII в. более ранние книжные сведения IX–X вв. Но арабские географы этого времени имели весьма смутные представления о Дунайской Болгарии, иногда даже путая ее с Волжской Болгарией. Древнерусские купцы в IX–X вв. еще не посещали глубинные районы Болгарии, ограничиваясь мелкими торговыми сделками в болгарских гаванях Черного моря, в которые их суда заходили по пути в Константинополь.

В Шумене открыто несколько ремесленных изделий XI–XII вв., привезенных из Руси. Скорее всего, возникновение и функционирование в XI–XII вв. в нем древнерусского торгового подворья ("управы") было связано с его ролью перевалочного центра, через который восточнославянские товары переправлялись из нижнедунайских городов в глубь Болгарии по сухопутным дорогам, начинавшимся от Доростола (Силистры). Основываясь на значительном количестве находок древнерусских вещей, можно предположить, что такие же дворы восточнославянских купцов существовали и в ряде ключевых пунктов Дунайского пути – Диногеции, Исакче, Доростола (либо на близлежащем острове Пэкуюл-луй-Соаре).

На протяжении XI–XII вв. ведущие центры Руси (Киев, Галич и др.) вели активную торговлю в дунайских провинциях Византии, особенно в районе дельты Дуная и Добруджи в целом. Судя по археологическим данным древнерусские купцы весьма редко плавали по Дунаю выше по течению Доростола и никогда не заплывали за Железные Ворота. Несомненно, торговые операции русских купцов в нижнедунайских центрах осуществлялись в XI–XII вв за исключением кратковременного периода анархии и безвластья на Нижнем Дунае во второй половине XI – начале XII в. под контролем византийских властей фемы Паристрион. Ликвидация византийской власти на Дунае после возникновения в 1185 г. Второго Болгарского царства, захват крестоносцами в 1204 г. Константинополя, а затем и монгольское нашествие отрицательно сказались на торговых связях древнерусских земель с Нижним Подунавьем в XIII в. С тех пор по данным письменных источников ведущая роль в Добрудже перешла к итальянским купцам (преимущественно генуэзцам), торговые фактории которых размещались в Вичине (совр. Исакче), Килие (Ликостомо). Со второй половины XIII в. древнерусские импорты представлены в нижнедунайских центрах лишь единичными на-

ходками крестов-энколпионов, выполненных в технике мелкого уплощенного рельефа и попавших туда, скорее всего, вместе с переселенцами из восточнославянских земель. Таково же, очевидно, происхождение серебряных украшений с чернью из кладов, открытых на территории Молдовы (Войнешты, Оцелень), прилегающей к Нижнему Дунаю[32]. Отсутствие массовых предметов импорта XIV–XV вв. из Руси не позволяет использовать археологические материалы в качестве дополнительного источника по истории внешнеторговой деятельности средневекового русского купечества в бассейне Дуная, как, впрочем, и в других регионах Европы.

Примечания

[1] См., например, *Васильевский В.Г.* Труды. Т. I. Санкт-Петербург, 1908. С. 122–134; *Мавродин В.В.* Русские на Дунае // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия гуманитарных наук. Саратов, 1943. № 87. С. 3–18; *Котляр М.Ф.* Русь на Дунаі // УІЖ. 1966. № 9. С. 19–22; *Пашуто В.Т.* Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung im Österreich. Festschrift für E. Winter zum 80. Geburtstag. Wien etc., 1976. S. 235–239; *Назаренко А.В.* Имя "Русь" и его производные в немецких средневековых актах (IX–XIV вв.). Бавария – Австрия // ДГ, 1982 г. М., 1984. С. 86–129; *П. Павлов.* За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII вв. // Добруджа. Варна, 1986. № 3. С. 11–20; *Перхавко В Б.* Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987. с. 25–35.

[2] См. литературу о дунайской наигации и торговле по Дуиаю в эпоху средневековья: *Loehr A.R.* Beiträge zur Geschichte des mittelalterlichen Donauhandels // Oberbayerisches Archiv für vaterländische Geschichte. 1916. Bd. 60; *Fluss M.* Donaufahrten und Donauhandel im Mittelalter und in neueten Zeiten. Leipzig; Prag, 1920; *Hajnal H.* The Danube. Its historical, political and economic importance. Hague, 1920. P. 5–10, 109–112; *Bastian F.* Die Legende vom Donauhandel im Frühmittelalter // Vierteljahrschrift für Social – und Wirtschaftgeschichte. 1929. Bd. 22. H. 3/4. S. 289–332; Пловидба на Дунаву и његовим притокама кроз векове. Београд, 1983; *Todorova E.* River Trade im the Balkans during the Middle Ages // EB, 1984. N 4. P. 38–50.

[3] *Максаковский В.П.* Большой Дунай. М., 1963. С. 3–4; *Kowalenko W.* Dunaj // Slownik starożitnosci slowiańskych. Wrocław etc., 1962. T. 1. Cz. 2. S. 404–406.

[4] См.: *Васильевский В.Г.* Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 257. Июль. С. 121–150; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. 235–236; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия. IX – первая половиа XII в. Составление, перевод, комментарий М.Б. Свердлова. М.; Л., 1989. С. 15–32; *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков (тексты, перевод, комментарий), М., 1993. С. 59–100; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ, 1991 г. М., 1994. С. 21–61; *Он же.* Русско-германские связи древнейшей поры (IX–XI вв): Состояние проблемы. М., 1995. С. 37–39.

[5] Regensburger Urkundenbuch / J. Wiedemann. München, 1912. Bd. 1. N. 43. S. 13; *Bosl K.* Wirtschaftlichpolitische Beziehungen der Residenz- und Fernhandelstadt Re-

gensburg zum slavischen Osten // Beitrage zur Südosteuropa-Forschung. München. 1966. S. 316–325.

[6] Urkundenbuch zur Geschichte der Badenberger im Österreich. Wien, 1950. Bd. 1 N. 86 S. 118; *Bastian F.* Op. cit. S. 312–320; *Васильевский В.Г.* Древняя торговля... С. 144–145; *Пашуто В.Т.* Указ. соч. С. 235–236; *Назаренко А.В.* Имя "Русь" и его производные... с. 96; *Он же.* Русь и Германия в IX–X вв. С. 30.

[7] *Knittler H.* Eine Markt- und Zollordnung Herzog Leopolds VI // Mitteilungen des Instituts für Osterzeichische Geschichtsforschung. Wien, 1977. Bd. 85. S. 350.

[8] Monumenta ecclesial Strigonensis / Ed. F. Knauz. Strigonii, 1882. T. II. P. 238–241; *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т.* Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // История СССР. 1967. № 3. С. 86.

[9] *Перхавко В.Б.* О торговых контактах Киева с Болгарией в IX–XII вв. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984. С. 92–99; *Он же.* Летописный Переяславец на Дунае // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995. С. 168–182.

[10] ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 67.

[11] *Потин В.М.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968. С. 188–195, 218–222.

[12] Ioannes Tzetzes, Epistullae. Ed. P. Leone, Lipsiae, 1972. P. 120; *Бибиков М.В.* Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ, 1980 г. М., 1981. С. 67. См. более полную информацию о связях летописного Дерестра (Доростола) с Древней Русью в главе 2 нашей монографии.

[13] См.: *Рыбаков Б.А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. с. 474.

[14] *Spinei V.* Moldova in secolele XI–XII. Chişinau, 1992. P. 126–128. Fig. 17–21.

[15] ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 497.

[16] *Перхавко В.Б.* Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье. Политическая структура древнерусского государства. Тезисы докладов. М., 1996. С. 70–74; *Spinei V.* Moldova... P. 21, 177–179; См. более подробно о Берладнике главу 4 нашей монографии.

[17] *Даркевич В.П.* К истории торговых связей древней Руси (по археологическим данным) // КСИА. М., 1974. Вып. 138. С. 93–103.

[18] *Рыбина Е.А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978; *Толочко П.П.* Торговля древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981. С. 355–378; *Даркевич В.П.* Международные связи // Древняя Русь. Город, замок, село / Археология СССР. М., 1985. С. 387–399; *Зоценко В.Н.* Торговля в южнорусских землях (VIII – первая половина XIII в.) // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3. С. 470–485.

[19] *Maier R.A.* Frühmittelalterliche Steinspinnwirtel ans Donau-, Altmuhl- und Regengebiet Bauerns // Germania. Mainz, 1982. Jg. 60. H. 2. S. 580, 582. Abb. 1:4.

[20] *Barany-Oberschall M.* Byzantinische Pektoralkreuze aus ungarischen Funde // Forschungen zur Kunstgeschichte und christlichen Archäologie. Bd. 2. Baden-Baden, 1953. S. 229, 250; *Lovag Zs.* Byzantine Type Reliquary Pectoral Grosses im the Hungarian National Museum // Folia archaeologica. Budapest, 1971. T. XXII. P. 159. Fig. 5:3; *Перхавко В.Б.* Находки энколпионов на территории Югославии // СА. 1987. № 4. С. 207–211. Рис. 1–2, 5.

[21] Крест из Эстергома экспонируется в Музее Б. Балинта в Эстергоме (инв. № 53.105.1); *Gerevich L.* A kozepkori muzeum kunalasai az 1941–1942. Evben //

Budapest regisegei 1943 XIII S 441, *Idem* The Art of Buda and Pest im the Middle Age Budapest, 1971 P 28, 139 XVI, 45

[22] *Миловановић Д* Уметничка обрада неплеменитих метала на тлу Србије од позне антике до 1690 године Београд, 1985 С 84 № 191, Дополнительная информация о древнерусских крестах-энколпионах из музеев Венгрии и Сербии получена мною благодаря помощи коллег Ж Ловаг, Дж и М Янкович, Ст Душанича, Г Марьянович-Вуйович

[23] *Fettich N* Otvosmexter haguateka esztergombau u tatarjalas korabol // Komarom Megyei Muzeumok Kozlemenyei 1968 N 1 S 157, 179 Abb 2 1a–1b

[24] *Barnea I* Elemente de cultură materiala veche rusească şi orientala în asezarea feudala (secolele X–XII) de la Dinogetia (Regiuna Galaţi) // Studii şi referate privind istoria Romaniei P 1-a Bucureşti, 1954 P 195–227, *Idem* Byzance, Kiev et l'Orient Sur le Bas-Danube du Xe an XIIe siecle // Nouvelles etudes d'histoire Bucarest, 1955 P 169–180, *Barnea I*, *Ştăfănescu St* Din Istoria Dobrogei V 3 Buc, 1971 P 294, 310–315, *Spinei V* Circulaţia unor piese de cult în regiunile romaneşti Nord-Dunărene în secolele X–XVII // Arheologia Moldovei, 1992 XV P 163, *Комша М* Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V МКСА М, 1987 Т III Вып 1а С 100–11 Пользуясь случаем, выражаю признательность коллегам С Ангеловой, Г Атанасову, Л Дончевой-Петковой (Болгария), И Барне, П Диакону, Г Мэнуку-Адамештяну, В Спинею (Румыния), любезно сообщившим мне дополнительную информацию о находках древнерусских ремесленных изделий в Нижнем Подунавье

[25] *Диакону П* Крепость X–XV вв в Пэкуюл луй Соаре в свете археологических исследований // Dacia N S 1961 V С 497 Рис 4 4, *Комша М* Указ соч С 100–103, *Dionogetia* Buc, 1967 P 100–103 Fig 42, *Diaconu P Vîlceanu D* Păcuiul lui Soare Buc, 1972 V 1 P 170–173 Tabl XXXI, 1, *Barnea Al*, *Barnea I* Săpăturile de salvare de la Noviodunum // Peuce Tulcea 1984 T IX P 103 Tabl 12 5, *Атанасов Г Ю*, *Йорданов И* Средновековният Ветрен на Дунав Шумен, 1994 С 30, 59 Табл IX, 87

[26] *Комша М* Указ соч С 106, *Barnea I* Elemente de cultură veche ruseasca P 198–199 Tabl 1 2, Dinogetia Fig 149 12, 13, *Vasiliu I* Cimitirul feudal timpurii de la Isaccea // Peuce 1984 IX P 115 Tabl VIII 17–21

[27] *Ştefan Gh*, *Barnea I*, *Mitrea B* Şantierul arheologic Garvan (Dinogetia) // Materiale şi cercetări arheologice Bucureşti, 1962 VIII P 679 Fig 6 4, Dinogetia P 76 Fig 39 8, 41 8–9 *Diaconu P*, *Baraschi S* Pacuiul lui Soare Bucureşti, 1977 V 2 P 44 Fig 30, *Dragomir I T* Cetatea medievala de la Enisala // Danubius Galaţi, 1972–1973 V VI–VII P 35 Fig 65 Очевидно, через дельту Дуная древнерусские замки попали на поселение Энисала, находящееся чуть южнее на оз Разелм

[28] *Дончева-Петкова Л* Древноруски кръстове-енколпиони от България // Археология, 1985 Кн 1 Обр 2, *Diaconu P* Despre Localizarea Vicinei // Pontica 1970 T 3 Fig 4 2, *Diaconu P*, *Baraschi S* Op cit P 131–133 Fig 102 3, *Barnea I* Christian art im Romania Bucharest 1981 V 2 P 150–153, 164–165, 176–177 Pl 61–62, 68 2a-b, *Mănucu-Adameşteanu Gh* Noi descoperiri arheologie la Isaccea // Studii şi cercetari de istorie veche şi arheologie 1987 T 38 N 3 P 285–291 Fig 1 1-4, *Атанасов Г* Средневековни кръстове-енколпиони от Дръстър // Известия на Народния музей Варна 1992 Кн 28 (43) Обр 4 39 Табл 1, 39, *Атанасов Г*, *Йорданов И* Указ соч С 28–29, 57–58 Табл VII, 68–69

[29] *Комша М* Указ соч С 104 Dionogetia P 314

[30] *Комша М* Указ. Соч. С. 104; *Vasiliu I.* Cimitirul... P. 534–536, 539. Tabl. X:3. XI:2, XII:2, XV:4. Янтарная бусина и большая часть вещей древнерусского происхождения, обнаруженные в Силистре, хранятся в фондах Силистренского окружного музея, аналогичные находки из Исакчи – в Музее дельты Дуная (Тулча).

[31] Следует подчеркнуть характерную для древнерусских купцов (в отличие от иноземных) более тесную связь с внутренним рынком и производителями ремесленных изделий на Руси. Если бы их вывозом активно занимались также иностранные торговцы, о поездках которых в Восточную Европу сохранилось немало письменных свидетельств, в нашем распоряжении сегодня имелись бы массовые серии находок древнерусских импортов, например, в Германии, где известны лишь единичные их экземпляры.

[32] См.: *Анна Комнина.* Алексиада / Пер. с греч. Я.Н. Любарского. Спб., 1996. С. 206.

[33] См.: *Нудельман А.А.* Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985. С. 78–83.

[34] См.: *Малевская М В.* Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969. С. 185–191; *Перхавко В.Б.* О торговых контактах Киева с Болгарией в IX–XII вв. С. 98, прим. 16.

[35] Утверждение болгарского историка П. Мутафичева о том, что после прихода кочевников на протяжении 40 лет во второй половине XI в. торговые пути в Добрудже совсем опустели, некогда оживленные нижнедунайские центры пришли в упадок, а торговля здесь прекратилась, представляется слишком категоричным. См.: *Мутафчиев П.* Добруджа. Сборник от студии. София, 1947. Т. IV. С. 60.

[36] *Недков Б.* България и съседните и земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960. С. 83. Ср. также перевод Б. Недкова с переводом И.Г. Коноваловой данного сообщения ал-Идриси в приложении к нашей монографии: "Масийнус – многолюдный город. Там находится русская управа (маслаха ли-р-русийа)..." (с. 203).

[37] См.: *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 180.

[38] См.: *Антонова В.* Средневековый город Шумен в XII–XIV вв. (по археологическим данным) // Rapports du III Congres international d'archeologie slave. Bratislava, 1980. N. 2. P. 15–29.

[39] См.: *Теодору Д.* Раннефеодальный клад украшений, найденный в Войнешть (Яссы) // Dacia N.S. 1961. V. P. 504–530: *Teodor D. Gh.* Tezaurul feudal timpuriu de obiecte de podoabă descoperit la Voineşti-Iaşi // Arheologia Moldovei. 1961. T. I. P. 245–269: *Idem.* Obiectele de podoabă din tezaurul feudal timpurie descoperit la Oţeleni // Arheologia Moldovei. 1964. T. II–III. P. 343–361; *Spinei V.* Moldova... P. 127. Fig. 21.

Заключение

Рассмотренная в монографии проблема связей Древней Руси с городами Нижнего Подунавья находится в русле наметившегося в последнее время в историографии большого интереса к изучению исторического и теоретического вопроса о системности отношений России (с древнейших времен) с окружающим миром, преемственности в развитии ее зарубежных контактов, формировании сфер особых интересов и определенных направлений внешнеполитической активности.

Как мы пытались показать в нашем исследовании, за скупыми летописными упоминаниями о нижнедунайских городах стоят длительные и тесные связи Древней Руси с районом Нижнего Подунавья В той или иной степени они проявлялись в самых разных областях – торгово-экономической, политической, этнокультурной, религиозной сферах Это поставило перед нами задачу выявления и комплексного исследования как можно более широкого круга источников для решения поставленных вопросов, связанных с локализацией летописных нижнедунайских городов и реконструкцией картины их контактов с Древней Русью на протяжении X–XIV вв.

Благодаря такому подходу, основанному на максимально полном выявлении источников, открылись новые грани источниковедческих возможностей при изучении отношений Руси и Нижнего Подунавья. Новым в разработке темы явилось использование некоторых не привлекавшихся ранее источников (или их фрагментов, в силу разных причин оставшихся вне поля зрения ученых), в которых имеются уникальные сведения о содержании и характере политических, торгово-экономических и этнокультурных связей Древней Руси с городами Нижнего Подунавья.

В частности, большое внимание авторы уделили анализу сведений, содержащихся в арабских источниках X–XIV вв. Это сообщения знаменитого арабского географа XII в ал-Идриси, данные которого были использованы для уточнения локализации ряда нижнедунайских городов (Киевца – Киос, Переяславца, Малого Преслава, Дичина, Килии/Ликостомо), для воссоздания этнополитического облика нижнедунайского региона, а также для реконструкции торговых путей, связывавших русские земли с Нижним Подунавьем и Причерноморьем в XII в. Анализ информации ал-Идриси показал, что его конкретные данные о городах Руси и Нижнего Подунавья следует рассматривать не изолированно, но

в контексте разбросанных по разным частям сочинения "Развлечение истомленного в странствии по областям" (1154 г.) общих представлений ученого об этнополитической географии Северного Причерноморья и прилегающих областей Восточной Европы. Таким образом были найдены свидетельства того, что во времена ал-Идриси, то есть в первой половине XII в., политическое и экономическое влияние Руси распространялось к югу вплоть до Нижнего Подунавья и Днестровско-Дунайского междуречья. Эти данные арабского автора приобретают особое значение в свете хорошо известных сообщений древнерусских источников (Ипатьевской летописи, "Слова о полку Игореве") о деятельности русских князей в Подунавье в XII в.

Рассмотрение сообщения арабского ученого-энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди о походе на Византию в 934 г. союзного войска (в сопоставлении со сведениями византийского императора середины X в. Константина Багрянородного о русах и печенегах) привело к выводу о том, что в состав этого войска, по всей вероятности, могли входить и древнерусские отряды. Анализ сведений арабских авторов конца XIII– начала XV в. (Рукн ад-дина Бейбарса, ан-Нувайри, Абу-л-Фиды, Ибн Халдуна) о политических событиях в западных пределах Золотой Орды на рубеже XIII–XIV вв., а также о резиденции золотоордынских правителей в Нижнем Подунавье – городе Сакджа (Исакча) – позволил И.Г. Коноваловой отождествить информацию арабских источников о Сакдже с данными синхронных греческих, латинских, итальянских и испанских источников о Вичине, наиболее крупном торговом центре Нижнего Подунавья XIII–XIV вв., что, в свою очередь, дало возможность сопоставить оба эти топонима с летописным Дичином (Дцинем).

Существенный материал как для локализации ряда нижнедунайских городов, так и для характеристики торгово-экономической конъюнктуры в районе Нижнего Подунавья в монгольский период был обнаружен в итальянских источниках, связанных по своему происхождению с предпринимательской деятельностью генуэзского и венецианского купечества в бассейне Черного моря в XIII–XV вв. Большое место в исследовании занял анализ средневековых навигационных пособий, в частности итальянских и греческих лоций Черного моря конца XIII–XIV в. и западноевропейских картографических материалов XIV–XVIII вв.

В качестве важного источника для изучения связей Древней Руси с городами Нижнего Подунавья впервые в отечественной историографии авторы (прежде всего, В.Б. Перхавко) широко использовали археологический, сфрагистический и нумизматический материал, полученный в ходе раскопок болгарскими и румынскими археологами остатков средневековых городов и крепостей на месте современных населенных пунктов – Силистры, Пэкуюл-луй-Соаре, Мэчина, Чернаводы, Тулчи, Бырлада, Гарвэн, Исакчи, Нуфэру и других. В частности, предметом рассмотрения стали обнаруженные в результате раскопок разнообраз-

ные древнерусские ремесленные изделия XI–XIII вв. (дверные трубчатые замки, пряслица для прядения из розового овручского шифера, глиняные полихромные поливные яйца-писанки, бронзовые кресты-энколпионы и др.), византийские свинцовые печати Доростола и Преславицы, находки византийских монет. Картографирование результатов археологических исследований по Подунавью в целом позволило существенно скорректировать картину торгово-экономических связей Древней Руси с Нижним Подунавьем, воссоздаваемую на основе письменных источников. Как выяснилось, в торговле Древней Руси с регионами Верхнего и Среднего Подунавья наиболее активную роль играли не столько древнерусские купцы (никогда не заплывавшие вверх по Дунаю за Железные Ворота), сколько торговцы из самих подунайских городов, курсировавшие по сухопутным широтным маршрутам, в то время как в Нижнем Подунавье сложилась качественно иная ситуация – там было сильно присутствие купцов из Древней Руси, особенно для XI–XII вв. О глубоком проникновении древнерусского купечества на Нижний Дунай говорит и состав древнерусского импорта в этот регион, преобладающим элементом которого являются ремесленные изделия повседневного спроса, например диски-пряслица для прядения.

Привлечение новых источников и достижений новейшей международной историографии позволили, с одной стороны, нетрадиционно осветить целый ряд конкретно-исторических проблем по теме исследования, а с другой – сформулировать новые вопросы применительно к истории внешних контактов Руси в период X–XIV вв.

Так, обращение к археологическим и нумизматическим источникам дало возможность существенно расширить представления о масштабах и динамике торгово-экономических контактов Древней Руси с городами Нижнего Подунавья в X–XIV вв. Установлено, что торговые отношения Руси с районом Нижнего Дуная имели наиболее интенсивный характер в XI–XII вв., то есть во время византийского господства над землями к югу от Дуная и активного древнерусского влияния на территории к северу от нижнего течения реки, что создавало определенную стабильность в регионе.

На рубеже X–XI вв. в область Нижнего Подунавья, вновь вошедшего в состав Византийской империи и подвергавшегося постоянным набегам кочевников, начинают переселяться выходцы из Руси. Об усилении их роли в экономической жизни региона свидетельствует расширение, начиная с XI в., номенклатуры древнерусского экспорта, который наряду с традиционными продуктами лесных промыслов (пушнина, кожа, воск) включает в себя и некоторые ремесленные изделия (овручские шиферные пряслица, киевские поливные глиняные яйца-писанки, дверные трубчатые замки, стеклянные бусы, браслеты и др.). В то же время ассортимент товаров, шедших в обратном направлении из Византии и нижнедунайских центров на Русь, существенно не изменился в сравнении с X в. (вина, пряности, оливковое масло, южные фрукты); к нему

добавились в XI в. лишь предметы религиозного культа, что было связано с принятием христианства на Руси. В оживленные торговые центры превращаются византийские крепости на Нижнем Дунае (Диногеция, Капидава, Новиодунум-Исакча, Пэкуюл-луй-Соаре и др.), где обнаружен массовые находки древнерусских вещей. В наиболее крупных из них, вероятно, находились русские купеческие подворья, наподобие того, которое, по свидетельству ал-Идриси, существовало в XII в. в Шумене. На данном этапе Киев продолжал сохранять приоритет в экономических связях Руси с Нижним Подунавьем (осуществлявшихся по Днепровскому пути и Черному морю), а торговые контакты с этим регионом населения юго-западной части Руси имели меньшее значение. Торговые операции русских купцов в XI–XII вв. (за исключением краткого периода анархии и безвластья на Нижнем Дунае во второй половине XI – начале XII в.) велись в районе дельты Дуная и в Добрудже и находились под контролем византийских властей фемы Паристрион. Следов активной торгово-экономической деятельности Руси к западу от Добруджи и выше Доростола по течению Дуная пока не обнаружено.

Общее состояние древнерусско-византийских торговых отношений в XI–XII вв. способствовало усилению позиций Руси на Нижнем Дунае. Последнее было связано с тем, что с середины XI в. система договорных отношений между Древней Русью и Византией, охватывавшая все сферы внешнеполитических контактов, ушла в прошлое. В Константинополе все более укреплялись позиции итальянских купцов, а русские торговцы перестали пользоваться исключительными привилегиями. Со второй трети XII в. (и до середины XIII в.) Киев был вынужден уступить Галичу свой приоритет в торгово-экономических отношениях с Нижним Подунавьем. Поставленные перед необходимостью завоевывать новые рынки, древнерусские купцы должны были обратить внимание на сухопутный торговый путь в Византию через Поднестровье и болгарские земли. Особенно активно проникали на Нижний Дунай и в Болгарию торговые люди Галицко-Волынской Руси. Борьба с Киевом, которую вели галицко-волынские князья, объективно делала их союзниками Византии в войне с Венгрией, вследствие чего Византия не препятствовала проникновению купцов из Галицко-Волынской Руси в Болгарию, находившуюся в XI–XII в. под византийской властью. С XII в. экономические контакты древнерусских земель с нижнедунайскими центрами становятся более разнообразными, чему способствовала деятельность восточнославянских элементов в этом регионе – берладников, бродников, галицких выгонцев.

Широко известные данные византийских авторов и древнерусских источников (летописей, "Слова о полку Игореве"), привлеченные в монографии новые археологические материалы о распространении влияния Руси в XII в. на юг вплоть до Нижнего Дуная, как было уже сказано выше, нашли подтверждение в сообщениях арабского географа XII в. ал-Идриси. Вместе с тем обстоятельный анализ сведений летописных

известий о деятельности на Нижнем Дунае в середине XII в. князя-изгоя Ивана Ростиславича Берладника и его сподвижников-берладников продемонстрировал, что нет никаких оснований говорить о существовании в это время в Придунавье особого древнерусского Берладского княжества, находившегося в вассальной зависимости от Галича. Рассмотрение малоисследованного вопроса о связях Древней Руси с Доростолом (летописным Дерестром, совр. Силистрой) показало, что немногочисленные летописные данные о политических контактах древнерусских земель с этим нижнедунайским центром в X–XII вв. могут быть существенно дополнены за счет привлечения археологических материалов, свидетельствующих о наличии экономических интересов у русского купечества в этом районе. Разработка археологических и письменных источников позволила дать новое толкование уникальному сообщению ал-Идриси о существовании в болгарском городе Шумене некоей "русской управы", торгово-экономическое назначение которой уже было отмечено Б.А. Рыбаковым, возводившим эти сведения арабского географа к русско-болгарским отношениям конца IX – X в. Однако анализ, с одной стороны, состава и количественных характеристик древнерусского импорта в районе Нижнего Подунавья в XI–XIII в., а с другой – выявление источников информации ал-Идриси о Балканском полуострове позволил обосновать иную датировку сообщения ал-Идриси, отнеся его данные к первой половине XII в.

Помимо торговли, экономические отношения Руси с Нижним Подунавьем в XII в. охватывали ремесленное производство, рыболовство; участниками экономической деятельности становились прежде всего рядовые русские переселенцы, а не князья и духовенство. Часть материальных ценностей (продукты лесных промыслов, соль, массовые ремесленные изделия) поступали сюда из Руси в результате торговли, другие, более редкие находки древнерусских вещей (кресты-энколпионы, дорогие украшения и т.п.) могли попасть в Нижнее Подунавье вместе с их владельцами – восточнославянскими купцами и беженцами, путешественниками, воинами, священниками. Некоторые изделия производились местными, нижнедунайскими мастерами по древнерусским образцам. По имеющимся материалам не прослеживается существенное изменение в составе товаров, попадавших на Русь через Нижнее Подунавье. Некоторые предметы роскоши византийского производства, вероятно, попали в Киев и Галицко-Волынскую Русь через Нижний Дунай не в результате торговли, а в качесте даров и военной добычи. В XII в. приходит в упадок ряд византийских центров (Диногеция, Капидава), но число торговых партнеров Руси в Нижнем Подунавье не уменьшается за счет охвата территории к западу от Добруджи. Большинство находок древнерусских вещей концентрируется вдоль путей, связывавших Нижний Дунай с Галичем и проходившие по суше через Днестровско-Прутское междуречье, а также по рекам – Днестру и Пруту; гораздо

меньшее значение имели во второй половине XII – начале XIII в. другие древнерусские центры.

Рассмотрение вопросов, касающихся локализации некоторых нижнедунайских городов, позволило прийти к новым выводам Так, исследование сообщения о легендарном полянском князе Кие и якобы построенном им на Дунае Киевце, показало сложный состав этой легенды, включающей как реалии, относящиеся к подунайскому городку Киос (Киус), так и домыслы, опирающиеся на общие представления летописца о дунайской прародине славян, строительной деятельности первых русских князей и военных походах русов в Подунавье в X в. при киевском князе Святославе. Проведенное сопоставление данных восточных источников о золотоордынском городе Исакче с современными им сведениями греческих, латинских, итальянских и испанских источников о Вичине позволило отождествить эти два города. Что касается конкретных результатов, достигнутых авторами на этом направлении исследования, то обоснована локализация летописного Переяславца близ современного румынского с. Нуфэру (бывшее с. Прислава) на правом берегу Георгиевского рукава дельты Дуная, летописного Киевца – на месте современной коммуны Гырличиу в Румынии, летописного Дичина – в районе современного румынского г. Исакчи. На основе анализа известий Повести временных лет о Переяславце на Дунае в сопоставлении с информацией византийских авторов X–XIV вв (Льва Диакона, Иоанна Скилицы, Иоанна Зонары, Константина Манасии) сделан вывод о том, что в представлениях древнерусских книжников XI – начала XII в. возникла путаница из-за созвучия названий Преслава Великого и Малого Преслава. В результате действия, происходившие вокруг этих городов во время балканских походов Святослава Игоревича в 967–971 гг., были отнесены к летописному Переяславцу.

Авторами выяснена роль политических факторов, повлиявших на изменение характера торговых связей Древней Руси с районом Нижнего Подунавья во второй половине XIII – XIV в. Ликвидация византийской власти на Нижнем Дунае после образования Второго Болгарского царства в 1185 г , захват крестоносцами в 1204 г. Константинополя, а затем и монгольское нашествие в целом отрицательно сказались на торговых связях древнерусских земель с Нижним Подунавьем. С середины XIII в. происходит постепенное перемещение ведущей роли в торговле на Нижнем Дунае к итальянским (преимущественно, генуэзским) купцам, создавшим свои торговые фактории в подунайских городах Вичине и Килие/Ликостомо

Благодаря анализу документов католических монашеских орденов и Константинопольской патриархии, итальянских нотариальных актов, а также сообщений современных им арабских авторов удалось воссоздать сложную картину религиозной жизни в городах Нижнего Подунавья во второй половине XIII–XIV в. (прежде всего, в Дичине и Килие). Как выяснилось, этнически неоднородный состав населения этих городов,

являвшихся сравнительно крупными для того времени центрами международной торговли, служил своеобразным залогом длительного сосуществования представленных там религий и конфессий – православия, католичества, ислама. Принадлежность значительной части населения нижнедунайских городов к православной церковной организации явилась духовной предпосылкой того, что "болгарские" и "волошские" (по терминологии летописца) пункты этого региона были в конце XIV в. включены в состав летописного "Списка русских городов дальних и ближних".

В монографии поставлен и исследован ряд вопросов, до сих пор не рассматривавшихся в историографии. Это касается исследования исторических основ летописной легенды о закладке придунайского города Киевца князем Кием. Изучение латинских источников римского времени (*Notitia dignitatum, Tabula Imperii Romani, Itineraria Antonini Augusti* и др.), археологических и лингвистических данных, а также западноевропейских картографических материалов эпохи средневековья и нового времени вплоть до XVIII в. позволило восстановить все этапы исторического развития летописного Киевца. В результате выяснилось, что Киевец (Киос, Киус) возник не в районе сербского города Ковина или болгарского города Русе (как полагают некоторые исследователи), а на месте современной коммуны Гырличиу в Румынии как фракийское поселение еще в I тысячелетии до н.э., не позднее III в. н.э. был превращен римлянами в укрепленный лагерь, а в эпоху средневековья представлял собой рядовое торгово-ремесленное поселение на территории Нижнего Подунавья. Созвучие топонима Киос–Киевец с названием днепровского Киева побудило древнерусского летописца рассматривать этот нижнедунайский центр в контексте своих представлений о дунайской прародине славян, а также сведений о дунайских походах Святослава в X в., что и привело к формированию летописного предания об основании Киевца легендарным полянским вождем Кием.

Проведенное исследование вносит определенный вклад в реконструкцию этнокультурной ситуации в районе Нижнего Подунавья в X–XIV вв., рассматриваемую авторами монографии, прежде всего, с точки зрения присутствия восточнославянских элементов в нижнедунайских городах и их связей с древнерусскими землями и восстанавливаемую на основе анализа как письменных источников, так и археологических памятников. Последние фиксируют пребывание в районе Нижнего Подунавья выходцев из Руси на протяжении всего исследуемого периода, в том числе и в послемонгольское время. Наряду с рядовыми переселенцами можно упомянуть и широко известные в средневековой Болгарии XIII–XIV вв. имена – деспота Якова-Святослава, полководца Ивана Русина.

Собранный и проанализированный в монографии материал лишает силы ряд сложившихся и по сей день бытующих в историографии стереотипных представлений. В первую очередь это касается недостаточно

обоснованных утверждений о существовании в Придунавье в XII в. самостоятельного древнерусского Берладского княжества с центром в городе Берладе и о подлинности так называемой грамоты Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. Обнаруженные новые свидетельства включенности земель, лежащих к северу от нижнего течения Дуная, в сферу политического влияния Древней Руси в XII в., существенно подрывают обоснованность распространенной в зарубежной (в особенности, в румынской) историографии точки зрения, согласно которой главная политическая роль в районе Нижнего Подунавья в это время отводится половцам. Становится очевидной и несостоятельность попыток подвести реальную историческую основу под легендарные сведения о деятельности киевского князя Кия в районе Нижнего Дуная.

Исследование истории средневековых центров Нижнего Подунавья и их связей с Русью показывает, что в рассматриваемом регионе протекали сложные этнокультурные, политические и экономические процессы, характерные для контактных зон Восточной и Юго-Восточной Европы, для которых типичны пограничное расположение на стыке государств и культур, а также смешанный состав населения. В Нижнем Подунавье ярко проявилось взаимодействие элементов разных культурных традиций: византийской и болгарской, византийской и восточнославянской, восточнороманской и кочевнической, восточнороманской и итальянской.

Проанализированные в монографии материалы свидетельствуют о том, что в системе отношений Древней Руси с нижнедунайскими центрами в середине XII – XIV в. заметно преобладали торгово-экономические и этнокультурные контакты, и вместе с тем гораздо меньшую роль играли в отличие от более раннего периода X – начала XII в. политические связи. Неизвестны какие-либо свидетельства об участии городов Нижнего Подунавья в обмене между древнерусской и южнославянскими литературами.

Результаты настоящего исследования представляют интерес для историков Древней Руси и Подунайских стран, прежде всего – Румынии и Болгарии, источниковедов, специалистов по исторической географии Европы эпохи средневековья. Поставленные в монографии новые вопросы истории древнерусско-подунайских связей, надеемся, станут отправной точкой для последующих научных исследований, а сделанные в ней выводы могут быть использованы при написании учебных пособий по истории Древней Руси. Разработанная авторами методика локализации средневековых топонимов путем сопоставительного анализа сведений, извлекаемых из источников разных видов и жанров, может быть использована при проведении историко-географических исследований по любому региону.

Summary

The monograph "Old Rus' and the Lower Danube region" is an investigation of historical and geographical character devoted to the history of political, economic and ethnocultural ties of Rus' with those danubian towns that are mentioned in medieval russian sources (such as Novgorodskaya I, Lavrentjevskaya, Ipatjevskaya, Voskresenskaya chronicles and others) – Kievets, Pereyaslavets, Derestr, Berlad', Dichin and Kilia. The investigation consists of the following chapters: "Legendary grad Kievetz", [Medieval Dorostol and Rus", "I want to settle in Pereyaslavets upon the Danube", "Berlad of ancient russian chronicles", "Rus merchants in the Danubian region" (all written by V.Perchavko), "Many names of medieval Dichin", "Merchants' city Kilia", "Rus' and pechenegs on the Lower Danube", "About Russian influence in the Lower Danube region in the 12th century" (written by I. Konovalova). The monograph also includes an Introduction, a Conclusion, Bibliography, maps and illustrations.

Scientific actuality of the subject of the present research and of the method of approach to its elaboration is in its correspondence with the vivid interest which is outlined in modern historiography for investigation of historical and theoretical question about the system of historical ties of Rus' with other countries, its continuity and formation of different spheres of interests and particular activities of Rus' in the field of foreign policy.

In comparison with the former international historiography of Rus' relations with the Lower Danube region the present monograph is mainly devoted to historico-geographical problems concerning localisation of danubian towns mentioned in medieval russian chronicles and their political, economic and ethnocultural ties with Russian lands in the Xth–XIVth centuries. Another principal distinction from the previous historiography is the sources' base of the present research: not only written sources (narrative, documental and cartographic ones) are analysed, but also archaeological, numismatic, linguistic (toponymical data) and folklore materials (historical legends) are attracted. Methods used by authors include, firstly, careful comparison of information about sertain object from various types of sources; secondly, division of strata of information going back to different times; thirdly, tracing the historical base of the legendary information.

The wide usage of new sources, on one hand, and achievements of modern historiography (including rich romanian, moldavian and bulgarian historical and archaeological literature) – on the other has enabled to throw a new light on a

number of important problems of the early russian history, such as the foundation of Kievets on the Danube ascribed to the legendary kievan prince Kiy; the history of russian Prince Ivan Berladnik and his activities in the lower reaches of the Danube; russian trade in the Lower Danube region in the Xth–XIIIth centuries; penetration of Eastern Slav elements into the Lower Danube region; political, economic and ethnocultural connections of Rus' with the Lower Danube towns during the period after mongol invasion etc. In the centre of autor's attention are the problems of exact localization of such Danubian towns mentioned in Old Rus' chronicles as Kievets, Pereyaslavets, Dichin.

The materials of the monograph undermine several historiographical stereotypes concerning various problems of the Rus'-Danube contacts in the Xth-XIVth centuries. It is demonstrated that the widespread statement about existence in the Lower Danube region in the XIIth century of special Berlad principality and about authenticity of the so called diploma of Ivan Berladnik of 1134 is not enough well-grounded. At the same time new evidence of russian political influence over territories lying to the north of the lower reaches of the Danube in the XIIth century are found and it weakens the argumentation of those scholars who give the main political role in the Lower Danube region during this period to nomads.

The lower reaches of the Danube, an important military, strategic, political, and economic region, adjoined the southwestern areas of KievanRus'. Located at the crossroads of key international trade communications and on the route to Constantinople and other major centers of the Byzantine empire, it had long attracted the attention of Kievan grand princes and, in the period of feudal disunity, the rulers of detached old Rus' principalities and lands. Far from weakening, the lower reaches of the Danube even grew during the epoch of Byzantine domination in the eleventh-twelfth centuries. Old Rus' chronicles and some Byzantine sources reflect upon several campaigns to the Lower Danube, of Vladimir Monomakh's attempts to send governors (*posadniky*) to the lower Danubian centers, of the stay of Ivan Rostislavich the Berladnik and other Russian princes in the region as well as old Rus' freemen (*berladniky*). Rus's economic contacts with Byzantium's Danubian provinces are discussed in far less detail in the written sources. This fact is commented upon in a study of the problem in historical literature.

Most scholars describe mainly the political, cultural, and ethnic ties between Rus' and the lower Danube in the eleventh-twelfth centuries, but do not touch upon the history of trade relations. However, the fall of the First Bulgarian empire and the annexation to Byzantium of its territories, the Lower Danube included, brought the empire's provincial markets closer to Kievan Rus'. In the late tenth century, Byzantium created a *catepanate* or *stratigia* known as Western Mesopotamia for defending the Danubian delta. In the early eleventh century, it founded the Paristrion theme. At Kievan chroniclers of the eleventh century were perfectly aware of Rus' tradesmen's voyages to Pereyaslavets (Maly Preslavl) and other Lower Danubian towns. In 969, one of the voyages included prince Svyatoslav's address to his mother, princess Olga, and the Kie-

van *boyars,* that appears in the "The Tale of Bygone Years." Svyatoslav said, in part: "I distaste reigning in Kiev, I want to live in Pereyaslavets on the Danube. There is the center of my land. There all wealth is being gathered: from the Greek land gold, sumptuous silks, wines, and various fruits; from Czechia and Hungary silver and horses; from Rus' furs, wax, honey, and slaves."' The address was complied by an old Russian learned man on the basis of oral legends about Svyatoslav's Danubian campaigns and eleventh-century evidence regarding Rus's trade ties with the lower Danube, Hungary, and Czechia. Supplies of traditional Byzantine goods to old Russian towns began in the eleventh century through Byzantium's Paristrion theme. Among those goods were silks, wines, olive oil, fruits, spices as well as gold, silver, and glass articles.

Archaeological and numismatic evidence convincingly testifies to this fact. Hoards and individual finds of Byzantine gold, silver, and copper coins are concentrated not only along the Dnieper route, where they came from Constantinople, but also in the Pruth-Dniester interfluve neighboring the lower Danube. Byzantine amphorae of the eleventh-twelfth centuries, which were discovered in Kiev, Chernigov, Polotsk, Novogrudok, and other old Rus' centers, are similar in their shape and inscriptions to the samples from Dinogetsia, Dorostol, Silistra, Svishchov, and other places on the lower Danube. These amphorae were used for carrying liquids such as wines and olive oil, and dry crumbly substances as spices.

In exchange, residents of Paristrion received from Rus' not only traditional eastern Slavic exports as furs, but also to a lesser extent wax, honey, and flax. In the eleventh century, Rus' began supplying to the Lower Danube some handicraft articles which were chiefly attendant items.

That time the political and also the ethnic situation in the Lower Danubian lands changed considerably. The influx of Pechenegs, Uzes, and Polovtsy in the mid-eleventh century made the population of the region even more diversified. Apart from a Bulgarian majority, it was inhabited by Greeks, Eastern Romance peoples, natives of Old Rus', Turkic nomads, and even a small group of Anglo-Saxons. Byzantium did not have a permanent power hold in Paristrion in the eleventh-twelfth centuries. In the second half of the eleventh century, its role was at times reduced to nothingness due to the continued invasions of nomads and the rebellions of the local population.

Of particular interest is an examination of those developmental influences on the volume and character of Russo-Byzantine trade in the region. In order to reconstruct the history of trade ties between Rus' and the Danubian provinces of Byzantium in the eleventh-twelfth centuries, we have used archaeological and numismatic materials along with some written sources. Unfortunately, no direct references in the written histories regarding trade between Rus' and the Lower Danube in the late tenth-early twelfth centuries have been preserved. Therefore, we have referred to indirect data. Mention needs to be made, above all, of the peace agreement between prince Svyatoslav of Kiev and emperor John Tzimisces following the battle of Dorostol in 971. Under agreement, the Byzantines committed themselves to treat as friends the Rus' who would be sent to Byzan-

tium on trade matters. In all likelihood, the agreement applied not only to Constantinople, but to Byzantine provincial centers, in particular those in the Lower Danube.

Touching upon the circumstances of the 1043 Russo-Byzantine conflict, John Scylitzes reports of the presence of "Scythian tradesmen," i.e., Rus', not only in Constantinople, but in the provinces. According to G. G. Litavrin, those provinces included the Paristrion and Bulgarian themes. A new Russo-Byzantine treaty was signed c. 1046–1047, shortly after the conflict. In this way, Rus's trade with Byzantium and, hence, the Lower Danube resumed a natural course.

Thus, a flier for spinning from pink and violet slate, whose deposits are located by the city of Ovruch in the Ukraine, was discovered in Garven- Dinogetsia, Isakcha, Kapidava, Pecuiul-lui-Soare, Nuferu, Chernavoda, and Silistra. Besides, excavations at Dinogetsia, Isakcha, and Nuferu reveal polychrome glazed eastern rattle-eggs painted under the glaze in bracket patterns and cylinder-shaped iron door locks at Dinogetsia, Pecuiul-lui-Soare, Enisala, and Bitsa-Doamnei. In the eleventh century, these articles were carried to the Lower Danube mainly from Kiev by way of the Dnieper and the Black Sea. At least till the mid-twelfth century, Kiev was dominant among the other old Rus' centers in trade and other ties with Byzantium's Danubian provinces. The invasions into the region of Pecheneg, Uz, and Polovtsian nomads, which began in the mideleventh century, upset the stability of Byzantine power in Paristrion and the local inhabitants' economic life. These inroads impeded, but failed to rupture trade between Rus' and the Lower Danube. Judging from archaeological data, Russian merchants most often can be encountered in the eleventh century at such centers of Paristrion as Dinogetsia (now Garven village), Dorostol (Silistra), Noviodunum (Isakcha), and Maly Preslav (Nuferu).

For the twelfth century, we have direct written sources testifying to trade between Rus' and Byzantium's Danubian provinces. The most valuable of these is the book by the Arab geographer al-Idrisi, *The Delight of Him Who Desires to Traverse the Regions of the World (The Book of Roger),* which was written c. 1154. The work contains interesting information about Rus's ties with the Bulgarian town of Shumen (Masiunus) south of the Danube. The author writes, in part: "Masiunus is a populous town. There one Rus' office is located. This prosperous town has numerous markets and abounds in natural resources." One can hardly agree with B.A. Rybakov who ascribes al-Idrisi's report to the ninthtenth and the early eleventh centuries, i.e., the period of the First Bulgarian Empire. It was only in the eleventh-twelfth centuries that Shumen developed into a major trading and handicraft center. In the ninth-tenth centuries, it was a fortress guarding the approaches to the early medieval Bulgarian capitals of Pliska and Preslav. Along with the information of the eleventh-first half of the twelfth centuries, the work by al-Idrisi includes written sources of the ninth-tenth century. But Arab geographers of that age had a vague idea about Danubian Bulgaria and at times even confused it with Bulgaria on the Volga. In the ninth-tenth centuries, Rus' merchants had not yet visited the remote areas of

Bulgaria and confined themselves to small transactions in the Bulgarian Black Sea harbors, where their ships stopped enroute to Constantinople.

Several eleventh-twelfth-century handicraft articles brought from Rus' were found in Shumen. The operation of an old Rus' merchant yard in Shumen in the eleventh-twelfth centuries was most likely linked with its role of a transshipping center which served for supplying over land eastern Slavic goods from the Lower Danubian towns deep into Bulgaria. Those roads commenced in Dorostol (Silistra). Numerous finds of old Rus' articles enable us to conjecture that eastern Slavic merchants had similar yards in a number of key centers along the Danubian route, among them Dinogetsia, Isakcha, and Dorostol (or on the nearby Pecuiul-lui-Soare Island).

There exists reliable information of Rus' ties with Dorostol, one of the above-mentioned centers. Ioannes Tzetzes (1110–1180), a Byzantine scholar and literary figure, who resided in the imperial capital, was presented with a boy by his close friend, the metropolitan of Dorostol. The boy, whose name was Sevald, "was renamed Theodore by him." He also received from his friend a "fishbone inkstand intricately carved by the Taurians, i. e., by the Rus'." By "fishbone" is meant walrus ivory procured north of Novgorod. Tzetzes's letter cannot be used as evidence that slaves were supplied from Rus' to the Lower Danube in the twelfth century, since Sevald was a Misian (a Bulgarian) and not a Rus'.

In the mid-twelfth century, Galich began to play a leading role in the Lower Danube and displaced Kiev in the given field of Rus's foreign trade. Galich merchants reached the Lower Danubian centers by way of the Dniester, the Pruth, and the Black Sea, as well as over land through Moldova where old Rus' handicraft articles were found along the trade routes. These finds include Ovruch shale flyers, door locks, and bronze reliquary crosses. The majority of the old Rus' bronze reliquary crosses were discovered in Isakcha and Silistra. They can seldom be found in Pecuiul-lui-Soare, Shumen, Preslav, and Tyrnovo.

Reports in the *Hypatian Chronicle* on the activity of Ivan Rostislavich the Berladnik demonstrate that Galich princes were very active in the Lower Danube. About 1159, Rus' freemen *(berladniky)* led by him, operating from Danubian towns, attacked two river vessels and Galich fishermen. The cargo vessels robbed on the Lower Danube, probably, belonged to the Galich prince Jaroslav Osmomysl with whom the Berladnik struggled for power. Freemen who fled Rus' had strong points on the left bank of the Danube, in the basin of the Berlad River (now Byrlad) and engaged in piracy. An 1134 charter ascribed to Berladnik is a forgery and cannot be used as a source demonstrating trade between Rus' and the Lover Danube.

Throughout the eleventh-twelfth centuries, Kiev, Galich, and other leading Rus' centers conducted active trade in Byzantium's Danubian provinces, especially in the delta of the Danube and Dobrudzha in general. Old Rus' merchants rarely sailed along the Danube to upper Dorostol and never penetrated behind the Iron Gates in the eleventh-twelfth centuries. Rus' merchants obviously conducted trade operations in the Lower Danube centers under the supervision of

Byzantine authorities from the paristrion theme, with the exception of a short period of anarchy in the Lower Danube in the late eleventh-early twelfth centuries. The elimination of Byzantine power on the Danube after the emergence of the Second Bulgarian Empire in 1185, the seizure of Constantinople by the crusaders in 1204, and subsequently the Tartar invasion negated trade ties between Old Rus' and the Lower Danube in the thirteenth century.

The results of our research disprove often times expressed opinion that practically all contacts of Rus' with the Lower Danubian towns were interrupted by the invasion of Mongols. For example, there are enough data concerning such contacts in the ethnocultural sphere during the second half of the XIIIth–XIVth centuries. But we haven't any materials about the role of the Lower Danubian region in exchange between Old Russian and southern Slavonic literature's.

Приложение

Ал-Идриси
"Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак" ("Развлечение истомленного в странствии по областям"), 1154 г.[1]

Предисловие к сочинению

(*Изложение замысла сочинения и хода работы над ним, краткая характеристика Земли, описание морей*)

Море Нитас[2] простирается на восток[3], омывая с южной стороны [берега] земли Хараклийа (Гераклея Понтийская[4]), земли Аструбули (Синоп[5]), Атрабзунда (Трапезунд), земли Ашкала[6], земли Ланийа (Алания[7]), а крайний предел этого залива достигает [земли] ал-Хазарийа (Хазария[8]). Оттуда море поворачивает к Матрахе (Тмутаракань), граничит со страной ар-Русийа (Русь)[9] и страной бурджан (Дунайская Болгария[10]) – а это от реки Данабрис (Днепр) до реки Дану (Дунай), идет к началу пролива ал-Кустантини[11] и приходит к [городу] ал-Кустантинийа (Константинополь), [затем] омывает с востока страну Маказунийа[12] и доходит до того места, где начинается. Длина моря Нитас от начала пролива до крайнего предела [на востоке] тысяча триста миль. В нем [есть] шесть островов[13].

Шестой климат[14]
Четвертая секция

Воистину то, что содержится в этой четвертой секции шестого климата, – это область Руманийа[15], земля Маказунийа и некоторые из наиболее отдаленных городов [страны] ар-Русийа.

(*Следует описание маршрутов по западной и северо-западной частям Балканского полуострова*)

Описание пути [идущего] вдоль побережья от города ал-Кустантина (Константинополь) до устья реки Дану (Дунай), где [находится] город Мирис[16]. Кто желает [проделать] этот путь, идет от ал-Кустантина до города Айлугис (Логи[17]) двадцать пять миль . От Айлугиса до города Аймидийа (Мидье) двадцать пять миль. Оттуда до города Агасубулис (Ахтопол) двадцать пять миль. От него до Басилику (Василико) по берегу моря двадцать пять миль. От Басилику до города Сузубули

(Созопол), [расположенного] на берегу моря, двадцать пять миль. От него до города Ахилу (Анхиало) также двадцать пять миль ... Между ними находится морской залив шириной двенадцать миль, а длина этого залива – двадцать миль. От Ахилу до города Айман (Емона), [расположенного] на берегу моря, двадцать пять миль. От Айман до Барнас (Варна) пятьдесят миль ... От Барнас до города Армукастру (Енисала[18]) двадцать пять миль. А теперь вернемся назад и скажем:

От города Афранисуфа (Браничево), спускаясь вниз по реке Дану, до города Нукастру (Кладово) два с половиной дня [пути]. Город Нукастру расположен на берегу реки Дану, которая подходит к нему с юга, а близ города находится устье реки Мурафа (Морава). Это красивый город, славящийся низкими ценами [на товары], ухоженными полями, многочисленными виноградниками и садами. От него, вниз по реке, до города Бидуни (Видин), расположенного поблизости от упомянутой реки, один с половиной день быстрой езды. Также от города Бидуни до города Субаст Кастру (Свищов) на восток один с половиной день пути. Этот красивый, многолюдный, цветущий город стоит на реке. От него до города Дирастра (Силистра) на восток один с половиной день пути. Это город с обширной округой, с многолюдными и изобильными базарами, великолепными постройками и удобными жилищами. От Дирастры по степи до города Барасклафиса (Преславец) на восток четыре дня пути. Этот город расположен на одной реке, близ брода (*хавз*).

От [города] Барасклафисы (Преславец) до города Дисина[19] четыре дня [пути] на восток. Дисина – цветущий город, обширный по площади, окруженный многочисленными полями; цены на зерно там низки. От него до города Армукастру два дня [пути] на юг[20].

(*Описание пути от Варны до Константинополя по суше*)

А теперь вернемся назад и скажем:

От города Субаст Кастру до города Агризинус (Разград) семьдесят миль, или два дня [пути].

От города Агризинус в восточном направлении до города Масийунус (Шумен) сорок миль, или один день пути. Масийунус – многолюдный город. Там находится русская управа (*маслаха ли-р-русийа*). Это процветающий город с многолюдными базарами и изобильными природными богатствами. Расположен он на горе[21].

(*Описание маршрутов по Болгарии, Германии, Польше, Юго-Западной Руси*)

Шестой климат
Пятая секция

Воистину то, что содержит эта пятая секция шестого климата, – это [описание] части моря ан-Нитаси, даже бóльшей его части, вместе с

расположенными вдоль его берегов цветущими городами, известными крепостями, надежными пристанями, населенными и пустынными островами. Также она содержит [описание] части земли бурджан и такой же части земли ар-Русийа, большей части земли ал-Куманийа[22] и ее городов и окраины страны Маказунийа. Мы хотим рассказать обо всем этом в ясных словах и кратких выражениях.

Скажем: воистину, это море ан-Нитаси подобно большому заливу. Его длина с запада на восток – тринадцать дней морского плавания; что касается его ширины, то она различна, а самое широкое место в нем [составляет] шесть дней плавания. На южном берегу этого моря, там, где он соприкасается с западным, лежит страна Хараклийа (Гераклея Понтийская), затем [следуют] страна ал-Калат (Галатия[23]), страна ал-Бунтим (Понт[24]), страна ал-Хазарийа, страна ал-Куманийа, [страна] ар-Русийа и земля бурджан[25].

(Описание морского пути от Константинополя вдоль южного побережья Черного моря до Трапезунда; описание морского пути от Константинополя вдоль западного и северного побережья Черного моря до Тмутаракани)

...Между городом Барнас (Варна) и Армукастру (Енисала) двадцать пять миль. От Армукастру до реки Дану (Дунай) три мили. От реки до [города] Аклиба один день морского плавания (*маджран*). От Аклибы до устья реки Данаст (Днестр) один день плавания[26].

(Описание реки Русийа и островов Черного моря)

А теперь вернемся к сказанному нами ранее о городах [земли] бурджан и скажем:

(Следует описание сухопутных маршрутов по Болгарии, заканчивающихся в городе Ахтополе)

...От города Агасубулис (Ахтопол) до города Сармисийа[27] один день [пути]. От [города] Сармисийа до Дисины один день [пути] на восток. Между городом Дисина и морем сорок миль, а с восточной стороны к Дисине приближается река Дану (Дунай)[28].

(Описание городов Руси)

Примечания

[1] Ал-Идриси (1100–1165) – арабский географ, работавший при дворе норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), автор географического сочинения энциклопедического характера *Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак* ("Развлечение истомленного в странствии по областям"), которое также известно под названием *Китаб Руджжар* или *ал-Китаб ар-Руджжари* ("Книга Рожера"), по имени короля-мецената. Об ал-Идриси и его сочинении см.:

Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избраиные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 281–299; *Oman G.* Al-Idrisi // EI^2. T. III. P. 1032–1035. Перевод фрагментов сделан по изданию: *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1970. Fasc. I; 1978. Fasc. VIII.

[2] *Нитас* (или *Ниташ*) – частое у арабских авторов обозначение Черного моря. Название произошло от неверной постановки диакритических знаков в арабской передаче греческого наименования Черного моря *Бунтус* (Πόντος, Понт). Арабо-персидские авторы IX–XI вв. употребляли обе формы – правильную *Бунтус* и искаженную *Нитас* (см.: *Недков Б.* България и съседните й земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960. С. 144. Коммент. 281; *Бейлис В.М.* Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1962. С. 23–24; *Dunlop D.M.* Bahr Buntus // EI^2. T. I. P. 927). В рукописях сочинения ал-Идриси фигурирует исключительно написание *Нитас* (или *ан-Нитаси*). В издании же арабского текста "Нузхат ал-муштак" форма названия Черного моря, использовавшаяся ал-Идриси, оставлена лишь в предисловии к сочинению (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. I. P. 12), а в остальных случаях издатели ввели в текст конъектуру *Бунтус (Ibid. Neapoli; Romae, 1977. Fasc. VII. P. 804, 812, 816, 825, 831, 832, 835; Fasc. VIII. P. 899, 905, 906, 914, 920, 921). В нашем переводе везде сохранено наименование, принадлежащее самому ал-Идриси, – море Нитас.

[3] Пространственным центром, из которого ведется описание Черного моря, является Константинополь.

[4] Гераклея (совр. Эрегли) – портовый город и крепость на южном берегу Черного моря, в 200 км к востоку от Константинополя.

[5] Судя по описанию, это населенный пункт на южном побережье Черного моря, расположенный между Гераклеей и Трапезундом. Этот пункт дважды упоминается в 5 секции VI климата *Нузхат ал-муштак* как небольшой укрепленный городок (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. Neapoli; Romae, 1976. Fasc. VI. P. 643, 648). В то же время в рассматриваемом отрывке говорится не о маленьком городке, а о целой области. Поэтому не исключено, что в данном случае речь может идти, как это предположил П.А. Жобер (La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P.A. Jaubert. P., 1836. T. I. P. 7), о Синопе (араб. *Синубули*), крупном портовом городе, лежащем на пути между Гераклеей и Трапезундом и неоднократно упоминаемом в труде ал-Идриси (*Al-Idrisi.* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 907, 908, 912, 957).

[6] Один из принадлежавших аланам городов на северо-восточном побережье Черного моря (Подробнее см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 172, 177).

[7] Об описании Алании у ал-Идриси см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 171–172, 176–178.

[8] Ал-Идриси описывает Хазарию как современное ему государство (см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 189–191).

[9] П.А. Жобер переводил это место иначе: "море поворачивает к Матрахе, относящейся к стране русов" (La Géographie d'Edrisi. T. I. P. 7), между тем как сто-

ящий в тексте глагол *иттасала*, означающий не принадлежность, а связь, соприкосновение, относится не к слову "Матраха", а к слову "море".

[10] *Бурджан* – традиционное обозначение дунайских болгар у арабо-персидских авторов (см.: *Lewicki T.* Znajomość krajów i ludów Europy u pisarzy arabskich IX i X w. // Slavia antiqua. 1961. T. VIII. P. 96; *Кендерова С., Бешевлиев Б.* Балканският полуостров изобразен в картите на ал-Идриси: Палеографско и историко-географско изследване. София, 1990. Ч. 1. С. 110, 112).

[11] *Ал-Кустантина* – один из вариантов арабской передачи наименования византийской столицы у ал-Идриси. Под "проливом ал-Кустантини" (т.е. "Константинопольским проливом") подразумевались пролив Дарданеллы, Мраморное море и пролив Босфор.

[12] Этот хороним (варианты написания: *Джатулийа, Джалулийа, Джасулина*) рассматривается некоторыми востоковедами как искаженное название исторической области на Балканском полуострове – Македонии, в связи с чем издатели арабского текста сочинения ал-Идриси предложили конъектуру *Маказунийа (*Al-Idrisi* Opus geographicum. Fasc. I. P. 12; Fasc. VIII. P. 888, 892, 893, 905, 920).

[13] *Al-Idrisi* Opus geographicum. Fasc. I. P. 12.

[14] Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов (*иклим*), а каждый климат, в свою очередь – на десять поперечных частей-секций (*джуз*). Описание ойкумены в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов – по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует карта. Сведения о Нижнем Подунавье содержатся в 4 и 5 секциях VI климата "Нузхат ал-муштак".

[15] *Ар-Руманийа – издательская конъектура; во всех рукописях фигурирует хороним *Джурманийа*. Из описания следует, что этим хоронимом ал-Идриси обозначал византийские подунайские провинции (*Недков Б.* България. С. 130; *Кендерова С., Бешевлиев Б.* Картите. С. 56).

[16] Известный по античным источникам Алмирис ('Αλμυρίς) на северо-западном берегу оз. Разельм, отождествляемый с совр. Енисала (см.: *Коновалова И.Г.* Восточная Европа. С. 154–155).

[17] Здесь и далее идентификация балканских населенных пунктов дана по изданию Б. Недкова (подробнее см.: *Недков Б.* България. С. 77, 79).

[18] Локализацию см.: *Коновалова И Г.* Восточная Европа. С. 154–155.

[19] Локализацию см.: Там же. С. 159–160.

[20] *Al-Idrisi*. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 896–897.

[21] Ibid. P. 899.

[22] *Ал-Куманийа* – обозначение Половецкой степи у ал-Идриси (подробнее см.: *Коновалова И Г.* Восточная Европа. С. 179–189).

[23] Галатия – малоазийская область, лежавшая по соседству с Гераклеей.

[24] Понт – область в Малой Азии, расположенная к востоку от Галатии.

[25] *Al-Idrisi* Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 905.

[26] Ibid. P. 908–909.

[27] Неидентифицированный город.

[28] *Al-Idrisi*. Opus geographicum. Fasc. VIII. P. 911–912.

Абу-л-Фида
Таквим ал-булдан ("Упорядочение стран"), ок. 1331 г.[1]

Введение

(*Общие сведения о Земле и семи климатах; описание морей*)

Рассказ о море Ниташ[2]

Озеро Маниташ[3] соединяется с морем Ниташ и известно в наше время как море ал-Азак[4], по имени города, стоящего на его северном берегу и являющегося торговой гаванью. Море Ниташ в наши дни известно [также] как море ал-Кирим[5] и как Черное море. Его воды текут к [городу] ал-Кустантинийа (Константинополь), омывают его и, образуя канал, вливаются в море ар-Рум (Средиземное море), поэтому корабли, направляющиеся из ал-Кирим в море ар-Рум, плывут быстро, а прибывающие из ал-Искандарийи (Александрия) в ал-Кирим плывут медленно из-за встречного течения воды. Море ал-Кирим соединяется [с морем ар-Рум] к югу от [города] ал-Кустантинийа посредством канала ал-Кустантинийа[6]. Этот канал, хотя и представляет собой оконечность моря ал-Кирим, однако является наиболее известной его частью. Поэтому мы начинаем с описания восточного побережья [моря], лежащего напротив [города] ал-Кустантинийа. Мы расскажем о том, что находится на восточном побережье, затем повернем к северному берегу, потом – к западному, пока не достигнем [опять] ал-Кустантинийи.

(*Следует описание пути от Константинополя до Сухуми*).

Затем море суживается [по направлению] к западу; также оно суживается с противоположного, западного берега до тех пор, пока оба берега не сблизятся и между ними не останется полоса воды в виде пролива, соединяющего море ал-Азак с морем ал-Кирим. На восточном берегу этого пролива стоит город, именуемый ат-Таман (Тамань). Он является пограничным пунктом государства Берке[7]. Нынешнего правителя этого государства зовут Узбек[8], его послы часто посещают Миср[9]. Затем указанный пролив поворачивает от упомянутого города ат-Таман [сначала] на восток, [а затем на] север и запад и становится похож на круглый водоем. В конце восточного берега водоема находится город, называемый аш-Шакрак[10]. От аш-Шакрак [водоем] больше не распространяется на восток, а поворачивает на север и продолжается в этом направлении до города ал-Азак. Это порт, в который стремятся купцы из [разных]

стран. Там находится устье реки Тан (Дон). Если затем повернуть от ал-Азака, [можно плыть далее] пока не окажешься на западном берегу [этого] моря ал-Азак. Потом минуют пролив, который находится между упомянутым морем ал-Азак и морем ал-Кирим, [и направляются] к городу, лежащему у входа в этот пролив на западном берегу и называемому ал-Карш (Керчь). Этот город лежит напротив [города] ат-Таман, находящегося на другом берегу [пролива], упомянутом выше. Далее плывут на юг, пока не кончится указанный пролив, в море ал-Кирим. Затем море поворачивает на юго-запад к [городу] ал-Кафа (Кафа; Феодосия). Это порт на западном побережье, лежащий напротив Атрабзунда (Трапезунд), упомянутого выше. Потом море простирается также на юго-запад до [города] Судак, расположенного на 56° долготы и 51° широты, поворачивает от Судака на юг и отклоняется на восток, пока не достигнет выступающего в море участка суши, где расположен город Сару-Карман (Херсонес), лежащий напротив Синуба (Синоп), упомянутого выше. Далее от Сару-Кармана море поворачивает на запад с отклонением к югу. Оно простирается также до города, называемого Акджа-Карман (Аккерман[11]). Затем море поворачивает на юг к городу, именуемому Сакджа (Исакча). Там находится устье Туны (Дунай[12]) – реки великой и знаменитой. После того, как море минует Сакджу, оно начинает суживаться и поворачивает на юго-восток, пока не достигнет входа в канал ал-Кустантинийа[13].

(*Следует описание проливов между Черным и Эгейским морем, других морей, а также озер*)

Описание рек

Далее [опишем] главные реки в стране тюрок[14], известные купцам, посещающим ту страну. Большинство авторов книг обходит их молчанием. В этом разделе я, по мере сил, расскажу о них, в соответствии с тем, что говорят об этих реках побывавшие в тех краях лица.

Река Туна (с *даммой* при *та* без точки, *фатхой* при *нуне* и *алифом*[15]) – это большая река, гораздо больше Тигра и Евфрата, вместе взятых. Начинаясь в более отдаленных северных краях, она течет на юг и стекает на восток с горы, называемой Кашка-Таг[16], то есть "трудная гора", потому что через нее трудно перейти. Эта гора дает приют многим неверным народам, таким как ал-авлак (влахи), ал-маджар (венгры), ассарб (сербы) и другие. Итак, река Туна течет на восток с этой горы и, по мере того как движется к югу, приближается к морю Ниташ, называемому сейчас морем ал-Кирим. Она протекает между горой и морем, пока не вольется в море к северу от города, именуемого Сакджа (Исакча), который находится в земле ал-Кустантинийа и расположен на северо–северо–запад от [города] ал-Кустантинийа (Константинополь). Таким образом, широта Сакджи больше, чем широта ал-Кустантинийи:

тогда как последняя составляет 45°, широта Сакджи – около 50°, немного больше или меньше[17].

(*Следует описание Днепра, Волги и Дона*)

Описание городов

Таблицы содержат следующие графы: 1) порядковый номер; 2) название населенного пункта; 3) указание на источник, откуда позаимствованы сведения о нем; 4–5) географическая долгота населенного пункта в градусах и минутах; 6–7) географическая широта населенного пункта в градусах и минутах; 8) указание на "истинный климат" (*ал-иклим ал-хакикиййу*, т.е. климат как астрономическое понятие), к которому относится населенный пункт; 9) указание на "обычный климат" (*ал-иклим ал-'урфиййу*, т.е. область, страна), к которому относится населенный пункт; 10) транслитерация наименования населенного пункта; 11) характеристика населенного пункта.

Сакджа (Исакча)

1. 11
2. Сакджа
3. Атвал[18]
4. 48°
5. 37'
6. 50°
7. –
8. Седьмой
9. Ал-авлак[19] и страна ал-Кустантинийа[20]
10. По сообщению одного из жителей города, с *фатхой* при *саде* без точки, *сукуном* на *кафе*, *кясрой* при *джиме*, похожем на *шин* с точками, и в конце *йа* с двумя точками внизу.
11. Сакджа – город средних размеров, расположенный на равнине у подножия [горы] Кашка-Таг, близ впадения реки Туна (Дунай) в море Ниташ. От Сакджи до Акджа-Кармана (Аккерман) пять дней [пути], а до ал-Кустантинийи (Константинополь) по суше двадцать дней [пути]. Сакджа находится на юго-западном берегу [реки] Туна, с той стороны, которая ближе к ал-Кустантинийе. Преобладающая часть жителей Сакджи исповедует ислам. [Наименование] Кашка-Таг [пишется] с *фатхой* при *кафе*, *сукуном* на *шине* с точками, вторым *кафом*, *алифом*, *та* без точки, *алифом* и *гайном* с точкой[21].

Акджа-Карман (Аккерман)

1. 13
2. Акджа-Карман
3. Измерение

4. 45°
5. –
6. 50°
7. –
8. Седьмой
9. Ал-булгар (болгары) и ат-турк (тюрки)[22]
10. С *фатхой* при *хамзе*, *сукуном* на *кафе*, *фатхой* при *джиме*, *алифом*, *фатхой* при *кафе*, *ра* без точки, *мимом*, *алифом* и *нуном* на конце.
11. Акджа-Карман – это небольшой населенный пункт на побережье моря Ниташ. Он находится к западу от Сару-Кармана (Херсонес), и между ними пятнадцать дней [пути]. Акджа-Карман расположен на равнине. Населяют его мусульмане и неверные. Неподалеку от него впадает в море река Турлу (Днестр[23]), которая по величине может соперничать с [рекой] Хама[24]. Между Акджа-Карманом и Сакджей расстояние в пять дней [пути]. [Наименование] Турлу [пишется] с *даммой* при *та*, *сукуном* при *ра* без точки, *ламом* и *вавом*[25].

Примечания

[1] Абу-л-Фида (1273–1331) – сирийский эмир, историк и географ, автор географического труда *Таквим ал-булдан* ("Упрядочение стран"), в котором дается описание Земли и всех известных к тому времени стран и народов Сочинение Абу-л-Фиды состоит из двух частей – обширного введения, содержащего общие сведения о Земле, и основного раздела с описанием 28 географических областей. Каждый из 28 отделов подразделяется на две части: описательную с изложением данных общего характера и табличную, где приводится информация о городах. Страны Восточной Европы и Балканского полуострова охарактеризованы в разделе, озаглавленном "Рассказ о северной части Земли, охватывающей страны франков, тюрок и другие [земли]". Перевод фрагментов сделан по изданию: Géographie d'Aboulféda: Texte arabe Paris, 1840

[2] См. выше прим. 2 к переводу фрагментов ал-Идриси.

[3] Наименование Азовского моря, восходящее к греч. Μαιῶτις (Меотида), искаженному в арабской передаче вследствие неверной постановки диакритических знаков.

[4] Азак – наименование золотоордынского города, существовавшего на месте совр. Азова.

[5] *Ал-Кирим* – город Солхат (к западу от совр. Феодосии), являвшийся административно-политическим центром владений Золотой Орды в Крыму и получивший от золотоордынцев название "Крым", которое впоследствии распространилось на весь полуостров.

[6] См. выше прим. 11 к переводу фрагментов ал-Идриси.

[7] Берке – хан Золотой Орды (1256–1266).

[8] Узбек – хан Золотой Орды (1312–1342).

[9] *Миср* – название столицы Египта города Каира. Иногда словом "Миср" обозначали и весь Египет.

[10] Неидентифицированный населенный пункт на северо-восточном побережье Азовского моря.

[11] *Акджа-Карман* – арабская передача тюркского названия "Аккерман", являвшегося, в свою очередь, либо калькой со славянского "Белгород", либо золотоордынским наименованием по типу многих других топонимов с формантом *-керман* ("крепость"), характерных для Золотой Орды.

[12] Абу-л-Фида знает Дунай под его тюркским наименованием.

[13] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 31–33.

[14] Термином "страна тюрок" (*билад ат-турк*) Абу-л-Фида обозначает владения улуса Джучи.

[15] Абу-л-Фида, как правило, дает арабскую транслитерацию приводимых им географических названий.

[16] Судя по названиям населяющих ее склоны народов, имеются в виду Карпаты.

[17] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 63.

[18] Имеется в виду *Китаб ал-атвал* ("Книга долгот"), являющаяся, по предположению И.Ю. Крачковского, одной из арабских переработок сочинений Птолемея (*Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 391).

[19] *Ал-авлак* – арабская передача этнонима "влах", вошедшего в арабскую историографию на рубеже XIII–XIV вв. и встречающегося, кроме сочинения Абу-л-Фиды, также у Рукн ад-дина Бейбарса, ан-Нувайри, ал-Калкашанди для обозначения болгар и Болгарского царства (см.: *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. С. 93, 117, 139, 161; *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991. С. 89–92; *Mishin D.* Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilization. 1997. Т. VI. N 2. P. 37–56). Указание Абу-л-Фиды на то, что Сакджа находилась на территории Болгарского царства, можно трактовать как отражение двойного подчинения региона Днестровско-Дунайских степей при Федоре Святославе, являвшемся вассалом золотоордынских ханов (подробнее см.: *Коновалова И Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988).

[20] Зависимость от Константинополя может рассматриваться в данном случае лишь в религиозном смысле, т.е. как нахождение исповедовавших православие жителей города под церковной юрисдикцией Константинополя (подробнее см.: *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994. С. 84–87).

[21] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 212–213.

[22] Информация Абу-л-Фиды об Аккермане относится ко времени, когда Аккерман находился в двойном подчинении – им владел болгарский царь, являвшийся вассалом золотоордынского хана (см.: *Коновалова И.Г., Руссев Н.Д.* О политическом положении), так что, помещая город в пределы страны "болгар и тюрок", географ отразил действительное положение вещей.

[23] Днестр был известен Абу-л-Фиде под его тюркским наименованием.

[24] Хама – река в Сирии.

[25] Géographie d'Aboulféda: Texte arabe. P. 212–213.

Il Compasso da Navigare
(Итальянская лоция Черного моря), ок. 1296 г.[1]

De Costanza a Grosseto XX millara per tramontana. Lo dicto Grosseto è la prima foce de Vecina.

De Grosseto a San Georgi LXX millara per tramontana ver lo greco.

Lo dicto Sam Georgi ede la bocca de la foce de Vecina.

De lo dicto San Georgi ad Aspera XXV millara enter greco e tramontana. Lo dicto Aspera ede la bocca de lo flume de Vicina.

Dize che queste IIII foce so de lo flume de Vecina, e per tucte queste podete montare securamente a Vicina, ma milliore è la 'ntrata de lo dicto flume a la bocca de Aspera, e semblantemente San Georgi.

La conoscenza d'Aspera è cotale. Se venirete da levante, vederete una ponta soctile che à rena blanca, e dall'altra parte vederete quasi canizeto. La dicta bocca non estai tucta via en uno modo, ma se muta en molte mainere. E se volete gire a la dicta bocca d'Aspera, quanno serrete sopre la dicta ponta sotile a rena, e vederete una granne trapa ficcata en meczo la bocca, e là te poni securamente, chè quella è la bocca. E quanno entrarete la entro, guardate de una lena che è en la ponta soctile da rena, che vene en mare meczo millaro.

От Констанцы до Гроссето[2] 20 миль на север. Гроссето – это первый рукав Вичины.

От Гроссето до Св. Георгия[3] 70 миль на северо-северо-восток.

Св. Георгий находится у входа в рукав Вичины.

От Св. Георгия до Асперы[4] 25 миль на северо-северо-восток. Аспера – это рукав реки Вичины.

Говорят, что это четыре рукава [одной] реки Вичины и по всем ним можно благополучно подняться к [городу] Вичине, но самый удобный вход в указанную реку – это устье Асперы, а также Св. Георгия.

Аспера [легко] узнается по [ее] берегам. Если вы приходите с востока, то увидите один низкий берег со светлым песком, а на другом берегу увидите совсем белый [песок]. Этот рукав неодинаков на всем своем протяжении, но постоянно изменяется. Если вы захотите войти в устье Асперы, когда будете близ упомянутого низкого песчаного берега, то увидите большое дерево, стоящее посередине устья – тогда можете быть уверены, что попали именно в это устье. Когда же вы войдете в устье, то обратите внимание на возвышенность на низком песчаном берегу, который выдается в море на полмили.

De Aspera a la città de Vecina CC millara sopre la dicto flume.

D'Aspera a le Saline XII millara enter greco e tramontana. E semelliante bocca de lo dicto flume, ma non ce po intrare legno.

De le Saline a Licostoma XXV millara enter greco e tramontana, et ede la dicta bocca, ma non è per legno.

De Licostoma ad Elexe C millara per levante ver lo greco, et ede la bocca de lo dicto flume.

De lo dicto Elexe a la ponta de Braco et a le Saline de Quirsona CX millara per silocco ver lo levante.

E faczove a savere che enter le Saline e Licostoma à una isola en mare XXX millara enter levante e silocco, e clamase la dicta isola Filoxia.

E sopre la foce de Elexe à una secca en mare XII millara per meczoiorno. La dicta secca se clama pperese.

От Асперы до города Вичины 200 миль вверх по указанной реке.

От Асперы до Салины[5] 12 миль на северо-северо-восток. Это также устье упомянутой реки, но в него не могут заходить суда.

От Салины до Ликостомо[6] 25 миль на северо-северо-восток; это [тоже] устье [реки], но оно несудоходно.

От Ликостомо до Элексе[7] 100 миль на восток-северо-восток; это устье упомянутой реки.

От Элексе до Понта де Брако[8] и до Салине де Кирсона[9] 110 миль на восток-юго-восток.

Да будет известно, что между Салине и Ликостомо есть остров [лежащий] в море [на расстоянии в] 30 миль на восток-северо-восток и называемый Филоксия[10].

Близ устья Элексе на расстоянии 12 миль к югу в море имеется отмель; она называется Пересе[11].

Примечания

[1] Итальянская лоция XIII в. – самый старый портолан с описанием Черного моря. Описание, по предположению исследователей, восходит к генуэзскому источнику и было составлено ок. 1296 г. Перевод фрагмента сделан по изданию: Il Compasso da navigare: Opera italiana della metà del secolo XIII / Prefazione a testo del codice Hamilton 396 a cura di B.R. Motzo. Cagliari, 1947. P. 130–131.

[2] Гроссето – топо-гидроним, обозначающий судоходный пролив Гура-Буазулуй, ведущий из оз. Синое в Черное море, а также расположенный в указанном проливе остров (*Baraschi S.* Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. II. Grosseto (= Grosea), Banbola, Zanavarda // RRH. 1990. T. XXIX. N 1–2. P. 121–126).

[3] Св. Георгий – Георгиевский рукав дельты Дуная.

[4] Аспера – один из древних рукавов, лежащий к югу от Сулинского гирла дунайской дельты и называемый в настоящее время Импуцита (*Baraschi S.* Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. III. Aspera et Lo Donavici // RRH. 1991. T. XXX. N 1–2. P. 67–74.

[5] Салина – Сулинский рукав дельты Дуная.

[6] Ликостомо – Килийский рукав дельты Дуная.

[7] Элексе – гавань в устье Днепра, название которой сопоставляется с летописным Олешье (*Тодорова Е* Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // ИСССР. 1989. № 1. С. 174–175).

[8] Понта де Брако – название мыса полуострова Кинбурн и (или) самой западной точки Тендровской косы (*Тодорова Е* Северное побережье. С. 175, 182)

[9] Салине де Кирсона – обозначение расположенных к юго-западу от совр. Евпатории озер, в которых добывали соль (*Тодорова Е* Северное побережье С. 177, 183).

[10] Филоксия – остров Змеиный (*Todorova E* More about Vicina and the West Black Sea Coast // EB. 1978. N 2. P. 133).

[11] Пересе – остров Березань (*Todorova E* More about Vicina. P. 134).

Список сокращений

АДСВ	Античная древность и средние века. Свердловск
АЕ	Археографический ежегодник. М.
АИМ	Археологические исследования в Молдавии. Кишинев
Анна Комнина	*Анна Комнина* Алексиада / Вступит. статья, пер. и коммент. Я.Н. Любарского. М., 1965 (СПб., 1996).
араб.	арабский яз.
АРИ	Архив русской истории. М.
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
БИБ	Българска историческа библиотека. София
болг.	болгарский яз.
ВВ	Византийский временник. СПб.; М.
Изв. ВГО	Известия Всесоюзного Географического общества. М.
ВДИ	Вестник древней истории. М.
ВИ	Вопросы истории. М.
ВИД	Вспомогательные исторические дисциплины. Л.; СПб.
ВИС	Военноисторически сборник. София
ВЛУ	Вестник Ленинградского университета. Сер. истории, языка и литературы. Л.
ВЯ	Вопросы языкознания. М.
ГИБИ	Гръцки извори за българската история. София
ГИМ	Государственный исторический музей
ГЭ	Государственный Эрмитаж
Градове, I	Български средновековните градове и крепости. Варна, 1981. Т. I: Градове и крепости по Дунав и Черно море
ГСУ ИФФ	Годишник на Софийския университет. Историко-филологически факултет. София
ГСУ ФИФ	Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. София
ДГ	Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования – с 1975 по 1993 гг.; Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования – с 1994 г. М.
др.-русск.	древнерусский яз.

ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗВОРАО	Записки Восточного отделения имп. Русского археологического общества. СПб.
ЗНТШ	Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів
ИАИ	Известия на Българския Археологически институт. София
ИАН	Известия Академии наук. Л.
ИВАД	Известия на Варненско Археологическо дружество. Варна
ИЗ	Исторические записки. М.
Изв. ВГО	Известия Всесоюзного Географического общества. М.
ИИБЕ	Известия на Института за български език. София
ИИБИ	Известия на Института за българската история. София
ИКДР, I	История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. I
ИКЭФСН	История, культура, этнография и фольклор славянских народов: Сб. докладов советской делегации на Международных съездах славистов. М.
ИНМВ	Известия на Народния музей. Варна
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб. – Пг. – Л.
ИП	Исторически преглед. София
ИСССР	История СССР. М.
Историография	Советская историография Киевской Руси. Л., 1978.
Источниковедение	Советское источниковедение Киевской Руси. Л., 1979.
итал.	итальянский яз.
Карпини-Рубрук	Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
Кирша Данилов	Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М., 1980.
Книга Эпарха	Византийская книга Эпарха / Вступит. статья, пер. и коммент. М.Я. Сюзюмова. М., 1962.
Константин	*Константин Багрянородный* Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1989 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. М.

КСИС	Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
лат.	латинский яз.
Латиноязычные источники	Латиноязычные источники по истории Древней Руси: Германия, IX – первая половина XII в Сост., пер., коммент М.Б Свердлова. М.; Л , 1989.
ЛИБИ	Латински извори за българската история. София
ЛХ	Летописи и хроники. М.
Манасси	Летописта на Константин Манаси: Фототипно издание по Ватиканския преия на среднобългарски превод / Увод и бележки от И. Дуйчев. София, 1963
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МКСА	Международный конгресс славянской археологии
НПЛ	Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л , 1950.
ОИ	Отечественная история. М.
ПРП, II	Памятники русского права / Сост. А.А. Зимин. М., 1953. Вып II.
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей. М
РА	Российская археология. М.
РИС	Русский исторический сборник. СПб.
рум.	румынский яз.
рус.	русский яз.
СА	Советская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
Самосознание	Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.
СБИД	Списание на Българското икономическо дружество. София
Сб. РИО	СборникРоссийскогоисторического общества. СПб.
СВ	Средние века. М.
Симеон	Симеон Метафраста и Логофета описание мира от бытия и летовник собран от различных летописец: Славянские перевод хроники Симеона Логофета с дополнениями/Изд. В.И. Срезневского. СПб., 1905.
Сказания	Сказания о начале славянской письменности / Вступит. статья, пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981.
Слово	Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950.
ср.-греч.	средне-греческий яз.
СС	Советское славяноведение. М.
Степи	Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981 (Археология СССР).
СЭ	Советская этнография. М.

ТОДРЛ	Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. Л.; СПб.
Тр. АС	Труды археологического съезда
Тр. ГИМ	Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. ГЭ	Труды Государственного Эрмитажа. Л.; СПб.
УЗ ЛГУ	Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л.
УІЖ	Український історичний журнал. Киев
ЧИОНЛ	Чтения Исторического общества Нестора-летописца. Киев
AEMA	Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden
ASLSP	Atti della Società Ligure di Storia Patria
BF	Byzantinische Forschungen. Amsterdam
BGA	Bibliotheca geographorum arabicorum. Leiden
BSl	Byzantinoslavica. Praha
BOR	Biserica ortodoxă română. Iaşi
BZ	Byzantinische Zeitschrift. München
EB	Études balkaniques. Sofia
EH	Études historiques. Sofia
EI^2	Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden; London
JEEH	Journal of European Economic History. Roma
MPH	Monumenta Poloniae historica. Warszawa
PG	*Migne J.-P.* Patrologiae cursus completus. Ser. graeca. Paris
RESEE	Revue des études sud-est européennes. Bucarest
RHSEE	Revue historique du sud-est européen. Bucarest
RI	Revista de istorie. Bucureşti
ROL	Revue de'l Orient Latin
RRAL	Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Roma
RRH	Revue roumaine d'histoire. Bucarest
SA	Slavia antiqua. Warszawa-Posnań
SBAW	Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien
SCIV	Studii şi cecretări de istorie veche. Bucureşti
SCIVA	Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie. Bucureşti
SCN	Studii şi cercetări de numismatica. Bucureşti
SEER	Slavonic and East European Review. London
SK	Seminarium Kondakovianum. Praha
SSS	Słownik Starożytności Słowiańskich. Wrocław–Warszawa–Kraków

Библиография

Аврамов В. Юбилеен сборник Плиска – Преслав. София, 1929. Ч. II.

Агаджанов С.Г. Основные проблемы и задачи изучения контактных зон Восточной Европы // Контактные зоны в истории Восточной Европы: Перекрестки политических и культурных взаимовлияний. М., 1995.

Агаджанов С.Г Контактные зоны Восточной Европы: Узловые проблемы и задачи изучения // Доклады Института российской истории РАН. 1995–1996. М., 1997.

Агбунов М.В. Загадки Понта Эвксинского (Античная география Северо-Западного Причерноморья). М., 1985.

Агбунов М.В. Античная лоция Черного моря. М., 1987.

Адрианова-Перетц В.П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974.

Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI–XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Алешковский М.Х. Повесть временных лет. М., 1971.

Алешковский М.Х. Русские глебо-борисовские энколпионы 1079–1150 годов // Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси. М.. 1972.

Ангелов Б Из историята на руско-българските литературни връзки. София, 1972.

Ангелов Д. Руси и българи в историята. София, 1945.

Ангелова Ст. Археологическо проучване на средновековния Дръстър (резултати и перспективи) // Дуросторум – Дръстър – Силистра. София, 1988. Т. I.

Антонова В. Средновековният град Шумен // Средновековният български град. София, 1980.

Антонова В Кръстове-енколпиони в Историческия музей "Людмила Живкова" в Шумен // Годишник на музеите в Северна България. 1984. Год. X.

Априлов В.Е. Болгарские грамоты. Одесса, 1845.

Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. СПб., 1866.

Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.): Результаты взаимодействия культур. М., 1994.

Арутюнова-Фиданян В.А. К вопросу об основных характеристиках контактной зоны // Контактные зоны в истории Восточной Европы. М., 1995.

Арутюнова-Фиданян В.А. Контактные зоны и зоны контакта: Сходство и различия // Восточная Европа в древности и средневековье: Контакты, зоны контактов и контактные зоны. XI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 14–16 апреля 1999 г. Материалы к конференции. М., 1999.

Арциховский А.В. Культурное единство славян в средние века // СЭ. 1946. № 1.

Аспарухов М. Нови данни за корабоплаване по р. Дунав през средновековието // Интердисциплинарни изследвания. София, 1981. № 7–8.

Атанасов Г. Етнодемографски промени в Добруджа (X–XVI в.) // ИП. 1991. Год. 47. Кн. 2.
Атанасов Г. Поглед към Добруджанския Дунавски бряг от XI до XV в. // ИП. 1992. Год. 48. Кн. 8–9.
Атанасов Г. Средновековнии кръстове-енколпиони от Дръстър // ИНМВ. 1992. Год. 28 (43).
Атанасов Г. Отново за локализацията на средновековния град Вичина // ИП. 1993. Год. 49. Кн. 3.
Атанасов Г., Йорданов И. Средновековният Ветрен на Дунае. Шумен, 1994.
Баласчев Г.Д. Българите през последните десет годините на десетия век. София, 1927.
Балашов Д.М. Дунай // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16.
Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX–XII вв.: Очерки. М., 1978.
Барац Г.М. Происхождение летописного рассказа о начале Руси. Киев, 1913.
Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. Изд. 2-е. Варшава, 1885.
Бартольд В.В. Басджирт // Бартольд В.В. Соч. М., 1968. Т. Т. V.
Баумгартен Н.А. Родословные отрывки // Летопись историко-родословного общества в Москве. М., 1908. Вып. 4 (16).
Бейлис В.М. Ал-Мас'уди о русско-византийских отношениях в 50-х годах X в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
Бейлис В.М. Сведения о Черном море в сочинениях арабских географов IX–X вв. // Ближний и Средний Восток. М., 1961.
Бейлис В.М. Сочинения ал-Мас'уди как источник по истории Восточной Европы X века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1963.
Бейлис В.М. Народы Восточной Европы в кратком описании Мутаххара ал-Макдиси (X в.) // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1969. Т. II.
Бейлис В М. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГ, 1982 г. М., 1984.
Бейлис В.М. Арабские авторы IX – первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГ, 1985 г. М., 1986.
Бейлис В.М. Ал-Идриси о портах черноморского побережья и связях между ними // Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов на/Д., 1988.
Бейлис В.М. К вопросу о конъектурах и о попытках отождествления этнонимов и топонимов в текстах арабских авторов IX–XIII вв. о Восточной Европе // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М., 1989. Вып. 1.
Белов Е. Борьба великого князя Киевского Святослава Игоревича с императором Иоанном Цимисхием // ЖМНП. 1873. Ч. 170. Декабрь.
Белчовски В. Опис иа источна Европа од 1308 година // Споменици за средновековката и поновата историја на Македонија. Скопле, 1977. Т. 2.
Беляева С.А. Южнорусские земли во второй половине XIII–XIV в. (По материалам археологических исследований). Киев, 1982.
Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963.
Бешевлиев Б. За името Дичина или Вичина на река Тича // ИИБЕ. 1962. Кн. 8.
Бешевлиев Б. Мундрага и Тича – Вичина // ИНМВ. 1985. Год. 21.
Бибиков М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) // ДГ, 1980 г. М., 1982.

Бибиков М.В. Архаизация в византийской этнонимии // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984.

Бибиков М.В. Болгария, Русь, Византия, половцы в системе международных отношений в Юго-Восточной Европе XII – первой половине XIII в. Руско-български връзки през вековите. София, 1986.

Бибиков М.В. Этнический облик Северного Причерноморья по данным Иоанна Цеца // ЕВ. 1976. № 4.

Бибиков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996.

Бибиков М.В. Византийский историк Иоанн Киннам о Руси и народах Восточной Европы: Тексты, перевод, комментарий. М., 1997 ("Древнейшие источники по истории народов Восточной Европы").

Бибиков М.В. Византийские источники по истории Древней Руси и Кавказа. СПб., 1999.

Богуславский В.Ф. Держава Рюриковичей. Тула, 1994. Т. 1.

Божилов И. Анонимът на Хазе: България и Византия на Долни Дунав в края на X в. София, 1972.

Божилов И.А. България и печенезите (896–1018 г.) // ИП. 1973. Год. 29. Кн. 2.

Бонев Ч. Анти и славини в Добруджа през X в. // Руско-Български връзки през вековите. София, 1972.

Борисенков Е.П., Пасецкий В.М. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. М., 1988.

Боровський Я.Е. Походження Киева: Історіографічни нарис. Київ, 1981.

Брайчевский М.Ю. Когда и как возник Киев. Киев, 1964.

Брайчевский М.Ю. К истории расселения славян на византийских землях // ВВ. 1969. Т. 19.

Брайчевский М.Ю. Славяне в Подунавье и на Балканах в VI–VIII вв. // Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1983.

Брайчевский М.Ю. Утверждение христианства на Руси. Киев, 1988.

Брун Ф.К. О поселениях итальянских в Газарии: топографические и исторические заметки // Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871. Т. 2.

Брун Ф.К. Черноморье: Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса, 1879–1880. Т. I–II.

Бубенок О.Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI – начало XIII в.). Киев, 1997.

Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М., 1986.

Былины. Л., 1986.

Былины. М., 1988.

Былины Севера. М.; Л., 1938–1951. Т. I–II.

Бырня П.П. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV – начало XVI в.). Кишинев, 1984.

Вагин Н.Ф., Карминский М.С. Река Дунай. Л., 1960.

Васильевский В.Г. Византия и печенеги: Приложение 2 (Русские на Дунае) // ЖМНП. 1872. № 11–12 (Труды. СПб., 1908. Т. 1).

Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 257. Июль.

Васильевский В.Г. Труды. СПб., 1908–1909. Т. I–II.

Ведюшкина И.В. "Русь" и "Русская земля" в Повести временных лет и летописных статьях второй трети XII – первой трети XIII в. // ДГ, 1992–1993. М., 1995.
Ведюшкина И.В. "Нарцы еже суть словене" // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 1998 г. Материалы к конференции. М., 1998.
Велков В. Градът в Тракия и Дакия през късната античност. София, 1959.
Венедиктов И. Военното и административното устройство на България през IX и X век. София, 1979.
Верлинден Ш Торговля на Черном море с начала византийской эпохи до завоевания Египта турками в 1517 г. М., 1970.
Висковатов А В. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. СПб., 1994.
Войтович Л.В. Генеалогія династії Рюриковичів і Гедиміновичів. Київ, 1992.
Войтович Л.В. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII–XVI ст. Львів, 1996.
Въжарова Ж. Внесени премети по търговски и други начина в средновековна България (VIII–XI в.) // Известия на Българско историческо дружество. София, 1979. Кн. 32.
Гапусенко И.М. Боротьба східних слов'ян за выхід до Черного моря. Київ, 1966.
Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. (С половины VII века до конца X века, по Р.Х.). СПб., 1870.
Георгиев Е. Начало болгаро-русских культурных и литературных связей // Руско-български връзки през вековите. София, 1986.
Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. СПб., 1868–1874. Т. 1–4.
Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878.
Головин Н. Родословная роспись потомков великого князя Рюрика. М., 1851.
Голубинский Е Е. Краткий очерк истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Валашской. М., 1871.
Горина Л.В. Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве. М., 1972.
Горский А.А. Русско-византийские отношения при Владимире Мономахе и русское летописание // ИЗ. М., 1987. Т. 115.
Готье Ю.В. Русские на Балканском полуострове в XI–XIV вв. // Ученые записки Московского гос. пед. института им. К. Либкнехта. Сер. ист. М., 1939. Т. 4. Вып. 2.
Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1949.
Грушевський М.С. Історія України – Руси. Київ, 1913. Т. 1; Львів, 1905. Т. 2; Львів, 1905. Т. 3; Київ – Львів, 1907. Т. 6.
Гудзий Н.К. Литература Киевской Руси и древнейшие славянские литературы. М., 1958.
Гудзь-Марков А.В. История славян. М., 1997.
Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь М., 1993.
Гусарова Т.П. Картография // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990.
Гюзелев В. Средновековната крепост Калиакра през XIII – средата на XV в. // ИНМВ. 1973. Год. 9 (24).
Гюзелев В. Средновековна България в светлината на нови извори. София, 1981.
Гюзелев В. Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII – началото на XV век). София, 1995.

Даков В. Река Дунав и нейното стопанско значение за България. София, 1964.
Даркевич В.П. К истории торговых связей Древней Руси // КСИА. 1974. № 138.
Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975.
Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
Даркевич В.П. Международные связи // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985 (Археология СССР).
Даркевич В.П., Соболева Н.А. О датирове литовских монет с надписью "Печать" // СА. 1973. № 1.
Дашкевич Н.П. Грамота князя Ивана Ростиславича Берладника 1134 г. // Сборник статей по истории права, посвященный М.Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.
Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
Демидчик В. Описание шестого и седьмого климатов в "Асар ал-бихад ва ахбар ал-ибад" Закарийя ал-Казвини // Восточная филология. Душанбе, 1974. Вып. III.
Державин Н.С. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М., 1944.
Дероко А. Средневековые крепости на Дунае. Белград, 1964.
Диакону П. Крепость X–XV вв. в Пэкуюл-луй-Соаре в свете археологических исследований // Dacia. N.S. 1961. T. V.
Димитров Б. Българските пристанища в XIII и XIV в. според два средновековни портолана // Археология. 1979. Кн. 1.
Димитров Б. България в средновековната морска картография. XIV–XVII век. София, 1984.
Димитров Х. Аварите и Малка Скития (565–626) // ИП. 1992. Год. 48. Кн. 8–9.
Добродомов И.Г. К вопросу о "серебряных булгарах" // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995.
Добролюбский А.О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986.
Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").
Дончева-Петкова Л. Българска битова керамика през раннойто средновековие (втората половина на VI – края на X в.). София, 1977.
Дончева-Петкова Л. Древнеруски кръстове-енколпиони от България // Археология. 1985. Год. XXVII. Кн. 1.
Дочев К. Монетосеченето на деспот Яков Светослав // Нумизматика. 1980. Год. XIV. Кн. 1.
Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999.
Дринов М.С. Съчинения. София, 1909. Т. 1.
Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
Дуйчев И. Българското средновековие. София, 1972.
Дуросторум – Дръстър – Силистра: (Сборник с изследвания) / Съст. Е. Христов, Р. Линчев, Г. Атанасов. Силистра, 1988.
Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985.

Загоскин Н.П. Русские водные пути и судовое дело в допетровской России. Казань, 1910.
Залесская В.Н. К вопросу о датировке и происхождении некоторых групп т.н. "Сирийских крестов" // Седьмая Всесоюзная конференция византинистов: Тезисы докладов. Тбилиси, 1965.
Заходер Б.Н. Из истории бытования текста с древнейшим упоминанием имени "Рус" в арабской письменности // Краткие сообщения Ин-та востоковедения. 1956. Вып. XXII.
Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II.
Зиборов В.К. О летописании Нестора: Основной летописный свод в русском летописании XI в. СПб., 1995.
Златарски В.Н. История на Българската държава през средните векове. София, 1971. Т. 1. Ч. 2.
Зоценко В.Н. Торговля в южнорусских землях (VIII – первая половина XIII в.) // Археология Украинской ССР. Киев, 1986. Т. 3.
Зыков Э.Т. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источники // ТОДРЛ. 1969. Т. XXIV.
Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указ. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Дунай // Славянская мифология: Энциклопедия. М., 1995.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Кий // Славянская мифология: Энциклопедия. М., 1995.
Иванов Й. Богомилски книги и легенды. София, 1925.
Иванов С.А. Оборона Византии и география "варварских" вторжений через Дунай в первой половине VI в. // ВВ. 1983. Т. 44.
Иглоу Э. Повесть временных лет о венграх // Slavica. Debrecen, 1963. Т. III.
Ильинский Г.А. Грамоты болгарских царей. М., 1911.
Иречек К.Й. История на българите. София, 1939.
Исаевич Я.Д. Культура Галицко-Волынской Руси // ВИ. 1973. № 1.
История Византии. М., 1967. Т. I–III.
История Европы. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа.
История Киева. Киев, 1982. Т. 1.
История Молдавской ССР: В 6 т. Кишинев, 1987. Т. 1.
История на България. София, 1982. Т. 2.
История на Добруджа. София, 1984. Т. 1; 1988. Т. 3.
Йакут. Му'джам ал-булдан. Бейрут, 1955. Т. 1. Вып. 1.
Йорданов И. Малък Преслав или Преславец X–XI вв. (по сфрагистични данни) // България 1300: Институции и държавни традиция. София, 1982. Т. 2.
Йорданов И. Кой български град е бил наречен Теодоропол // Векове. 1983. №1.
Йорданов И. Монети и монетно обръщение в средновековна България, 1081–1261. София, 1984.
Йорданов И. Страници от историята печатите в средновековна България. София, 1987.
Каждан А.П. Освобожденне Болгарии из-под византийского ига // ВИ. 1973. № 11.
Калинина Т.М. Торговые пути Восточной Европы IX века (По данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха) // ИСССР. 1986. № 4.

Калинина Т.М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").
Калинина Т.М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГ, 1991 г. М., 1994.
Калић-Мијушковић Ј. Београд у средњом веку. Београд, 1967.
Калић Ј. Београд у медународноіо трговини средњег века // Ослобођење градова у Србији од турака 1862–1867 год. Београд, 1970.
Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. I.
Каргалов В.В. Полководцы X–XVI вв. М., 1989.
Карпов С.П. Трапезундская империя и русские земли // ВВ. 1977. Т. 38.
Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII–XV вв. М., 1981.
Карпов С.П. Контракт комменды в итальянской торговле в Южном Причерноморье (XIII–XV вв.) // ВВ. 1987. Т. 48.
Карпов С.П. Кредит в системе итальянской торговли в Южном Причерноморье (XIII–XV вв.) // ВВ. 1988. Т. 49.
Карпов С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: Проблемы торговли. М., 1990.
Карпов С.П. Путями средневековых мореходов. М., 1994.
Карышковский П.О. Политические взаимоотношения Византии, Болгарии и Руси в 967–971 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1951.
Карышковский П.О. Балканские войны Святослава в византийской исторической литературе // ВВ. 1953. Т. 6.
Карышковский П.О Русско-болгарские отношения во время балканских войн при Святославе // ВИ. 1951. № 8.
Каштанов С.М. Из истории русского средневекового источника: акты X–XVI вв. М., 1996.
Кендерова С. Балканският полуостров в "Географията" на ал-Идриси // Библиотекар. 1986. Т. 33. № 1.
Кендерова С.Т. Сведения ал-Идриси о Балканах и их источники. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1986.
Кендерова С., Бешевлиев Б. Балканският полуостров изобразен в картите на ал-Идриси: Палеографско и историко-географско изследване. София, 1990. Ч. 1.
Киевский Синопсис. 5-е изд. Киев, 1836.
Километровник реки Дунай, от порта Регенсбург до порта Сулина (2379–0): Изд. секретариата Дунайской комиссии. Будапешт, 1956.
Киреевский П.В. Песни. М., 1862. Вып. 4.
Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
Князький И.О. Письменные источники о кочевниках в Днестровско-Карпатских землях XI–XII вв. // Проблемы источниковедения истории Молдавии периода феодализма и капитализма. Кишинев, 1983.
Князький И.О. Славяне, волохи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX – сер. XIII в.). Коломна, 1997.
Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.
Ковачев Н.П. Средновековното селище Киево, антропонимът Кий и отражението му в българската и славянската топонимия // ИИБЕ. 1968. Кн. XVI.
Коган В.М. История рода Рюриковичей. СПб., 1993.

Коларов Х. Към вопроса за външнотърговските връзки на България през XII–XIV вв. (въз основа на писмени извори) // Трудове на Велико-Търновски университет "Кирил и Методий". Год. 1970/71. Т. VIII. Кн. 2.

Коларов Х Средновековната Българска държава (уредба, характеристика, отношения със съседните народни). В.Тырново, 1977.

Коледаров П Историческата география на Северозападното Черноморие по данните на Константин Багрянородни // ИП. 1977. Год. 33. Кн. 3.

Коледаров П. Политическа география на средновековната българска държава. София, 1979. Т. 1; 1989. Т. 2.

Коледаров П. Българската средновековна държава и Черноморският бряг // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982.

Комша М. Изделия древнерусских городов на территориях к юго-западу от Киевской Руси // Труды V МКСА. М., 1987. Т. III. Вып. 1а.

Коновалова И.Г. "Описание Восточной Европы" 1308 г. как источник по истории Карпато-Дунайских земель // Вопросы источниковедения и историографии истории СССР: Дооктябрьский период. М., 1981.

Коновалова И.Г. Итальянские навигационные пособия XIII–XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-Западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1983.

Коновалова И.Г. Итальянские купцы в Северо-Западном Причерноморье в XIII в. // ДГ, 1987 г. М., 1989.

Коновалова И.Г. Торговая фактория в Килие (по данным нотариальных актов 1360–1361 гг.) // Известия АН МССР. Сер. общ. наук. 1989. № 1.

Коновалова И.Г. Сведения о связях Древней Руси и Болгарии в сочинении ал-Идриси (XII в.) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1990 г. Тезисы докладов. М., 1990.

Коновалова И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // ДГ, 1990 г. М., 1991.

Коновалова И.Г. Сведения о Кумании в сочинении ал-Идриси // "Степи Восточной Европы во взаимосвязи Востока и Запада в средневековье". Межд. науч. семинар. Тезисы докладов. Донецк, 1992.

Коновалова И.Г. Вывоз зерна из портов Северо-Западного Причерноморья и его значение для экономического развития региона // Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994.

Коновалова И.Г. К вопросу о ранней истории Белгорода и Килии // ДГ, 1991 г. М., 1994.

Коновалова И.Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–XIV вв. // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995.

Коновалова И.Г. Русы в северо-восточном Причерноморье и Приазовье (по данным арабских источников) // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства. VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. М., 1996.

Коновалова И.Г. О южных пределах древнерусских княжеств в первой половине XII в. / Проблемы истории и археологии Украины: К 140-летию со дня рожд. акад. Д.И. Багалея. Тезисы докл. науч. конфер. 16–18 апреля 1997 г. Харьков, 1997.

Коновалова И Г. Днестр – торговая артерия XII–XV вв. // Ежегодный исторический альмаиах Приднестровья. 1998. № 2.

Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999.
Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988.
Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. Золотая Орда в жизни городов Днестровско-Дунайского региона (По сведениям письменных источников) // Evul mediu timpuriu în Moldova (Probleme de istoriografie şi istorie urbană). Chişinău, 1994.
Корзухина Г.Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
Королюк В.Д. Славяне и восточные романцы в эпоху раннего средневековья. М., 1985.
Костомаров Н.И. Собраиие сочинений. СПб., 1905. Кн. 5. Т. 13.
Котляр М.Ф. Русь на Дуиаї // УІЖ. 1966. № 9.
Котляр М.Ф. Хто такі бродники // УІЖ. 1969. № 5.
Котляр М.Ф. Грошовий обіг на територіі України доби феодалізму. Київ, 1971.
Котляр Н.Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII вв. Киев, 1985.
Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. Киев, 1986.
Котляр Н.Ф. Галицко-Волынская Русь и Византия в XII–XIII вв. (связи реальные и вымышленные) // Южная Русь и Византия. Киев, 1991.
Котляр Н.Ф., Смолий В.А. История в жизнеописаниях. Киев, 1990.
Кратка история на Добруджа. София, 1984.
Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избр. соч. М.; Л., 1957. Т. IV.
Крип'якевич І.П. Галицько-Волинське князівство. Київ, 1984 (2-е изд.: Львіи, 1999).
Кропоткин В.В. Клады византийских монет на территории СССР // САИ. М., 1962. Вып. Е 1–4.
Кропоткин В.В. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. нашей эры. М., 1967.
Крюков В.Г. Сообщения анонимного автора "Ахбар аз-заман" ("Мухтасар ал-'аджа'иб") о народах Европы // ДГ, 1981 г. М., 1983.
Кубишев А.І. Хронологія одного типу амфор часу Київськоі Русі // Археологія. 1972. № 6.
Кудряшов К.В. Половецкая степь. М., 1948.
Куза А.В. Древнерусские города. Важнейшие города Руси // Древняя Русь: Город, замок, село. М., 1985 ("Археология СССР").
Куза А.В. Малые города Древней Руси. М., 1989.
Кузев А. Приноси към историята на средновековните крепости по Долния Дунав: 5. Исакча (Облучица) и Тулча // ИНМВ. 1971. Кн. 7 (22).
Кузев А. За имената на средновековната крепост на дунавския остров Пъкуюл луй Соаре // ИНМВ. 1977. Кн. 13 (28).
Кузев А. Облучица – Исакча // Градове, I.
Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977.
Кузьмин А.Г. Руги и русы на Дунае // Средневековая и новая Россия. СПб., 1996.
Кулаковский Ю.А. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата // ВВ. 1897. Т. 4. Вып. 3–4.
Кулаковский Ю.А. Еще к вопросу о Вичине // ВВ. 1898. Т. 5.

Кулишер И.М. История руской торговли. Пг., 1923.
Культура Византии. М., 1984–1991. Т. 1–3.
Кучкин В.А. "Русская земля" по летописным данным XI–XIII в. // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995.
Лаков Л. Учебен факсимиле-атлас картографиране на Българските земи през вековете (до XVIII век). София, 1984. Ч. 1.
Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985.
Лев Диакон. История / Пер. М.М. Копыленко. М., 1988.
Левицкий Т. "Мадьяры" у средневековых арабских и персидских географов // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.
Левченко М.В. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси в первой половине X в. // ВВ. 1953. Т. 6.
Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.
Лесной С. История руссов в неизвращенном виде. Париж, 1954. Вып. 2.
Липец Р.С. Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М., 1977.
Липранди И.П. Рассуждение о древних городах Киеве и Киевце // Свет отечества и северный архив. СПб., 1931. Т. 21. № 30.
Литаврин Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. М., 1960.
Литаврин Г.Г. Русь и Византия в XII в. // ВИ. 1972. № 7.
Литаврин Г.Г. Культурные связи Древней Руси и Византии в X–XII вв. М., 1974.
Литаврин Г.Г. Состав посольства Ольги в Константинополе и "дары" императора // Византийские очерки. М., 1982.
Литаврин Г.Г. Древняя Русь, Болгария и Византия в IX–X вв. // ИКЭФСН. М., 1983.
Литаврин Г.Г. О двух Хилбудах Прокопия Кесарийского // ВВ. 1986. Т. 47.
Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
Лишев С.Н. За стоковото производство във феодална България. София, 1957.
Лишев С.Н. Българският средновековен град. София, 1970.
Лишев С.Н. Географията на Идриси като исторически извор за българските градове през XII в. // АДСВ. 1973. Сб. 10.
Ловмяньский Х. Русь и норманны. М., 1985.
Лонгинов А.В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в. Одесса, 1904.
Лоция на Черно море. София, 1956.
Львов А.С. Лексика "Повести временных лет". М., 1975.
Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // МИА. Л., 1968. № 152.
Мавродин В.В. Русские на Дунае // УЗ ЛГУ. Сер. гуманитарных наук. Саратов, 1943. № 87.
Мавродин В.В. Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
Мавродин В.В. Русское мореходство на южных морях (Черном, Азовском и Каспийском с древнейших времен до XVI в. включительно). Симферополь, 1955.
Мавродин В.В., Мавродина Р.М., Фроянов И.Я. Некоторые вопросы внешней политики и торговли Древней Руси в новейшей советской исторической литературе // ИСССР. 1970. № 6.
Мавродинов Н. Връзките между българското и руското изкуство. София, 1955.
Маджеска Дж. Русско-византийские отношения в 1240–1453 гг.: паломники, дипломаты, купцы // АРИ. 1994. Вып. 4.

Макарова Т.И. Поливная посуда: Из истории керамического импорта и производства Древней Руси // САИ. 1967. Вып. Е 1–38.
Макарова Т.И. Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972.
Максаковский В.П. Дунай. М., 1959.
Максаковский В.П. Большой Дунай. М., 1963.
Малевская М.В. Амфоры Новогрудка XII–XIII вв. // Тезисы докладов к конференции по археологии Белоруссии. Минск, 1969.
Мальм В.А. Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М., 1968.
Марков А.В. Беломорские былины. М., 1901.
Марков М.Г. Исторические права на България върху Добруджа. София, 1917.
Марјановић-Вујовић Г. Крстови од VI до XII века из збирка Народног музеја. Београд, 1987.
Мачинский Д.А. "Дунай" русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.
Мейчик Д.М. Русско-византийские договоры // ЖМНП. 1915. Ч. 160. Ноябрь.
Мельгунов П.А. Очерки по истории русской торговли XI–XVII вв. М., 1905.
Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения: Текст, перевод, комментарий. М., 1986 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").
Мельникова Е.А. Устная традиция в Повести временных лет: к вопросу о типах устных преданий // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999.
Миллер В.Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1910. Т. I–II.
Милчев Ат. Културни връзки между иевская Русь и средновековна България // Българо-украински връзки през вековето. София, 1983.
Минорский В.Ф. История Ширвана и Дербента X–XI веков. М., 1963.
Минорский В.Ф. Куда ездили древние русы? // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964.
Миролюбов Ю. Собрание сочинений. Мюнхен, 1983. Т. 7; Аахен, 1988. Т. 13.
Миролюбов Ю. О князе Кие, основателе Киевской Руси. Кельн, 1987.
Михайлов Е. Българо-руските културни взаимоотношения от края на X до 30-те години на XIII в. в руската и българската историография // ГСУ ФИФ. 1966. Т. LIX (Кн. III: История. Год. 1965); 1967. Т. LX (Кн. III. Год. 1966).
Михайлов Е. България и Русия през ранното средновековие // България и народите на Съветския Съюз през вековето. София, 1981.
Михайлов Е. Киевска Русия и България през X в. // Руско-български връзки през вековето. София, 1986.
Миятев Кр. Славянский город в древней Болгарии // BSl. 1949. Т. X. № 2.
Молдавия в эпоху феодализма. Т. 1: Славяно-молдавские грамоты (XV – первая четверть XVII в.) / Сост.: П.Г. Дмитриев, Д.М. Драгнев, Е.М. Руссев, П.В. Советов. Кишинев, 1961.
Молдавия в эпоху феодализма. Т. 2: Славяно-молдавские грамоты (XV–XVI вв.) / Сост.: Д.М. Драгнев, А.Н. Никитич, Л.И. Светличная, П.В. Советов. Кишинев, 1978.
Мохов Н.А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964.
Мохов Н.А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.
Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.
Мурзаев Э.М. Тюркские географические названия. М., 1996.

Мутафчиев П. Судбините на средновековние Дръстър // Силистра и Добруджа: Научно-културни изследвания. Кн. първа. София, 1927.
Мутафчиев П. Русско-българские отношения при Святославе // SK. 1931. Т. IV.
Мутафчиев П. Добруджа: Сборник от студии. София, 1947. Т. IV.
Мутафчиев П. Избрани произведения. София, 1973. Т. II.
Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, перевод, комментарий. М., 1993 ("Древнейшие источники по истории Восточной Европы").
Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // ДГ, 1991 г. М., 1994.
Назаренко А.В. Русско-германские связи древнейшей поры (IX–XI вв.): Состояние проблемы. М., 1995.
Насонов А.Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства. М., 1951.
Насонов А.Н. История русского летописания XI–XVIII века. М., 1969.
Наумов Е.П К истории летописного "Списка русских городов дальних и ближних" // ЛХ, 1973 г. М., 1974.
Недков Б. България и съседните й земи през XII век според "Географията" на Идриси. София, 1960.
Некоторые сведения о правом береге Дуная, собранные в 1826 году. СПб., 1827.
Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М., 1983.
Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.
Никита Хониат. История: Т. I (1118–1185) / Изд. В.И. Долоцкий. СПб., 1860.
Ников Н. Татаро-българските отношения през средните векове с оглед към царуването на Смилец // ГСУ ИФФ. 1919–1920. Т. XV–XVI.
Николаев В. Славяно-българският фактор в християнизацията на Киевска Русия. София, 1949.
Николаев В. Най-ранни политически, културни и стопански връзки между българите и русите // Славяни. 1955. Год. XI. Кн. 4.
Никонов В А. Краткий топонимический словарь. М., 1966.
Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
Новосельцев А.П. Арабский географ IX в. Ибн Хордадбех о Восточной Европе // Исследования по истории и историографии феодализма: К 100-летию со дня рождения акад. Б.Д. Грекова. М., 1982.
Новосельцев А.П. "Худуд ал-алам" как источник о странах и народах Восточной Европы // ИСССР. 1986. № 5.
Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.
Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. 1991. № 2–3.
Новосельцев А.П. "Мир истории" или Миф истории // ВИ. 1993. № 1.
Новосельцев А.П., Пашуто В.Т. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) // ИСССР. 1967. № 3.
Нудельман А.А. Некоторые наблюдения над находками византийских монет в Карпато-Днестровском регионе (Общие закономерности и локальные особенности проникновения) // Археологические исследования в Молдавии в 1977–1978 гг. Кишинев, 1982.
Нудельман А.А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе. Кишинев, 1985.

Оболенский Д. Связи между Византией и Русью в XI–XV вв. М., 1970.
Орлов А.С. Лекции по истории древней русской литературы. М., 1916.
Очерки истории культуры славян. М.. 1996.
Павлов П. Древнеруските бродници в българската история (XII–XIII вв.) // Българо-украински връзки през вековете. София, 1983.
Павлов П. За руското присъствие на Долни Дунав и българо-руските връзки през XI–XII в. // Добруджа. 1986. Сб. 3.
Павлов П. Бележки за някои личности от българското средновековие с оглед историята на Добруджа през XI–XIII в. // Добруджа. 1992. Сб. 9.
Параска П.Ф. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев, 1981.
Пархоменко В.А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). Л., 1924.
Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950.
Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
Пашуто В.Т. Монгольский поход вглубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1972.
Пашуто В.Т. Древняя Русь и Австрия // Ost-West-Begegnung in Österreich. Wien, 1976.
Пашуто В.Т. Международное значение Древней Руси // ИКЭФСН. 1983.
Перхавко В.Б. О торговых контактах Киева с Болгарией в IX–XII вв. // Проблемы социально-экономической истории феодальной России. М., 1984.
Перхавко В.Б. Находки энколпионов на территории Югославии // СА. 1987. № 4.
Перхавко В.Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. М., 1987.
Перхавко В.Б. Переяславец "Повесть временных лет" // Векове. 1988. № 4.
Перхавко В.Б. Где же находился дунайский град Переяславец? // BSl. 1994. T. LV.
Перхавко В.Б. Летописный Переяславец на Дунае // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995.
Перхавко В.Б. Князь Иван Берладник на Нижнем Дунае // Восточная Европа в древности и средневековье: Политическая структура Древнерусского государства / VIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 17–19 апреля 1996 г. Тезисы докладов. М., 1996.
Перхавко В.Б. Хлеботорговля в Древней Руси // ОИ. 1996. № 4.
Перхавко В.Б. Несколько комментариев к русско-византийским договорам X в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 1997 г. М., 1997.
Перхавко В.Б. Древнерусские купцы в Подунавье (по археологическим данным) // Восточная Европа в исторической ретроспективе: К 80-летию В.Т. Пашуто. М., 1999.
Петегирич В.М. Из истории экономических и культурных связей Галицко-Волынской Руси в X–XIII вв. // Славянские древности. Киев, 1980.
Петреску И.Г. Дельта Дуная: Происхождение и развитие. М., 1963.
Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.
Петрухин В.Я. Дунайская предыстория славян и начальная Русь // Истоки русской культуры (археология и лингвистика). М., 1997 (Материалы по археологии России. Вып. 3).
Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998.

Петрушевич А. Было ли два Галичи, княжеские города, один в Угорско-словацкой области, а другий по сю сторону Карпат над Днестром, или нет? // Науковый сборник, издаваемый Литературным обществом Галицко-русской матицы. Львов, 1865. Вып. 1.

Плетнева С.А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975.

Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981.

Плетнева С.А. Кочевники средневековья. М., 1982.

Плетнева С.А. Половцы. М., 1990.

Пловидба на Дунаву и његовим притоками кроз векове. Београд, 1983.

Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. СПб., 1996.

Погодин А.Л. Из истории славянских передвижений. СПб., 1901.

Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1855. Т. VI.

Подосинов А.В. О принципах построения и месте создания "Списка русских городов дальних и ближних" // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978.

Подосинов А.В. Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья: Тексты, перевод, комментарий / Под ред. В.Т. Пашуто, В.Л. Янина. М., 1985 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").

Подосинов А.В. Ex oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999.

Подскальски Г. Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.). СПб., 1996.

Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII–XV вв. Кишинев, 1979.

Полевой Л.Л. Международная черноморская торговля и социально-экономическое развитие Днестровско-Карпатских земель во второй половине XIII–XIV в. (По материалам истории товарно-денежного обращения) // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев, 1988.

Полывянний Д.И. Средновековният български град през XIII–XIV век: Очерци. София, 1989.

Поляк А Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. Вып. I.

Попов А.И. Обзор хронографов русской редакции. М., 1866. Вып. I.

Портан Х.Г. Основные черты русской истории. М., 1982.

Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв. Л., 1968.

Примов Б. За икономическата и политическа роля на Първата българска държава в международните отношения на средновековна Европа // ИП. 1961. Год. 17. Кн. 2.

Приселков М.Д. Очерки церковно-политической истории Киевской Руси. СПб., 1913.

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.

Пропп В.Я. Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958.

Прошин Г.Г. Второе крещение // Как была крещена Русь. М., 1989.

Пуцко В.Г. Древнейшие типы киевских крестов-энколпионов // Труды V МКСА. М., 1982. Т. III. Вып. 2б.

Рабинович Р.А. Карпато-Днестровские земли во второй половине IX – первой половине XIII в. (Историко-археологическое исследование): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Ранчин А.М. Представления об истории в "Повести временных лет" // Вехи русской истории в памятниках культуры. Можайск, 1998. Вып. V.

Рапов О.М. Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.

Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в.: Принятие христианства. М., 1988.

Рапов О.М Внешняя политика Владимира Великого после официального принятия Русью христианства // Восточная Европа в древности и средневековье: Древняя Русь в системе этнополитических и культурных связей. Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 18–20 апреля 1994 г. Тезисы докладов. М., 1994.

Рафалович И.А. К вопросу о степени влияния Византии на материальную культуру населения Карпато-Днестровских земель в VI–IX вв. // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

Рашев Р. Първото Българско царство и морето // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982.

Рашев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII–XI в.). Варна, 1982.

Рикман Э.А., Рафалович И.А., Хынку И.Г. Очерки истории культуры Молдавии (II–XIV вв.). Кишинев, 1971.

Рогов А И. Культурные связи Киевской Руси с балканскими странами // Славянские культуры и Балканы. Т. I: IX–XVII вв. София, 1978. Т. 1.

Рожнецкий С. Из истории Киева и Днепра в былевом эпосе // ИОРЯС. 1911. Т. XVI. Кн. I.

Розенфельдт Р.Л. Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. 1953. № 49.

Розенфельдт Р.Л. Янтарь на Руси (X–XIII вв.) // Проблемы советской археологии. М., 1978.

Романски С. Имената на два крайдунавски града: 1. Видин. 2. Силистра // Сборник в честь по проф. Л.Милетич. София, 1933.

Ромашов С.А. Болгарские племена Северного Причерноморья в V–VII вв. // АЕМА. 1992–1994. V. VIII.

Ромодановская Е.К. Русская литература на пороге нового времени. Новосибирск, 1994.

Роспонд С. Значение древнерусской ономастики для истории (К этимологии топонима Киев) // ВЯ. 1968. № 1.

Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточнославянская ономастика. М., 1972.

Рубинштейн Н.Л. Западные пути торговли Украины – Руси // Вістник Одеськоі комісіі краезнавства. Одесса, 1925.

Русанова И.П. Славянские древности VI–XII вв.: Культура пражского типа. М., 1976.

Русанова И.П. Культовые места и языческие святилища славян VI–XIII вв. // РА. 1992. № 4.

Руссев Н.Д. О западных пределах Золотой Орды // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.

Руссев Н.Д. Городские центры Днестровско-Дунайских земель и Золотая Орда (моменты и ареалы эволюции) // Молдавский феодализм: Общее и особенное (История и культура). Кишинев, 1991.
Русские народные былины. М., 1958.
Рыбаков Б.А. Ремесло Древней Руси. М., 1948.
Рыбаков Б.А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. М., 1948. Т. I.
Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси 1154 г. // КСИИМК. 1952. Вып. 43.
Рыбаков Б.А. Древняя Русь: Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.
Рыбаков Б.А. Город Кия // ВИ. 1980. № 5.
Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли X–XIV вв. М., 1978.
Рыбников П.Н. Песни. М., 1909. Т. 1.
Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. М., 1978 (ДГ, 1978 г.).
Сакъзов И. Българската търговия през VII–XI век // СБИД. 1925. Год. 23. Кн. 7–8.
Сахаров А.Н. Кий: легенда и реальность // ВИ. 1975. № 10.
Сахаров А.Н. Дипломатия Древней Руси : IX – первая половина X в. М., 1980.
Сахаров А.Н. Дипломатия Святослава. М., 1982 (2-е изд. – 1991).
Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских государствах. СПб., 1997.
Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. Л.А. Гиндин, С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин. М., 1994. Т. I (I–VI вв.).
Свод древнейших письменных известий о славянах / Сост. С.А. Иванов, Г.Г. Литаврин, В.К. Ронин. М., 1995. Т. II (VII–IX вв.).
Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982 (Археология СССР).
Седов В.В. Височные украшения IX–X вв. в южных землях восточного славянства // Зборник посветен на Бошко Бабик. Прилеп, 1986.
Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994.
Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
Седов В.В. Древнерусская народность. М., 1999.
Сергеева Н.А., Насековский Р.Л. Дунай – река дружбы. Изд. 5-е. Одесса, 1983.
Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988.
Сидоренко О.Ф. Українські землі у міжнародній торгівлі (IX – сер. XVII ст.). Київ, 1992.
Сказания о начале славянской письменности / Вступит. статья, пер. и коммент. Б.Н. Флори. М., 1981.
Скрынников Р.Г Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11–12.
Скрынников Р.Г. История российская IX–XVII вв. М., 1997.
Славяне на Днестре и Дунае. Киев, 1982.
Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978.
Славяно-молдавские летописи XV–XVI вв. / Сост. Ф.А. Грекул. М., 1976.
Славянски ръкописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и Секретния архив на Ватикана (IX–XVII в.) / Съст. А. Джурова и Б. Димитров. София, 1978.
Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1989. Т. II.

Смирнов В.Н. Экономические связи Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем в XIII–XV вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1980.
Смирнов В.Н. К вопросу об экономических связях Древней Руси с Византией и Северным Причерноморьем // Внешняя политика Древней Руси: Юбил. чтения, посвященные 70-летию со дня рождения чл-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 19–22 апреля 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988.
Смоленские грамоты XIII–XIV веков / Подготовили к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин. М., 1963.
Снегаров И. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.). София, 1950.
Соболева Н А. Русские печати. М., 1991.
Соболевский А.И. Грамота кн. Ивана Берладника 1134 г. // Тр. VIII АС. М., 1895. Т. 2.
Соколова В.К. Русские исторические предания. М., 1970.
Соловьев С М. Сочинения. М., 1988. Кн. I.
Софроненко К.А. Общественно-политический строй Галицко-Волынской Руси XI–XIII вв. М., 1955.
Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988.
Спицын А.Н. Торговые пути Киевской Руси // Сборник, посвященный С.Ф. Платонову. СПб., 1911.
Срезневский Н.Н. Чтения о древних русских летописях: Чтения IV–VII. Повесть временных лет // ИОРЯС. 1903. Т. 8. Кн. 1.
Стоименов Д. Представата за България в ранносредновековата арабска география (VII–XII в.) // ИП. 1986. № 8.
Страхов А.Б. О возможном участии южных славян в христианизации Руси (по этнолингвистическим данным) // Славяне и их соседи: Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма (Сборник тезисов). М., 1988.
Сюзюмов М.Я. Об источниках Льва Диакона и Скилицы // Византийское обозрение. Юрьев, 1916. Т. 2. Вып. 1.
Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1994–1996. Т. I–VIII.
Творогов О.В. Повесть временных лет и начальный свод (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. 1976. Т. XXX.
Творогов О.В. Лексический состав "Повести временных лет". Киев, 1984.
Теодору Д. Раннефеодальный клад украшений, найденный в Войнешти (Яссы) // Dacia. N.S. 1961. T. V.
Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских.
Тимощук Б.О. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород, 1969.
Тимощук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982.
Тихомиров М.Н. "Список русских городов дальних и ближних" // ИЗ. 1952. Т. 40 (=*Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979).
Тихомиров М.Н. Древнерусские города. Изд. 2-е. М., 1956.
Тихомиров М.Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // АЕ. 1960. М., 1962.
Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.

Тодорова Е. Вичина, Килия и Ликостомо // Градове, I.
Тодорова Е. К вопросу о товарообмене на Балканском полуострове в период раннего средневековья // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
Тодорова Е. Средновековна България и корабоплаване // Български земли в древността: България през средновековие. София, 1987.
Тодорова Е. Северное побережье Черного моря в период позднего средневековья // ИССР. 1989. № 1.
Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1998.
Толочко П.П. Торговля древнего Киева // Новое в археологии Киева. Киев, 1981.
Толочко П.П. Древний Киев. Киев, 1983.
Толочко П.П. Древняя Русь. Киев, 1987.
Толочко П.П. Древнерусский феодальный город. Киев, 1989.
Тотев Т. Вносна керамика, стъкло и накитни предмети в Преслав // Средновековна България и Черноморието. Варна, 1982.
Травкин С.Н. Монеты на территории Бессарабии в эпоху средневековья (из истории денежного обращения Юго-Восточной Европы): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
Третьяков П Н. Восточнославянские черты в быту придунайских болгар // СЭ. 1948. № 2.
Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
Трубачев О.Н. К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М., 1993.
Трубачев О.Н. В поисках единства: Взгляд филолога на проблему истоков Руси. Изд. 2-е, доп. М., 1997.
Тъпкова-Заимова В. Нашествия и етнически промени на Балканите. София, 1966.
Тъпкова-Заимова В. Долни Дунав – гранична зона на византийския запад: Към историята на северните и североизточните български земи, края на X–XII в. София, 1976.
Успенский Ф.И. Образование Второго Болгарского царства. Одесса, 1879.
Успенский Ф.И. Значение походов Святослава в Болгарию // ВДИ. 1939. № 4.
Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Изд. 3-е. СПб., 1996. Т. 1–4.
Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: Археологические памятники. М., 1966.
Федоров Г.Б., Негруша В.М. Славяне и балкано-дунайская археологическая культура // Комплексные проблемы истории и культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1979.
Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. Археология Румынии. М., 1973.
Федоров Г.Б., Чеботаренко Г.Ф. Памятники древних славян (VI–XIII вв.). Кишинев, 1974.
Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. 1959. Вып. 33.
Фехнер М.В. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. 1982. № 2.
Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. Прага, 1935. Т. 1.
Флоровский А.В. Чешско-русские торговые отношения X–XII вв. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
Фоменко В.Г. Южные пути Киевской Руси на Запорожье // АЕ. 1963 г. М., 1964.

Фроянов И.Я. Древняя Русь. М.; СПб., 1995.
Фроянов И.Я. Рабство и данничество. СПб., 1997.
Хаджиниколов В. Българо-руски стопански отношения и връзки до освобождението на от турско иго // Трудове на Висшая икономически институт "Карл Маркс". София, 1957. Кн. 1.
Халанский М.Г. К истории поэтических сказаний об Олеге Вещем // ЖМНП. 1902. Ч. 342. № 8.
Халанский М Г. Экскурсы в область древних рукописей и старопечатных изданий // Труды Харьковского Предварительного комитета по устройству XII Археологического съезда. Харьков, 1902. Т. 1.
Хачатуров Р.Л. Мирные договоры Руси с Византией. М., 1988.
Херрман Й. Славяне и норманы в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М., 1986.
Хилков А.Я. Ядро российской истории. М., 1770.
Хмыров М.Д. Металлы, металлические изделия и минералы в древней России. СПб., 1875.
Хрущов И.П. О древнерусских исторических повестях и сказаниях X–XII столетия. Киев, 1878.
Цанкова-Петкова Г Културни и политически връзки и отношения между България, Киевска Русия и Византия през ранното средновековие // Руско-български връзки през вековете. София, 1986.
Царевград Търнов. София, 1973. Т. 1.; 1974. Т. 2; 1980. Т. 3.
Ћирковић С. Прилошци за историју Ковина у средњем веку // Зборник за историју Матице српске. Нови Сад, 1970. Т. 1.
Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарий. М., 1999 ("Древнейшие источники по истории Восточной Европы")
Чертков А. Описание войны великого князя Святослава Игоревича против болгар и греков в 967–971 годах. М., 1843.
Чичуров И.С. Экскурс Феофана о протоболгарах // ДГ. М., 1976.
Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: "Хронография" Феофана, "Бревиарий" Никифора: Тексты, перевод, комментарий. М., 1980 ("Древнейшие источники по истории народов СССР").
Чолова Цв. Данни за българския външнотърговски обмен и мореплаване в Шестоднева на Иоан Экзарх // Векове. 1979. Кн. 4.
Членов А.М. Загадка ойконима Киев // Топонимика и историческая география. М., 1976.
Чулков М.Д. Историческое описание российской коммерции. СПб., 1770. Т. 1.
Шандровская В.С. Из истории Болгарии по данным сфрагистики//ВВ. 1981. Т. 7.
Шараневич И. История Галицко-Володимерской Руси. Львов, 1863.
Шафарик П.И. Славянские древности. М., 1948. Т. II. Кн. 1.
Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.
Шахматов А.А. Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947.
Шекера В.М. Міжнародні зв'язки Київської Русі. Київ, 1963.
Шекера В.М. Київська Русь XI ст. у міжнародных відносинах. Київ, 1967.
Шкриванић Г. Путеви у средновековноі Србији. Београд, 1974.
Шкорпил К.В. Некоторые из дорог Восточной Болгарии // Изв. Русского Археологического института в Константинополе. София, 1905. Т. X.

Шкорпил К.В. О земляных укреплениях и окопах // Изв. Русского Археологического института в Константинополе. София, 1905. Т. X.
Шкорпил К.В. Старобългарски паметници // Добруджа. София, 1918.
Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних века. М., 1997.
Шувалов Л.В. Славяне в середине VI в.: зимние набеги и начало переселения за Дунай // Проблемы истории государства и раннего средневековья. Барнаул, 1988.
Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
Шушарин В.П. Древнерусское государство в западно- и восточноевропейских памятниках // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
Шушарин В.П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX–XII вв. // Становление раннефеодальных государств. Киев, 1972.
Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М., 1978.
Щапов Я.Н. Памятники церковного права X–XII вв. Древней Руси и славянских стран (Опыт сравнительно-исторического изучения) // ИЗ. 1982. Т. 107.
Щапова Ю.Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений в XI–XII вв. // ВВ. 1963. Т. 19.
Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1971.
Эмин Ф. Российская история. СПб., 1767. Т. 1.
Юрданов Ю. История на българската търговия до освобождението. София, 1938.
Юрукова Й., Пенчев В. Български средновековни печати и монети. София, 1990.
Якобсон А.Л. К истории русско-корсунских связей (XI–XIV вв.) // ВВ. 1958. Т. 14.
Якобсон А.Л Крым в средние века. М., 1973.
Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956.
Янин В.Л. Печати Феофано Музалон // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2.
Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода // ВИ. 1992. № 10.
Янин В.Л К вопросу о дате составления обзора "А се имена градом всем русским, далним и ближним" // ДГ, 1992–1993 гг. М., 1995.
Јанковић М. и Ћ. Подунавски градове поменутии као пострадали 1072 година // Годишњак града Београда. 1978. Кн. XXI.
Airaldi G. I Genovezi a Licostomo nel sec. XIV // Studi medievali. 1972. T. XIII.
Andreescu C. Aşezări franciscane la Dunăre şi Marea Neagră în sec. XIII–XIV // Cercetări istorice. 1932–1933. T. VIII–IX. N 2.
Arhweiler H. Byzance et la Mer. La marine de guerre. La politique et les institutions maritimes de Byzance aux VIIe–XVe siècle. P., 1966.
Bălan T. Berladnicii. Cernăuţi, 1928.
Balard M. Notes sur l'activite maritime des Génois de Caffa a la fin du XIIIe siècle // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Ocean Indien: Actes de VIIIe Colloque International d'histoire maritime. P., 1970.
Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. 1: Les Actes de Kaffa du notaire Lamberto di Sambuceto, 1289–1290. P., 1973.

Balard M. Les Génois dans l'Ouest de la Mer Noire au XIVe siècle // Actes du XIVe Congrès International des Etudes byzantines. Buc., 1975. T. II.
Balard M. La Romanie génoise (XII – début du XVe siècle). Roma; Genova, 1978. T. II.
Balard M. Notes sur les ports du Bas-Danube au XIVe siècle // Südost-Forschungen. 1979. Bd. XXXVIII.
Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T. 2: Les Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. P., 1980.
Bănescu N. La domination byzantine sur les régions du Bas-Danube // Bull. de la sect. hist. de l'Académie Roumaine. 1927. T. 13.
Bănescu N. Chilia (Licostomo) und das bythinische Χηλή // BZ. 1928. Bd. XXVIII.
Bănescu N. Ein ethnographisches Problem am Unterlauf der Donau // Byzantion. 1931. T. 6.
Bănescu N. Ein Schlusswort über das bythinische Χηλή // BZ. 1932. Bd. XXXII.
Bănescu N. La domination byzantine a Matracha (Tmutorokan), en Zichie, en Khazarie et en "Russie" a l'époque des Comnenes // Bull. de la sect. hist. de l'Académie Roumaine. 1941. T. 22. N 2.
Baraschi S. Die Donauufersiedlungen aus der Dobrudscha in den schriftlichen Quellen des XI. bis XIV. Jahrhunderts // Dacoromania. 1977–1978. Bd. 4.
Baraschi S. Izvoare scrise privind aşezările dobrogeane de pe Malul Dunării în secole le XI–XIV // RI. 1981. T. 34. N 2.
Baraschi S. Les sources byzantines et la localisation de la cité de Kilia (XIIe–XIIIe siècles) // RESEE. 1981. N 3.
Baraschi S. Tatars and Turks in Genoese Deeds from Kilia (1360–1361) // RESEE. 1987. N 1.
Baraschi S. Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. II. Grosseto (= Grosea), Banbola, Zanavarda // RRH. 1990. T. XXIX. N 1-2.
Baraschi S. Despre civilizaţia urbană din Dobrogea în secolele XI–XIV // SCIVA. 1991. T. XLII. N 3–4.
Baraschi S. Sur la topographie ponto-danubienne au Moyen Age. III. Aspera et Lo Donavici // RRH. 1991. T. XXX. N 1-2.
Bârnea I. Elemente de cultura materială veche rusească şi orientală în aşezărea feudală (secolele X–XII) de Dinogetia (Regiunea Galaţi) // Studii şi referate privind istoria României. Buc., 1954. P. I.
Bârnea I. Byzance, Kiev et l'Orient sur le Bas-Danube du Xe au XIIe siècle // Nouvelles études d'histoire. Buc., 1955.
Bârnea I., Ştefănescu Şt. Din istoria Dobrogei. Buc., 1971. T. 3.
Bastian F. Die Legende vom Donauhandel im Frühmittelalter // Vierteljahresschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte. 1929. Bd. 22. H. 3/4.
Bautier R.-H. Notes sur les sources d'histoire économique médiévale dans les Archives italiennes. V. Gênes // Mélanges d'Archéologie et d'Histoire publies par Ecole français de Rome. Rome, 1948. T. 60.
Bezviconi G. Contribuţii la istoria relaţiilor româno-ruse (din cele mai vechi timpuri pînă la mijlocul secolului al XIX-lea). Buc., 1962.
Boba I. Nomads, Northmen and Slavs: Eastern Europe in the Ninth Century. Wiesbaden, 1967.
Bogdan I. Vlad Ţepeş. Buc., 1896.
Bogdan I. Scrieri alese. Buc., 1968.
Botzan M. Pour localiser Vicina: Histoire et milieu géographique // RESEE. 1992. T. XXX. N. 1–2.

Brandl L Die Entwicklung der Schiffahrtstrasse der Donau Hamburg, 1940
Brătescu C Dobrogea în secolul al XII-lea Bergean, Parıstrıon (Pagını de geografie medievală) // Analele Dobrogei 1920 N 1
Brătescu C Delta Dunării Geneza şi evoluţia morfologică şi cronologică // *Brătescu C* Opere alese Buc , 1967 T I
Brătianu G I Vicına, I // Bulletın de la Sectıon hıstorique de l Academie Roumaın 1923 V X
Brătianu G I Actes des notaires génois de Pera et de Caffa de la fin du treizieme siècle (1281-1290) Buc , 1927
Brătianu G I Recherches sur Vicına et Cetatea Albă Buc , 1935
Brătianu G I Les Roumains au bouches du Danube â l epoque des premiers Paleologues // RHSEE 1945 T XXII
Bromberg J Toponymical and hıstorıcal mıscellanıes on medieval Dobrudja, Bessarabıa and Moldo – Wallachıa // Byzantıon 1937 T XII Fasc 1–2
Campbell T Portolan Charts // The History of Cartography Chıcago – London, 1987 Vol 1 Cartography ın prehıstorıc, ancient and medieval Europe and the Medıterranean / Ed by J B Harley and D Woodward
Cămpına B T Despre rolul genovezılor la gurile Dunări în secolele XIII–XIV // Studıı 1953 N 1
Cantemır D Hronicul vechımei romano-moldo-vlahılor Buc , 1901
Cıhodaru C Lıtoralul de apus al Mării Negre şi cursul ınferıor al Dunării în cartografıa medievală (sec XII-XIV) // Studıı 1968 N 2
Ciobanu R Evoluţıa rolul şı însemnătatea mıtropolıei Vicına // Peuce 1977 T VI
Ciocîltan V Componenta românească a ţaratului Aşăneştılor în oglında ızvoarelor orientale // RI 1992 N 11-12
Ciocîltan V Hegemonıa Hoardei de Aur la Dunărea de Jos (1301–1341) // RI 1994 T V N 11–12
Il Compasso da navıgare Opera ıtalıana della metà del secolo XIII / Prefazıone a testo del codice Hamılton 396 a cura dı B R Motzo Cagliarı, 1947
Decei A Ak-Kırman // EI^2 T I
Delatte A Les portulans grecs Bruxelles, 1947 T 1
Deletant D Genoese, Tatars and Rumanıans at the Mouth of the Danube ın the Fourteenth Century // SEER 1984 T 62 N 4
Desımonı C Notes et observatıons sur les actes du notaire génois Lamberto dı Sambuceto // ROL 1894 N 1–2
Diaconu P Les Petchenegues au Bas-Danube Buc , 1970
Diaconu P Despre localızarea Vicınei // Pontica 1971 T 3
Diaconu P Despre sıtuaţıa polıtică la Dunărea de Jos în secolul al XII-lea // SCIVA 1976 T 27 N 3
Diaconu P Păcuiul lui Soare – Vicına // Byzantına 1976 T 8
Diaconu P Les Coumans au Bas-Danube aux XIe et XIIe siècles Buc , 1978
Diaconu P Kılıa et Licostomo ou Kılıa = Licostomo? // RRH 1986 N 4
Diaconu P , Baıaschu S Păcuiul lui Soare Buc , 1977 T 2
Diaconu P , Vîlceanu D Păcuiul lui Soare Buc , 1972 T 1
Dicţionar de ıstorıe veche a Romănıei (Paleolitic – sec X) Buc , 1976
Dınogetıa Buc , 1967 T 1
Dumıtrıu-Snagov I Borgıana V şı Borgıana VIII două hărţı ıtalıene dın Renaştere şı localızarea Vicınei pe Dunăre // RI 1979 T 32 N 10
Dunlop D M Bahr Buntus // EI^2 T 1

Dunlop D M Bahr Mayutis // EI² T 1
Dunlop D M The History of the Jewish Khazars Princeton, 1954
Enciclopedia arheologiei şi istorici vechi a României Buc , 1994
Ephraemii monachi imperatorum et patriarcharum recensus / Ed I Bekker Bonn, 1840
Fasoli G Le invasioni ungheresi in Europa nel secolo 10 Firenze, 1945
Ferretto A Codice diplomatico delle relazioni fra la Liguria, la Toscana e la Lunigiana ai tempi di Dante // ASLSP 1903 V XXXI N 2
Florescu R , Ciobanu R Problema stăpînirii bizantine în nordul Dobrogei în sec IX–XI // Pontica 1972 T V
Fluss M Donaufahrten und Donauhandel im Mittelalter und in neueren Zeiten Leipzig, Prag, 1920
FrancesE Slavii pe pămîntul patriei noastre în veacul al XII-lea// Studii 1955 T VIII N 3
Frances E Les relations russo-byzantines au XIIe siècle et la domination de Galicie au Bas-Danube // BSl 1959 T XX N 1
Géographie d'Aboulféda Texte arabe P 1840
Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M Reinaud P , 1848 T 2 Première partie
La Géographie d'Edrisi traduite de l'arabe en français d'après deux manuscrits de la bibliothèque du roi et accompagnée de notes par P Amédée Jaubert P , 1836-1840 T 1-2
Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Paleologis libri XIII / Ed I Bekker Bonn, 1835
Gieysztor A Les marches et les marchandises entre le Danube et la Volga aux VIIIe–XIe s // Mercati et mercanti nell' alto Medioevo l'Area euroasiatica e l'Area Mediterranea Spoleto, 1993
Giurescu C C Întemeierea mitropoliei Ungrovlahiei // BOR 1959 T LXXVII N 7–10
Giurescu C C Tîrguri sau oraşe şi cetăţi moldovene din secolul al X-lea pînă la mijlocul secolului al XVI-lea Buc , 1967
Giurescu C C Localizarea Vicinei şi importanţa acestui oraş pentru spaţiul carpato-dunărean // Peuce 1971 T II
Giurescu C C The Genoese and the Lower Danube in the XIIIth and XIVth Centuries // JEEH 1976 N 3
Giurescu C C Problemele controversate în istoriografia română Buc , 1977
Gjuzelev V Medieval Bulgaria Byzantine Empire Black Sea – Venice – Genoa Villach, 1988
Golden P B The people Nukarda // AEMA 1975 V I
Golden P B Pečenegs // EI² V VIII
Golubovich P G Biblioteca bio-bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente francescano Quarracchi, 1913 T 2
Grămadă N Vicina Izvoarele cartografice Originea numelui Identificarea oraşului // Codrul Cosminului 1924 T I
Grămadă N La Scizia Minore nelle carte nautiche del medio evo Contribuzione alla topografia storica della Dobrogea // Ephemeris Dacoromana 1930 T 4
Hajnal H The Danube Its historical, political and economic importance Hague, 1920
Hosch E Russische Fursten in Donauraum des 13 Jahrhundert // Munchner Zeitschrift fur Balkankunde Mflnchen 1979 Bd 2
Ibn-el-Athiri Chronicon quod perfectissimum inscribitur / Ed C J Tornberg Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851 V I

Ibn Khaldun The Muqaddimah An introduction to history / Transl from the Arabic by F Rozenthal New York, 1958 T 1
Ibn Sa'id al-Maghribi Libro de la extension de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas del J Vernet Gines Tetuan, 1958
Al-Idrisi Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrare studeant" / Consilio et auctoritate E Cerulli, F Gabrieli, G Levi Della Vida, L Petech, G Tucci Una cum aliis ed A Bombaci, U Rizzitano, R Rubinacci, L Veccia Vaglieri Neapoli, Romae, 1970–1984 Fasc I–IX
Iliescu O L'hyperpère byzantin au Bas-Danube du XIe au XVe siècle // RESEE 1969 T VII N 1
Iliescu O Localizarea vechiului Licostomo // Studii 1972 N 3
Iliescu O Tezaurul de perperi bizantini de la Isaccea // SCN 1975 T VI
Iliescu O Nouvelles éditions d'actes notariés instrumentés au XIVe siècle dans les colonies génoises des bouches du Danube Actes de Kilia et de Licostomo // RESEE 1977 T XV N 1
Iliescu O A la recherche de Chilia byzantine // RESEE 1978 T XVI N 2
Iliescu O Contribuţii numismatice la localizarea Chiliei bizantine // SCIVA 1978 T XXIX N 2
Iliescu O Contributions â l'histoire des colonies génoises en Romanie aux XIIIe–XVe siècles // RRH 1989 T XXVIII N 1–2
Iordan I Toponimea românească Buc , 1963
Iorga N Notes et extraits pour servir à l'histoire des croisades au XVe siècle Paris, 1899 T I
Iorga N Studii istorice asupra Chiliei şi Cetăţii Alba Buc , 1899
Jagič V Dunav – Dunaj in der slavischen Volkspoesie // Archiv fur slavische Philologie 1876 Bd 1
Kahane H e R , Bremner L Glossario degli antichi portolani italiani Firenze, 1968 (Quaderni dell'Archivio linguistico veneto T 4)
Kashdan A Rus'-Byzantine Princely Marriages in the Eleventh and Twelfth Centuries // Harvard Ukrainian Studies 1988/1989 T 12/13
Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf auctore al-Masudî / Ed M J de Goeje Lugduni Batavorum, 1894 (BGA T VIII)
Koledarov P West Black Sea Coast Ports in the Late Middle Ages (14–16 Centuries) listed on nautical Charts // EH 1970 T V
Kowalenko W Dunaj // SSS T I Cz 2 S 404–406
Kuun G Relationum Hungarorum cum oriente gentibusque orientalis originis historia antiquissima Claudiopoli, 1891
Kuzev A Zur Lokalisierung der Stadt Vicina // EB 1977 N 3
Kuzev A Mittelalterliche Stadte an der Westkuste des Schwarzen Meeres nordlich des Balkangebirges // Byzantinobulgarica 1981 T 7
Laurent V La domination byzantine aux bouches du Danube sous Michel VIII Paléologue // RHSEE 1945 T XXII
Laurent V La métropolite de Vicina Macaire et la prise de la ville par les Tartares // RHSEE 1946 T XXIII
Lelewel J Géographie du moyen âge Bruxelles, 1852–1857 T 1–5
Lewicki T Polska i kraje sąsiednie w świetle "Księgi Rogera" geografa arabskiego z XII w al-Idrisi'ego W-wa, 1954 Część 2
Lewicki T Południowe stoki Karpat w świetle opisu al-Idrisi'ego (1154 r) // Etnografia polska 1962 T 6

Levis A The Danube Route and Byzantium, 802–1195 // Actes du XIVe Congres internationale des études bysantines Bucarest, 1975 Vol II (= Levis A The Sea and the Medieval Civilizations Collected studies L , 1978)

El Libro del Conoscimiento de todos los reynos y tierras y señorios que son por el mundo / Ed Márcos Jiménez de la Espada Madrid, 1877

List Brunona do króla Henryka / Wyd J Karwasińska // MPH Ser II W-wa, 1973 T 4/3

Lombardo A , Morozzo della Rocca R Documenti del commercio veneziano nei secoli XI–XIII Torino, 1940 Vol 2

Lozovan E La toponymie roumaine dans les cartes et les portulans italiens // Revue internationale d'onomastique 1961 T 13 N 3

Luttich R Ungarnzuge in Europa im 10 Jahrhundert Berlin, 1910

Macartney C A The Magyars in the Ninth Century Cambridge, 1930

Macartney C A The Attack on Valandar // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbucher 1931 T 8

Al-Maçoudi Les Prairies d'or / Texte et traduction par C Barbier de Meynard et Pavet de Courteille P , 1861 T 1, P , 1863 T 2

Maçoudi Le Livre de l'avertissement et de la revision / Traduction par B Carra de Vaux P , 1897

Malingoudi J Die russisch-byzantinische Vertrage des 10 Jh aus diplomatischer Sicht Tessaloniki, 1994

Mănucu Adameşteanu G Noi descoperiri archeologice la Isaccea // SCIVA 1987 T XXXVIII N 3

Mănucu-Adameşteanu G Aspecte ale politicii împăratului Alexios I Comnenul la Dunărea de Jos în lumina descoperirii sfragistice şi numismatice // RI Ser nouă 1995 T 6 N 3–4

Marquart J Osteuropaische und ostasiatische Streifzuge Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9 und 10 Jahrhunderts (ca 840–940) Leipzig, 1903

Marquart J Ein arabischer Bericht uber die arktischen (uralischen) Lander aus dem 10 Jahrhundert // Ungarische Jahrbucher 1924 Bd IV H 3–4

Matei M D Studii de istorie orăşenească medievală (Moldova, sec XIV–XVI Suceava, 1970

Miklosich F , Muller J Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana Viena, 1860 T I

Miller K Mappae arabicae Arabische Welt- und Landerkarten Stuttgart, 1926–1927 Bd I–VI

Mishin D Information on the Vlachs in Medieval Islamic Literature (Arabic and Persian) // Romanian Civilization 1997 T VI N 2 P 37–56

Das Mongolische Weltreich Al-'Umari's Darstellung der mongolischen Reiche in seinem Werk Masalik al-absar fi mamalik al-amsar Wiesbaden, 1968

Moravcsik Gy Byzantinoturcica Berlin, 1958 Bd I-II

Musso G G Navigazione e commercio genovese con il Levante nei documenti dell'Archivio di Stato di Genova (secc XIV–XV), con appendice documentaria a cura di M S Jacopino Roma, 1975

Năstase Gh I "Peuce" Contribuţii la cunoaşterea geografică-fizică şi omenească a Deltei Dunării în antichitate // Buletinul Societăţii române de geografie 1932 T 51

Năsturel P.Şt Aşezarea oraşului Vicina şi ţărmul de apus al Mării Negre în lumina unui portulan grec // SCIV 1957 T VIII N 1–4

Năsturel P S Les fastes épiscopaux de la métropole de Vicina // Byzantinisch-Neugriechische Jahrbucher 1972 T 21
Năsturel P S Mais où donc localiser Vicina? // BF 1987 T XII
Nicetae Choniatae Historia / Ed I Bekker Bonn, 1835
Oberlander-Târnoveanu E Numismatical Contributions to the History of the South-Eastern Europe at the end of the 13th Century // RRH 1987 T XXVI N 3
Oberlander-Târnoveanu E şi I Contribuţii la studiul emisiunilor monetare şi al formaţiunilor politice din zona Gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // SCIVA 1981 T 32 N 1
Oberlander-Târnoveanu E , Mănucu-Adameşteanu G Monede din secolele XII–XIV descoperite la Nufăru (jud Tulcea) // Peuce 1984 T IX
Olteanu Şt Societatea românească la cumpănă de milenii (sec VIII–XI) Buc , 1983
Panaitescu P P Diploma bârlădeana din 1134 şi hrisovul lui Jurg Koriatovici din 1374 // Revista istorică română 1932 N 1
Papacostea Ş Un călător în Ţările Române la începutul veacului al XV-lea // Studii 1965 T 18 N 1
Papacostea Ş De Vicina à Kilia Byzantins et Génois aux bouches du Danube au XIVe siècle // RESEE 1978 T XVI N 1
Parvan V Inceputul vieţii Romane la gurile Dunării Buc , 1974
Pach Zs P Levantine Trade and Hungary in the Middle Ages Budapest, 1975
Pach Zs P Levantine Trade Routes and Eastern Europe in the Middle Ages // XVe Congres Internationale des sciènces historiques Rapport, II Bucurest, 1980
Pegolotti F B La pratica della mercatura / Ed A Evans Cambridge (Mass), 1936
Pellegrin A Essai sur les noms de lieux d'Algérie et de Tunisie Etymologie, signification Tunis, 1949
Perkhavko V Russia's Trade with Byzantium's Danubian Provinces in the Eleventh – Twelfth Centuries // Acts of the XVIIIth International Congress of Byzantine Studies Selected Papers Shepherdstown, 1996 T II
Pistarino G Notai genovesi in Oltremare Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360–1361) Genova, 1971 (Collana storica di fonti e studi diretta da G Pistarino, 12)
Pistarino G Mercanti del Trecento da Savona al Mar Nero // Studii in memoria di F Melis Napoli, 1978 T 2
Popescu-Spineni M România în istoria cartografiei pînă la 1600 Buc , 1938 V 1–2
Popescu-Spineni M România în izvoare geografice şi cartografice Din antichitate pînă în pragul veacului nostru Buc , 1978
Predelli R Diplomatarium Veneto-Levantinum Venetiis, 1899 T II
Racine P Le marché génois de la soie en 1288 // RESEE 1970 T VIII N 3
Rădulescu A , Bitoleanu I Istoria românilor dintre Dunăre şi Mare Dobrogea Buc , 1979
Raiteri S Atti rogati a Licostomo da Domenico da Carignano (1373) e Oberto Grassi da Voltri (1383–1384) // *Balbi G , Raiteri S* Notai genovesi in Oltremare Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec XIV) Genova, 1973 (Collana storica di fonti e studi diretta da G Pistarino, 14)
Rămureanu I Mitropolia Vicinei şi rolul ei în păstrarea ortodoxiei în ţinuturile româneşti // De la Dunăre la Mare Monografia Episcopiei Dunărea de Jos Buc , 1978
Reinaud M Géographie d'Aboulféda, I Introduction générale a la géographie dea Orientaux P , 1848

Relations between the autochthonous population and the migratory populations on the territory of Romania Buc , 1975
Runciman S The Emperor Romanus Lecapenus and his Reign A Study of Tenth-Century Byzantium Cambridge, 1988
Seippel A Rerum Normannicarum Fontes arabici Christianiae, 1896 Fasc 1
Spaţiul nord-Est Carpatic în mileniul întunecat / Coordonator V Spinei Iaşi, 1997
Spinei V Les relations de la Moldavie avec le Byzance et la Russie au premier quart du IIe millénaire à la lumière des sources archéologiques // Dacia N S 1975 T XIX
Spinei V Zur Geschichte der mittelalterlichen Siedlung Bîrlad (Sudmoldau) im 10 –14 Jahrhundert // Dacoromania Munchen, 1977–1978 Bd 4
Spinei V Începuturile vieţii urbane la Bîrlad şi problema berladnicilor // Anuarul Institutului de istorie şi archeologie "A D Xenopol" Iaşi, 1979 T XVI
Spinei V Moldova în secolele XI–XIV Buc , 1982
Spinei V Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională în secolele X–XIII Români şi turanici Iaşi, 1985
Spinei V Moldavia in the 11th-14th Centuries Buc , 1986
Spinei V The Turkish nomadic populations in the Romanian countries in the 10th-14th centuries // X Turk Tarih Kongresi'nden ayrıbasım Ankara, 1991
Spinei V Restructurări etnice la nordul gurilor Dunării în secolele XIII–XIV // Carpica 1993 T XXIV
Spinei V Ultimele valuri migratoare de la nordul Marii Negre şi al Dunării de Jos Iaşi, 1996
Stănescu E Denumirile bizantine ale regiunii de la Dunărea de Jos în secolele X–XII şi sensul lor istoric // SCIV 1968 T XIX N 3
Ştefănescu C -M Două toponime majore din regiunea gurilor Dunării Chilia şi Sfîntul Gheorghe // Comunicările de geografie şi istorie Sesiunea ştiinţifică din oct 1971 Constanţa, 1971 T II
Ševčenko I Byzantium and the Slavs Cambridge etc , 1991
Tallgren-Tuulio O J Du Nouveau sur Idrisi Sections VII 3, VII 4, VII 5 Europe septentrionale et circumbaltique, Europe orientale et, d'après quelques manuscrits, centrale jusq'a la péninsule balkanique au Sud / Edition critique, traduction, études Helsinki, 1936 (Soc Or Fennica, Studia Orientalia, VI 3)
Theodorescu R Bizanţ Balcani, Occident la începuturile culturii medievale româneşti (secolele X–XIV) Buc , 1974
Theodorescu R Roumains et Byzance provinciale dans la civilisation du Bas-Danube au XIIIe siècle // Nouvelles études d'histoire Buc , 1980 V 1
Thiriet F Délibérations des Assamblées Vénitiennes concernant la Romanie P , 1966 T 1
Todorova E More about Vicina and the West Black Sea Coast // EB 1978 T XIV N 2
Todorova E Medieval Genoese nautical cartography on the West Black Sea coast // EB 1981 N 2
Todorova E River trade in the Balkans during the Middle Ages // EB 1984 N 4
Todorova E Au sujet de la géographie historique du delta danubien // EB 1986 N 1
Togan Z V Bashdjirt // EI[2] Leiden, L , 1957 V I
Tomaschek W Zur Kunde der Hamus-Halbinsel, II Die Handelswege im 12 Jahrhundert nach den Erkundigungen des Arabers Idrisi // SBAW Phil -hist Cl 1887 Bd 113 N 1
Verlinden Ch La colonie vénetienne de Tana, centre de la traite des esclaves au XIVe et au debut du XVe siècle // Studi in onore di G Luzzato Milano, 1950 V

Verlinden Ch. Les routes méditerranéennes // Bulletin de l'Association Internationale d'Etudes du Sud-Est Européen. 1974. N 1.
Viae et regna: Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kásim *Ibn Haukal* / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavotum, 1873 (BGA. T. II).
Weiss J. Die Dobrudscha im Altertum. Sarajewo, 1911.
Weczerka H. Das mittelalterliche und frühneuzeitliche Deutschtum im Fürstentum Moldau. Munchen, 1960.
Wright J.K. The Geographical Lore of the Time of the Crusades. N.Y., 1925.

Указатель имен

А

Абу-л-Фида, 7, 92, 93, 100, 105, 189, 207, 210, 211
Август, Антонин, 26
Аврамов В., 65, 66, 219
Агаджанов С.Г., 12, 219
Агбунов М.В., 138, 219
Адорно, 132
Адрианова-Перетц В.П., 34, 80, 219, 232
д'Аквилль, 37
Алексей, 115
Алексей I Комнин, 44, 45, 51, 88
Алексиев Й., 11
Алешковский М.Х., 219
Ангелова С., 11, 49, 52, 186, 219
Андреа Портонарио, 134
Андрей, венгерский королевич, 74
Андроник I Комнин, 115, 116, 117, 118
Аноним, 23, 221
Антипо де Монелья, 135
Антонио де Кастро, 131, 136
Антонио ди Понцо, 99, 120, 123-130, 132-136, 141, 142, 143, 144
Антонова В , 187, 219
Аньезе Батисто, 54
Априлов В.Е., 219
Арвейлер Э., 113
Аристов Н.Я., 219 *см. Роман I Лакапин*
Арманус, царь румов, 148, 149, 158
Арутюнова-Фиданян В.А., 12, 219
Арциховский А.В., 219
Аскольд, 21, 22, 29
Аспарух (Аспарук), хан, 25, 39, 219
Ассан, 91
Атанасов Г., 11, 39, 48-50, 52, 100, 102, 103, 104, 108, 142, 186, 220, 223
Ахилл, 110, 138
Аэций, 63

Б

Багалей Д., 41
Багрянородный, Константин, 6, 12, 42, 50, 63, 68, 78, 85, 87, 109, 150, 155, 164, 189, 216, 226, 228
Балар М., 130, 142, 143, 144
Баласчев Г.Д., 220
Балашов Д.М., 12, 220
Балинт Б., 185
Банк А.В., 220
Бараски С., 116
Барац Т.М., 220
Барбье де Менар Ш., 151, 158
Барня И., 11
Барсов Н.П., 24, 35, 85, 220
Бартоломей Весола, 98
Бартоломео де Марко, 99
Бартольд В.В., 159, 220
Бастарн, 32
Баумгартен Н.А., 71, 80, 220
Безвикони Г., 9
Бейлис В.М., 153, 157, 159, 160, 161, 205, 220
Белов Е., 41, 220
Белуш, 24
Белчовски В., 220
Беляева С.А., 220
Бенедикто де Олива, 96
Бенедикто де Рекко, 134
Бенинказа Андреа, 54, 55
Бенинказа Грациозо, 54
Бергоньино Бавио, 97
Бережков Н.Г., 81, 220
Берке, 207, 210

Берладник, Иван Ростиславич, 6, 8, 14, 17, 70-75, 77-84, 91, 162, 164, 178, 185, 192, 195, 223, 231, 235
Бернабо де Карпина, 131, 135
Бертуччо де Суксилья, 96
Бешевлиев В., 40, 66, 90, 102, 104, 206, 220, 225
Бианко Андреа, 54
Бибиков М.В., 9, 11-13, 52, 84, 140, 185, 220, 221
Блау Жоан, 54
Боба И., 152
Богданова Н.М., 50
Богдан И.И., 50, 75, 77, 78, 80, 83, 84
Божилов И.А., 149, 159, 161, 221
Бокканегра, Симон, 141
Болдур А.В., 78
Болеслав IV Кудрявый, польский князь, 71
Болсуновский К.В., 50
Бонев Ч., 221
Бонифаций Авогарио, 98
Борисенков Е П., 221
Борис, св., 181
Боровський Я.Е., 221
Ботье Р., 130
Брайчевский М.Ю., 25, 34, 36, 38, 221
Брейе Л., 56
Бромберг Дж., 78
Бруно Кверфуртский, 151
Брун Ф.К., 7, 13, 65, 89, 103, 221
Брэтеску К., 56, 89, 116
Брэтиану Г., 89, 96
Бубенок О.Б., 85, 221
Буганов В.И., 82, 221
Бустарино Лауренсио, 133
Бустарино Франческо, 133
Бырня П.П., 83, 221
Бэнеску Н., 116, 118

В

Вагин Н.Ф., 221
Вайян А., 59
Варфоломей, 94
Василий (Василко) Леонович, 44, 46
Василий II Болгаробоец, 60
Василий III, 71
Васильевский В.Г., 8, 14, 24, 26, 35, 50, 51, 103, 184, 185, 221
Василько Ростиславич Теребовльский, 70
Ведюшкина И.В., 12, 84, 222
Велиханов Н., 154, 160, 224
Велков В., 222
Вентурино из Бершии, 97, 98
Верлинден Ш., 222
Веселовский А.Н., 23, 35
Весконте Пьетро, 55
Вечерка Г., 75
Виллани Маттео, 66
Висковатов А.В., 222
Виссенер Н., 37
де Вита Ф., 36
Вишатич Ян, воевода, 45
Вишер Н., 27, 36, 37, 55
Владимир, 61
Владимирский-Буданов М.Ф., 14, 80, 223
Владимир Володаревич, 70, 71, 72, 73, 81, 82, 162
Владимир Красное Солнышко, 22
Влад Цепеш, 101
Войтишич Иван, 51
Войтович Л.В., 71, 80, 83, 222
Волк Г., 36, 55
Волк Л., 36, 55
Володарь Ростиславич, 67, 117
Волынкин Н.М., 85
Всеволод Ольгович, 72
Въжарова Ж., 68, 222

Г

Габриэле де Предоно, 96, 98, 135
Гандульфо де Кварто, 97
Гапусенко И.М., 222
Гаркави А.Я., 222
Гасталди, Джакомо, 27, 37
Гвидото де Нигро, 98
Георгиев Е., 222
Георгий де Пастурано, 134
Гербершгейн С., 59, 67, 234
Гизольфи, 132
Гильфердинг А.Ф., 56, 65, 222
Гиляров Ф., 67, 222
Гиндин Л.А., 36, 37, 38, 234
Глад, воевода, 23, 24

Глеб Святославич, 79
Глеб, св., 181
Голден П., 152, 153, 158
Головин Н., 71, 80, 222
Голубинский Е.Е., 57, 66, 222
Голубовский П.В., 75
Гомеш Диего, 54
Горина Л.В., 222
Горский А.А., 11, 46, 50, 51, 222
Готье Ю.В., 8, 15, 222
Греков Б.Д., 21, 34, 57, 66, 222, 230
Грушевский М.С., 43, 50, 57, 66, 71, 79, 80, 85, 222
Грэмадэ Н., 56, 89
Гудзий Н.К., 222
де Гуе М.Я., 151
Гудзь-Марков А.В., 83, 222
Гульельмо Даниэле, 134
Гульельмо де Нервио, 96, 98
Гульельмо Портонарио, 96
Гумилев Л.Н., 85, 222
Гусарова Т.П., 14, 222
Гълъбов И., 37
Гюзелев В., 56, 105, 222

Д

Давыд Игоревич, 79
Даков В., 223
Данкертс К., 37
Даркевич В.П., 185, 223
Дашкевич Н.П., 8, 14, 71, 75, 80, 83, 85, 223
Дашков С.Б., 223
Демидчик В., 161, 223
Демин А.С., 68
Державин Н.С., 9, 15, 223
Дероко А., 35, 223
Десимони К., 96
Джаннино Муррино, 97
Джаното Гизольфи, 132
Джованино де Орто, 96
Джованни де Сан Стефано, 97
Джурова А., 13, 65, 235
Диакон, Лев, 6, 12, 16, 41, 42, 49, 50, 52, 56-58, 60, 63, 67-69, 78, 82, 156, 161, 186, 193, 223, 228, 235
ад-Димашки, 152
Димитров Б., 13, 65, 66, 105, 107, 137, 223, 235
Димитров Х., 223
Диодор Сицилийский, 110
Дир, 21, 22, 29, 47, 203
Добровольский И.Г., 50
Добродомов И.Г., 160, 223
Добролюбский А.О., 223
Доватур А.И., 140, 223
Доминико Карефиго, 131
Донато де Донато, 97, 98
Дончева-Петкова Л., 11, 52, 186, 223
Дориа, 97, 132
Дочев К., 223
Драгнев Д.М., 84, 229, 230
Дринов М.С., 223
Дромихет, 110
Дубов И.В., 50, 223
Дуйчев И , 223
Дульчерт Анжелино, 55
Дунай Переславьев, 61
Душанич Ст., 11, 186
Дьякону П., 9, 11, 89, 99, 116, 120, 121, 125, 126, 143

Е

Егоров В.Л., 104, 223
Елена Ростиславна, 71
Ефрем, 58, 115

Ж

Жданов П.Н., 46, 51
Житецкий Н., 49
Жобер П.А., 205
Журеску К., 116
Жучкевич В.А., 36

З

Загоскин Н.П., 224
Закхариа, 97, 132
Залесская В.Н., 224
Заходер Б.Н., 161, 224
Зиборов В.К., 34, 224
Зимин А.А., 75, 82, 83, 172, 217
Златарский В.Н., 52, 55, 57, 66, 103, 224
Зонара Иоанн, 6, 39, 41, 42, 54, 58, 60, 193
Зоценко В.Н., 185, 224
Зыков Э.Т., 224

И

Ибн ал-Асир, 149, 150
Ибн Баттута, 7
Ибн Са'ид ал-Магриби, 104
Ибн Халдун, 7, 92, 168, 189
Ибн Хаукаль, 154, 155
Ибн Хордадбех, 154, 160, 161, 224, 225, 230
Иванов В.В., 12, 224
Иванов Й., 38, 48, 224
Иванов О.В., 36
Иванов С.А., 36, 38, 224, 234
Иван Ростиславич, 73-75, 77-79, 82
Иван Русин, 194
Иглоу Э., 68, 224
Игорь, 21, 22, 28, 29, 150
ал-Идриси, 7, 9, 13, 16, 23, 27, 35, 47, 52, 54, 65, 88- 91, 103, 110-115, 118, 119, 121, 124, 138, 139, 162, 163-174, 182, 183, 187-189, 191, 192, 202, 204-206, 210, 220, 225-228, 230, 234
Изяслав Давыдович, 73, 74, 82
Изяслав Мстиславич, 51, 72
Икономидес Н., 56, 63
Илиеску О., 110, 120, 121, 143, 144
Ильинский Г.А., 224
Иоанн II Комнин, 117
Иоанн, епископ Султанийи, 123
Иосиф I, патриарх, 115
Ираклий, имп., 25
Иречек К., 56, 66, 224
Исаак I Комнин, 117
Исаак II Ангел, 115
Исаевич Я.Д., 224
ал-Истахри, 156, 161

Й

Йакут, 113, 139, 224
Йафет, 157
Йафис. *См Йафет*
Йорга Н., 116, 163
Йорданов И., 11, 52, 63, 64, 69, 186, 220, 224

К

Каждан А.П., 52, 225
Калапода Джорджо Сидери, 54
Калеостирион, 134
Калинина Т.М., 12, 225
Калић-Мијушковиы J., 225
Калић J., 225
ал-Калкашанди, 7, 92, 93, 211
Каллистов Д.П., 140, 223
Кантели Дж., 36, 55
Кантемир Д., 120
Капеллетти, 98
Карамзин Н.М., 71, 80, 225
Каргалов В.В., 225
Карминский М.С., 221
Карпини, Плано, 7, 13, 94, 95, 104, 216
Карпов С.П., 14, 98, 106, 107, 225
Карра де Во, Б., 151
Карышковский П.О., 41, 50, 68, 225
Касталди Джовани, 54
Каттанео, 132
Каштанов С.М., 41, 49, 50, 75, 83, 84, 225
Квада М., 56
Кендерова С.Т., 103, 206, 225
Кий, полянский князь, 11, 20, 21, 25, 30, 33, 34, 35,, 194 224, 225, 234
Киннам, Иоанн, 6, 12, 52, 84, 140, 162, 221
Киреевский П.В., 225
Кирша Данилов, 216
Клосс Б.М., 30, 37, 225
Князький И.О., 15, 85, 171, 225
Кобычев В.П., 12, 225
Ковачев Н.П., 35, 225
Коган В.М., 80, 226
Козловский И., 50
Коларов Х., 57, 66, 226
Коледаров П., 35, 226
Комнина, Анна, 6, 12, 28, 37, 44-47, 51, 52, 60, 68, 88, 92, 102, 109, 116, 137, 139, 140, 182, 187, 215
Комша М., 9, 16, 52, 69, 84, 186, 226
Кондин Себастиан, 54
Коновалова И.Г., 10, 11, 13, 14, 16, 85, 104, 105, 107, 138-140, 142, 143, 172-174, 187, 205, 206, 211, 226, 227
Корзухина Г.Ф., 227

Королюк В.Д., 12, 227
Космаэле де Крессино, 132
Коста Паскуале, 136
Костомаров Н.И., 32, 38, 68, 227
Котляр Н.Ф., 8, 15, 27, 34, 35, 37, 38, 59, 67, 71, 75, 80, 83-85, 104, 184, 227
Крачковский И.Ю., 205, 211, 227
Крипьякевич И.П., 75, 83, 227
Кропоткин В.В., 50, 227
Крюков В.Г., 159, 160, 227
Кубишев А.І., 227
Кувер, 25
Куврат, 25
Кудряшов К.В., 227
Куза А.В., 68, 81, 227
Кузев А., 11, 48, 49, 64, 65, 67, 89, 108, 142, 227
Кузьменко Н.В., 11
Кузьменко Ю.К., 50
Кузьмин А.Г., 33, 46, 50, 51, 57, 66, 227
Кулаковский Ю.А., 14, 89, 102, 103, 105, 228
Кулишер И.М., 228
Куун Г., 152
Кучкин В.А., 80, 84, 228
Кымпина Б., 98

Л

Лаков Л., 13, 36, 65, 228
Ламберто ди Самбучето, 96
Лаутерер Г., 56
Левицкий Т., 159, 163, 165, 166, 172, 228
Левченко М.В., 50, 55, 65, 82, 83, 84, 228
Лев (Леон) Диогенович, 44, 45
Лелевель И., 164, 165
Леоно де Сексто, 98
Леопольд V, 176
Леопольд VI, 176
Леркари, 132
Лесной С., 34, 228
Лжедиоген, 44, 45, 51
Линниченко И.А., 75
Линчев Р., 48, 223
Липец Р.С., 228
Липранди И.П., 23, 24, 35, 57, 66, 228
Литаврин Г.Г., 9, 11, 15, 36, 38, 45, 51, 68, 85, 171, 216, 228, 234
Лихачев Д.С., 34
Лишев С.Н., 103, 228
Ловаг Ж., 11, 186
Ловмяньский Х., 32, 34, 38, 228
Ломеллино, 132
Ломоносов М.В., 57, 66
Лонгинов А.В., 41, 228
Лукино Грильо, 134
Лукино де Беннама, 134
Лыбедь, 21
Львов А.С., 228
Любарский Я.Н., 37, 51, 187, 215
Ляпушкин И.И., 228

М

Мавродин В.В., 8, 15, 35, 38, 82, 85, 184, 228, 229
Маджеска Дж., 229
Макарова Т.И., 229
Макартни К., 149, 152
Максаковский В.П., 11, 184, 229
Малевская М.В., 187, 229
Малесий, 63
Малингудис Я., 41
Мальм В.А., 229
Манассий Константин, 39, 54, 58, 60, 217, 235
Мануил Венецианский, 94
Мануил I Комнин, 115
Манчинелли Джулио, 55
де Мари, 132
Маркварт Й., 149, 151, 152, 153, 158, 164, 165
Марков А.В., 229
Марков М.Г., 229
Марочелли, 132
Мартелло, 124
Мартино де Гавио, 98
Марьянович-Вуйович Г., 11, 186, 229
ал-Мас'уди, 7, 147, 149, 150-158, 161, 189, 220
Матьяш Корвин, 101
Мачинский Д.А., 12, 34, 229

Мейчик Д.М., 229
Мелисетий, 63
Мельгунов П.А., 229
Мельникова Е.А., 12, 38, 50, 223, 229
Меркатор Г., 27, 36, 55
Миллер К., 164, 165, 168, 229
Милованович Д., 186
Милчев Ат., 229
Минорский В.Ф., 153, 160, 161, 229
Миролюбов Ю., 36, 229
Мистик Николай, 155
Михаил Генуэзский, 94
Михаил III, имп., 21, 22
Михаил VIII Палеолог, имп., 115, 122
Михайлов Е., 15, 229
Михайлов Ст., 65
Миханович У., 56
Миятев Кр., 63, 69, 229
Моголо де Камилла, 134
Мономах, Владимир, 5, 28, 34, 44, 45, 46, 50, 51, 61, 70, 162, 222
Монтано Эмбриако, 96
Мотцо Б.Р., 95
Мохов Н.А., 75, 82, 85, 171, 172, 230
Мстислав,
Мстислав Владимирович, 29, 46, 70, 73, 79, 81, 84, 90, 91
Мстислав Изяславич, 81
Мурзаев Э.М., 105, 230
Мутафчиев П., 39, 41, 49, 56, 63, 66, 69, 78, 85, 104, 108, 174, 187, 230
Мэнуку-Адамештяну Г., 11, 69, 186

Н

Назаренко А.В., 11, 13, 82, 184, 185, 230
Насековский Р.Л., 11, 234
Насонов А.Н., 33, 84, 230
Наумов Е.П., 11, 230
ди Негро, 132
Недков Б., 52, 56, 65, 89, 103, 104, 166, 172-174, 187, 205, 206, 230
Нерознак В.П., 37, 68, 230
Нестор, 20, 24, 28, 34, 218, 224
Нидерле Л., 230
Никитин А., 36
Никитич А.Н., 84, 230
Никифор, 12, 160, 237
Никифор Вриенний, 51
Никколо из Пери, 135
Никколо Бранкалеоно, 131
Никколо Грити, 129
Никколо Кастанья, 131
Никколо Турко, 134
Ников Н., 142, 230
Николаев В., 230
Николай Пизанский, 94
Николино де Вультуро, 96
Никонов В.А., 30, 35, 46, 53, 59, 67, 70, 71, 80, 138, 230
Нистор И., 116
Новосельцев А.П., 8, 15, 34, 35, 153, 160, 161, 185, 216, 230, 231
Ногаиды, 94, 100
Ногай, 91, 92, 98, 100, 122
Нолин И.Б., 37
ан-Нувайри, 7, 92, 93, 189, 211
Нудельман А.А., 187, 231
Нэстурел П., 56

О

Оберлендер-Тыровяну И., 142
Оберлендер-Тыровяну Э., 122, 142
Оберто де Боццоло, 96
Оберто Тенервасио, 98
Оболенский Д., 231
Огерио Бокабарили, 96
Олег, 21, 22, 28, 29, 34, 35, 68, 157, 237
Олег Святославич, 79
Ольга, княгиня, 29, 30, 64, 177, 228
Орлов А.С., 231
Ортелиус А., 27, 36
Осмомысл, Ярослав, 6, 70, 73, 74, 80, 81, 178
Оттокар III, 176
Оттокар IV, 176

П

Паве де Куртей, 151, 158
Павлов П., 9, 11, 15, 27, 35, 37, 50, 52, 78, 82, 83, 85, 86, 103, 171, 174, 184, 231
Панаитеску П.П., 75, 77
Панталео из Вичины, 96
Папакостя Ш., 107

Параска П.Ф., 231
Пархоменко В.А., 34, 231
Пасецкий В.М., 221
Паскуалини Николо, 54
Паску Ш., 54, 56
Пахимер, Георгий, 6, 28, 115, 116, 117, 118, 119, 122
Пашуто В.Т., 8, 12, 15-17, 23, 24, 35, 38, 45, 49-51, 57, 66, 75, 82, 83, 85, 171, 172, 184, 185, 219, 222, 226, 229, 231-233, 235
Пенчев В., 238
Персиваль де Аренцано, 98
Перхавко В.Б., 10, 11, 16, 35, 38, 49, 50, 68, 184, 185, 189, 231
Петегирич В.М., 231
Петреску И.Г., 137, 232
Петрухин В.Я., 232
Петрушевич А., 164, 172, 232
Пигонит Лев, 63
Пистарино Дж., 130, 142, 144
Плетнева С.А., 232
Погодин М.П., 57, 66, 80, 232
Подосинов А.В., 138, 140, 232
Подскальски Г., 232
Полевой Л.Л., 9, 16, 83, 174, 232, 236
Полывянный Д.И., 11, 232
Поляк А.Н., 13, 232
Попов А.И., 68, 232
Попов Д., 42
Портан Х.Г., 66, 232
Постан М., 57
Потин В.М., 9, 15, 68, 82, 83, 172, 185, 232
Примов Б., 233
Приселков М.Д., 34, 233
Приск, полководец, 39
Прокопий Кесарийский, 31, 38, 228, 233
Пропп В.Я., 34, 233
Прошин Г.Г., 60, 68, 233
Пуцко В.Г., 233
Пушкин А С., 23

Р

Рабинович Р.А., 78, 79, 85, 171, 172, 233
Ранчин А.М., 38, 233
Рапов О.М., 67, 71, 80, 233
Ратич О.О., 81
Рафалович И.А , 233
Рачев Р., 36, 233
Рашид ад-дин, 141
Рогов А.И., 233
Рожер II, король, 113, 182, 204
Рожнецкий С., 233
Розенфельдт Р.Л., 233
Рокаи П., 35
Романски С., 48, 233
Роман I Лакапин, имп., 148, 150, 158
Роман IV Диоген, имп., 44
Ромашов С.А., 160, 233
Родановская Е.К., 22, 34, 233
Роспонд С., 67, 233
Ростислав Берладничич, 74
Ростислав Владимирович, 71
Ростислав Мстиславич, 71, 72
Ростислав Смоленский, 71
Рубео, 98
Рубинштейн Н.Л., 234
Рубрук, Гильом, 7, 13, 91, 104, 216
Рукн ад-дин Бейбарс, 7
Русанова И.П., 234
Руссев Н.Д., 11, 16, 84, 104, 105, 107, 211, 227, 229, 234
Рыбаков Б.А., 9, 15, 26, 30, 34, 36, 38, 46, 47, 51, 52, 56, 57, 61, 62, 65, 66, 68, 81, 84, 138, 139, 165, 168, 171, 173, 183, 185, 187, 192, 234
Рыбина Е.А., 185, 234
Рыбников П.Н., 35, 234
Рыдзевская Е.А., 50, 68, 234
Рюрик, 28, 43, 70, 71, 75, 79, 80, 83, 157, 221, 222, 226
Рюриковичи, 29, 71, 79, 80

С

Сава, 134
Сакызов И., 9, 234
Сальваго, 97, 132
Саиватий, 31
Сандрарт Я., 27, 37
Сансон С., 37
Санудо Марино, 55
Саракинопул Леон, 39
Саркис из Килии, 134, 135
Сарцано, 98

Сахаров А.Н., 8, 15, 34, 41, 43, 49, 50, 57, 66, 68, 234
Саца, 88, 92, 102
Свердлов М.Б., 13, 34, 184, 217, 234
Светличная Л.Н., 84, 230
Свешников И.К., 81
Святослав Игоревич, 5, 8, 15, 28-30, 32, 33, 38-44, 49, 50, 53, 57-67, 70-72, 78, 79, 81, 156, 177, 193, 194, 211, 220, 225, 228, 230, 234, 236, 237
Святослав Ольгович, 71, 72, 81
Сегурано Петрела, 134
Седов В.В., 12, 234
Сенттери М., 37
Сергеева Н.А., 11, 234
Сеслав, 47, 52, 88, 102
Сеуттери М., 27
Сидоренко О.Ф., 234
Симеои Логофет, 67, 217
Симеон, болг. царь, 60, 150, 155, 156
Симонов Е., 11
Синеус, 28
Скилица, Иоанн, 6, 41-43, 54, 58, 63, 156, 193, 235
Скиф, 32
Скрынников Р.Г., 34, 38, 43, 50, 235
Славен, 32
Смирнов В.Н., 235
Снегаров И., 235
Соболева Н.А., 49, 223, 235
Соболевский А.И., 75, 77, 80, 83, 84, 235
Советов П.В., 84, 229, 230
Соколова В.К., 38, 235
Соловьев С.М., 32, 34, 38, 62, 68, 80, 235
Солунский, Дмитрий, 25, 36
Софроненко К.А., 235
Спиней В., 9, 11, 75, 186
Спинола, 132
Спицын А.Н., 235
Срезневский В.И., 67, 217, 235
Стоименов Д., 235
Стоукс А., 56
Стоунс А., 41
Стратилат Феодор, 39
Страхов А.Б., 235
Стрыйковский М., 59
Суперанская А.В., 139
Сурожанин, Пленка, 22, 23
Сюзюмов М.Я., 216, 235

Т

Талльгрен-Туулио О., 89, 165
Тартаро, 98
Татищев В.Н., 38, 39, 44-46, 49, 51, 56, 57, 59, 65-67, 70, 74, 80-83, 140, 162, 235
Татуш, 46, 102
Творогов О.В., 37, 235
Теодору Д., 187, 235
Терский-Шеломенцев В.С , 81
Тизенгаузен В.Г., 12, 104, 107, 211, 235
Тимощук Б.О , 235
Тихомиров М Н., 9, 11, 15, 38, 57, 66, 67, 75, 82, 102, 142, 171, 172, 174, 236
Тодорова Е., 9, 48. 56, 62, 65, 66, 68, 89, 103, 105, 107, 108, 138, 139, 143, 214, 236
Токта, 92
Толочко П.П., 34. 38, 75, 185, 236
Толстой Ф.А., 21, 34
Томазино де Камарино, 96
Томас Ансальди де Домокульта, 98
Томашек В., 56, 89, 90, 111, 112
Топоров В.Н., 12, 224
Тотев Т., 236
Травкин С.Н., 236
Третьяков П.Н., 16, 236
Трубачев О.Н., 12, 36, 236
Трувор, 28
Тукулбуга, 92
Тъпкова-Заимова В., 9, 15. 50, 52, 138, 139, 236

У

Узбек, 207, 210
ал-'Умари, 7, 92
Успенский Ф.И., 236

Ф

Фасмер М., 138, 236
Федоров Г.Б., 9, 16, 174, 236, 237
Федор Святослав, 93

Феофан, 12, 160, 237, 238
Ферретто А., 96
Фехнер М.В., 237
Флоровский А.В., 83, 237
Флоря Б.Н., 217, 234
Фома, архонт Ликостомо, 113
Фотий, патриарх, 113
Фра-Мауро, 55
Франческо Бальдуччи Пеголотти, 133
Франческо де Мультедо, 97
Фроянов И.Я., 22, 35, 82, 85, 229, 237

Х

Хаджиниколов В., 9, 15, 237
Халанский М.Г., 34, 35, 61, 68, 237
Хали. *См Татуш*
Хачатуров Р.Л., 41, 49, 237
Хаждеу Б.П., 75, 78, 172
Хейден Ж., 37
Херрман Й., 237
Хилвудий, 31
Хилков А.Я., 237
Хмыров М.Д., 237
Хоманн И.Б., 37
Хониат, Никита, 6, 115-119, 122, 162, 230
Хоренберг Й.Х., 36
Хорив, 21
Хоффман И., 37
Христов С., 48, 84, 223
Хрущов И.П., 237

Ц

Цанкова-Петкова Г., 237
Цец, Иоанн, 6, 8, 46, 47, 52, 177, 221
Цимиский Иоанн, имп., 39, 58

Ч

Чеботаренко Г.Ф., 174, 237
Чекин Л.С., 13, 237
Чертков А., 41, 57, 66, 237
Чиходару К., 56, 89, 139
Чичуров И.С., 12, 160, 237
Членов А.М., 237
Чолова Цв., 237
Чулков М.Д., 237
Чурила Пленкович, 22, 23, 35

Ш

Шандровская В.С., 238
Шараневич И.И., 75, 238
Шафарик П.И., 57, 66, 238
Шахматов А.А., 20, 33, 34, 43, 50, 61, 68, 238
Шекера В.М., 238
Шишова И.А., 140, 223
Шкорпил К., 55, 56, 65, 68, 238
Шкриваниы Г.А., 35
Шмид Я.Ф., 56
Шрамм Г., 11, 238
Шушарин В.П., 85, 86, 238

Щ

Щапов Я.Н., 11, 84, 238
Щек (Щок), 21

Э

Эмин Ф., 238
Эрдели И., 11

Ю

Юдин Ю.И., 22, 35
Юрданов Ю., 238
Юрий Долгорукий, 72, 73, 81
Юрий Корятович, 75
Юрий Несторович, 73, 90
Юрукова Й., 238
Юстиниан I, 28, 31
Юстиниан II, имп., 28, 31, 32, 39

Я

Ягоп из Венгрии, 132
Якобсон А.Л., 238
Яков-Святослав, 194
Яков Реверий, 94
Якун, 73, 82, 90
Янин В.Л., 12, 50, 68, 232, 238
Янкович Дж., 11, 186
Ярослав, 6, 71, 73, 74, 81
Ярослав Владимирович, 117, 118, 162
Ярослав Галицкий, 82, 117
Ярослав Мудрый, 29, 71

A

Airaldi G., 14, 143, 239

Al-Idrisi, 103, 138, 139, 141, 160, 172, 173, 174, 205, 206, 242
Andreescu C., 105, 107, 239
Anghel A., 83
Antonio di Ponzo, 14, 107, 141, 239, 244
Arhweiler H., 138, 139, 239

B

Bârnea I., 103, 239
Balard M., 14, 106, 107, 141, 143, 144, 239
Balbi G., 14, 140, 245
Barany-Oberschall M., 185
Baraschi S., 14, 16,, 49 65, 66, 69, 106, 138, 140, 141, 143, 186, 213, 239, 241
Barbier de Meynard C., 158, 243
Barnea Al., 186
Barnea I., 16, 36, 66, 69, 84, 186
Bastian F., 11, 184, 185, 240
Bautier R.-H., 143, 240
Bekker I., 140, 241, 244
Bezviconi G., 15, 240
Bitoleanu I., 245
Boba I., 160, 240
Bogdan I., 83, 84, 85, 108, 240
Boldur A.V., 85
Bombaci A., 103, 138, 160, 172, 205, 242
Bosl K., 184
Botzan M., 240
Brandl L., 11, 240
Bremner L., 143, 242
Bromberg J., 65, 66, 85, 102, 104, 240
Brătescu C., 103, 137, 138, 140, 240
Brătianu G.I., 14, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 140, 142, 240
Brătescu C., 240
Bălan T., 85, 104, 239
Bănescu N., 103, 140, 171, 239

C

Câmpina B.T., 14, 107, 144
Campbell T., 14, 137, 240

Cantemir D., 141, 240
Carra de Vaux B., 159, 243
Cerulli E., 103, 138, 160, 172, 205, 242
Chilkow A.J., 67
Cihodaru C., 13, 65, 66, 104, 139, 174, 240
Ciobanu R., 105, 139, 240, 241
Ciocîltan V., 105, 240
Condurachi E., 85

D

Daragiu Gh., 66, 69
de Goeje M.J., 158, 160, 242, 246
Decei A., 139, 240
Delatte A., 137, 240
Deletant D., 138, 240
Desimoni C., 106, 240
Diaconi Leonis, 49, 67
Diaconu P., 15, 16, 52, 64-67, 69, 82, 85, 102-104, 107, 140-143, 158, 159, 171, 172, 186, 240, 241
Donskoi D., 80
Dumitriu-Snagov I., 13, 102, 107, 241
Dunlop D.M., 205, 241
Duro Sz., 35

E

Evans A., 144, 244

F

Fasoli G., 160, 241
Ferretto A., 106, 241
Fettich N., 186
Fliss M., 184
Florescu Gr., 36
Florescu R.,, 139, 241
Fluss M., 11, 241
Frances E., 15, 171, 241

G

Gabrieli F., 103, 160, 172, 205, 242
Gerevich L., 185
Gieysztor A., 241
Giurescu C.C., 14, 102, 105, 106, 171, 241
Gjuzelev V., 14, 143, 241
Golden P.B., 159, 160, 242
Golubovich P.G., 105, 107, 242
Grămadă N., 13, 65, 102, 103, 142, 242

H

Hajnal H., 11, 184, 242
Harley J.B., 14, 137, 240
Hart G., 52
Hosch E., 242
Hunger H., 52
Hurmuzaki E., 65

I

Ibn Khaldun., 173, 242
Ibn Sa'id al-Magribi, 104, 242
Ibn-el-Athiri., 242
Iliescu O., 14, 108, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 242
Iordan I., 138, 242
Iorga N., 137, 138, 140, 143, 172, 242

J

Jagič V., 12, 242
Jaubert P., 139, 173, 205, 241

K

Kahane H., 143, 242
Kahane R., 143, 242
Karwasińska J., 159, 243
Kashdan A., 140, 242
Knauz F., 185
Knittler H., 185
Koledarov P., 13, 242
Korpela J., 80
Kowalenko W., 11, 184, 242
Kuun G., 159, 243
Kuzev A., 65, 102, 103, 108, 243

L

Lüttich R., 160, 243
Laurent V., 105, 107, 142, 243
Lelewel J., 172, 173, 243
Leone P., 51, 52, 185
Levi Della Vida G., 103
Levis A., 243
Loehr A.R., 11, 184
Lewicki T., 35, 172, 173, 174, 206, 243
Lombardo A., 106, 243
Lovag Zs., 185
Lozovan E., 139, 243

M

Márcos Jiménez de la Espada, 106
Müller J., 141, 243
Maçoudi., 158, 159, 160, 161, 243
Macartney C.A., 159, 243
Maier R.A., 185
Malingoudi J., 49, 243
Marquart J., 158, 159, 160, 161, 172, 173, 243
Matei M.D., 243
Migne J.-P., 218
Miklosich F., 141, 243
Miller K., 103, 138, 139, 172, 173, 244
Mishin D., 105, 211, 244
Moghior N., 69
Moravcsik Gy., 160, 244
Motzo B.R., 105, 137, 141, 142, 213, 240
Musso G.G., 143, 244
Mănucu-Adameşteanu Ch., 16, 186
Mănucu-Adameşteanu G., 103, 142, 243, 244

N

Năstase Gh.I., 137, 140, 141, 244
Năsturel P., 13, 65, 67, 102, 105, 108, 137, 244

O

Oberländer-Târnoveanu E., 142, 244
Oikonomides N., 65, 66
Olteanu Şt., 36, 244
Oman G., 205

P

Panaitescu P.P., 83, 84, 244
Papacostea Ş., 107, 108, 141, 142, 144, 244
Parvăn V., 36, 244
Pash Zs. P., 244
Pavet de Courteille, 158, 243
Pegolotti F.B., 144, 244
Pellegrin A., 139, 244
Petech L., 103, 160, 172, 205, 242
Pistarino G., 14, 107, 141, 143, 144, 244
Popa C., 66

Popescu-Spineni M , 13, 244, 245
Postan M M , 67
Predelli R , 144, 245

R

Racine P , 141, 245
Raiteri S , 14, 140, 245
Ramsay W M , 37
Reinaud M , 245
Rizzitano U , 103, 160, 172, 205, 242
Rosetti R , 85
Rozenthal F , 173, 242
Rubinacci R , 103, 160, 172, 205, 242
Runciman S , 158, 159, 245
Rădulescu A , 245
Rămureanu I , 105, 245

S

Scorban C , 36
Seeck O , 36
Seippel A , 161, 245
Shepard J , 51
Spinei V , 16, 83 85, 104, 105, 140, 171, 173, 185, 186, 187, 245
Stefan Gh , 186
Stefănescu St , 66, 69, 103, 137, 239, 245
Stokes A D , 65
Stryjkowski M , 67
Stănescu E , 138, 245
Ševčenko I , 37, 245

T

Tallgren-Tuulio O J , 103, 173 174 245
Teodor D Gh7, 84, 187
Theodorescu R , 142, 144, 245, 246
Thiriet F , 107, 246
Todorova E , 13, 15, 49, 68, 102, 137, 184, 214, 246
Togan Z V , 159, 246
Tomaschek W , 37, 103, 104, 139, 246
Tornberg C J , 158, 242
Trunte H , 36
Tucci G , 103, 160, 172, 205, 242

V

Vaillant A , 67
Vasiliu I , 186
Veccia Vaglieri L , 103, 160, 172, 205, 242
Verlinden Ch , 144, 246
Vernet Gines J , 104, 242
Vilceanu D , 16, 186, 241

W

Weczerka H , 83, 246
Weiss J , 36, 246
Wiedemann J , 184
Woodward D , 14, 137, 240
Wright J K , 246

Указатель географических названий

А

Австрия 176
Агасубулис, г., 202, 204; *см также Ахтопол*
Агризинус, г. – *см Разград*
Ада Маринеску, г., 57; *см также Переяславец*
Адрианополь, г., 132, 134
ал-Азак, г., 207, 208, 210; *см также Азов*
Азербайджан Иранский, 158
Азия, 88
Азия Малая, 24, 28, 42, 63 116, 117, 125, 206
Азов, г. (ал-Азак), 210
Азовское море (Меотида, море Маниташ, море ал-Азак), 210, 211
Айлугис, г. – *см Логи*
Айман, г. – *см Емона*
Аймидийа, г – *см Мидье*
Айслинген, г., 178–180
Акджа-Карман, г., 93, 208–211; *см также Аккерман*
Аккерман, г (Акджа-Карман), 93, 126, 136, 139, 208, 209, 211; *см также Белгород-Днестровский*
Аклиба, г. в Кумании, 112, 113
Аклиба, г. в Нижнем Подунавье, 110–115, 119, 121, 122, 138, 139, 170, 204
Аклиба, г. в Тунисе (Аклибийа), 112, 113, *см также Келибия*
Акра, г , 94
Аксиополь, г., 180; *см также Черна вода*
Алания (Ланийа), 202, 205
Александрия, г. (ал-Искандарийа), 207
Алексин, г., 25
Алмирис, г. (Мирис), 206; *см также Енисала*
Алтай, 158
Америка Северная, 139
Амстердам, г., 54
ал-Андалус, 147, 148, 156, 158
Антиохия, г., 51
Анхиало, г. (Ахилу), 203
Арабский халифат, 7
Ардебиль, г., 148, 158
Армукастру, г., 89, 90, 111, 119, 141, 203, 204; *см также Енисала*
Аспера, древний рукав дельты Дуная, 95, 99, 123, 212, 213; *см также Импуцита*
Аструбули, г., 202; *см также Синоп*
Атил, р., 112
Атрабзунда, г., 202, 208; *см также Трапезунд*
Аугсбург, г., 56
Афон, гора, 74
Афранисуфа, г. – *см Браничево*
Африка, 88, 112
Африка Северная, 139
Ахелой, р., 150
Ахилла о-в, 110, 138; *см также Змеиный о-в*
Ахилу, г. – *см Анхиало*
Ахтопол, г. (Агасубулис), 90, 103, 104, 144, 202, 204
Ашкала, г. и обл., 202

Б

ал-Баб, г. – *см Дербент*
Баба Вида, г., 181; *см также Видин*
Баварская Восточная марка, 176
Бакасин, г., 23

Балканский п-ов, Балканы, 30, 32, 41, 43, 53, 59, 64, 88, 111, 151, 159, 192, 202, 206, 210
Балта, о-в, 55
Барасклафиса, г., 47, 54, 89, 169, 203; *см. также Переяславец*
Бари, г., 151
Бармуни(йа), г., 163–169, 173
Бармуниса, г., 165, 166
Барнас, г., 111, 203, 204; *см также Варна*
Басилику, г. – *см. Василико*
Беларусь, 25
Белая Вежа, г. – *см. Саркел*
Белгород-Днестровский, г. (Аккерман, Монкастро), 49, 136, 138, 139, 165, 211
Белгородка, г., 43
Белград, г., 23, 179, 180
Белка, р., 71
Белоозеро, г., 28–29
Бендеры, г., 165
Березань, о-в (Пересе), 214
Берлад(ь), 10, 70, 75–78, 83, 91, 195; *см также Бырлад, г.*
Берлад, р. – *см. Бырлад, р.*
Берладинка, р., 78
Берладка, с., 78
Берладский путь, 79
Берладское кн-во, Берладь, 70, 75, 77–79, 82, 84, 85, 192, 194
Берое, г. (Бирое), 26, 27, 29
Бидуни, г., 203; *см. также Видин*
Бистрица, р., 169
Битца Доамней, с., 178
Болгария (Болгария Дунайская, Болгарьска земля, Булгария), 5, 6, 8, 9, 11, 17, 23, 30, 39, 40, 42, 44, 45, 47, 48, 55, 57–63, 87, 89, 91, 102, 128, 150, 154–156, 164, 167–169, 175, 177, 182, 183, 186, 191, 194, 195, 202–204
Болгария Волжская, 183
Болгария Задунайская, 40
Болгария Северо-Восточная, 89
Болгарское царство, 27, 40, 41, 53, 55, 62, 64, 80, 93, 122, 183, 193, 211
Босфор (Фракийский) пр. (Стенон, Дамалис), 116–118, 156, 206
Браилов, г. – *см Брэила*
Браничево, г. (Афранисуфа), 203
Браничевское кн-во, 92
Брестовик, с., 179, 180
Брешия, г., 97, 98
Брускавица, 134
Брэила, г. (Браилов), 24, 56
Буг Южн., р., 79
Будапешт, г., 179, 180
Булгария – *см Болгария*
Булуния, 167; *см. также Польша*
ал-Бунтим, 167, 204; *см также Понт*
Бунэря, с. (Капидава), 56
Бургас, г., 150
Бырлад, г. (Берлад), 76–78, 83, 189
Бырлад, плато, 78
Бырлад, р., 72, 76–79, 91, 178
Бырлат Старый, с. – *см. Эски-Бырлат*

Б

Валандар, г., 147–150
Валахия, 6, 56, 91
Варна, г. (Барнас), 55, 63, 88, 102, 111, 203, 204
Варна, р., 87, 88; *см. также Провадия*
Василев, г., 29
Василико, г. (Басилику), 202
Велико-Тырново, г. – *см. Тырново*
Вена, г., 5, 37, 175, 179
Венгрия (Угорьска земля, Ункарийа), 6, 11, 17, 23, 30, 62, 128, 160, 176, 177, 186, 191
Венецианская республика, Венеция, 98, 99
Венеция, г., 131, 132, 135
Ветрен, г., 48, 179–181
Видин, г. (Баба Вида, Бидуни), 24, 48, 179, 180, 181, 203
Видинское кн-во, 92
Византийская империя, Византия (ар-Рум), 5, 6, 25, 27–29, 31–33, 39–42, 44–47, 53, 58, 59, 62–64, 79, 80, 88, 95, 104, 110, 112, 113, 115–

118, 122, 128, 137, 149–151, 153–156, 158, 162, 169, 177, 182, 183, 189–191
Вилково, г., 114
Вифиния, 28, 116–118
Вица, г. (Лавица), 55
Вичина, г., 8, 54, 55, 65, 88, 89, 91, 94–102, 106, 108, 119, 122–124, 126, 127, 132, 134, 136, 137, 183, 189, 193, 213
Вичина, р., 88, 90, 95; *см также Камчия*
Владимир, г. (Володимер), 29
Владимир-Волынский, г., 29, 81
Владимир-на-Клязьме, г., 29
Войнешти, г., 184
Волга, р., 154, 158, 209
Володимер, г. – *см. Владимир*
Володимерец, г., 29
Волок, г., 29
Волочек, г., 29
Волхов, р., 28
Волынь, 73
Восток Ближний, 62
Восточно-Европейская равнина, 6
Вроцлав, г. (Ратислаб), 163
Вырь, г., 74
Вырь, р., 74

Г

Галатия (ал-Калат), 167, 204, 206
Галац, г. (Галич Малый), 76, 77
Галисийа, г., 163, 164, 166–169, 173; *см. также Галич*
Галисия (ал-Джалалика), 148, 158
Галицко-Волынская земля, 165
Галицкое кн-во (Русь Галицкая), 116, 117, 119, 165, 167
Галич, г. (Галисийа), 70–75, 77–81, 118, 164, 173, 177, 182, 183, 191, 192
Галич Малый, г., 76–78; *см. также Галац*
Гарвэн, г. (Диногеция), 9, 56, 77, 179–181, 189
Гемлик, г. (Киос), 28
Генуэзская республика, Генуя, 6, 95, 99, 114, 131, 133, 134
Генуя, г., 97, 106, 126, 129–132, 134, 135, 141
Георгиевский рукав дельты Дуная, 56, 87, 106, 109, 122, 193, 213
Гераклея Понтийская, г. и обл. (Хараклийа), 167, 202, 204–206; *см. также Эрегли*
Германия, 178, 187, 203
Германия Западная, 5, 175
Гиазихопон, фема, 150
Гила Нижняя, фема, 150
Гиргов, г., 24
Гладово, г. – *см. Кладово*
Глинча (Хлинча), 178
Гнезно, г., 163
Гроссето, древний рукав дельты Дуная, 95, 123, 212, 213; *см. также Гура-Буазулуй*
Гура-Буазулуй, пр. (Гроссето), 106, 213
Гырличи, с. (Эски-Сарай), 56
Гырличиу, коммуна, 26, 27, 29, 33, 193, 194

Д

Дамалис, пр., 118; *см. также Босфор*
Данабрис, р., 202; *см. также Днепр*
Данаст, р., 111, 163, 204; *см также Днестр*
Дану, р., 89, 111, 202–204; *см также Дунай*
Данувий, р., 88; *см. также Дунай*
Дарданеллы, пр., 156, 206
Двина Сев., р., 72
Девельт, г., 150
Девня, г., 56
Дедославль, г., 81
Дербент, г. (ал-Баб), 148, 158
Дерестр, г. (Дельстр, Деръстеръ, Дерестър, Дрествинъ, Дръстр), 6, 10, 39, 40, 42, 44, 45, 48, 49, 58, 184, 192; *см. также Силистра*
ал-Джалалика – *см. Галисия*
Джалита, г. – *см. Ялта*
Джурджан (Гурган), г., 158
Джурджанское море, 149, 154; *см. также Каспийское море*
Джурманийа – *см. ар-Руманийа*

Диногеция, г., 9, 56, 64, 77, 180–183, 191, 192; *см. также Гарвэн*
Диристра, г., 47, 54, 203; *см. также Силистра*
Дисина, г., 54, 89–91, 203, 204; *см. также Дичин*
Дича, р. (Тича), 88; *см. также Камчия*
Дичин, г. (Дичинъ, Дцинь), 6, 10, 73, 82, 87–91, 94, 99–101, 104, 188, 189, 193; *см. также Вичина*
Дичина, р., 87, 90, 155; *см. также Камчия*
Дмитров, г., 29
Дмитровец, г., 29
Днепр, р. (Данабрис), 6, 21, 22, 27, 30, 32, 53, 73, 85, 90, 91, 117, 135, 150, 165–168, 170, 182, 202, 209, 214
Днепр Средний, 20, 30
Днепровские пороги, 44
Днепровский путь, 182, 191
Днепро(вско)-Дунайское междуречье, 170, 171
Днестр, р. (Данаст, Турлу), 45, 48, 79, 82, 87, 91, 109, 111, 117, 118, 136, 138, 140, 162–170, 178, 182, 192, 204, 210, 211
Днестровско-Дунайские степи, 91, 211
Днестровско-Дунайские земли, 10
Днестровско-Дунайское междуречье, 163, 167, 170, 189
Днестровско-Прутское междуречье, 9, 192
Добруджа, 5, 54, 56, 58, 62, 63, 78, 88, 169, 183, 187, 191, 192
Добруджа Северная, 102, 155
Додешти, г., 178
Дон, р. (Тан, Танаид), 6, 70, 91, 208, 209
Доростол, г. (Драстра, Дристра), 28, 39–48, 52, 58, 61, 63, 64, 176, 177, 180, 182, 183, 185, 190–192; *см. также Силистра*
Драстра, г., 39; *см. также Силистра*
Дристра, г., 46, 48, 52, 88, 102; *см. также Силистра*
Дробета-Турну-Северин, г., 5, 105, 175
Дрогичин, г., 43
Дубок на Дону, г., 70
Дунаец, г., 25; *см. также Киевец, г.*
Дунай, р. (Дану, Данувий, Истр, Туна), 5, 6, 8, 9, 11, 13, 20–32, 37–42, 45, 48, 49, 53–64, 67, 70, 72, 78, 80, 82, 83, 87–92, 94–96, 106, 109–111, 113, 116, 118, 119, 121–124, 129, 141, 150, 155, 162, 164, 167, 169–171, 175, 177–180, 182–184, 186, 187, 190, 191, 193, 195, 202, 204, 208, 209, 211, 213
Дунай Верхний, 5, 25, 62, 175, 176, 180, 181
Дунай Нижний, 5, 7–9, 24, 26–29, 31–33, 39, 45, 46, 51, 54, 56, 60–62, 64, 67, 72–75, 78, 79, 82, 88–92, 94, 96–99, 101, 102, 112, 114, 122–125, 136, 137, 142, 147, 154, 155, 162, 167–169, 171, 175, 178, 180, 183, 184, 190–193, 195
Дунай Средний, 5, 175, 180
Дунайский путь, 183
Дунэря-Веке, р., 87
Дуросторум, г., 49; *см. также Силистра*
Дэнешти, г., 76
Дэни, с., 26

Е

Евпатория, г., 214
Европа, 5, 6, 64, 88, 151, 157, 175, 178, 184, 195
Европа Восточная, 5, 6, 29, 147, 149, 156, 187, 189, 195, 210
Европа Западная, 154, 178
Европа Центральная, 178
Европа Юго-Восточная, 27, 178, 195
Европейская часть СССР, 139
Евфрат, р., 208
Евхания, г., 63
Египет (Миср), 7, 210
Елец, г., 70
Емона, г. (Айман), 203
Енисала, г. (Армукастру, Мирис), 89, 111, 119, 186, 203, 204, 206

Ж

Железные ворота (Джердан), 5, 23, 24, 41, 92, 104, 175, 183, 190
Журиловка, с., 56

З

Загреб, г., 55
Зака, г. (Зана), 163–169, 173
Закавказье, 156
Зана, г. – *см Зака*
Запорожени, с., 56
Звенигород, г., 71, 72, 81, 165, 169, 173
Звенигородская волость, 71
Змеиный о-в (Ахилла о-в, Филоксия), 110, 214
Золотая Орда (Улус Джучи), 6, 7, 91, 92, 94, 189, 210, 211

И

Иавдиертим, фема, 150
Измаил, г., 54, 87
Изяславль, г., 29, 43
Ильмерь, г. 28
Импуцита, древний рукав дельты Дуная (Аспера), 106, 213
Иоаннополь, г., 39; *см также Преслав Великий*
Иртыш, р., 158
Исакча, г. (Сакджа, Новиодунум), 54, 56, 64, 77, 87, 92, 94, 100, 101, 122, 179–181, 183, 187, 189, 191, 193, 208, 209
ал-Искандарийа, г. – *см Александрия*
Испания, 153, 154
Истр, р., 5, 31, 58, 60, 175; *см также Дунай*
Италия (Румийа), 122, 126, 128, 135, 153, 158
ал-Ифранджа – *см Франкское государство*

К

Кавказ, 147
Кадыкьой, с., 55, 56; *см также Преславец Малый*
Казахстан, 149
Каир, г. (Миср), 210
ал-Калат, 167, 204; *см также Галатия*
Каменка, г., 164
Камчия, р. (Дича, Тича, Вичина, Дичина), 88–90, 155
Капидава, г., 56, 64, 179–181, 191, 192; *см также Бунэря*
Карпато-Днестровские земли, 162, 167, 169–171, 174
Карпато-Днестровский регион, 164, 167
Карпаты, 104, 105, 162, 168, 169, 211
Карсиум, г., 26
Карсум, г., 27
Карфаген, г., 112
ал-Карш, г. – *см Керчь*
Каспийское (Джурджанское) море, Каспий, 154, 158
ал-Кафа, г., 208; *см также Каффа*
Каффа, г. (ал-Кафа), 7, 94, 96–98, 106, 126, 128, 129, 131–134, 136, 208; *см также Феодосия*
Кашка-Таг, гора (Лысая гора, Трудная гора), 93, 105, 208, 209
Каяла, р., 62
Кеве (Keve, Keue, Kevee, Ku, Keu, Kuhet, Kuvi), г., 23, 24; *см также Ковин, Кубин*
Келибия, г. (Клипея), 112; *см также Аклибийа*
Керамисиев лагерь, Керамисийское поле, 25
Керасунт, г., 132, 134
Керчь, г. (ал-Карш), 208
Киара, г., 24
Киатра, г., 24
Кивица, гора – *см Киевец, гора*
Киев, г. на Днепре (Кыев), 20–26, 28–30, 32, 33, 37, 41, 44–48, 57, 59–62, 67, 72–74, 77, 82, 90, 91, 94, 95, 151, 157, 177, 182, 183, 191, 192, 194
Киевец, г. в Нижнем Подунавье, 10–11, 20–30, 32, 33, 35, 61, 193, 194
Киевец, гора (Кивица), 21

Киевец, с. близ Минска, 25
Киевец, с. в Тульской обл., 25
Киевец, с. на территории Москвы, 25
Киевец Малый, г., 35
Киево, с. (Киово), 24, 25
Киевцы, г., 25
Кийевичи, г., 25
Кийовец, г., 25
Кила, г., 141
Килийский рукав (Килийское гирло) дельты Дуная (flumen Chili), 87, 104, 109–111, 114, 118, 119, 121–124, 127–129, 213
Килия (Килия Старая), г., 6–8, 10, 24, 99–101, 109–111, 113, 115, 116, 119–121, 123–137, 141, 144, 170, 183, 188, 193
Килия Новая, г., 109, 120, 137
Килия Старая см. Килия, г.,
Кинбурн п-ов, 214
Киово, с. – *см Киево*
Киос, крепость в Нижнем Подунавье (Киус, Циус), 24, 26–29, 33, 36, 37, 193, 194
Киос, г. в Турции – *см Гемлик*
ал-Кирим, г., 207, 210; *см также Солхат*
ал-Кирим, п-ов, 207; *см также Крым*
Киркин, г., 141
Киус, р. (Киум), 27
Кладово, г. (Гладово, Нукастру), 24, 203
Клипея, крепость, 112, 113; *см также Келибия*
Ковилово, с. – *см Ковинов*
Ковин, г. (Кеве), 23, 24, 33, 194
Ковинов (Ковилово), с. 24
Ковинский брод, 23
Кодэшти, г., 76
Конопа, г., 87, 102, 155; *см также Летя*
Константинополь, г. (ал-Кустантина, ал-Кустантинийа, Царьград), 5, 20, 30, 31, 42, 43, 46, 47, 63, 78, 87, 93–95, 100, 109, 110, 112, 114–117, 119, 122, 126, 131–134, 136, 137, 148–150, 154, 156, 157, 182, 183, 191, 193, 202–209, 211
Константинопольская патриархия, 6, 93, 94, 100, 120, 123, 193
Константинопольский пр. (ал-Кустантини пр., ал-Кустантинийа канал), 156, 202, 206–208
Констанца, г. (Констанция), 55, 63, 78, 87, 95, 102, 212
Констанца, уезд, 26
Корочюнов камен, г. – *см Пятра-Нямц*
Краков, г., 163, 167
Крым, п-ов, 23, 42, 114, 137, 210
Крым, г. (ал-Кирим), 210; *см также Солхат*
Крымское море – *см Море ал-Кирим*
Кубин – *см Кеве, Ковин*
Кувла, г., 170
Кумания (ал-Куманийа), 112, 113, 167, 168, 204, 206; *см также Половецкая земля*
Кумкей, г., 116
Кучелмин, г., 73
Куяльник Б., р. и зал., 170
Кыев, г. – *см Киев*
Кынени, г., 24
Кэбешти, г., 76
Кэндешти, г., 178

Л

Ладога, г., 28
Лангобардия, 152
Ланийа, 202; *см также Алания*
Ларисса. г., 139
Летя, о-в, 121
Летя, с. (Конопа), 102
Лигурия, 131
Ликостомо, г. близ Лариссы, 139
Ликостомо, г. в Нижнем Подунавье, 7, 8, 110, 113, 114, 116, 119–129, 170, 183, 188, 193
Ликостомо, рукав дельты Дуная, 123, 124, 126–128, 213; *см также Килийский рукав дельты Дуная*
Логи, г. (Айлугис), 202
Лондон, г., 17, 36

М

Маказунийа, 202, 204, 206; *см также Македония*
Македония (Маказунийа), 25, 206
Мангалия, г., 55
Маниташ, оз., 207; *см также Азовское море*
Масийунус, г., 183, 203; *см также Шумен*
Матраха, г., 79, 202, 205, 206; *см также Тмутаракань*
Маутхаузен, г., 176
Махмудия, г., 87, 144
Мезия, 24
Меотида, 210, *см также Азовское море*
Месемврия, г., 63, 76, 78, 87; *см также Несебр*
Мидье, г. (Айлугис), 202
Мизия, 47
Минск, г., 25
Мирис, г. – *см Алмирис*
Миср, г. и обл., 207, 210; *см также Египет, Каир*
Могилев-Днестровский, г., 78–79,
Могилев-Подольский, г., 164
Молдавия, Молдова, 6, 9, 11, 31, 55, 56, 178, 184
Монголия, 91
Монкастро, г., 126, 128, 132, 135–137; *см также Белгород-Днестровский*
Морава, р (Мурафа), 203
Море ал-Азак, 207, 208; *см также Азовское море*
Море Бунтус, 205; *см также Черное море*
Море ал-Кирим, 207, 208; *см также Черное море*
Море Нитас (ан-Нитаси, Ниташ), 202–205, 207–210; *см также Черное море*
Море ар-Рум, 207; *см также Средиземное море*
Москва, г., 17, 25, 75
Москва-река, 6
Мраморное море, 156, 206
Мстиславец, г., 29
Мстиславль, г., 29
Мулиса, г., 170; *см также Олешье*
Мундрага, крепость, 40
Мурафа, р. – *см Морава*
Мценск, г. (Мченск), 70
Мэчин, г., 54, 64, 87, 181, 189

Н

Несебр (Месемврия), г., 102, 132, 144
Нижнедунайская низменность, 105
Нижнедунайские земли, Нижнедунайский регион, 8, 154, 170
Никополь, г., 132
Никулицел, с., 54, 55, 87
Новгород Великий (Новъгородъ, Нукрат), г., 21, 22, 28, 32, 47, 73, 153, 177
Новгород-Северский, г., 72, 81
Новгородская земля, 22, 157
Новиодунум, 77, 180, 181, 191; *см также Исакча*
Новогрудок, г., 182
Нукастру, г , 203; *см также Кладово*
Нукрат, г., 153, *см также Новгород Великий*
Нуфэру, с. (Прислава), 56, 57, 64, 69, 77, 87, 122, 177, 179–181, 189, 193

О

Облучица, г., 101
Овруч, г., 48
Ока, р., 70
Оксфорд, г., 17, 37
Олешье, г. (Мулиса, Улиски, Элексе), 73, 82, 90, 91, 104, 170, 214
Осетр, г., 70, 71, 81
Османская империя, 64
Отскалана волость, 83
Оцелень, с., 184

П

Палермо, г., 7, 54
Париж, г., 37
Паристрион, фема, 39, 44, 47, 63, 182, 183, 191

Пера, г., 7, 8, 96–98, 106, 125, 126, 128, 129, 131–137, 144
Перемышль, г. (Сармали), 71, 82 163–165, 169
Пересе, 213, 214; *см. также Березань*
Переяслав Хмельницкий, г. (Переяславль Русский), 59
Переяславец, г. в Нижнем Подунавье (Преслав Малый, Преславец, Переслав, Переславец, Преславитца, Прославица, Барасклафиса, Ада Маринеску), 8, 10, 29, 32, 38, 41, 53–65, 67, 176, 177, 180, 188, 193
Переяславль Болгарский, г., 60; *см. также Преслав Великий*
Переяславль Волынский, г., 60
Переяславль Дунайский, г., 60
Переяславль Залесский, г., 59, 60
Переяславль (Южно)Русский, г., 57, 59, 60, 67; *см. также Переяслав Хмельницкий*
Переяславль Рязанский, г., 60
Периправа, г., 56, 114, 121
Пешт, г., 176
Пиза, г., 95, 126
Пиренейский п-ов, 158
Плиска, г., 40, 56, 58, 183
Поволжье, 112
Поднепровье, 87, 165
Поднепровье Среднее, 25, 30
Поднестровье, 163, 165, 166, 191
Подунавье, 5, 6, 8, 9, 20, 21, 23–26, 29, 30, 48, 70, 82, 89, 175, 178, 180, 189, 190, 193
Подунавье Верхнее, 176, 178, 181, 190
Подунавье Нижнее 5–10, 13, 16, 17, 26–28, 32, 33, 39, 40, 43–45, 47, 48, 51, 53–56, 60–64, 70, 72, 79, 87–89, 91–98, 100, 101, 104, 110, 112–115, 117–119, 122–125, 128, 132, 133, 135, 141, 154, 155, 162, 163, 170, 171, 177, 178, 180–183, 186, 188–195, 206
Подунавье Среднее, 124, 176, 179, 181, 190
Половецкая земля, Половецкая степь (Кумаиия), 112, 163, 167, 206
Полоцк, г. (Полътескъ), 28, 182
Польша, 62, 71, 163, 166–168, 181, 203
Понт (ал-Бунтим), 204, 206
Понт (море Бунтус), 93, 116, 118, 205; *см. также Черное море*
Понта де Брако, мыс (Ponta de Braco), 213, 214
Посемье, 74
Почайна, р. (Пучайна), 22
Преслав, г., 29, 48, 55, 56, 59–61, 63, 183; *см. также Преслав Великий*
Преслав Великий, г. (Преслав, Преслава, Переяслав Болгарский, Иоаннополь, Эски-Стамбул), 39–41, 47, 56–62, 66, 69, 177, 193
Преслав Малый, г., 53, 54, 57–66; *см. также Переяславец*
Преслава, г., 55; *см. также Преслав Великий*
Преславец, г., 53, 54, 56, 57, 60, 69, 89, 90, 169, 203; *см. также Переяславец*
Преславец Малый, с. (Кадыкьой), 55, 56
Преславитца (Proslaviza, Proslavica, Proslauisa, Proslauiza, Proslauia, Preslaui, Proslauisa), г., 54, 63, 69, 190; *см. также Переяславец*
Приазовье Восточное, 152
Приднестровье, 164
Придунавье, 70, 192, 194
Прикаспье Южное, 156
Прилеп, г., 25
Припять, р., 166
Прислава, с. (Крислав, Преслав, Присла, Прислав), 56, 57, 177, 193; *см. также Нуфэру*
Причерноморье, 95, 97, 99, 114, 168, 188
Причерноморье Западное, 120, 132, 133, 144
Причерноморье Северное, 7, 95, 112, 119, 153, 189

Причерноморье Северо-Западное, 7, 98, 110, 130, 136–138, 163
Провадия, р. (Варна), 102
Продана, с., 76
Пронск, г., 70
Прославица, г., 54–57, 64; *см. также Переяславец*
Прут, р., 5, 48, 76, 79, 164, 168, 169, 178, 182, 192
Пултеск, городок, 81
Пьемонт, 131
Пьяченца, г., 129, 135
Пэкуюл-луй-Соаре, о-в, 9, 40, 48, 54, 56, 64, 77, 87, 99, 179–181, 183, 189, 191
Пятра-Нямц, г. (Камень), 169, 173, 178

Р

Разград, г. (Агризинус), 203
Разельм, оз., 89, 186, 206
Ракошпалота, 179
Ратислаб, г. – *см. Вроцлав*
Раффельштеттен, г., 176
Регенсбург, г., 176, 179
Рим, г. (Румийа), 157
Римская империя, 27
Родня, г., 43
Романов торг, г., 49
Россия, 24, 43, 188
Ростов Великий, г. (Ростовъ), 28
ар-Рум, 147, 149, 158; *см. также Византийская империя*
ар-Руманийа (Джурманийа), 202, 206
Румийа, 147, 148, 156, 158; *см. также Италия, Рим*
Румийское море – *см. Средиземное море*
Румыния, 5, 9, 11, 17, 26, 33, 39, 55, 69, 72, 102, 175, 186, 193–195
Русе, г., 25, 33, 56, 194
Русийа, р., 204
"Русов о-в", 62, 156
Русь (Русская земля, Росия, Руссия, ар-Русийа), 5–10, 24, 25, 27–29, 32, 39–48, 58–64, 70–74, 76–79, 84, 85, 94, 135, 147, 150, 155, 162, 166–171, 173, 175–178, 180–184, 187–192, 194, 195, 202, 204
Русь Галицкая, – *см. Галицкое кн-во*
Русь Галицко-Волынская, 22, 162, 169, 191, 192
Русь Древняя, Древнерусское государство, 5–10, 12, 17, 24, 62, 70, 147, 154, 155, 171, 175, 178, 181, 182, 184, 188–193, 195
Русь Киевская, 22, 70
Русь Северная, 47
Русь Северо-Восточная, 60
Русь Юго-Западная, 163, 164, 166, 170, 203
Рязань, г. (Резань), 70

С

Сава, р., 25
Сакакаты, крепость, 164
Сакджа, г., 92–94, 100, 101, 189, 208–211; *см. также Исакча*
Саклахи, г., 169, 170
Саков, г., 165, 166
Салерно, г., 151
Салина, рукав дельты Дуная, 95, 123, 213; *см. также Сулинский рукав дельты Дуная*
Салине де Кирсона, оз., 213, 214
Сан, р., 165
Сандомирская земля (Судумара), 163
Санкт-Петербург, г., 17, 21, 34
Санок, г., 165
Саркел, г. (Белая Вежа), 43
Сармали, г., 163, 165–169; *см. также Перемышль*
Сармисийа, г., 204
Сару-Карман, г., 208, 210; *см. также Херсонес*
Св. Георгия рукав, 95, 123, 144, 177, 212, 213; *см. также Георгиевский рукав дельты Дуная*
Свищов, г. (Субаст Кастру), 182, 203
Селина, р., 87, 155; *см. также Салина, Сулинский рукав дельты Дуная*
Селунь, г. – *см. Фессалоники*

Семиречье, 158
Сербия, 5, 11, 17, 23, 25, 92, 175, 179, 186
Сербия Восточная, 24
Сердика, г. – *см София*
Сибирь, 139
Силистра, г. (Дерестр, Доростол, Диристра, Драстра, Дристра, Дуросторум, Феодорополь), 24, 39, 40, 48, 49, 52, 54–56, 63, 64, 87, 88, 102, 177, 179–183, 186, 189, 192, 203
Силистринский санджак, 40
Симиссо, г., 132, 134, 144
Синое, оз., 106, 213
Синоп, г. (Аструбули, Синуб), 202, 205, 208
Синуб, г., 208; *см также Синоп*
Синубули, г., 205; *см также Синоп*
Сирет, р., 48, 72, 76 91, 164, 168, 169
Сирия, 211
Сирмий, г. – *см Сремска Митровица*
Сицилия, о-в, 7, 54, 204
Склавония, 91
Славенск, г., 32
Славийа, 156
Смоленск, г., 71, 81, 165
Созопол, г. (Сузубули), 132, 144, 203
Солдайя, г., 94; *см. также Судак*
Солхат, г., (ал-Кирим, Крым) 210
Сомова, г., 87
Сорога (Сарога), р., 22
София, г. (Сердика), 45, 52
Спиноаса, с., 178
Средиземное море, Средиземноморье (Румийское море, море ар-Рум), 55, 99, 115, 132, 136, 154, 207
Срем, г. – *см Сремска Митровица*
Сремска Митровица, г., (Сирмий, Срем) 25
Стенон, пр., 118; *см также Босфор*
Стравико, древний рукав дельты, Дуная 55
Субаст Кастру, г., 203; *см. также Свищов*
Судак, г. (Солдайя, Султатийа, Сурож), 23, 94, 112, 208
Судумара – *см Сандомирская земля*
Суздаль, г., 73, 81
Сузубули, г., 202; *см также Созопол*
Сулинский рукав (Сулинское гирло) дельты Дуная (Салина, Селина), 63, 87, 102, 106, 109, 213
Султатийа, г., 112; *см также Судак*
Сурож, г., 23; *см также Судак*
Сухуми, г., 207
Сучава, г., 78, 169, 170
Сыр-Дарья, р. 158

Т

Тавроскифия, 115–118
ат-Таман, г., 207, 208; *см. также Тамань*
Таманский п-ов, 79
Тамань (ат-Таман), г., 207
Таматарха, г. – *см Тмутаракань*
Тан, р., 208; *см также Дон*
Тана, г., 136
Танаид, р., 91; *см также Дон*
Тарент, г., 151
Тармисия, г., 89
Текуч(ий), г., 76–78
Тендровская коса, 214
Теребовль, г., 82, 165
Тигр, р., 208
Тирасполь, г., 165
Тиса, р., 25
Тича, р. – *см. Дича*
Тмутараканское кн-во, 79
Тмутаракань, г. (Матраха, Таматарха), 45, 79, 85, 110, 112, 115, 202, 204
Тоскана, 131
Трапезунд, г. (Атрабзунда), 131, 132, 134, 136, 202, 204, 205, 208
Трезмис, г., 26
Троя, г., 99
Трубеж, р., 59, 60, 67
Тула, г., 70
Тулча, г., 54–56, 64, 87, 177, 179–181, 187, 189

Тульская обл., 25
Туна, р , 92, 93, 208, 209; *см также Дунай*
Тунис, 112, 113
Тунисский пр., 112
Туркия, 150
Турлу, р., 210; *см также Днестр*
Турну-Северин, г – *см Дробета-Турну-Северин*
Туров, г., 166
Туррис, г., 31
Турция, 28
Тутракан, г., 55
Тырново, г. (Велико-Тырново), 48, 141
Тырновское кн-во, 92

У

Украина, 59
Украина Южная, 79
Улиски, г., 170; *см также Олешье*
Улус Джучи – *см Золотая Орда*
Ульм, г , 179
Ункарийа, 160; *см также Венгрия*
Ушица, г., 73

Ф

Феодорополь, г., 39, 63; *см также Силистра*
Феодосия, г. (ал-Кафа, Каффа), 208, 210
Фессалоники, г. (Селунь), 25, 63, 74
Филоксия, о-в, 213, 214; *см также Змеиный о-в*
Фильс, р., 178
Фракия, 31, 149, 155
Франкское государство (ал-Ифранджа), 148, 149, 158

Х

Хазария (ал-Хазарийа), Хазарское государство, 156, 167, 173, 202, 204, 205
Хама, р., 210, 211
Харавои, фема, 150
Хараклийа, г и обл., 167, 202, 204; *см также Гераклея Понтийская, Эрегли*
Хелис, г., 110
Херсонес, г. (Сару-Карман), 42, 63, 208, 210
Хили, г. в Вифинии, 116–118
Хили, г. в Нижнем Подунавье, 115–119, 121
Хисарлык, 26
Хлинча, с. – *см Глинча*
Хорватия, 25, 55
Хоривица, гора, 21
Хырсово, г., 26, 55, 78

Ц

Цар Крум, с., 56
Царьград, г., 20, 22, 28–30, 58, 84, 155, 157; *см также Константинополь*

Ч

Черн, г., 49
Черна вода, Чернаводэ, г. (Аксиополь), 55, 64, 85, 87, 179–181, 189
Чернигов, г., 73, 74, 182
Черное море (море Бунтус, море ал-Кирим, море Нитас, Понт), 5, 7, 24, 32, 41, 42, 48, 54, 55, 93–95, 98, 101, 106, 109, 110, 112, 115–120, 122, 128, 130–132, 147, 167, 168, 170, 173, 175, 178, 182, 183, 189, 191, 204, 205, 207, 208, 212, 213
Чехия, 62, 177, 181
Чобану. с., 26
Чут, с., 179

Ш

аш-Шакрак, г , 207
Шварцвальд, горы, 5, 175
Швеция, 43
Шумен, г. (Масийунус), 47, 48, 183, 191, 192, 203

Щ

Щековица, гора, 21

Э

Эгейское море, 208
Элексе, г., 213, 214, *см также Олешье*

Эмилия-Романья, 131
Энисала – *см Енисала*
Энс, г , 176, 179
Эрегли, г (Гераклея Понтийская), 205, *см также Хараклийа*
Эски-Бырлат, с (Бырлат Старый), 78, 85
Эски-кале, урочище, 92, 122
Эски-Сарай, 26, 56, *см также Гырличи*
Эски-Стамбул, г , 56, *см также Преслав Великий*
Эстергом, г , 176, 179, 180, 185
Эстония, 43

Ю

Юрьев, г , 29
Юрьевец, г., 29

Я

Ялта, г (Джалита), 112
Ямполь, г , 164
Ярославец, г , 29
Ярославль, г , 29
Яссы, г., 55

Содержание

Введение 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ЛЕТОПИСНЫЕ ДУНАЙСКИЕ ГРАДЫ 18

Глава 1. Легендарный град Киевец 20
Глава 2. Средневековый Доростол и Русь 39
Глава 3. "Хочю жити в Переяславци на Дунаи" 53
Глава 4. Летописная Берладь 70
Глава 5. Многоликий Дичин 87
Глава 6. Торговый город Килия 109

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СВЯЗИ ДРЕВНЕЙ РУСИ С НИЖНИМ ПОДУНАВЬЕМ 145

Глава 7. Русь и печенеги на Нижнем Дунае 147
Глава 8. О древнерусском влиянии на Нижнем Дунае в XII веке 162
Глава 9. Древнерусские купцы в Подунавье 175

Заключение 188
Summary 196
ПРИЛОЖЕНИЕ 202

Ал-Идриси. Нузхат ал-муштак фи-хтирак ал-афак (Развлечение истомленного в странствии по областям) 202
Абу-л-Фида. Таквим ал-булдан (Упорядочение стран) 207
Il Compasso da Navigare (Итальянская лоция Черного моря) 212

Список сокращений 215
Библиография 219
Указатель имен 247
Указатель географических названий 259

Contents

Introduction 5

PART ONE

DANUBIAN TOWNS OF OLD RUSSIAN CHRONICLES 18

Chapter 1. Legendary grad Kievetz 20

Chapter 2. Medieval Dorostol and Rus' 39

Chapter 3. "I want to settle in Pereyaslavetz upon the Danube" 53

Chapter 4. Berlad' of ancient russian chronicles 70

Chapter 5. Many names of medieval Dichin 87

Chapter 6. Merchants' city Kilia 109

PART TWO

RELATIONS OF OLD RUS' WITH THE LOWER DANUBE REGION 145

Chapter 7. Rus' and pechenegs on the Lower Danube 147

Chapter 8. About Russian influence in the Lower Danube region in the 12th century 162

Chapter 9. Rus merchants in the Danubian region 175

Conclusion 188

Summary 196

ADDENDA 202

Al-Idrisi. Kitab Nuzhat al-mushtak fi-ihtirak al-afak (The Delight of Him Who Desires to Traverse the Regions of the World) 202

Abu-l-Fida. Takwim al-buldan (Distribution of lands) 207

Il Compasso da Navigare (Italian portolano of the End of the XIIIth Century 212

List of Abbreviations 215

Bibliography 219

Index of personal names 247

Index of geographical names 259